

Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ»

РАДИКА ДЕСАИ

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ:**

**ПОСЛЕ
АМЕРИКАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ,
ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И ИМПЕРИИ**

Монография

Перевод с английского языка

**Научный редактор
С.Д. Бодрунов**

**Москва
2020**

УДК 327.2 (075.8)
ББК 66.4(0), 03я73-1
Д37

***Geopolitical Economy:
After US Hegemony, Glozalization and Empire.***

Copyright © Radhika Desai, 2013, 2020.
First published by Pluto Press, London.
www.plutobooks.com

Радика Десаи

Д37

Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: Монография / Радика Десаи; науч. ред. российско-го издания С.Д. Бодрунов. — М. : ИНИР им. С.Ю. Витте : Центркаталог, 2020. — 328 с. — (серия «Современная экономическая мысль»).

Книга представляет оригинальный взгляд на современную мировую экономику с точки зрения метода политической экономии, дополненного анализом географической составляющей мирохозяйственных отношений.

Автор подвергает серьезной критике широко распространенные представления, согласно которым роль национальных государств ослабевает по мере развития глобализации. Она отвергает также тезис о глобальном доминировании экономики США — не только сейчас, но и когда-либо в прошлом. В книге развивается концепция «смешанного неравномерного развития», демонстрирующая, как противоречия капиталистического мирового хозяйства приводят к недостижимости мировой гегемонии даже крупнейших держав и одновременно вызывают ускоренное развитие тех или иных стран. Особое внимание в книге уделено проблемам доллара как мировой валюты и попыткам США ориентировать мировые потоки капитала таким образом, чтобы поддержать эту роль доллара. Автор приходит к выводу, что дальнейшая судьба доллара теперь зависит от обстоятельств, которые США уже не могут контролировать.

Книга будет интересна не только экономистам, политологам, эконом-географам, специалистам по международным отношениям, но также и студентам соответствующих специальностей.

УДК 327.2 (075.8)
ББК 66.4(0), 03я73-1

ISBN 978-5-00020-067-4 (ИНИР им. С.Ю.Витте)
ISBN 978-5-903268-38-2 (Центркаталог)

© ИНИР им. С.Ю. Витте, 2020:
перевод, верстка, дизайн
обложки

□ Вряд ли вы найдете лучшее описание новейшей истории мировой экономики. Писать о ней — дело неблагодарное, но тем приятнее развенчивать один миф за другим — о неизбежности неолиберализма или об экономической истории в отрыве от истории государства в рамках неоклассических абстрактных рассуждений. История государства и классовой борьбы продолжится, как тому и следует быть, утверждает профессор Десаи.

Джефф Мадрик, редактор журнала Challenge

□ Книга Радика Десаи напрочь разбивает старые представления, характерные для международной политэкономии традиционного толка. Когда мировая экономика рухнет у нас на глазах, это дает ученым свежие, убедительные и несокрушимые доказательства провалившихся усилий США по установлению своего мирового доминирования.

*Профессор Илен Грейбел,
Школа международных исследований Йозефа Корбела
при Университете Денвера (США)*

□ Эта впечатляющая книга настойчиво ставит под сомнение традиционные идеи как правых, так и левых о гегемонии США, глобализации и «новой американской империи». Профессор Десаи обращает нас то к Марксу и Энгельсу, то к Кейнсу, Поланьи и Бреннеру, предлагая нашему вниманию связное повествование об истории капитализма и его перспективах. Оказывается, институт национального государства не ослабевает. Это великолепный образец фундаментального научного исследования.

*Мэл Уоткинс, почетный профессор экономики и политологии,
Университет Торонто*

□ Это свежая и прорывная книга. Десаи не только констатирует конец целой эпохи в мировой политэкономии, но и предлагает нам вдохновляющую концепцию для понимания наступающего периода многополярности, который будет многообещающим, если только мы осознаем его основные особенности. Всеобъемлющая по охвату «Геополитическая экономия», опираясь на богатые научные традиции, предлагает новый взгляд на политэкономия, в котором с глобальным вектором капитализма соседствует то, что автор называет фундаментальной ценностью национального государства. Книга должна оказать значительное влияние на научную мысль, и я рекомендую ее всем, кто заинтересован в понимании изменяющихся политических, экономических и социальных контуров нашего мира.

*Рэндалл Жермен, профессор политологии,
Карлтонский университет (Канада)*

□ Это смелая и образная книга. В то время как многие рассматривают США в качестве ведущей империалистической державы, укрепляющей свои позиции на фоне проблем Европы и Японии, Радика Десаи видит прямо противоположную тенденцию — ослабление гегемонии США и проявление многополярности. В то время как неопределенность судьбы евро заставляет многих считать американский доллар укрепляющейся валютой и предпочтительным средством сбережения богатств, Десаи усматривает тенденцию ослабления гегемонии доллара. В то время как многие, включая видных представителей левого фланга, рассматривают «глобализацию» как необратимый процесс, Десаи настаивает на необходимости перезагрузить развитие, направленное на укрепление роли национального государства. И свою точку зрения она подкрепляет историческим анализом, которому присущи размах и точность одновременно. Вы можете соглашаться с автором или не соглашаться, но это очень вдохновляющий труд.

Прахат Патнаик, почетный профессор, Факультет экономических исследований и планирования, Университет Джавахарлала Неру, экс-председатель Комиссии по планированию штата Керала, член рабочей группы ООН по реформированию мировой финансовой системы

□ Глубокая оценка сложных взаимосвязей между гегемонией США и транс-национальным движением капитала. Строго придерживаясь давней традиции исторического материалистического анализа империализма, Десаи открывает в ней новые возможности, продвигаясь вперед в своих проницательных теоретических разработках на эту тему, критически препарируя теории, на протяжении длительного времени предполагавшие, будто конкуренция между государствами в прошлом.

Кейс ван дер Пейл, почетный профессор, Факультет международных отношений Сассекского университета

□ Книга Радика Десаи подвергает сомнению ряд широко принятых идей. Первая из них — идея о том, что гегемония одной нации обеспечивает стабильность всей мировой экономики. Вторая — будто на протяжении второй половины двадцатого века США, действительно, являлись гегемоном в подлинном смысле этого слова. Третья гласит, что глобализация, поощряемая финансовым сектором, транснациональными корпорациями и зависимыми от них странами, была исключительно экономическим феноменом и проходила на фоне заката национальных государств. Свои доводы автор подкрепляет подробным анализом «биографии» американского доллара как валюты-гегемона, показывая всю шаткость этой предполагаемой гегемонии. При этом она использует марксистское понятие смешанного неравномерного развития в качестве стратегического инструмента. Даже будучи несогласным с некоторыми аргументами, любой, кто хотел бы понимать сегодняшний многополярный, состязательный капитализм, должен прочитать эту книгу. Я полностью уверен в том, что любому студенту, изучающему мировую экономику и политику, будет очень полезно познакомиться с этой выдающейся монографией.

Амия Кумар Багчи, директор-основатель Центра изучения социальных наук (Калькутта) и экс-профессор Резервного банка в Центре изучения социальных наук (Калькутта)

□ Это своевременная работа. Радика Десаи предлагает критический и образный анализ того, что она так метко назвала геополитической экономией капитализма. Книга подойдет и в качестве учебного пособия по международной политике для студентов и аспирантов, и как захватывающий бестселлер для широкой аудитории.

Мамото Ито, почетный профессор Токийского университета

□ Радика Десаи предлагает свой критический взгляд на ряд центральных проблем современного мира. Ее основная идея заключается в том, что длительный период реального или неудавшегося доминирования одной державы фактически подошел к концу, по крайней мере, на какое-то время, и это влечет за собой важные последствия с точки зрения траектории «смешанного неравномерного развития» мирового капитализма. Книга вас убедит и захватит, заставит размышлять о многих рассматриваемых в ней проблемах, побудит к их дальнейшему обсуждению. Ее обязательно должен прочитать любой, кто хотел бы разобраться в стремительно меняющейся мировой конъюнктуре.

Джаянти Гхош, профессор Центра экономических исследований и планирования, Университет Джавахарлала Неру, исполнительный секретарь международной сети ученых-экономистов International Development Economics Associates (IDEAS)

□ «Геополитическая экономия» скрупулезно опровергает такие модные концепции, как гегемония США, глобализация и империя, с помощью внушительного набора фактов, свидетельствующих об обратном. Десаи показывает, что США, по сути, никогда не были гегемоном, что государства были и остаются центральными субъектами капитализма, и что на цели и результаты проводимой политики в значительной степени влияют кризисные тенденции, внутренне обусловленные капитализмом. Она делает актуальной идею эволюции глобальной политической экономики в русле нового прочтения теории смешанного неравномерного развития. В высшей степени рекомендую.

Эндрю Клайман, профессор экономики, Университет Пейс, автор книги «Провал капиталистического производства» (издательство Pluto Press, 2011)

□ Блестящая книга Радика Десаи «Геополитическая экономия» является значимой работой по глобальной политической экономике. В этом труде изящно сплетается критический взгляд на историю американского доллара, разгромная критика теории глобальной гегемонии и переосмысление марксистских и кейнсианских идей о глобальном экономическом кризисе. Тот, кто стремится понять будущее глобальной экономики, найдет мудрость и даже утешение в этой блестящей работе.

Гари Дымски, профессор экономики, Бизнес-школа Университета Лидса и Калифорнийский университет, Риверсайд

Благодарности

Написание книг обычно влечет за собой множество обязательств по отношению к другим людям, а путь от возникновения замысла до его окончательной реализации тем более невозможно пройти без постороннего участия.

Научные исследования во многом похожи на работу детектива. Приходится рыскать по библиотекам, терпеливо штудировать книги и статьи в поисках зацепок. В ходе этого поиска случайный совет, полученный из надежного источника, который обычно очевиден для представителей тех направлений науки, с которыми вы не знакомы, может сэкономить вам большое количество времени и усилий. Важные указания и рекомендации я получила от Алена Алькуффа, Роберта Берннера, Роберта Черномаса, Виктории Чик, Дональда Коффина, Томаса Фергюсона, Джаяти Гхош, Генри Хеллера, Боба МакКи, Роберта Уэйда и Пола Зарембки.

В Виннипеге я являюсь участником двух замечательных интеллектуальных сообществ. Флетчер Бараджер, Роберт Черномас, Ян Хадсон, Марк Габберт, Джули Гард, Джон Локсли, Ардешир Сепери, Джон Серьё и Сет Уиджерсон — мои постоянные собеседники и соучастники многих тем и замыслов. Уэйн и Кэрол Чома, Линда Кристиан, Иланг Фенг, Боб Гоуэнлок, Генри Хеллер, Кен Кальтруник, Бен Класс, Соскэ Моримото, Карен Нейлор и Зак Сэлтис из Виннипегской группы Марксистских чтений еженедельно обеспечивали мне интеллектуальную поддержку в последний год работы над книгой.

Большая часть черновиков этой книги была написана в Лондоне, во время длительного пребывания, семинаров и конференций в Школе восточных и африканских исследований (SOAS), Лондонской школе экономики (LSE), Университетском колледже Лондона (UCL), а сопутствующие диалоги и дискуссии укрепили меня в моих идеях, как и многие другие конференции, ко-

торые я посетила, включая ежегодные конференции Ассоциации неортодоксальной экономики, Исторического материализма и Всемирной ассоциации политической экономии. В интернациональный круг собеседников, общению с которыми я обязана этим и другим сообществам, вошли покойный Джованни Арриги, Амия Багчи, Хасан Бакши, Риккардо Беллофиоре, Майкл Бри, Стефан Булла, Виктория Чик, Питер Фляйснер, покойный Крис Фриман, покойный Питер Гоуан, Макото Ито, Эндрю Климан, Дэвид Котц, Костас Лапавицас, Ронен Палан, Костас Панайотакис, Прабхат Патнаик, Утса Патнаик, Майкл Перельман, Карлота Перес, Кейс ван дер Пейл, Корнелиус Ренкль, Джон Росс, Дитмар Ротермунд, Дэвид Швейкарт, Роберт Уэйд, Джулиан Уэллс и Джуд Вудворд.

Федеральный резервный банк Сент-Луиса предоставил полный электронный доступ к экономическим докладам президента, что облегчило использование этих обширных текстов. Неоценимую помощь оказали колоссальные и эффективные ресурсы Британской библиотеки в те периоды, когда я длительно находилась в Лондоне, не имея доступа к лучшей части собственной библиотеки. Очень облегчили мою работу библиотека и библиотекари из Университета Манитобы: в частности, Кэрол Будник и Мэвис Грей обнаружили очень интересную информацию о том, что до 1999 г. предметный указатель «глобализация» отсутствовал в каталоге Библиотеки Конгресса.

Хочу поблагодарить двух анонимных рецензентов, которые внимательно прочитали текст и дали много важных рекомендаций по улучшению аргументации и ясности изложения, и при этом проявили активную поддержку. Марк Селден сделал множество полезных комментариев по поводу данного проекта. Кейс ван дер Пейл неизменно поощрял данный проект и после тщательного прочтения ранней редакции дал рекомендации по изменению последовательности изложения материала, которые помогли значительно улучшить структуру книги. Генри Хеллер прочитал более поздний вариант и высказал свои критические комментарии. Бен Класс прочитал многие главы редакции, предшествовавшей окончательной версии, и помог убрать опечатки, грамматические, стилистические ошибки и неясные формулировки, благодаря чему текст стал намного более удобным для прочтения. Фонд исследования проблем глобальной политэкономии своевременно предоставил крупную сумму денег, чтобы помочь подготовить рукопись к публикации, а благодаря Иланг Фенг многие детали были скрупулезно и эффективно улажены. Наконец, высокоточная работа Виктории Чик над многими главами предпоследней версии текста позволила улучшить содержание книги, формулировки и само изложение. Разумеется, я несу ответственность за все остающиеся в книге недостатки.

Характерное сочетание скептицизма и энтузиазма, присущее Роджеру ван Цваненбергу, — это именно то, что каждому писателю должно нравиться в своем издателе. Дэвид Шульман, который продолжил работу, начатую Роджером, и довел ее до конца, внимательно прочитал машинописную рукопись и дал много ценных предложений по ее улучшению. Сьюзен Дайан Брофи предоставила грамотную и эффективную помощь по выпуску серийного из-

дания в прошлом году. Выражаю также благодарность Сьюзен Каррен за отличную издательскую подготовку рукописи.

Наконец, я перехожу к трем очень личным благодарностям. Гвидо, принц среди собак, наблюдал за написанием этой книги от начала и до конца. Вспоминая, как я ее писала, всегда представляю его массивную фигуру с блестящей шерстью, свернувшуюся клубком рядом с моим стулом, его прямой взгляд, громкие вздохи и теплые объятия. Он заставлял меня вовремя делать перерывы на отдых, отправляться побросать ему палочки в Темзу или покататься у замерзшей горы Ассинибойн и подышать свежим арктическим воздухом. По мере того как я писала все больше и больше слов, таинственным образом Гвидо намекал мне на их излишество в этом богатом и захватывающем мире, давая поводы остановиться и задуматься.

Эта книга была бы невозможна без любви и поддержки Алана Фримана. Каждый раз, когда моей писательской работы становилось критически много, он взваливал на себя груз домашних хлопот. Но он также проявлял неподдельный интерес к процессу написания, который я ценю. Не могу сказать, что он в целом ускорил процесс написания работы, но писать, благодаря его интеллектуальному участию и нашим нередко горячим дискуссиям и спорам, стало гораздо интереснее, как, надеюсь, будет и читать. Он внимательно прочитал всю рукопись и внес свои коррективы, значительно улучшив ее.

Посвящаю книгу моей покойной бабушке, которая меня воспитывала. Она всегда жива в моих лучших побуждениях, открытиях и исследованиях. Она выросла в деревне и имела всего шесть классов образования. Однако ее влияние на мою научную деятельность намного больше, чем вы можете себе представить. Здесь я хочу упомянуть о двух вещах. Некоторые из моих самых ранних воспоминаний связаны с тем, что она читала мне перед сном истории из «Махабхараты». Спустя годы я осознала, что именно это помогло мне понять, что такое интересная история. Хотя многое в ней невозможно объяснить, я все же поняла: хорошая история должна содержать в себе то, что позволяет ей двигаться, и подталкивает к выводам. Если в конечном счете хороший научный труд — это хорошая история, то мне хочется думать, что дух повествования, который я усвоила из бабушкиных историй, помогает сейчас придавать моей работе больше цельности и убедительности. Бабушка обладала глубоким чувством справедливости. В профессиональной семье, членом которой она стала, выйдя замуж, оно сделало ее образцом либеральных ценностей. Она никогда не выходила за пределы дозволенного ей, но я была свидетелем того, как она смело высказывала свое мнение, когда другие, наделенные властью, превышали полномочия. Поэтому, если рассказанная здесь история получит хорошую оценку, а изложенные в ней взгляды приобретут широкий резонанс, то значительная заслуга в этом будет принадлежать ей.

Радика Десаи

Лондон

14 июля 2012 г.

Предисловие научного редактора к русскому изданию

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается перевод на русский язык книги Радика Десаи «Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи» (*Radhika Desai. Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire. London: Pluto Press, 2013*). Автор книги — профессор университета Манитоба (Канада), известная своими исследованиями в области мирохозяйственных отношений, основанными на использовании методологии и теоретического багажа классической политической экономии и потому лежащими за пределами того, что называют мейнстримом (основное течение) экономической теории. Такой методологический подход определяет критическое отношение автора к широко распространенным взглядам на процесс экономической глобализации.

В частности, Радика Десаи отвергает попытки протащить под флагом «глобализации» старую неолиберальную идею о том, что государство должно минимизировать свои экономические функции: якобы глобализация доказывает некую «слабость» государства перед лицом «объективных» экономических процессов. На самом деле те реальные процессы, которые можно связать с термином «глобализация», показали, что углубление международных экономических взаимосвязей носит противоречивый характер и в современных условиях и в геополитэкономических процессах государство играет существенную роль. Недаром же все попытки глобального экономического доминирования, так или иначе, опираются на возможности одних государств оказывать давление на других и возможности этих последних оказывать сопротивление давлению.

Вопросы трактовки развития современных мирохозяйственных отношений имеют далеко не только теоретический интерес. От той или иной позиции в этих вопросах зависит реальная экономическая политика государств и стратегия поведения бизнеса на мировом рынке. Геополитэкономия, как раздел политической экономии, трактующий вопросы экономического взаимодействия государств и народов, самым тесным образом связана с геополитикой. От того, как выстроено экономическое сотрудничество (или экономическое доминирование) на международной арене, непосредственно зависит и международный политический климат. Верно и обратное — политические решения на международном уровне прямо и непосредственно влияют на характер экономических связей между народами.

Совокупность этих отношений претерпевает сложную историческую эволюцию, что является предметом специального исследования в книге. Одним из важнейших факторов, влияющих на эту эволюцию, как и на экономическое устройство общества вообще, да и на облик человеческой цивилизации в целом, является развитие материальных условий общественного производства. На протяжении последних столетий эти условия характеризовались главным образом развитием материального производства индустриального типа. И именно индустриальная революция, которая означала, с одной стороны, переход к массовому стандартизированному производству, а с другой — существенное углубление разделения труда, потребовала такого расширения рынков сбыта и географии источников снабжения, что это привело к формированию мирового рынка. Развертывание же индустриализации в странах полупериферии привело к весьма глубоким изменениям во всей системе мировых социально-экономических отношений и геополитических процессах. Более того, эти феномены стали основой процессов реиндустриализации в странах «ядра».

Современные тенденции в развитии производительных сил подводят нас к не менее глубоким сдвигам в жизни человеческой цивилизации. Наше общество по-прежнему опирается на материальное индустриальное производство, но сегодня — это производство нового типа. Оно характеризуется превращением технологического применения науки в непосредственную производительную силу. А это означает, что современное производство — это знаниеинтенсивное материальное производство, и его продукт, соответственно, обладает высокой знаниеемкостью. Само производство от этого не перестало быть ни материальным, ни индустриальным, но в структуре его продукта преобладающий удельный вес стали занимать не материальные ресурсы, а ресурсы человеческого знания. Новейшие тенденции технологического развития, переход к шестому технологическому укладу, основанному на конвергенции высоких технологий (NBIC-конвергенция), делают эту перспективу вполне осязаемой.

Таким образом, речь идет о переходе общества на новую фазу своего развития — она может быть охарактеризована как новое индустриальное общество второго поколения, НИО.2 (термин предложен автором данного предисловия [Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: переза-

грузка. Изд. 2-е, доп. М.; СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 2016. 328 с.] Этот переход связан с исчерпанием возможностей предшествующей фазы развития, равно как и иллюзий перехода к «постиндустриальному обществу», к «новой экономике», характеризующейся бескризисным развитием, и т.п. (см., например: [Белл. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999; Сакайя. Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999; Кастельс. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000]). Столкновение с реальными проблемами заявило о себе через феномен «новой нормальности» — замедление инвестиций и темпов роста экономики, стагнация реальных доходов, возросшую волатильность рынков и падение эффективности прежних методов регулирования экономики. Одновременно рождающиеся на наших глазах новые технологические возможности резко увеличивают риски развития цивилизации по неблагоприятным сценариям. Речь идет об использовании потенциала новейших технологий для безудержного раздувания потребностей, во многом носящих симулятивный характер. Такая погоня за наращиванием объемов сбыта чего угодно любой ценой способна завести цивилизацию в тупик, перейдя грань ресурсной нагрузки на природную среду. Та же самая погоня за удовлетворением любых потребностей, в том числе иррациональных, фальшивых, иллюзорных, уже создает риски бездумного вмешательства в природу самого человека, влекущую утрату им своей человеческой сущности.

Если прежний промышленный капитализм, также не гнушавшийся навязыванием симулятивных потребностей ради расширения сбыта, все же сохранял некоторую взаимозависимость между производителем и потребителем, то современный финансовый капитал мерит свои успехи исключительно ростом капитализации на финансовом рынке, и ему абсолютно безразлично, за счет чего этот результат достигается. Гиперразвитие финансового капитала сделало финансовый рынок едва ли не главным регулятором всех хозяйственных процессов, что — парадокс — превратило чисто спекулятивные операции в барометр экономики. А такая ситуация чревата тем, что экономическое развитие будет определяться ложными и глубоко искаженными сигналами финансового рынка.

В области мирохозяйственных отношений прослеживаются попытки удерживать сложившуюся ранее сегментацию мировой экономики на «ядро», концентрирующее в своих руках финансовые ресурсы, и монополию на высокотехнологичные исследования и разработки, и «периферию», уделом которой является производство, основанное на относительно более отсталой технологической базе. Однако эти попытки становятся все менее успешными, подрывая тенденцию к установлению экономической глобальной гегемонии стран «ядра». В результате возникает стремление к навязыванию разного рода искусственных барьеров, в том числе и путем произвольного силового вмешательства, чтобы удержать прежнюю гегемонию «ядра», раскалывая сложившееся было единство мирового рынка и увеличивая риск геополитических конфликтов.

Этим неблагоприятным тенденциям и цивилизационным рискам противостоит другая тенденция. Она заключается в отходе от прежних критериев экономической рациональности, когда-то означавших значительный шаг вперед в обеспечении эффективности производства, но уже исчерпавших себя — в первую очередь из-за отсутствия в них механизмов, позволяющих рационально выстраивать человеческие потребности и соответствующие им цели производства. Те угрозы цивилизационного кризиса, о которых шла речь выше, заставляют задумываться о переоценке наших целей и наших потребностей, о подчинении их критериям подлинно разумным.

Как этого можно добиться? Разумеется, глупо мечтать, что не сегодня завтра вся масса населения Земли вдруг превратится в «человека подлинно разумного». Путь к этому долог, но возможность его пройти коренится в особенностях формирующегося технологического уклада. Высокая знаниеинтенсивность производства предполагает глубокое овладение знаниями всеми занятыми, «ускорение ускорения» в развертывании инновационного процесса, постоянное расширение поля научных исследований и разработок. Таким образом, предполагается интенсификация процесса познания, являющегося одной из важнейших составных частей человеческой культуры. А именно уровень культуры, во всем ее многообразии (не сводящемся, разумеется, к техническим знаниям) является тем фактором, который может определить переход к подлинно разумным критериям формирования и удовлетворения потребностей. И в перспективе это создает возможность выхода к новой ступени общественного устройства, покоящейся на неэкономических критериях хозяйственной деятельности — ноономике.

Вторая сторона этого процесса — постепенное сжатие критериев экономических. Поначалу речь может идти об ограничении доминирования финансового капитала, о сужении поля применения экономических критериев при принятии хозяйственных решений. И это сужение — отнюдь не утопия. Уже сейчас внушительная часть национального продукта (от трети до половины) распределяется не по экономическим или не только по экономическим критериям.

Описанные выше трансформации порождают и новые геополитэкономические вызовы, ибо проблемы эти носят поистине глобальный характер и решены могут быть только при условии выработки новых моделей не только национального, но и мирового геополитэкономического устройства.

Следует заметить, что Радика Десаи, являющаяся выдающимся специалистом в геополитэкономическом анализе современности, в данной книге не заходит настолько далеко в своем прогнозе будущего, как это позволяет себе автор предисловия [Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.] и как это представлено в докладах возглавляемой им исследовательской школы Санкт-Петербургского Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте (см., в частности, [Бодрунов С.Д. Новое индустриальное общество. Производство. Экономика. Институты // Экономическое возрождение России. 2016. № 2 (48). С. 5–14; Бодрунов С.Д. Возвращение индустриализации — возвращение Гэлбрейта: от НИО.2

к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 17–21; Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. 2018. №2 (56). С. 5–13; Бодрунов С.Д. Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). — С. 5–11]). Однако — и это чрезвычайно важно в контексте идей новоиндустриального перехода — ее «Геополитэкономия» демонстрирует нам те закономерности развития мирохозяйственных отношений и те их современные рамки, в которых мир движется к глубоким переменам. Необходимость этих перемен, несомненно, требует международного сотрудничества, ибо угроза цивилизационного кризиса носит глобальный характер. Она по-разному затронет различные страны, но затронет, так или иначе, их все. И эта угроза также чревата обострением международного соперничества, борьбой за доминирование в мировом хозяйстве, которая способна породить новые линии сегментации в мировой экономике, подрывая возможность совместных усилий по преодолению цивилизационного кризиса.

Многополярный мир, несомненно, лучше, чем одностороннее доминирование какой-либо «великой державы». Но и на многополярном мире нельзя сделать остановку. Если капиталистическая глобализация повернула вспять, это не значит, что нет других форм экономического сотрудничества стран и народов.

С точки зрения постановки этих проблем книга Радика Десаи весьма органично сочетается с теми разработками, которые ведет ИНИР. Так, она детально показывает на материале США, что надежды, возлагаемые на стимулирование процессов финансиализации и безудержное разбухание финансового рынка в качестве двигателя инноваций и технологического прогресса, оказались фальшивыми. Несмотря на разговоры о формировании бесконечно процветающей «новой экономики», кризис 2007–2009 гг. показал, что экспансия финансового капитала отнюдь не ведет к экономическим успехам. Упор на финансовые инновации фактически ослабляет стимулы к инновациям технологическим, снижает интерес к реальному прогрессу технологий, меряя этот прогресс только капитализацией компаний на фондовом рынке, а не реальным продвижением в развитии знаний, их воплощением в технологиях материального производства, сокращением материальных издержек производства и соответствующем росте производительности.

Книга Радика Десаи актуальна для нас во многих аспектах: от непосредственной важности выработки стратегии технологического и социально-экономического развития России, учитывающей мировой опыт и глобальный контекст, о котором много пишется в книге, до фундаментальных академических проблем.

Общая политэкономическая методология, внимание к глобальным проблемам развития цивилизации создают множество точек соприкосновения наших подходов, пусть и не во всем совпадающих, но в ряде случаев существенно друг друга дополняющих. Если в разработках ИНИР больше внима-

ния уделяется воздействию научного и технологического прогресса на изменения в общественном устройстве, то Радика Десаи справедливо обращает внимание на обратное влияние — воздействие экономического строя современного общества на условия технологического развития. В связанных с этим воздействием противоречиях она находит источник попыток более развитых и сильных стран «вытолкнуть наружу» издержки этих противоречий своего развития, переложить их на плечи менее развитых стран и менее сильных государств. Ее исследование противоречий мирохозяйственных отношений развития позволяет нам увидеть более целостную и объемную картину развития современного мирового хозяйства со всеми его противоречиями.

У ИНИРа имеется немалый опыт взаимодействия с Радикой Десаи на различных научных форумах, и это взаимодействие, несомненно, способствовало взаимному обогащению развиваемых нами идей.

Именно поэтому мы считаем, что знакомство наших читателей, в особенности интересующих той проблематикой, которой занимается ИНИР (технологическое развитие, прогресс знаниеинтенсивного производства и знаниемкого продукта, этапы развития индустриального общества и т.д.), с книгой Радика Десаи будет весьма и весьма полезным. Эта книга ставит множество интересных проблем и предлагает их неординарные решения, побуждая к дискуссиям и размышлениям, к поиску истины.

*Директор Института нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
Президент Вольного экономического
общества России,
Президент Международного Союза экономистов,
д-р экон. наук, профессор
С. Бодронов*

Предисловие к российскому изданию: Россия в геополитической экономике мирового капитализма

Радика Десаи

Самым необъяснимым из всех изменений недавнего времени является так называемая новая холодная война. Много лет назад, когда закончилась холодная война и распался Советский Союз, все ожидали, что мир станет однополярным, с единственной сверхдержавой — Соединенными Штатами — во главе, что США будут пользоваться бесконтрольной «гегемонией» в масштабах планеты, что человечество получит «дивиденды от мира», а Россия воссоединится с общеевропейской цивилизацией, к которой она, безусловно, принадлежит. Ни одно из этих ожиданий впоследствии не оправдалось. Наоборот, последние три десятилетия мир наблюдает противоположную картину. Сначала прозвучали заявления о скором наступлении многополярного, а не однополярного мира (их озвучил, в частности, экономист из Goldman Sachs Джим О’Нил¹), а затем мы стали свидетелями развертывания нового мира: быстрый рост китайской экономики, стабилизация экономики России после всех ужасов «шоковой терапии», подъем стран БРИКС и раскол западного альянса, в том числе и его военной формы — Североатлантического союза (НАТО). Эти события поставили новые проблемы как перед Соединенными Штатами, так и перед остальными западными державами. И вместо того чтобы довольствоваться дивидендами от мира, Запад отреагировал уси-

¹ O’Neill, Jim. 2001. Building Better Global Economic BRICs. Global Economics Paper No. 66. New York: Goldman Sachs.

лением своей экономической и военной агрессии по всему миру, особенно против России. Неудивительно, что многие страны впоследствии стали либо подражать Западу в этом конфликте, либо ему противостоять².

Если сложившееся положение дел и сбивает с толку, то это главным образом потому, что ни одна из тем, которые определяли господствующее миропонимание в течение последних десятилетий, — «глобализация» и «гегемония США» (или «империя», если выразаться в терминах администрации Джорджа Буша-младшего), не предполагала наступление таких событий и не может их объяснить. Поскольку такие крупные и весомые изменения не могли возникнуть из ниоткуда (а они имеют глубокие исторические корни), то эти неолиберальные принципы представляются изначально неверными. В данной книге предлагается принципиально иной подход к описанию международных отношений — геополитическая экономия. Этот подход может объяснить возникновение новой холодной войны и то, как менялся миропорядок капиталистической системы, по крайней мере, с середины девятнадцатого века. Если посмотреть на недавнее развитие событий через эту призму, то они уже не покажутся необъяснимыми.

Любой автор всегда испытывает чувство гордости, если его книга переводится на иностранный язык, но для меня возможность обратиться к читателям русского издания книги является особой честью. На последующих страницах будет неоднократно говориться о том, что Россия играла и продолжает играть важнейшую роль в вопросах, которые затрагивает книга — как с исторической, так и с интеллектуальной точки зрения. Исторически сложилось так, что Россия по-прежнему имеет большое значение для развития модели геополитической экономии мирового капитализма, которая описывается в данной книге. С интеллектуальной точки зрения при создании уникальной истории России ее лидеры материализовали и развили многие из ключевых идей и концепций, составляющих основу геополитической экономии как теоретического подхода. Мы ожидаем, что российские мыслители продолжают вносить вклад в развитие этой модели и в дальнейшем.

В данном предисловии мы рассмотрим четыре фактора, определяющие важность роли России в геополитической экономии. Первые два связаны с исторической ролью России, а вторые — с ее интеллектуальным вкладом; два из четырех факторов по времени относятся к прошлому, двадцатому, веку, а остальные два — к нынешнему, двадцать первому.

Критически важен тот факт, что идея смешанного неравномерного развития (СНР), составляющая основу диалектики империализма и сопротивления ему, о которой мы будем говорить ниже, была ключевой в понимании самой Россией исторической значимости Октябрьской революции. Эта идея формирует основу геополитической экономии. Если говорить об истории, то прежде всего стоит вспомнить саму Октябрьскую революцию. Это событие наиболее известно тем, что на историческом горизонте человечества впервые

² Desai, Radhika. 2015. 'Is there a new Cold War?' Keynote presentation at the 20th International Rosa Luxemburg Conference, 10 January 2015, available at Defend Democracy Press <http://www.defenddemocracy.press/1738/>

возникла новая перспектива, выходящая за пределы модели капиталистического мира, и что предлагаемая новая историческая идея была гораздо эффективнее предыдущих. Но в контексте данной книги Советская Россия важна также тем, что она в течение нескольких десятилетий до начала Первой мировой войны следовала новой для того времени модели смешанного, некапиталистического развития, отличной от пути Германии или США.

Историческая и интеллектуальная роли России лежат не только в прошлом. Мы уже упоминали о том, что и после распада СССР Россия продолжает бросать вызов Соединенным Штатам и всем западным государствам — теперь в ходе уже новой холодной войны. Эта война идет на двух фронтах — военном и финансовом: Россия бросает вызов мировому доминированию американского доллара, стремясь ускорить падение доллара как мировой валюты. К тому же, как мы надеемся показать в данной книге, исторический опыт жизни вне капитализма, с соответствующими ограничениями и достижениями, наделил российских граждан и российскую интеллектуальную элиту особыми возможностями для продвижения динамичного развития современного мира в будущее, где человек сможет использовать свой потенциал по максимуму. Надеюсь, что данная книга поддержит эти возможности, пусть даже поддержка будет заключаться лишь в напоминании о важности достижений России в материальном и интеллектуальном плане.

В книге я расскажу о геополитической экономике и об отличии этого подхода от иных теорий, описывающих современный миропорядок, а затем перейду к обсуждению интеллектуальной и исторической роли России в двадцатом и двадцать первом веках.

Разумеется, в данном тексте отражены все изменения, произошедшие в геополитической экономике со времени выхода английского издания этой книги, и в предисловии я хотела бы обратить внимание на четыре основных. Во-первых, в 2015 году в Университете Манитобы (Канада) была основана Научно-исследовательская группа по проблемам геополитической экономики (GERG, www.geopoliticeconomy.org). Во-вторых, GERG организовала и провела три конференции: «От тридцатилетнего кризиса к многополярному миру: геополитическая экономика в мире 21-го века» (2015), «Революции: конференция» (2017), посвященная столетию со дня Октябрьской революции, и «Класс, государство и нация в двадцать первом веке», 14-й Форум Всемирной ассоциации политической экономики. GERG также провела множество встреч и заседаний рабочих групп. В-третьих, деятельность GERG нашла отражение в публикации нескольких сборников. По результатам первых двух конференций были изданы два сборника: «Россия, Украина и современный империализм»³ и «Революции»⁴. Еще три издания, в создании которых приняли участие несколько десятков авторов со всего мира, были посвящены разработке отдельных тем геополитической экономики: «Теоретические аспекты ге-

³ Kagarlitsky, Boris, Radhika Desai and Alan Freeman. 2016. *Russia, Ukraine and Contemporary Imperialism*, Special issue of *International Critical Thought*, Vol 6, no. 4.

⁴ Desai, Radhika and Henry Heller (eds). 2020, forthcoming. *Revolutions. Third World Quarterly*, Special Issue.

ополитической экономики», «Аналитические преимущества геополитической экономики» и «Материальность наций»⁵. Наконец, в рамках серии книг по теме геополитической экономики издательство Манчестерского университета опубликовало две книги: «США против Китая: Новая холодная война в Азии?» Джуда Уодворда⁶ и «МН17, Украина и новая холодная война» Кееса ван дер Пиля⁷. В настоящее время к изданию готовится множество новых книг, в том числе фундаментальный труд российских представителей постсоветской школы критического марксизма — Александра Бузгалина и Андрея Колганова.

■ Отличительные черты геополитической экономики

Доминирующие в настоящее время подходы к пониманию мироустройства являются по своей природе космополитическими, т.е. они недооценивают, если не отрицают, важность национальных государств и экономик и предполагают, что мировая экономика представляет собой некое единое целое, чье деление на национальные государства и экономики разные ученые называют либо нежелательным, либо неуместным, либо даже опасным. Говоря о глобализации, ученые считают, что мировую экономику объединяют рынки, а государства не играют в этой системе никакой роли. Когда речь идет о «гегемонии» или «империи США» (прокачанная версия этого понятия, которая вошла в оборот во времена президента Дж. Буша-младшего), то в расчет принимается только роль страны-«гегемона» или страны-«империи», которая обеспечивает единство мировой экономики. Геополитическая экономия, наоборот, отводит основную роль национальным государствам, национальной экономике и обязательному для этой модели многополярному характеру мироустройства. Дело не в том, что данный подход ограничивается национальным масштабом или намеренно сеет раздор между странами. Геополитическая экономия признает, что различия между государствами являются реальными, существенными и влиятельными. Отрицание наличия этих тенденций лишь обостряет их проблематику и затрудняет достижение мира, равенства, процветания, единства и, что не менее важно, экологически устойчивого развития.

Космополитические подходы к мировой экономике рассматривают ее как единое целое по двум причинам: собственно интеллектуальной и политической. Интеллектуальная причина заключается в том, что данные подходы основаны на неоклассической экономике и двух «рикардианских фикциях»: законе Сэя и теории сравнительных преимуществ; первая была введена Давидом Рикардо, а вторая им популяризована. Из них вырастает ложная концепция

⁵ Desai, Radhika. 2016. Theoretical Engagements in Geopolitical Economy, Volume 30-Part A, Research in Political Economy, Bingley: Emerald, 2015; Desai, Radhika. 2016. Analytical Gains in Geopolitical Economy: Volume 30-Part B of Research in Political Economy, 2015, Bingley: Emerald, 2016; Desai, Radhika. 2015. The Materiality of Nations in Geopolitical Economy. Symposium in World Review of Political Economy on Geopolitical Economy. Volume 6, No. 4, Winter 2015.

⁶ Woodward, Jude. 2017. *US versus China: Asia's New Cold War?* Manchester: Manchester University Press.

⁷ Van der Pijl, Kees. 2018. *Prism of Disaster: MH17, Ukraine and the New Cold War*. Manchester: Manchester University Press.

капитализма. Причина использования этой ложной концепции (и здесь мы переходим к политической подоплеке) состоит в том, что она служит определенным интересам; она идеологична по своей сути. Идеологии не просто ошибочны: они служат целям наиболее сильных акторов, а в рассматриваемом случае — поддерживают капиталистические страны в ущерб остальным странам мира. Настаивая на том, что в капитализме нет недостатков, нет перепроизводства товаров и, как следствие, капитала, закон Сэя отрицает ключевые противоречия капитализма. Здесь на первый план выдвигается теория сравнительных преимуществ, маскирующая проблемы межгосударственных отношений в капитализме, которые обычно носят конфликтный и репрессивный характер. Ведь государствам, которые сталкиваются с перепроизводством товаров и капитала, необходимо где-то сбывать эти излишки, и они начинают рассказывать сказки о свободной торговле и движении капитала как о способах достижения благополучия во всем мире.

Но реальность была принципиально иной уже с момента зарождения капитализма. Противоречия капитализма заключаются в том, что доминирующие капиталистические страны, производя излишек товаров и капитала, нуждаются в ресурсах и рабочей силе. Принуждая другие государства следовать открытой модели экономики, эти страны добиваются мирового господства и эксплуатируют другие государства. Последствия такой открытости подробно описаны в обширной литературе об «экономической отсталости», которая создавалась со времен Маркса до развития теорий в традициях глобальных систем и зависимостей. С одной стороны, эта открытость способствует сбыту излишков товаров и капитала на территории этих стран, что ведет к их деиндустриализации и (или) к доминированию в местной промышленности иностранного капитала. Казалось бы, даже это явление уже само по себе неблагоприятно, но этим все отрицательные последствия не исчерпываются. В отсутствие индустриализации или в условиях ограниченной индустриализации экономики с иностранным доминированием вынуждены производить дешевое сырье (как подчеркивают Патнаик и Патнаик⁸), сдерживать развитие рынка труда, увольняя ставших лишними работников, и поставлять в доминирующие государства только тот объем товаров, который им необходим, и только тогда, когда им это требуется.

Если мы и признаем деструктивные последствия свободной торговли и открытости в тех странах, где эти принципы насаждаются, то неудивительно (как отмечает Чанг⁹), что ведущие страны мира не исповедуют эти принципы сами, а насаждают их в тех обществах, которые они формально или неформально контролируют. В результате этого процесса мир разделился на сильные страны, способные производить товары с высокой прибылью, и бедные страны, которые остаются производителями малоприбыльных товаров. Однако это не однонаправленный процесс. Некоторые страны, которые могли

⁸ Patnaik, Utsa and Prabhat Patnaik. 2016. *A Theory of Imperialism*. New York: Columbia University Press.

⁹ Chang, Ha-Joon. 2002. *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*. London: Anthem.

сопротивляться этой тенденции, сосредотачивались на достижении экономического суверенитета. Они принимали меры по защите местных производителей, разрабатывали национальную политику и так далее. Уже давно такой путь прошли Германия, Япония и США, которые в конце XIX века противостояли господству Великобритании на мировом рынке. И в наше время страны, исповедующие эту модель, играют важную роль в создании многополярного мира двадцать первого века.

Этот процесс продолжается уже несколько веков, и все разговоры об открытости и свободной торговле в основном служили для оправдания формально колониальных или неформально подчиненных отношений с другими странами. Вышеописанные «рикардианские фикции» искажают понимание того, как противоречия капитализма и экспансионизм раскололи мировую экономику на множество противоречащих друг другу национальных государств и местных экономик. Одни, более мощные, государства продвигают экспансионизм, а другие по мере сил этому сопротивляются.

Это реальность, которую геополитическая экономия признает и на которой она основана. Она помещает двигатель, или локомотив, эволюции капиталистического мирового порядка в такие противоречия, которые досаждают его наиболее мощным национальным капитализмам. Противоречия становятся основой внутренней политики этих государств и определяют их взаимоотношения с другими странами, а также диктуют их действия, которые в основном попадают в разряд империалистических. Эти противоречия, разумеется, наиболее полно исследовались и анализировались Карлом Марксом и его последователями.

Есть, однако, и другие масштабные концепции, как предшествовавшие неоклассической экономике (наиболее упрямо отрицающей все вышеописанные противоречия), так и сформировавшиеся впоследствии, которые могут внести свой вклад в наше понимание этих противоречий и тем самым геополитической экономии. Во-первых, это классическая политическая экономия — преимущественно буржуазное учение, которое делает попытку осмыслить новое капиталистическое общество. Последователи этого учения тоже ломали голову над парадоксами капитализма, жалуясь при этом на перепроизводство и падение прибыли и пропагандируя колониализм. (Пропаганда колониализма с их стороны преследовала цель экспортировать излишки населения, которое, по Марксу, всегда имеет место в капиталистических системах. В результате на четырех континентах возник так называемый переселенческий капитализм преимущественно из европейских народов.)

Занявшись изучением классической политэкономии, Маркс разрешил все трудные моменты и противоречия и создал теорию, которая явила собой безжалостный приговор капитализму. Только после этого в защиту капитализма встали представители неоклассической экономики, используя для этого пару описанных выше «рикардианских фикций». Естественно, что такой подход скоро стал популярным способом интерпретации капиталистической экономики в странах, где зародился капитализм. Но даже в этих странах он очень скоро столкнулся с мощными новыми интеллектуальными вызовами.

Крупные мыслители, такие как Джон Мейнард Кейнс, Торстейн Веблен или Карл Поланьи, отвергли характерный для неоклассических экономистов взгляд на капитализм и предложили рассматривать его как «внутренне противоречивую», а потому захватническую модель.

В то время как геополитическая экономия черпает свои идеи как из традиций марксизма, так и из немарксистских учений, она одновременно дистанцируется от тех форм марксизма, которые возникли в результате взаимодействия данной модели с неоклассической экономикой. К сожалению, эти теории приобрели значительное влияние среди марксистов, несмотря на то, что отвергают основополагающие идеи марксистского анализа и (или) ключевые противоречия капитализма, которые он описал¹⁰. Некоторые из этих теорий рассматривают империализм как исторически реальное явление, теоретически не связанное с капитализмом. Считается, что «империализм может существовать, существует и способствует накоплению капитала, но само это явление не является обязательным компонентом логики капитализма»¹¹. Другие ученые анализировали капитализм, не обращаясь при этом к стоимостному анализу капитализма Маркса. В результате многие ученые в левых кругах либо считают естественным деление стран на богатые и бедные (не учитывая, что это деление возникло в результате влияния капитализма и динамики его развития), либо стараются интерпретировать империализм вне теории марксизма (данная интеллектуальная эволюция в среде марксистских экономистов более подробно рассматривается в статье Десаи, которая в настоящее время готовится к публикации¹²). Эти течения представляют собой яркий контраст с целым массивом литературы, описывающей теоретическую необходимость определенных отношений между капитализмом и империализмом, которая покрывает период от самих Маркса и Энгельса до классических теорий империализма таких теоретиков марксизма, как Гильфердинг, Бухарин, Ленин и Люксембург, а также социальных либералов, таких как Джон Гобсон.

Геополитическая экономия отвергает первую тенденцию и, приобретая выгоды от достижений второй, прокладывает новый, иной курс. В то время как большинство левых ученых, исследующих тему империализма, рассматривают его как нечто неизменное, основной постулат геополитической экономики гласит, что с кульминации развития империализма, которая пришлась на начало Первой мировой войны, его влияние постепенно снижалось до возникновения нынешнего многополярного мира. Каким бы могущественным ни был империализм, в своем стремлении подчинить себе как можно больше стран и людей он требует огромных материальных и кадровых затрат и встречает серьезное сопротивление. Хотя смешанное развитие стран-со-

¹⁰ Desai, Radhika. 2016. The Value of History and the History of Value. In *The Great Meltdown of 2008: Systemic, Conjunctural or Policy-created?*, edited by Turan Subasat. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.

¹¹ Zarembka, P. Lenin as economist of production: A Ricardian step backward. *Science & Society* Vol. 67, No. 3 (2003): 276–302.

¹² Desai, Radhika. 2020. 'Marx's Critical Political Economy, 'Marxist Economics' and Actually Occurring Revolutions against Capitalism', *Third World Quarterly*, Special Issue of Revolutions, expected date of publication, 2020.

перников Великобритании, вышедших из-под ее тени, и усилило конкуренцию за колонии, оставались и другие слабые государства и негосударственные образования, которые можно было покорить или иным образом подчинить. Это соревнование привело к развязыванию Первой мировой войны, и с тех пор успешное развитие модели империализма замедлилось. Разумеется, этот процесс сопровождался огромными потерями и кровопролитием, не в последнюю очередь потому, что установившаяся иерархия власти была готова противодействовать снижению своего влияния. После Первой мировой войны пришел так называемый Тридцатилетний кризис, который продлился с 1914 по 1945 годы и захватил годы Второй мировой войны, неразрывно связав две катастрофы. За этим затяжным и кровопролитным периодом последовали годы других противостояний — холодной войны и новой холодной войны.

Однако, несмотря на гром и молнии со стороны имперской власти, потеря ею своих позиций весьма заметна. Тридцатилетний кризис был увенчан Октябрьской революцией в России и Китайской революцией, которая была в значительной степени вдохновлена и поддержана первой¹³. Победа антигитлеровской коалиции не была бы возможна без жертв со стороны советских людей и огромного материального вклада Советского Союза, а он стал возможен только в результате успешно проведенной между двумя войнами индустриализации, которая удалась, несмотря на попытки империалистических государств помешать этому процессу. Поддержка Советского Союза сыграла большую роль и в ходе длительного процесса деколонизации, который начался после окончания Второй мировой войны и Тридцатилетнего кризиса империализма. Этот процесс ознаменовал окончание эры формального колониализма, хотя имперские государства предпринимали различные шаги, чтобы сохранить свое влияние на колонии. Под руководством СССР страны социалистического лагеря отняли у капиталистического мира огромные заселенные территории. Поэтому совершенно неудивительно, что холодная война началась практически еще до окончания Второй мировой войны, когда США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Это было сделано не столько для завершения войны, сколько для того, чтобы послать СССР сигнал о наличии у США оружия огромной силы, способного на неслыханные разрушения¹⁴.

В то время как экономические результаты стран из числа бывших колоний не оправдали ожиданий, независимая политика новых стран все же привела к росту экономики в некоторых из них, достаточному для появления понятия «рост остальных стран мира». Среди развивающихся государств — бывших колоний особенно выделились страны БРИКС во главе с КНР. Как мы уже упоминали выше, текущая агрессивная экономическая и военная политика США и западных стран является реакцией на утрату ими власти и экономического потенциала, что им очень сложно признать.

Теперь мы готовы перейти к обсуждению четырех основных способов, которыми Россия (в досоветский, советский и постсоветский периоды) влияла

¹³ Cheng, Enfu and Jun Yang. 2020. 'The Chinese Revolution and the Communist International'. *Third World Quarterly*, Special Issue of Revolutions, expected date of publication, 2020.

¹⁴ Desai, Radhika and Henry Heller (eds). 2020, forthcoming. *Revolutions. Third World Quarterly*, Special Issue.

и, возможно, продолжит влиять на историческую эволюцию геополитической экономики мирового капитализма и геополитическую экономию как способ мышления.

■ От теории революционной практики к геополитической экономике

Студентам факультетов международных отношений, по крайней мере в западных странах, говорят, что современная научная дисциплина «международные отношения» появилась после Первой мировой войны, когда президент США Вудро Вильсон предложил свои знаменитые «14 пунктов» — программу сохранения мира по окончании войны. Эта программа, как учат студентов, призванная к достижению «открытых договоренностей» и к «праву на самоопределение», по крайней мере в Европе, оказалась «излишне идеалистичной» и потому провалилась. По окончании Второй мировой войны возникло понятие так называемой реальной политики. Далее студентам рассказывают о международных отношениях как о постоянном противостоянии школ «идеалистов» и «реалистов».

Тем временем авторы критического направления того времени — Торстейн Веблен¹⁵ и Карл Поланы¹⁶ — указывали, что Вильсон на самом деле не был идеалистом, т.е. не стремился к «миру во всем мире», а считал своей политической целью установление мира под диктатом Соединенных Штатов, что, понятно, совсем другое дело. Однако даже они не указали, в отличие от Арно Майера¹⁷, на то, что «четырнадцать пунктов Вильсона» сами явились ответом, в значительно более разбавленной форме, на большевистский Декрет о мире, в котором также выдвигались требования о «самоопределении» колоний и отмене политики аннексирования, в то время как между союзниками подписывались секретные соглашения об аннексии территорий других стран. Декрет о мире стал настолько популярен среди уставшего от войны населения Европы, что Вильсону было просто необходимо на него ответить.

Кроме того, первые теории современных, капиталистических, международных отношений появились еще до войны. Классические марксистские теории империализма не состоялись бы, если бы не теория отношений между капиталистическими государствами, которая базируется на представлении о капитализме как о противоречии между производством ценности и императивами международной экспансии государств, в которых развился этот строй. Большинство этих теорий уделяют особое внимание новой стадии развития капитализма, которые разные теоретики называют финансовым (Гильфердинг), национализированным (Бухарин) или монополистическим капиталом (Ленин). В рамках всех подходов подчеркивается конкуренция за обладание колониями среди капиталистических государств и описывается

¹⁵ Veblen, Thorstein. 1919. Peace. *The Dial*. Vol. LXVI, May 17, 1919, 485-487. <http://de.geocities.com/veblenite/txt/peace.txt>

¹⁶ Polanyi, Karl. 1944/1957. *The Great Transformation*. New York: Beacon Press.

¹⁷ Mayer, Arno. 1964. *Wilson vs Lenin: Political Origins of the New Diplomacy, 1917-1918*. New York: H. Fertig.

интенсификация их противостояния. Вряд ли можно найти более удачное теоретическое объяснение причин, приведших к началу Первой мировой войны (как показывает Хобсбаум¹⁸). Именно эти работы, а не предполагаемый «идеализм» Вильсона, стали первым теоретическим обоснованием современных капиталистических международных отношений.

Две из этих работ были написаны русскими авторами. Более того, идеи, выраженные в этих работах, нашли свое отражение в российской и советской истории. Хорошо известно, что первая антикапиталистическая революция произошла не в одной из наиболее продвинутых капиталистических стран Европы, как ожидали марксисты из Второго интернационала, а в одной из наиболее отстающих. Однако, обратившись к трудам Маркса, нетрудно выйти за рамки понимания этой проблемы Вторым интернационалом, столь сосредоточенным на странах Западной Европы. Большевики сделали это, обратившись к схожей концепции «перманентной революции» и более широкой концепции «смешанного неравномерного развития». Последняя была, в представлении Троцкого, краеугольным камнем в понимании Октябрьской революции, как он и отмечал в своем знаменитом историческом труде¹⁹.

Как показано в *«Геополитической экономике: после американской гегемонии, глобализации и империи»*, данная концепция основана на работах Маркса и Энгельса и часто цитируется в трудах разных марксистов поколения Ленина и Троцкого. Но в дальнейшем марксисты, можно сказать, забыли о данной концепции. Большинство не знакомы с этим термином и не знают, как его использовать. Те немногие, кому этот термин знаком, чаще используют его сокращенный вариант — «неравномерное развитие», и используют его для описания империализма. Исключая компонент «смешанного развития», они исключают саму возможность сопротивления империалистическим структурам или их изменениям. Такое определение значит, что империализм расценивается как явление неизменное и не имеющее альтернативы. Некоторые используют термин «смешанное неравномерное развитие» в его полной формулировке, но последнюю часть применяют к описанию инертного сосуществования продвинутых и отсталых элементов в подчиненных или отстающих обществах: вообразите, например, современный нефтеперерабатывающий завод в окружении полей, которые возделывают при помощи буйволов, — причем без какой-либо динамики сопротивления политике империализма. Наконец, еще меньшее число ученых использует термин СНР в качестве динамичного и диалектического подхода к определению как империализма, так и сопротивления ему. При этом они ограничивают использование этого термина описанием процесса построения социалистического общества в отсталых странах.

Вопреки вышеописанным тенденциям, *«Геополитическая экономика»* спасает данный термин от снисходительного отношения нынешних поколений интеллектуалов и возвращает ему то значение, которое ему придавали Троцкий, другие марксисты и большевики того времени, интерпретируя его в со-

¹⁸ Hobsbawm, Eric. J. 1989. *Age of Empire: 1875-1914*. London: Vintage.

¹⁹ Trotsky, Leon. 1934. *The History of the Russian Revolution*. London: Gollancz.

ответствии с представлениями Маркса и Энгельса. В их интерпретации СНР определяется как диалектика между имперским подчинением других стран и сопротивлением ему, и, таким образом, наделяется гораздо более емким смыслом. В рамках подобного подхода одними из главных *dramatis personae* мировой революции являются не только классы общества, но и государства в целом. Именно эту концепцию и развивает «*Геополитическая экономия*».

В соответствии с данным подходом капиталистическое развитие является неравномерным и сначала происходит в отдельных регионах мира. Внутренние противоречия капитализма и его последующий экспансионизм оказываются фатальными для неравномерного развития в глобальном масштабе. Многие страны мира попадают в подчиненное положение по отношению к развитым капиталистическим странам и (формально или неформально) становятся их колониями, в которые ведущие державы переносят вышеописанные противоречия. Ведущие страны мира стремятся установить *комплементарные отношения* между своей развитой экономикой, производящей товары с высокой стоимостью, и другими странами мира, которые ведущие державы заставляют производить недорогие товары повседневного спроса или дешевые промышленные товары и служить источником рабочей силы, всячески препятствуя более независимому и полному развитию индустриализации в этих странах.

Перед лицом неминуемой экономической катастрофы те страны, которым угрожает подчиненное положение, сопротивляются по мере возможности, ориентируясь в направлении смешанного развития. Троцкого данный термин никогда не устраивал, но понятно, что в его представлении он описывал государственную программу развития с использованием целого ряда средств — протекционизма, разработки промышленной политики, планирования и т. д. В результате, считал он, должны были появиться модели, *похожие* на модели экономики развитых стран, вследствие чего вырос бы производственный потенциал, повысился уровень благосостояния этих стран, а степень их зависимости от великих держав снизилась. В этом процессе так называемые отсталые страны имеют несколько преимуществ. Например, они могут развивать промышленность, используя для этого новейшие технологии, в то время как на ведущие страны ложится необходимость продолжать использовать уже устаревшие технологии, доставшиеся им в наследство от прошлого мирового господства.

Попытки смешанного развития могут оказаться безуспешными. Однако без таких попыток (как указала Амсен²⁰) ни одному государству не удастся избежать подчиненного положения. Российский интеллектуал-эмигрант Александр Гершенкрон вывел эту идею в общенаучный дискурс в США в форме идей «запоздалого развития» и «преимуществ отставания», умалчивая при этом о марксистской и большевистской природе этого термина (на что впоследствии указал Марсель ван дер Линден²¹).

²⁰ Amsden, Alice. 2007. *Escape from Empire: The Developing World's Journey Through Heaven and Hell*. Cambridge, Mass: MIT Press.

²¹ Van der Linden, Marcel. 2012. Gerschenkron's Secret: A Research Note, *Critique: Journal of Socialist Theory*, 40:4, 553-562.

■ Октябрьская революция как часть мировой революции

Исходя из такого подхода к определению СНР, можно сделать несколько выводов. Самый главный — о том, что производительная способность распределяется по миру благодаря исключительно смешанному развитию, а не посредством рынков или «чисто экономических» механизмов распространения капитализма и империализма, как этот процесс описывается выше в рамках космополитического подхода.

Еще один вывод заключается в том, что идея СНР позволяет нам рассматривать все примеры успешного развития в единых рамках и учитывать все многообразие форм такого развития. В процессе своей индустриализации Германия, Япония и США противостояли промышленному лидерству Великобритании конца девятнадцатого — начала двадцатого веков, и их индустриализация приняла капиталистические формы. Однако после Октябрьской революции мир стал свидетелем смешанного развития, принявшего некапиталистические, коммунистические формы. Как в Советском Союзе, так и в Китайской Народной Республике эти формы показали свои впечатляющие возможности. В результате отсталые и бедные страны развили такой уровень производства, который, теоретически и по факту, можно сравнить с уровнем производства на капиталистическом Западе. На примере этих стран мы впервые увидели, как развитые страны вышли за пределы влияния капиталистической парадигмы. Октябрьская революция, таким образом, обозначила поворотную точку в этом процессе.

Модель СНР также проявилась и в более успешных примерах развития государств со времени окончания Второй мировой войны, например, в Южной Корее или на Тайване (Amsden²² и Wade²³). Еще одним примером выступает Боливарианская Республика Венесуэла, где радикальные попытки правительства противостоять империализму сделали страну целью жесточайшей экономической и военной империалистической агрессии. Ее лидер Уго Чавес выступил с критически важным замечанием, когда впервые выдвинул тезис о «многополярном мире» в противовес «однополярному». Он указал, что несколько полюсов экономического могущества могут также принимать множество политических и экономических форм.

Наконец, борьба между странами в продвижении многополярного мира в процессе смешанного неравномерного развития играет центральную роль в продвижении идеи мировой революции. Мировую революцию в данном контексте следует понимать не так, как это делается обычно, когда государство погружается в классовую борьбу. Неравномерное смешанное развитие в некапиталистических странах тесно переплетается с целями борьбы рабочего класса как в капиталистическом мире, так и за его пределами, и оба этих процесса могут идти одновременно. В то же время, как подтверждают рево-

²² Amsden, Alice H. 1992. *Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization*. New York: Oxford University Press.

²³ Wade, Robert. 1990. *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

люции в России, Китае, Вьетнаме и на Кубе, где неравномерное смешанное развитие приобрело социалистическую ориентацию, роль СНР в продвижении революционной повестки дня вполне очевидна. Однако продвижение многополярного мира даже в его капиталистической форме сужает спектр выборов для представителей империалистического ядра капитализма. Такой вариант развития сокращает для них возможности вывода противоречий капитализма вовне. Они будут вынуждены разбираться с этими противоречиями внутри своих границ, что затронет проблемы рабочего класса как в империалистических, так и в антиимпериалистических странах.

Рассмотрим один из примеров внутренних противоречий капитализма — недостаточный уровень спроса. Исторически сложилось так, что рынками сбыта империалистических стран служили их формальные и неформальные колонии. Пока эти страны являлись колониями, правящие капиталистические круги могли успешно держать под контролем уровень дохода рабочего класса и сводить потребление к минимуму, стремясь лишь обеспечить конкурентность своих товаров на мировом рынке. Однако в процессе деколонизации доступ развитых стран на рынки бывших колоний сократился. Поэтому им пришлось расширять свои внутренние рынки, что можно было сделать, только значительно увеличив уровень дохода широких слоев рабочего класса. Потребление удалось нарастить только путем принятия законов о полной занятости и социальном обеспечении, которые дополнили существующий инструментарий смешанного развития — протекционистские меры и промышленную политику.

Рост потребления в среде рабочего класса заложил основу «золотого века», периода наиболее устойчивого роста капиталистического мира во всей истории Запада. Подобный ход развития неразрывно связан с откатом доминирующего положения империалистических государств. В связи с сокращением числа колониальных рынков капиталистическим странам пришлось зависеть от спроса со стороны собственного рабочего класса²⁴. При этом деколонизация привела к увеличению темпов экономического роста в бывших колониях. В частности, этот процесс запустил (хотя и не обеспечил) рост доходов и потребления рабочего класса в этих странах (например, Науяр²⁵ показывает, как Индия с обретением независимости прервала период колониального застоя). То, в какой мере этот потенциал был реализован, зависело от баланса классовых сил — капиталистов и элиты, с одной стороны, и рабочих и крестьян — с другой.

Приведем один пример. Продвижение многополярного мира и общественной борьбы может принимать множество форм. Они служат цели преодоления несправедливости, анархии и иррациональности капитализма. Многие из этих неявных форм могут стать предметом будущих исследований. Какие же существуют иные способы продвижения многополярности, сужающей спектр выбора для капитала? Каким образом новая модель мироустройства может расширить возможности рабочего класса империалистических государств и дру-

²⁴ Desai, Radhika. 2015. 'Look Back in Hope? Reassessing Regulation Theory'. Kees Van der Pijl (ed) *The International Political Economy of Production*. Cheltenham, Edward Elgar. 2015.

²⁵ Nayyar, D. 2006. 'Economic growth in independent India: Lumbering elephant or running tiger?', *Economic and Political Weekly* (15 Apr.): 1452–3.

гих стран мира, и может ли вообще? Как рабочий класс по разные стороны империалистического мироустройства может прийти к солидарности, чтобы продвигать свои общие интересы? Является ли развитие (относительно) независимых моделей капитализма в ранее зависимых странах, таких как Индия, Бразилия и Россия, лишь средством сужения возможности выбора капиталистов развитых стран, или же оно также затрудняет продвижение интересов населения этих стран? Каким образом реформы в капиталистических странах вследствие сужения спектра возможных вариантов изменят положение этих стран на международном уровне и их политику? Список вопросов огромен.

Ответы на них будут способствовать дальнейшему развитию геополитической экономики, что представляет собой важнейшую задачу. Пока же мы можем с уверенностью сказать, что, когда мир оглянется на опыт Октябрьской революции и распада Советского Союза, он обнаружит, что человечество сумело в этих случаях перерасти модель капитализма и выйти за ее пределы, и осознание этого факта может стать началом нового этапа в данном процессе.

■ **Вклад России в развитие многополярного мироустройства, в частности в дедолларизацию**

Таким образом, если текущие изменения хоть что-то значат, то роль России в продвижении идеи многополярного мира наверняка выйдет за пределы истории одной страны. Надо признать, что этот процесс начался не здесь и не сейчас: попытки индустриализации под руководством графа Витте в последние десятилетия существования Царской России были не особо успешными, но они представляют собой часть истории движения к смешанному развитию. Кроме того, сложность задачи новой российской индустриализации ощущается как правительством, так и критически мыслящими интеллектуалами России.

Эти усилия встречают серьезное внутреннее противодействие вследствие олигархической структуры экономики и сырьевой ориентации страны, сложившихся в результате «шоковой терапии» переходного периода. Однако перед Россией сейчас остро стоит задача новой индустриализации, что связано с необходимостью проведения независимой политики и обеспечения безопасности страны перед лицом все более агрессивного подхода со стороны стран Запада с его военными провокациями и экономическими санкциями. Сопrotивляясь этому давлению, Россия, возможно, играет критически важную роль в дальнейшем низвержении империализма, несмотря на то, что страна достаточно тесно интегрирована с Западом в экономическом плане, особенно после распада СССР.

Как говорится в *«Геополитической экономике»*, понятие гегемонии/«империи» США, а также понятие «глобализации» являются всего лишь внешним выражением амбиций политической и бизнес-элиты США, маскирующей свои интересы под теорию. С начала двадцатого века эти элиты неустанно работают над тем, чтобы обеспечить США тот же уровень доминирования в мире, которым пользовалась Великобритания в девятнадцатом веке. Однако уже тогда было понятно, что, несмотря на все старания, США не удастся достичь такого же уровня влияния, какое имела Великобритания веком ранее. В силу развития многополярного мира и подъема националистических сил США

не удалось создать империю, подобную Британской. Поэтому правящие классы США и политическая элита решили довольствоваться целью низшего порядка — завоевать, так сказать, «доминирующее положение в облегченной версии»: их целью стало сделать доллар мировой валютой, как когда-то такой валютой был фунт стерлингов, а Нью-Йорк — мировым финансовым центром, каким ранее являлся Лондон.

При этом они, конечно, проглядели тот факт, что *conditio sine qua non* доминирующего положения Великобритании и фунта стерлингов было существование на тот момент Британской империи. Это доминирование было обусловлено возможностью Великобритании трансформировать излишки, получаемые из колоний без переселенцев (Индия и страны Карибского бассейна), в капитал, который она затем экспортировала в колонии с переселенцами, а также в страну с «бывшими» переселенцами — США. Таким образом, Великобритания обеспечивала мир ликвидностью. Не имея собственной империи, США не могли стать источником ликвидности через экспорт капитала. Наоборот, в течение всей своей истории США оставались (и поныне остаются) настоящей «сточной канавой» для капитала. Альтернатива, которой последовали США, обеспечить мир ликвидностью за счет дефицита внешних текущих операций, — строится на известной дилемме Триффина: чем больше объем долларовой ликвидности, тем ниже ценность доллара. Это, в свою очередь, снижает желание других стран держать в своей экономике доллары и подрывает мировую роль этой валюты.

В «*Геополитической экономике*» все превратности судьбы доллара рассматриваются очень подробно, но для наших целей достаточно отметить, что по причине требования обеспечения обесцененных долларов золотом в 1971 году США «закрыли золотое окно», фактически отказавшись поддерживать доллар золотом. Впоследствии защита мирового господства доллара потребовала создания искусственного спроса на эту валюту путем раздувания серии все более и более крупных, опасных и нестабильных пузырей финансовых активов, крупнейший из которых лопнул в 2008 году. После кризиса 2008 года всемирная роль доллара как мировой валюты была поставлена под сомнение. Все больше стран ищут способы отказаться от доллара в международных расчетах. Россия, которая перешла на хранение своих резервов в золоте, заключила соглашения с другими странами о признании валют друг друга в международных расчетах и работает над созданием альтернативных платежных систем, играет в этом процессе ведущую роль. Дальнейшее развитие этого процесса положит конец доминированию США и углубит раскол между этой страной, государствами Западной Европы и Японией, что станет критически важной страницей в истории заката империализма.

■ Критическая мысль в России

Наконец, мы ожидаем, что Россия и ее мыслители будут и дальше способствовать развитию школы критической мысли в продолжение той истории, о которой рассказывается в «*Геополитической экономике*». В то время как официальная советская версия марксизма в настоящее время большинством рассматривается как интеллектуально незначительная вследствие ее низведения

до простого идеологического инструмента, в СССР возникали и другие критические и интеллектуально плодотворные течения марксизма, оставившие важное наследие. Интеллектуально значимым считается и наследие марксизма досоветского и постсоветского периодов. Назовем некоторые из наиболее важных идей этого наследия. К ним относятся экономические и культурные взгляды членов постсоветской школы критического марксизма, таких как Александр Бузгалин, Андрей Колганов и Людмила Булавка. Эти мыслители использовали философские взгляды ведущих интеллектуалов советской эпохи и современных западных мыслителей для понимания современного капитализма и его культуры. Еще одну школу представляют политические, экономические и исторические работы таких критиков, как Борис Кагарлицкий, Руслан Дзарасов и Олег Барабанов. Эти ученые анализируют политическую экономию в России и изучают возможности проведения прогрессивной политики.

Примечательны также работы Института им. С.Ю. Витте, где под руководством Сергея Бодрунова проводятся новаторские исследования по проблеме ноономики и новой индустриализации России. Взгляды этих авторов неотделимы от понимания Марксом истории как прогресса развития производительных сил. Внося вклад в разговор о будущем своей страны в условиях, когда Россия вновь противостоит империалистическим странам, эти ученые, как мы ожидаем, выработают подходы, которые, несомненно, будут совместимы с моделью геополитической экономики и смогут способствовать ее дальнейшему развитию.

Но и это далеко не все. Помимо марксизма и всех прочих теорий, у нас есть наследие советского периода как опыта жизни за пределами капиталистической парадигмы. Во времена СССР, несмотря на всем известные проблемы страны, советские граждане принимали как должное многообразие форм общественной жизни, в отличие от жителей капиталистических стран, где большинство форм общественной жизни сводилось к бесчеловечным «денежным отношениям». Советские граждане привыкали к условиям относительного равенства и считали неравенство несправедливостью. Общественная жизнь, архитектура зданий, общественные пространства и учреждения отличались размахом и великолепием (сравните, например, московский метрополитен с метрополитеном Нью-Йорка), в то время как на Западе формировался синдром «личного достатка на фоне общественного убожества», на который сетовал в своих трудах Джон Кеннет Гэлбрейт. Это наследие не может не влиять на то, что думают россияне о своем обществе и его будущем, и, таким образом, оно вносит вклад в развитие всего человечества. Кроме того, в России ведется ряд серьезнейших дискуссий о проблемах, которые порождает современный капитализм, — например, о проблеме индустриализации в царской, а затем и в посткоммунистической России; о том, может ли Россия пройти «крестьянский путь к социализму»; и о том, может ли Россия способствовать интеграции разных национальностей.

В то время как россияне, как и другие народы мира, ищут способ вырваться из пут капитализма, я надеюсь, что *«Геополитическая экономика»* сможет внести свой, пусть и скромный, вклад в этот процесс, пробуждая в читателях этого труда историческую память и вызывая в них новую надежду.

СОКРАЩЕНИЯ

АТЭС	— Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
БЭА	— Бюро экономического анализа
БРР	— большие развивающиеся рынки
БМР	— Банк международных расчетов
СЭК	— Совет экономических консультантов
ИПЦ	— индекс потребительских цен
ЭДП	— Экономический доклад президента
ПИИ	— прямые иностранные инвестиции
FDIC	— Федеральная корпорация по страхованию вкладов (Federal Deposit Insurance Corporation)
ФКОР	— Федеральный комитет открытого рынка
ФСН	— финансы, страхование и недвижимость
ГАТТ	— Генеральное соглашение по тарифам и торговле
ВВП	— валовый внутренний продукт
ВНП	— валовый национальный продукт
ГПЭ	— глобальная политическая экономия
ГИС	— глобальный избыток сбережений
ТСГ	— теория стабильности гегемонии
ИКТ	— информационно-коммуникационные технологии
МКС	— Международный клиринговый союз
ГМФП	— гипотеза международного финансового посредничества
МВФ	— Международный валютный фонд
МПЭ	— международная политическая экономия
IPO	— первичное публичное размещение (Initial Public Offering)
МО	— международные отношения
ТНК	— транснациональные корпорации
ПИФ	— паевые инвестиционные фонды
ИЦБ	— ипотечные ценные бумаги
НАФТА	— Североамериканское соглашение о свободной торговле
NBER	— Национальное бюро экономических исследований
НИС	— новые индустриальные страны
НМЭП	— Новый международный экономический порядок
ОЭСР	— Организация экономического сотрудничества и развития
ОПЕК	— Организация стран — экспортеров нефти

ВБТ	—	внебиржевая торговля
ПНАВ	—	Проект «Новый американский век»
КС	—	количественное смягчение
НИОКР	—	научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
ПСР	—	Программы структурных реформ
СС	—	ссудо-сберегательные (институты)
СПЗ	—	специальные права заимствования
СИИ	—	структурированные инвестиционные инструменты
ПСПА	—	Программа по спасению проблемных активов
ТНПП	—	тенденция нормы прибыли к понижению
СНР	—	смешанное неравномерное развитие
ООН	—	Организация Объединенных Наций
ЮНРРА	—	Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций
ОМП	—	оружие массового поражения
МС	—	мир-системный (анализ)
ВТО	—	Всемирная торговая организация

1 ВВЕДЕНИЕ: ПОЧЕМУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ?

Сова Минервы, как однажды заметил Гегель, — птица ночная. Знание является результатом рефлексии после дневной суматохи. Применение такого образа можно посчитать огульным, но он бесспорно отражает многополярный мировой порядок. Влиятельные фигуры начали его провозглашать на фоне финансового кризиса 2008 г. и Великой рецессии. Американский президент Всемирного банка заговорил о «новой, стремительно развивающейся многополярной мировой экономике» (Всемирный банк, 2010). Международный финансист с большим стажем Джордж Сорос предсказывал, что «текущий финансовый кризис с меньшей вероятностью приведет к глобальной рецессии, чем к радикальному переустройству мировой экономики, с относительным понижением роли США и возвышением Китая и других стран развивающегося мира» (2008). Однако многополярный мировой порядок вызревал намного дольше. Явления такого масштаба попросту не происходят в одночасье, даже в период кризиса (однако, как мы увидим, возникающая многополярность оказалась решающим фактором, вызвавшим этот кризис), что имеет важные последствия с точки зрения преобладающего понимания капиталистического мирового порядка.

Недавние оценки подчеркивают его экономическое единство: под глобализацией понимался мир, объединенный одними лишь рынками, в то время как империализм рассматривал мир, объединенный наиболее могущественными — «доминирующими» или «империалистическими» (данные термины использовались как синонимы) — государствами. Подразумевалось, что национальные государства неактуальны для объяснения мирового порядка (гло-

бализации) или что было лишь одно государство — Соединенные Штаты Америки (империя). Мы можем назвать эти взгляды космополитическими. В Оксфордском словаре английского языка этот термин определен следующим образом: «не ограничивающийся какой-либо одной страной или ее жителями» и «свободный от национальных ограничений или привязанностей». Ни один из этих взглядов не может объяснить многополярности мира, являющуюся результатом того, что национальные государства играют экономические роли, широко и открыто признанные за ними, с целью стимулирования роста в странах с развивающейся экономикой, главным образом в Китае, которые фрагментируют мировую экономику и подрывают значимость Соединенных Штатов Америки в ней. Такое положение дел свидетельствует о том, что космополитические взгляды не только устарели, но и никогда не были точными.

Более того, не только в странах с развивающейся экономикой институт государства играл важную экономическую роль. Во влиятельной газете *Financial Times* было провозглашено, что «Государство... возвращается» (Вульф, 2009), спешно пытаясь отреагировать на кризисы с помощью мер экономической поддержки и налогового стимулирования, спустя три десятилетия, в течение которых доминировали антигосударственные и прорыночные идеологии: неолиберализм, глобализация и империализм. В действительности, безотносительно этих идеологий, государство никогда не исчезало, а мировые экономики сохраняли свою национальную специфику, как отчетливо показывает кризис еврозоны. Даже в англо-американском Хартленде этих идеологий государства продолжили играть важную экономическую роль, с той лишь разницей, что они более однобоко действовали в интересах богатых.

Поскольку признание многополярности разрушает расхожие представления, в «*Геополитической экономике*» предпринимается попытка заложить основу более точного понимания с помощью трех главных аргументов.

Первый и самый фундаментальный аргумент — утверждение о существовании национальных государств. С этой точки зрения капиталистический мир и его историческая эволюция видятся как результат взаимодействия многих государств — конфликтного, конкурентного или кооперационного. Такое взаимодействие определяется экономической ролью каждого в контроле за капитализмом и его кризисными тенденциями (преимущественно ограниченным спросом и, как следствие, переизбытком капитала), которые лишь обостряются по мере вызревания капитализма. Экономическая роль включает в себя деятельность во внутренней экономической сфере и на международной арене. Геополитическая экономия капиталистического мирового порядка, как следует из данного аргумента, опирается на интеллектуальные ресурсы классической политэкономии, включая Маркса и Энгельса, классические теории империализма, более поздних критиков неоклассической экономической теории, например, Джона Мейнарда Кейнса и Карла Поланьи, теоретиков «развивающегося государства» и экономической истории, в частности Роберта Бреннера. В ее рамках международное взаимодействие государств видится через призму диалектики «смешанного неравномерного развития»

(СНР), как называли это большевики. С одной стороны, доминирующие государства стремятся сохранить существующую неравномерную конфигурацию капиталистического развития, которая выгодна для них, в том числе за счет формального и неформального империализма. С другой стороны, государства-соперники (этот термин с благодарностью заимствован из работы *Кейса ван дер Пейла, 2006b*) ускоряют капиталистическое, а иногда, как, например, в СССР, коммунистическое развитие, соревнуясь с империалистическими проектами доминирующих государств. Такое ускоренное развитие называют смешанным, потому что оно характеризуется сокращением или совмещением нескольких стадий, более короткими и интенсивными рывками. Несмотря на экономическую, геополитическую, военную и идеологическую власть доминирующих государств, до сих пор при СНР преобладает последняя тенденция — иногда вопреки значительным разногласиям и, по всей видимости, с постоянными задержками. Именно эта политико-экономическая диалектика, а не рынок или капитализм, понимаемый исключительно в экономических терминах, — ответственна за все более широкое распространение производственных мощностей по всему миру. К началу двадцать первого века это создало многополярный мир, в котором существует слишком много экономик, которые слишком самодостаточны, чтобы какая-либо из них могла даже надеяться на доминирование над другими.

Последний пункт имеет решающее значение. Нынешний кризис знаменует собой конец продолжительного этапа в истории капиталистического мирового порядка и империализма, этапа, характеризующегося фактическим или мнимым доминированием отдельных держав. На этом этапе космополитические представления о капиталистическом мировом порядке как о единой, объединенной мировой экономике, в рамках которой большинство государств не играли никакой экономической роли, выполняли важнейшие идеологические функции. Они отрицали экономическую роль имперских государств или маскировали под доброжелательную «гегемонию», противодействуя претендующим на нее государствам и предвосхищая их попытки ее добиться. Свободная торговля (фритредерство) девятнадцатого века, позволившая реализовать имперские амбиции Соединенному Королевству, была первой в ряду подобных идеологий. Затем, в двадцатом веке, на смену ей пришла теория стабильности гегемонии (ТСГ), а позднее появилась гораздо более недолговечная концепция глобализации и империи, причем все эти теории служили для формулирования притязаний США на мировое господство. Подобно имперским проектам, которые они озвучивали, данные идеологии никогда не были беспорными. В основе предлагаемой вашему вниманию книги лежит несогласие с перечисленными выше идеологиями.

Второй аргумент заключается в том, что мировое доминирование первой индустриально развитой капиталистической страны, Соединенного Королевства, было как неизбежным, так и не поддающимся повторению. Подобное доминирование Соединенного Королевства стало невозможным в рамках дальнейшего СНР, в связи с совместным развитием стран-конкурентов. Начатые в двадцатом веке попытки США подражать должны были быть свернуты. От-

казавшись от территориальной империи, Соединенные Штаты ограничились тем, что сделали доллар мировой валютой, а Нью-Йорк — мировым финансовым центром. Но даже в этом усеченном виде имперским амбициям США будет суждено потерпеть крах. Таким образом, широко распространенная идея о том, будто Соединенные Штаты были (или являются) гегемоном, попросту несостоятельна. А в действительности Соединенные Штаты создали череду ненадежных схем, посредством которых они стремились реализовывать подобие империи. Целые поколения критиков и прогрессивных авторов подвергали справедливому и неустанному разоблачению их чрезвычайно вредоносные военные и экономические действия. В этой книге приводятся аргументы в пользу того, что подобные действия США имели целью получение выгоды от так называемой, беспрецедентной по своей фальшивости, гегемонии.

В действительности идеи о гегемонии США, из того ряда теорий, которые обычно обобщенно именуют ТСГ, имеют под собой нечто большее, чем подражательные имперские устремления Соединенных Штатов. ТСГ возникла в 1970-е гг. после того, как провалилась самая многообещающая попытка реализовать подобные устремления посредством закрепления доллара, обеспеченного золотом, в качестве мировой валюты в рамках Бреттон-Вудской системы. Все версии ТСГ ретроспективно брали за основу доводов послевоенную гегемонию США, скрепленную мировой ролью доллара, якобы основанную на экономическом и финансовом превосходстве, которого Соединенные Штаты достигли после Второй мировой войны. Однако их доминирующее положение было следствием войны и оказалось временным явлением. На международной арене Соединенные Штаты были лишь одним из растущего числа государств, хотя и самым большим, которые более активно, чем когда-либо прежде, стремились к смешанному развитию. Внутренняя экономика США была национальной, а не имперской по сути. В этих обстоятельствах даже урезанные попытки США подражать господству Соединенного Королевства в девятнадцатом веке привели разве что к странной «жизни после смерти» подобного доминирования одной державы.

Наконец, в этой книге прослеживается отмеченная кризисами судьба доллара как мировой валюты. Это демонстрирует третий основной аргумент: глобализация 1990-х гг. и империя 2000-х гг. были не подлинными теориями, а идеологиями, стоявшими за двумя последними попытками США сохранить свою роль. С самого начала притязания на мировую роль доллара были сомнительными, и растущие сложности привели к закрытию золотого окна еще в 1971 г. С тех пор доллар продолжал оставаться мировой валютой, терзая мир финансовыми проблемами. По мере того как доллар склонялся от одной неустойчивой основы к другой, его способность продолжать выполнять роль мировой валюты (не говоря уже о пригодности) подвергалась сомнению. Глобализация и империя — это попытки поддержать доллар в качестве мировой валюты. В их основе лежало значительное увеличение мировых финансовых потоков, деноминированных в долларах. Именно они послужили главными элементами так называемой финансиализации. Таким образом был обеспечен приток капитала в Соединенные Штаты. В условиях глобализации капи-

тал перетекал на фондовый рынок США, а председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен подпитывал иллюзии «новой экономики» США и «чуда скрытой производительности». В то время как Гринспен и его преемник Бен Бернанке поддерживали новые иллюзии о траекториях цен на жилье и искали оправдание притокам капитала в империю Джорджа Буша-младшего, финансовые вливания в раздутый рынок ипотечных ценных бумаг США продолжались. Последнее имело кульминацию в виде финансового кризиса, который не оставит администрации США реальных возможностей стабилизировать доллар в качестве мировых денег. Предлагаются и даже предпринимаются меры по замене доллара в международных расчетах, от расширения роли специальных прав заимствования (СПЗ), бартерных и своп-соглашений для финансирования торговли, до региональных институтов для объединения резервов. Несмотря на то что сейчас невозможно точно сказать, как долго доллар будет удерживать свои уже пошатнувшиеся позиции (хотя кризис Еврозоны, несомненно, способствовал некоторой стабилизации его положения), в настоящее время его дальнейшая судьба зависит от обстоятельств, которые США уже не могут контролировать.

На рис. 1.1 видно, что эти три аргумента расположены как бы один внутри другого в порядке от общего к частному, словно русские матрешки, сложенные одна в другую.

В оставшейся части введения я покажу, как пришла к геополитической экономике, и затем рассмотрю вопрос о том, почему она с политической точки зрения необходима в нынешней конъюнктуре. В конце я приведу структуру книги, которая позволит понять, как три указанных аргумента раскрываются и переплетаются друг с другом в последующих главах.

1

Национальные государства в условиях капитализма:
геополитическая экономия смешанного неравномерного развития при капитализме:
критика экономического космополитизма

2

Неудавшееся доминирование США и неповторимый опыт
Соединенного Королевства: критика свободной торговли — ТСГ

3a

Глобализация? Критика глобализации, новой экономики, чуда производительности

3b

Империя? Критика империи, «великого успокоения», угрозы дефляции,
глобального избытка сбережений и т. д.

Рис. 1.1

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Написание этой книги — это долгое интеллектуальное путешествие. Лишь на завершающем этапе работы появился термин «геополитическая экономия», удачно определивший мой подход. Это стало мерилom длины пройденного пути и обозначило интеллектуальную дистанцию, пройденную от пяти начальных идей до конечного результата.

Во время школьной учебы в Индии я познакомилась с учебниками ряда ведущих критически настроенных историков и экономистов страны, из которых я узнала о прогрессивных антиимпериалистических, национально-ориентированных взглядах на экономические проблемы и перспективы Индии. Когда я училась в канадской аспирантуре, исторический и материалистический подходы к политике и сравнительная политическая экономия позволили мне осмыслить национальные экономики как исторически обособленные конфигурации капитала, труда и докапиталистических классов. По мере развития капитализма в одной стране за другой, сначала в Европе, а затем за ее пределами именно на этих конфигурациях зиждились государства, которые, в свою очередь, с большей или меньшей эффективностью осуществляли управление и регулирование национальных экономик посредством различных институтов и практик. Мы забываем, насколько широко распространенными были подобные взгляды вплоть до 1980-х гг. Именно тогда нападки со стороны антигосударственных, рыночных, имперских идеологий, неолиберализма и глобализации распространились почти на все, им предшествовавшее. Но я не поддаюсь общим веяниям. Моя ранняя работа по неолиберализму противоречила большинству написанных о нем работ, даже тех, что были написаны в критическом ключе, и в ней подчеркивались его интеллектуальные ограничения, а также политические трудности на пути его реализации (*Desai, 1994b*). Когда неолиберальная политика не принесла желаемых результатов, а неолиберальная идеология оказалась неубедительной, то я с удовлетворением отметила, как с самых высоких трибун, наподобие Всемирного банка, стали раздаваться признания необходимости роли государства в экономике (1990).

Но вместо того чтобы умереть естественной смертью, прорыночное антигосударственное мышление в конце 1990-х гг. было реанимировано глобализацией с идеей о неэффективности государств в условиях глобальной экономики. В 2000-х гг. она передала эстафетную палочку имперской идеологии, согласно которой государства являются малозначимыми субъектами по сравнению с имперской властью одного из них — гегемона. Многие рассматривают последние 30 лет как единый неолиберальный период господства трех ярко выраженных идеологий. Однако последние две идеологии имеют критически важные отличия от первой. Неолиберализм просто стремился дать лучший рецепт для обеспечения роста национальных экономик, обвиняя преобладающую нерыночную модель управления экономикой в медленном росте, харак-

терном для 1970-х гг. Это было частью «короткого двадцатого века» (1914–1989 гг.), как назвал его Хобсбаум (1994), — периода, в течение которого параметры экономической политики оставались национальными. С другой стороны, глобализация и империя были космополитическими идеологиями. Хотя они, разумеется, предлагали рецепты внутренней экономической политики, звучали они как объяснения мирового порядка, а точнее, его теории.

Мой опыт и интеллектуальные искания привили мне иммунитет против космополитического очарования глобализации. Представ в виде социальной теории, она имела мало сторонников (однако см.: *Охмэ, 1990*). Зато было много «реалистов»: такие политики, как Блэр или Клинтон, или интеллектуалы вроде Гидденса или Стиглица утверждали, что глобализация является реальной, мощной и неизбежной. Они сделали глобализацию главным мерилем динамики мирового порядка. Парадоксальным образом доверие к их аргументам только усилилось благодаря движению антиглобалистов, принявших реальность глобализации, признававших ее, но только в иной форме. Я разделяла взгляды решительной группы скептиков (в первую очередь: *Херст, Томпсон и Бромли, 1996/2009; Уэйд, 1996b; Вайс, 1998*), которые скрупулезно собирали факты, аргументы и статистику, показывая неубедительность каждого утверждения о глобализации — о росте, торговле, инвестициях, финансах, миграции, технологиях, неравенстве или бедности, и главное, о неактуальности государства.

Таким образом, вопрос был бы закрыт, если бы глобализация действительно была социально-научной теорией, поддающейся опровержению. Вместо этого критика со стороны скептиков вынудила ведущих апологетов глобализации возвести ее в ранг «трансформационной теории» (*Хельд с соавт., 1999*). Так, претензии глобализации приобрели крайнюю двусмысленность: глобализация стала не «единственной», а лишь «центральной движущей силой в мире», которая «тесно связана с трансформацией или преобразованием полномочий современного национального государства, но ни в коем случае не является их единственной причиной» (*Хельд с соавт., 1999: 436*). Более того, это был «по сути, недетерминированный исторический процесс, полный противоречий», поборники которого не настаивали «ни на какой [его] будущей траектории», а вместо этого призывали к «динамическому и открытому» анализу. Глобализация представляла «вписанной в противоречия» и «в значительной степени формируемой под влиянием конъюнктурных факторов». Но, несмотря на все, это была «идея, чье время пришло» (*Хельд с соавт., 1999: 7*).

На поле трансформационных теорий дискурс глобализации мог расширяться без ограничений, налагаемых доказательностью или логикой. Так и происходило. По словам одного аналитика, обладающего редкой проницательностью, глобализация стала одновременно и экспланандумом, и экспланансом, одновременно тем, что требует объяснения, и самим этим объяснением (*Розенберг, 2000*). Множество работ по этой теме, которые сейчас в мельчайших подробностях обсуждаются полчищами ученых, журналистов, экспертов-аналитиков и политиков, подкрепляют смутное убеждение, возникшее в общественном дискурсе в конце 90-х гг., будто нечто, именуемое

глобализацией, было в той или иной степени реально, а не интеллектуальная обоснованность и состоятельность данного факта. Именно оказавшись в тупике, между обоснованностью скептических доводов и легковесностью трансформационного дискурса, я задала себе важный вопрос: если глобализация не была тем, за что ее выдавали, то чем она была на самом деле? Что обусловило этот дискурс и придало ему силы?

Сформулировав этот вопрос для себя, я и встала на путь, который привел меня к написанию этой книги. Работа покойного Питера Гоуэна «Глобальная азартная игра» (1999а) и намного более ранняя работа Майкла Хадсона «Сверхимпериализм» (1972) послужили хорошей отправной точкой. По их мнению, устройство и эволюция мирового порядка являются векторной суммой действий агентов — могущественных государств, в первую очередь США. Данные работы также содержат диалектические рассуждения о том, что даже самые могущественные государства могут не достичь своих целей, или им могут помешать другие, пусть и менее могущественные государства. Гоуэн определил глобализацию как особую стратегию правительства США, и в частности, правительства Клинтона — «фаустовскую заявку Вашингтона на мировое господство», как было сформулировано в подзаголовке его книги. И вскоре у Гоуэна появились последователи. После ухода с поста президента Клинтон был провозглашен «президентом глобализации» (*Foreign Policy in Focus*, 2000), и в «имперский» период его преемника многие противопоставляли эти два проекта. Например, Джованни Арриги задавался вопросом о «странной кончине проекта глобализации»: несмотря на всю свою риторику по поводу свободного рынка, администрация Буша никогда не испытывала такого же энтузиазма, что и администрация Клинтона, в отношении процесса многосторонней либерализации торговли и движений капитала, т.е. тех институциональных аспектов, которые являются краеугольными камнями так называемой глобализации. Действительно, слово «глобализация» редко — если вообще когда-либо — звучало из уст Буша. По словам высокопоставленного помощника президента, это слово «его смущает». Говоря о тарифах на импортную сталь от декабря 2002 г., под угрозой ответных санкций в размере 2,3 млрд долларов, помощник объяснил, что в Белом доме «полагают, что в 90-е годы ошибочным было то, что мы забыли на первое место поставить американские интересы. Таким образом, глобализация ассоциируется с созданием множества правил, которые могут ограничивать имеющийся у президента выбор, подрывая тем самым американское влияние» (*Arrighi, 2005b: 62*; также см.: *Бацевич, 2002: 72–3*; *Манн, 2004: xvi*; *Джонсон, 2004: 255*).

Эти контрасты также сводили на нет попытку приверженцев трансформационной теории исчислять глобализацию десятилетиями — если не столетиями или тысячелетиями — и приписывать ей длительную научную родословную. На самом же деле, появление слова «глобализация», как и литературы, посвященной ей, произошло лишь в конце 1990-х гг. (*Терборн, 2001; Файн, 2004*). Именно тогда, как показано в главе 7, администрация Клинтона начала придавать этому слову те особые смыслы, которые будут доминировать в общественном дискурсе в конце 1990-х гг.

Некрологи глобализации начали появляться в первые годы нового столетия. В них конец глобализации, как правило, связывался с событиями 11 сентября 2001 г. (*Фергюсон, 2005; Economist, 2001a*). Разумеется, к тому времени так много ученых вложились в идею глобализации, что едва ли можно было в одночасье прекратить писать о ней. Но совершенно точно произошло перенасыщение (*Файн, 2004*), и возникли отчетливые новые настроения. Мало того что на смену глобализации пришла идея империи, так еще и сами заявления о глобализации стали куда более осмотрительными, расплывчатыми и сопровождались оговорками. Мартин Вульф, который долгое время утверждал, будто глобализация не только реальна и желательна, но и более или менее неизбежна, в книге «Почему глобализация работает» (2004) пришел к тому, что ей нужно дать шанс. Из гиганта, рвущегося напролом, глобализация превратилась в хрупкое растение, нуждающееся в тщательном уходе.

Именно в этом контексте я приступила к написанию книги о глобализации, рассматриваемой мною в качестве стратегии США по установлению своего мирового доминирования. Эта книга позволит заполнить важный пробел в понимании. Труд Хадсона заканчивается периодом начала 1970-х гг. Гоуэн опередил всего лишь на немного, написав свою работу сразу же после Азиатского финансового кризиса, определив его как апогей глобализации. Однако, как я показываю ниже, этот кризис, направив потоки капитала обратно в США, лишь подготовил почву для еще более впечатляющей кульминации — взрыва пузыря доткомов, последствия которого определили экономическую стратегию империи Буша-младшего. Более поздние авторы лишь делали некоторые попутные замечания, но они настойчиво наводили меня на размышления. Кроме того, моя книга задумывалась как объяснение глобализации с помощью системной теории капиталистического мирового порядка и его развития.

Изначально я полагала, что ТСГ станет такой теорией. В конечном счете в центре внимания оказалась мировая экономика. В книге показано, как могущественные державы — Соединенное Королевство до 1914 г. и Соединенные Штаты после 1945 г. — осуществляли свою производственную экспансию. Такая высокоинтеллектуальная и откровенно марксистская версия мир-системного анализа, как ТСГ, даже проследила череду «гегемоний» вплоть до Голландии XVII в. и итальянских городов-государств XVI в. Первоначально я полагала, в соответствии с ТСГ, что США были гегемоном в 1950-х и 1960-х гг. Однако последующее изучение исторических данных заставило меня отказаться от этого предположения. И это означало, что, хотя концепция ТСГ, включая наиболее тщательно разработанную версию мир-системного анализа, была создана именно для понимания феномена США, она была неверной. Хуже того, сама идея гегемоний возникла на почве имперских амбиций, долго вынашиваемых политическими классами США.

Осознание этого углубило и расширило мой проект. Запланированный мною ироничный отчет о глобализации больше не мог основываться на ТСГ, но необходимо было учесть ее и ее эпигон, «империю», для более полного представления об эволюции мирового порядка и меняющихся позициях, практиках и идеологиях США в нем. И это было к лучшему, ведь теперь я могла

дополнить свою работу обсуждением империи — авторитета, который она приобрела благодаря ТСГ, и ее опасно противоречивой политэкономии, которая подняла финансиализацию на новые высоты. Учитывая, что литература по империи и финансиализации относится к разным сферам знаний, эту связь стоило проследить. Сторонники империи, разумеется, приветствовали ее и призывали США принять на себя имперские обязанности (*Фергюсон, 2004; Мейер, 2006; Игнатъевф, 2003*), тогда как реалисты рассматривали ее как суровую и стабильную реальность (*Панич и Гиндин, 2004*). Даже противники, разоблачавшие ее противоречия и цели (*Бацевич, 2002; Харви, 2003; Джонсон, 2004; Манн, 2003*), в основном концентрировали внимание на военных аспектах и на недостатках США. Хотя эти вопросы были существенными (*Арриги, 2005a, 2005b*), именно финансиализация, на мой взгляд, имела критически основное значение для понимания глобализации, империи и мировой роли доллара.

В поисках новой теоретической базы я обратилась к СНР. Оглядываясь назад, могу сказать, что это было предопределено. Концепция СНР сформировала у большевиков толкование их исторической революции в противовес капитализму и империализму. Она была связана с современными классическими теориями империализма и была основана на идеях Маркса и Энгельса. Более того, СНР получило дальнейшее развитие в двадцатом веке. Как самая крепкая форма смешанного развития, коммунизм — будь то в СССР до 1990-х гг. или в Китайской Народной Республике до сегодняшнего дня — поддерживал и в целом расширял возможности других стран, взявших курс на смешанное развитие — как капиталистическое, так и коммунистическое — в рамках более широкой антиимпериалистической конфигурации. Первыми теориями современных капиталистических международных отношений были СНР и классические теории империализма, а вовсе не вильсоновский идеализм и «реализм», который пришел им на смену, как обычно преподают студентам, изучающим международные отношения (МО). Геополитическая экономия использует их в качестве отправных точек для теоретических рассуждений.

Я восприняла СНР как своеобразный сложный механизм, несправедливо заброшенный теми, кто его унаследовал, но не понял, как им пользоваться. Он лежал, десятилетиями погребенный под слоями неверных толкований и предвзятых оценок, омраченный мимолетными интеллектуальными причудами и модными веяниями. На виду оставались только те детали, которые продолжали использоваться. Было понимание Русской революции, через призму которой некоторые стремились толковать возможности коммунизма в развивающемся мире (например, *Лоуи, 1981*). И была концепция неравномерности, которую другие использовали, чтобы подчеркнуть неравенство при капитализме (например, *Смит, 1990*). Оба этих подхода пренебрегали многочисленными примерами смешанного капиталистического развития, которые пришлось на их век. К 1970-м гг. это стало вотчиной в основном немарксистских авторов, писавших о развивающихся странах (например, *Дейо, 1987; Уэйд, 1990; Бергер и Доур, 1996; Эмден 1992; Ву-Камингс, 1999*). Когда я выта-

щил СНР на свет, стали видны его корни в работах Маркса и Энгельса. Очи- стив и подлатав с целью применения в работе для разъяснения событий кон- ца двадцатого и начала двадцать первого веков, его необходимо было осна- стить тщательно подобранными современными атрибутами: трудами Кейнса, Поланьи, преимущественно немарксистской литературой по тематике раз- вивающихся стран и экономической историей Роберта Бреннера.

Восстановленный теоретический алгоритм СНР предусматривает не толь- ко то, что государства играют экономическую роль на внутриполитической и геополитической экономической арене, управляя капиталистическими про- тиворечиями, но и то, что существует диалектика между неравномерностью и смешанным развитием. Осуществление СНР обусловило прохождение ка- питалистическим мировым порядком ряда четко выраженных исторических этапов. Этап господства Соединенного Королевства сменился взаимосвязан- ной промышленной и империалистической конкуренцией между ним и го- сударствами-претендентами, в первую очередь США, Германией и Японией. Эта конкуренция достигла своей кульминации во времена Первой мировой войны и породила Русскую революцию. На следующем этапе фактически су- ществующий коммунизм в качестве формы смешанного развития добавился к традиционным капиталистическим формам, и его мощная антиимперская апологетика расширила геополитическое и экономическое пространство для смешанного развития — как капиталистического, так и коммунистического. При рассмотрении коммунизма и капитализма, ориентированных на наци- ональное развитие, в качестве форм смешанного развития, легче понять, по- чему так много критически настроенных авторов настаивают на том, что и то и другое было мишенью в холодной войне, которую вели США. Это было, скорее, стремлением сохранить характерное для капитализма неравенство, чем идеологическим крестовым походом (*Блок, 1977: 10; ван дер Пейл, 2006а: 14, 30*).

Осуществление СНР происходило не без последствий для развертывания неизбежной национальной классовой борьбы. Неравномерность имеет тен- денцию усиливать классы капиталистов и собственников, особенно в центре империи, тогда как смешанное развитие, как правило, расширяет возможно- сти рабочего класса и общественного сектора. Например, на послевоенном этапе СНР могущество и авторитет Советского Союза не только обеспечивали деколонизацию и поддерживали смешанное развитие в новых независи- мых государствах, но и способствовали историческому развитию внутренней политической и экономической жизни в передовых промышленно развитых державах. Уже в начале двадцатого века предоставление избирательного пра- ва рабочим классам обусловило недопустимость высокого уровня безработи- цы с политической точки зрения и еще более усилило вмешательство госу- дарств в управление экономикой. Теперь утверждение рабочего класса при- вело к увеличению заработной платы. Внутренние рынки расширились, обеспечив своевременную замену потерянных колониальных рынков. Одна- ко как только произошло насыщение этих рынков, геополитическая эконо- мия второй половины двадцатого века стала свидетелем логики развертыва-

ния СНР как борьбы за ограниченные рынки, которую столь ярко описал Бреннер (1998, 2002, 2006, 2009).

Вскоре после выхода за пределы сравнительной политэкономии и отказа от ТСГ в пользу СНР последовал разрыв еще с тремя традициями: международной (позднее глобальной) политэкономией (МПЭ), марксистской экономикой и формирующимися марксистскими международными отношениями. В основе лежала одна критически важная причина: все эти идейные традиции были порождением собственно «экономики». Позвольте мне пояснить.

Неоклассическая экономика подверглась значительной критике, не в последнюю очередь, после кризиса 2008 г. Но вся эта критика является несостоятельной, если она не может объяснить тот факт, что данная дисциплина возникла в конце девятнадцатого века именно потому, что вмешательство Маркса и Энгельса сделало классическую политэкономия неподходящим средством легитимизации капитализма. На самом деле, она была далека от идеала даже до их вмешательства, поэтому потребовались две фикции. Закон Сэя исключал возможность перенасыщения рынка, отрицая необходимость в колониальных рынках для сбыта излишков продукции, а теория сравнительных преимуществ обосновывала возникавшее по этой причине разделение труда между промышленно развитыми метрополиями и сельскохозяйственными колониями как нечто естественное для империалистического мира. И именно тогда, когда эти две идеи были объединены в трудах Рикардо, Маркс обрушился с критикой на закон Сэя, подвергнув сомнению теорию сравнительных преимуществ менее явным, но не менее значимым образом. Он также выявил противоречия и ограничения в политэкономии, сделав ее инструментом в руках рабочего класса для обоснования социализма и антиимпериализма. Теперь буржуазные мыслители были вынуждены изобретать новый способ легитимизации капитализма. В результате возникла неоклассическая, маржиналистская экономическая теория равновесия, которая возвращала к идеям Рикардо в обход Маркса и Энгельса, взяв за основу закон Сэя и теорию сравнительных преимуществ.

Неоклассическая экономика зиждилась на двух критических подменах: внимание классической политэкономии к истории, конфликтам и кризисам было подменено равновесием, а трудовая теория стоимости (в отличие от цены) и открытый Марксом источник прибавочной стоимости были подменены теорией цен, якобы зависящих от субъективных предпочтений на рынках. Первая подмена породила антиисторическую и статичную «социальную науку», работы по которой, как правило, написаны в простом настоящем времени (политические партии делают это, инфляция — то). В рамках этой науки общества якобы не претерпевали фундаментальных изменений и, разумеется, не по той причине, что в них возникали внутренне обусловленные кризисы. Вторая подмена — экономический фокус исключительно на рынки, вывод за скобки производства, классов и борьбы. Такая экономика, отделенная от других общественных наук и поставленная в привилегированное по отношению к ним положение в рамках нового общественно-научного разделения труда, больше не требовала понимания политики, права и общества. Соот-

ветственно, капитализм представал как чисто экономическое и экономически космополитичное явление по той же причине: государства не играли никакой экономической роли. В такой «бесшовной» глобальной системе деление на растущее множество государств представлялось неуместным. Подобная концепция может маскировать присущую капитализму несправедливость и анархию, но лишь в ущерб его пониманию. Эта «экономика» легла в основу международной политической экономики, марксистской экономики и марксистских международных отношений, возникших в последние десятилетия.

Пионеры международной политэкономии основали новую дисциплину примерно в 1970 г., потому что отдельные дисциплины — международная экономика и международная политика — не могли уловить комплексный характер трудностей, с которыми сталкивалась международная экономика из-за перипетий с долларом. Однако название могло ввести в заблуждение любого, кто ожидал, что новая дисциплина вернется к традициям классической политэкономии: это было бы возможно лишь в том случае, если бы ее пионеры захотели порвать со своими буржуазными и американоцентричными (каковой была и остается МПЭ) позициями и предубеждениями. Усугубляется это тем, что, несмотря на всю шумиху вокруг объединения международной экономики с международной политикой, примат экономики в рамках общественно-научного разделения труда сделал МПЭ, скорее, проявлением «политики экономики». Предубеждения последней оставались неоспоримыми, вызывая, например, жалобы на то, как «особые интересы» ставят под угрозу более важные по своему аксиоматическому статусу механизмы свободной торговли и свободного рынка, при этом не проводилось исследований, посвященных взаимосвязи национальных и классовых интересов, играющих роль в торговле. Как мы увидим, ограничения экономики также гарантировали, что основной для международной политэкономии стала доверчивая аудитория, внимающая череде дискурсов о могуществе США, в частности, ТСГ, глобализации и империи, а также сопутствующим, более специфическим идеям: гипотезе международного финансового посредничества (ГМФП), новой экономике, чуду производительности, опасности дефляции, «великому успокоению» и глобальному избытку сбережений, которые исходили из влиятельных источников, в то время как правительства США предпринимали все более безуспешные и нестабильные меры по поддержанию роли доллара в качестве мировой валюты.

Можно было ожидать, что марксизм, переживший холодную войну, маккартизм и другие развернутые против него капиталистические кампании, будет оспаривать эти дискурсы, если не как политически значимая сила, то, по крайней мере, как альтернативная академическая традиция. В конце концов, он ведь был наследником классической политэкономии. Но и этого не случилось. С начала двадцатого века все большее число марксистов обращалось к культурным и философским исканиям (*Андерсон, 1976, 1983*), в то время как небольшое число тех, кто имел дело с марксистской критикой капитализма и политической экономией, обучалось в качестве «экономистов». Они

и привели троянского коня неоклассической экономики в марксистскую цитадель и попытались приспособить критику политической экономии Марксом к методологическим рамкам неоклассики, несмотря на фундаментальные теоретические, методологические и политические противоречия между ними (Кларк, 1991). В результате получившаяся «марксистская экономика» отвергла теорию стоимости (а следовательно, и оценку Марксом прибавочной стоимости) ввиду мнимых несоответствий и мнимой «проблемы трансформации» (Климан, 2007; Фриман, Климан и Уэллс, 2004; Десаи, 2010а). Это затронуло и чисто экономическую концепцию более или менее бескризисного капитализма в рамках неоклассической теории. Было отвергнуто мнение Маркса о том, что капитализм страдает от недостаточного спроса и тенденции нормы прибыли к понижению (ТНПП) (Фриман, 2010). Такие экономисты-марксисты не теряли времени на классические теории империализма: в них государства играли слишком важную роль. Поэтому неудивительно, что самым важным источником при реконструкции геополитической экономии последних десятилетий была не работа «экономиста»-марксиста, а марксистская экономическая история послевоенного капитализма Бреннера.

Наконец, когда в 1990-х гг. возникло сугубо марксистское направление международных отношений (МО), оно в полной мере было порождением чисто экономического и космополитического понимания капитализма, так что выставляло напоказ это понимание в противовес доминирующему, ориентированному на государства, реалистическому подходу в МО (Розенберг, 1994, см. более полную критику в: Десаи 2010с). Более поздние исследователи марксистских МО пытались дать больше теоретического пространства политике и даже СНР (например, Тешке, 2003; ван дер Пейл, 2006а; Каллиникос, 2009). Однако, как мы убедимся, они оставляли экономическую космополитическую концепцию на теоретических задворках и (или) подчеркивали неравномерность капитализма исключительно в недиалектическом ключе, исключая смешанное развитие.

Геополитическая экономия, несмотря на то, что она возникла во взаимосвязи со сравнительной политической экономией, ТСГ, МПЭ, марксистской экономикой и марксистскими МО, простирается за пределы этих пяти областей мысли. В отличие от сравнительной политической экономии, геополитическая экономия ориентирована на мировой уровень. В отличие от МС или ТСГ, которые однобоко отдают предпочтение доминированию, геополитическая экономия ставит борьбу в центр своего внимания. В отличие от МПЭ, геополитическая экономия восходит к классической политической экономии и затем переходит к критике неоклассической экономики и к первостепенной роли государств в экономике. В отличие от марксистской экономики, геополитическая экономия реабилитирует Маркса и классический марксизм, настаивая на том, что капитализму внутренне присущи кризисы, и исторически сложилось так, что империализм был одним из способов управления ими. И, в отличие от новых марксистских МО, геополитическая экономия исходит из того, что государства играют критически важную экономическую роль как в порождении неравенства, так и в содействии смешанному развитию.

Однако путь, который я прошла, выйдя за пределы этих областей мысли, не отменяет их вклада в мое понимание предмета, равно как и вклада ученых, которых я прямо критикую на этих страницах. В любом случае, как сказал Маркс об Адаме Смите, которого он очень уважал, я особенно ценю того ученого, чьи «противоречия имеют значение, потому что они содержат проблемы, которые фактически он [или она] не решает, но которые он [или она] вскрывает, противореча самому [или самой] себе» (*Маркс, 1969: 151*).

Эта книга — всего лишь начало. У нее есть недостатки, которые я осознаю уже сейчас. Прежде всего, по иронии судьбы эта книга, в которой оспаривается представление о гегемонии США, непозволительно американоцентрична. Государства-претенденты, чье смешанное развитие определило судьбу попыток США подражать британскому мировому доминированию до 1914 г., — своеобразные «Гамлеты» в любой большой истории о геополитической экономии капитализма. Они, как правило, остаются на заднем плане, появляясь лишь изредка, как Розенкранц и Гильденстерн, «задействованные в той сцене или в другой», как сказано в знаменитой строке Т.С. Элиота. Само количество размовок в связи с ролью США в мире, приведенных в этой книге, означает, что более пристальное внимание этой теме, которого она заслуживает, будет уделено в других работах. Они появятся на почве, подготовленной «Геополитической экономией». Здесь многочисленные примеры смешанного развития приводятся между строк, в виде намеков, но, я надеюсь, непротиворечивых и минимальных. Еще один недостаток — это самоцитирование, чаще, чем это обычно требуется. Это — дополнительное свидетельство длительного и сложного интеллектуального пути, который привел меня к написанию этой книги. При этом я обнаружила, что пишу статьи по особенно запутанным вопросам, которые, хотя и были необходимы для дальнейшей работы над книгой, в строгом смысле не являются ее частью.

ПОЧЕМУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ИМЕЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Кризисы опасны драматическим поворотом событий, за которыми следует сюрреалистический сюжет, поскольку старый порядок сопротивляется не на жизнь, а на смерть. Пока сопротивление нынешнему кризису, кажется, терпит неудачу. В условиях многополярности и смещения мирового центра тяжести к странам с развивающейся экономикой открылся поворот к свержению поддерживаемых США диктаторов в Египте и Тунисе. Хотя западное вмешательство в Ливию не удалось предотвратить, оно было остановлено в Сирии. Однако в политической и геополитической экономике появились более тревожные признаки преемственности. Вслед за объявлениями о возвращении государства и «Хозяина» по Кейнсу, которое первоначально сопровождалось антикризисными мерами и стимулами, последовали жесткие меры, свидетельствующие о «странной живучести неолиберализма» (*Крауч, 2011*).

Мало того что правительства потратили миллиарды на поддержку коррумпированных и безответственных финансовых институтов и воспользовались их возросшим долговым бременем в качестве повода для сокращения налогово-бюджетного стимулирования и резкого уменьшения расходов на социальные нужды. Они еще настаивали на том, что частный сектор должен восстановиться, хотя в реальности он был для этого слишком ослаблен. И все это преследовало только одну цель — удовлетворение финансовых интересов. Нет более явного признака их продолжающегося влияния на политическую власть, чем политика умиротворения вместо надлежащего наказания. После того как антикризисные меры восстановили их балансы, финансовые институты, особенно в США, кажется, принялись за старое, выйдя на новые арены спекуляций — товарно-сырьевые и развивающиеся рынки. Это привело к призывам регулировать торговлю сырьевыми товарами и осуществлять контроль капитала (ЮНКТАД, 2011). В США банки вложили миллиарды в противодействие имплементации Закона о реформировании Уолл-стрит и о защите потребителей Додда — Франка от 2010 г., который изменил бы принципы регулирования финансового сектора и, в частности, ввел в действие «правило Волкера», согласно которому банкам с федеральным страхованием вкладов запрещается осуществлять торговые операции для собственной прибыли.

Отчасти эта преемственность должна объясняться отсутствием повсеместной мобилизации ресурсов в противовес жестким мерам, за исключением тех случаев, когда положение дел было особенно острым, как, например, в Греции. В конце концов, для того, чтобы добиться достойных реформ — не говоря уже о революциях — в условиях кризиса, нужны организованные партии и движения, способные воспользоваться возможностями, которые, как известно, предоставляет кризис. Тем не менее такая способность требует понимания тенденции и направления изменений, а также, согласно принципу «в противоречии кроется надежда», тех возможностей, которыми заполнены трещины, образовавшиеся в старом порядке. Этого-то и не могут предложить глобализация и империя, в плену которых по-прежнему пребывает левая и прогрессивная мысль. Эти космополитические идеологии затуманивают возможности, содержащиеся в национальной политике, и уклоняются от такой непростой задачи, как увязывание их с возможностями международной солидарности и деятельности. Вместо этого они предпочитают выражать политически бессильный космополитизм и опасную брезгливость ко всему национальному, трактуя это практически как синоним шовинизма. Они однобоко подчеркивают силу порядка, который видят в самоограничении и в конечном счете саморазрушении. Напротив, «Геополитическая экономия» показывает, что нынешний кризис содержит больше возможностей для прогрессивных изменений, чем видел мир, по крайней мере, на протяжении одного поколения.

На первый взгляд, эта книга указывает на текущий исторический момент, как знаменующий собой завершение длинной главы в истории империализма — главы, повествующей о доминировании отдельных держав, будь то ре-

альном или мнимом. Сейчас мир стоит на пороге дальнейшего углубления многополярности, которую не смогли предотвратить империалистические и претендующие на империалистический статус державы с их космополитическими идеологиями — фритредерством, ТСГ, глобализацией и империализмом. Разумеется, империализм как таковой себя не изжил: более сильные страны по-прежнему будут предпринимать попытки сохранять неравенство и разрешать собственные капиталистические противоречия за счет более слабых. Но этого нельзя сказать о смешанном развитии. Более мощные державы с меньшей вероятностью окажутся перед лицом и более многочисленных и сильных соперников, и более широких слоев населения, стремящихся к чему-то большему, что простое выживание. И хотя нельзя исключать тайного сговора между империалистическими державами, а также между национальными правящими классами и империализмом, усиление мировой конкуренции между увеличившимся числом относительно могущественных стран, вероятно, сделает обе эти возможности немного менее вероятными.

«Геополитическая экономия» также показывает, в более эзотерическом ключе, то разрушение основ власти финансового капитала, то противоречие в его нынешнем состоянии, которые нельзя предотвратить даже с помощью постоянного доступа к коридорам власти. Попытки США сохранить доллар в качестве мировой валюты с 1971 г. опирались на финансовые ухищрения, которые лежат в основе так называемой финансиализации. Ее конец оставляет США мало шансов сохранить за долларом мировую роль. Финансиализация не оказывала более или менее равномерного и значимого влияния на все страны. Данный феномен был ориентирован на США и на доллар. Именно он предопределил судьбу доллара в качестве мировых денег. Мало того что международные потоки капитала, в основном деноминированные в долларах, потерпели крах в ходе нынешнего кризиса, так они еще и не смогли восстановиться до уровня 2007 г. (*Борио и Дисьятат, 2011*), даже несмотря на такую чрезмерную поддержку, которую Соединенные Штаты оказали своим банкам. Усугубило ситуацию то, что антикризисные меры и ухудшившееся финансовое положение США, которое стало их следствием, лишь подтолкнули доллар вниз. Несмотря на то что доллар США укрепился в особенно острые моменты кризиса и его стабилизации в значительной мере способствовал кризис Еврозоны, в целом он сохраняет тенденцию к снижению с 2000 г. Между тем более консервативные европейские финансовые власти не поспешили безоглядно на выручку своим банкам, и последние растеряли «запас прочности» в условиях кризиса Еврозоны. Действительно, с помощью самих антикризисных мер и их очень разнообразных национальных вариаций была проведена эффективная ренационализация финансового сектора, фрагментация «глобальной» финансовой системы, которая на протяжении последних десятилетий удерживала доллар в своих национальных компонентах.

Подобное развитие событий указывает на две очень важные возможности для левых, которые в настоящее время не реализуются именно потому, что под хроническим воздействием глобализации и империи их невозможно увидеть. Во-первых, существует возможность изменения принципов регулиро-

вания финансового сектора на национальном уровне ввиду значительного ослабления международных структур, которые поддерживали каждую отдельно взятую национальную модель финансирования. Во-вторых, что не менее важно, существует все более реальная возможность заключения новых международных валютных соглашений, которые больше не основываются на опасных нестабильных способах обеспечения международной ликвидности, предлагаемых долларом США. Вместо деноминированной в долларах финансирования, которая так долго душила производительные отрасли и порождала все большее беспрецедентное неравенство как внутри стран, так и между ними, такие соглашения помогут создать более справедливый, производительный и равноправный мир, а также более динамичные в культурном отношении и экологически более устойчивые общества.

СТРУКТУРА КНИГИ

Эта книга — об идеях и обусловивших их исторических событиях, а также политически опосредованных взаимосвязях между ними. Поэтому идеи не могут рассматриваться в ней в отрыве от времени и первоначально обсуждаться в «теоретической» главе, как это принято во многих социально-научных трудах. Книга организована в хронологической последовательности, идеи и события в ней переплетены, хотя главы 2 и 5 в большей степени посвящены идеям, нежели событиям. Кроме того, три аргумента, выдвигаемые в книге, переплетаются между собой в ходе исторического повествования.

Первый аргумент, касающийся значимости национальных государств, рассматривается главным образом в главах 2 и 5, в которых оспаривается принцип свободной торговли и ТСГ соответственно. Он также фигурирует и в других главах, в частности, в главах 7 и 8, в связи с глобализацией и империей соответственно. Глава 2 начинается с развенчания идеи либерального фритредерства девятнадцатого века. Ведущая капиталистическая держава той эпохи прибегала к протекционизму и империализму для осуществления и поддержания своей промышленной революции. Две фикции, на которых зиждилась свободная торговля, — закон Сэя и теория сравнительных преимуществ — не давали убедительного понимания. Адам Смит, Гамильтон и Лист, Маркс и Энгельс, классические теории империализма и СНР, а также Кейнс, Поланьи и авторы, писавшие о развивающихся странах, — все подчеркивали значимость наций, роль государства при капитализме и тесную связь капитализма с империализмом и с направляемым государством протекционистским развитием, и каждый делал это по-своему. Смит не был сторонником принципа свободной торговли и «невидимой руки», а классическая политическая экономия отдавала большее предпочтение важности государств, нежели идее извлечения выгоды, не говоря уже о неизбежности свободной торговли.

Новая интерпретация Маркса и Энгельса критически важна для обоснования значимости наций. В главе 2 их теории кризиса очищаются от презрительного высокомерия большинства марксистской экономики и показыва-

ется, что, вопреки доминирующей интерпретации, Маркс и Энгельс не были сторонниками свободной торговли и не верили в ее центральную роль для капитализма. Скорее, они критиковали свободную торговлю, осознавали ее идеологические функции для империализма и воспринимали геополитическую экономию капитализма как «отношения производящих наций» в том понимании, которое охватывало смешанное развитие, до появления соответствующего термина. Можно было бы сказать, что они витают в эмпириях, если бы они поступали как-то иначе. В конце концов, они были свидетелями того, как независимые территории, желающие и способные утверждать собственную политическую автономию под влиянием таких политиков и мыслителей, как Гамильтон в Америке и Лист в Германии, защищали и развивали свою экономику, чтобы конкурировать с Соединенным Королевством в империалистическом и промышленном отношении, в то время как Великобритания ввела одностороннюю свободную торговлю в своих колониях.

В то время международная конкуренция между капиталистическими государствами выражалась в борьбе как за колонии, так и за рынки. Поскольку накануне Первой мировой войны такая конкуренция усилила международную напряженность, для ее объяснения возникло целое созвездие преимущественно марксистских и большевистских теорий — классических теорий империализма. Они связывали империализм либо с противоречиями капитализма в целом, особенно с ограниченностью спроса (Гобсон и Люксембург), либо с новым этапом капитализма, характеризующимся «монопольным капиталом», «финансовым капиталом» или (более ярко) «национализацией экономик» (Ленин, Гильфердинг и Бухарин соответственно). Теория СНР систематизировала более пространное марксистское понимание мирового порядка в сочетании с этими теориями. Все вместе они были ответом на необходимость со стороны растущих партий рабочего класса периода Второго Интернационала понять быстро развивающуюся международную ситуацию и положение большевиков, для того чтобы определить свою политику по отношению к Русской революции.

Между тем поворот к неоклассической экономике отбросил интеллектуальное развитие назад. Вместо того чтобы использовать марксистский инструментарий для ее критики, марксисты стремились приспособить к ней марксизм. Марксистская экономика приобрела чисто экономическое понимание капитализма, которое было совершенно чуждо марксистской традиции, и предоставила возможность делать немарксистским критикам неоклассической экономики, таким как Кейнс и Поланьи, дальнейшие теоретические успехи в направлении подлинной геополитической экономики. В рамках преобладающего на тот момент общественно-научного разделения труда такая буржуазная дисциплина, как МО, со своей стороны, заняла чисто политическую позицию по отношению к своему объекту, и с тех самых пор она приносит в жертву понимание в угоду легитимизации поведения великих держав.

Применительно к внутривнутриполитической жизни Кейнс и Поланьи не только подчеркивали центральную роль государств в капиталистических обществах, но и выступили за расширение этой роли с целью обеспечения полной

занятости и социальной защиты. Применительно к международным вопросам, их частично совпадающая критика фритредерства и международного золотого стандарта основывалась на глубоком понимании геополитической экономии мира национальных государств, контуры которого проступали в условиях надвигающегося конца британского владычества и формального колониализма. Озвученная Кейнсом критика легла в основу его первоначальных предложений на Бреттон-Вудской конференции, касающихся создания многосторонней валюты и клиринговой системы для минимизации торговых дисбалансов. Такие договоренности наилучшим образом обеспечили бы возможность продуктивного и равноправного ведения национального хозяйства и международного сотрудничества (Deau, 2009a). Однако они были отклонены из-за намерения Соединенных Штатов взять на себя роль мирового гегемона вместо Соединенного Королевства, по крайней мере, путем утверждения доллара в качестве мировой валюты. По итогам Второй мировой войны они находились в лучшем положении для такой попытки, чем когда-либо прежде или когда-нибудь будут вновь.

В главе 3 раскрывается второй аргумент, который будет рассматриваться далее, в остальной части книги. Таким образом, имперский путь Соединенных Штатов прослеживается вплоть до Бреттон-Вудской конференции. Рассказывается о том, как имперские устремления Соединенных Штатов, которые присутствовали с момента их основания, с самого начала связанные с экономическим экспансионизмом, способствовали их ранней континентальной экспансии. Завоевав побережье Тихого океана, Соединенные Штаты начали поспешно и сокрушительно наступать на заморские территории. Однако к началу двадцатого столетия новая корпоративная элита пересмотрела экспансионизм США: ее устремления заключались в том, чтобы заменить Соединенное Королевство в роли мировой империи, не прибегая к созданию территориальной империи, что стало невозможным в условиях разворачивания СНР, превратив доллар в мировую валюту, а Нью-Йорк — в мировой финансовый центр. Созданием Федеральной резервной системы в 1913 г. была заложена институциональная основа для такого подражания.

Эта попытка возрождения и определила то, что Соединенные Штаты вступили в Первую мировую войну именно тогда, когда их экономическое процветание грозило прерваться, не вступи они в войну. Обе мировые войны увеличили экономическую мощь США по сравнению с остальным миром. В межвоенный период Нью-Йорк и доллар действительно обогнали Лондон и фунт стерлингов в мировых финансовых делах, но с грехом пополам. Более того, Соединенные Штаты достигли этих целей весьма извращенным способом. Притоки капитала, на которых основывалась новая роль доллара и Нью-Йорка, отличались от того частного капитала, которому был обязан своим возвышением Лондон до 1914 г. В случае США это были межправительственные потоки капитала, устремившиеся в страну по причине настойчивых требований США к своим союзникам о выплате военных займов и, как следствие, настойчивых требований союзников о выплате Германией печально известных репараций. Развертывание СНР не только лишило США притязаний

на территориальную империю, но и обеспечило то, что теперь мировая экономика состояла из конкурирующих национальных экономик. Более того, правительства этих стран стали еще более важными экономическими акторами, а их конкуренция привела к войне. При этом вызванные войной притоки капитала внесли свой вклад в глубокую Великую депрессию, охватившую Соединенные Штаты.

Когда Вторая мировая война начала вытягивать Соединенные Штаты из Великой депрессии, Генри Люс, поделившись своим знаменитым видением «американского века», реанимировал идею о том, что США заменят Соединенное Королевство в качестве «управляющего сегмента» мировой экономики. США воспользовались подавляющим экономическим и финансовым превосходством, обусловленным войной, чтобы сформировать послевоенный мировой порядок в Бреттон-Вудсе. Вопреки широко распространенной точке зрения о том, что США создали благоприятные многосторонние институты управления экономикой, они настаивали на том, чтобы сделать мировой валютой доллар, обеспеченный золотом, максимально ослабили многосторонние институты, создания которых они не могли избежать, и отвергли гораздо более прогрессивные предложения Кейнса, пытаясь реализовать свои подражательные имперские устремления.

В главе 4 прослеживается проблемный курс доллара как мировой валюты до того момента, пока Никсон не закрыл «золотое окно». Такой исход был неизбежным: СНР к тому моменту уже гарантировало статус США как национальной, а не империалистической экономики, и, соответственно, их валюта не могла служить устойчивой мировой валютой. Дальнейшее СНР означало, что их послевоенное экономическое превосходство рано или поздно должно было подорваться. В 1950-х гг. активное сальдо внешнеторгового баланса США заставило мир испытать «дефицит доллара», для устранения которого помощи по плану Маршалла было недостаточно. Однако как только страны Западной Европы восстановили свою экономику, сделали свои валюты конвертируемыми в 1958 г. и начали конкурировать с Соединенными Штатами, на смену дефициту пришло долларовое перенасыщение. Теперь доллар стоял перед «дилеммой Триффина» (*Триффин, 1961*). Будучи национальной экономикой, нацеленной только на собственную экспансию (рабочий класс, получивший право голоса, лишь укреплял эту цель), США не могли обеспечить ликвидность за счет экспорта капитала (также см.: *Хобсбаум, 2008: 80–91, *Arriagi, 2005b: 113–16**). Единственным способом обеспечить мир ликвидностью было поддержание дефицита платежного баланса, но это было себе во вред, так как дефицит подрывал стоимость доллара. Ситуацию усугубляло то, что экономика США начала терять конкурентоспособность, стала тяготеть к импорту и создавать растущий торговый дефицит, который преследует ее по сей день. Имперские устремления США сделали невозможным активное государственное вмешательство, которое было необходимо для решения этой проблемы, сведя его к макроэкономической политике и завуалированной промышленной политике, военному кейнсианству, которое проводилось за ширмой оборонной политики. Результатом всего этого мог стать только рост

инфляции, в то время как военное кейнсианство лишь сделало экономику США чрезмерно зависимой от неконкурентоспособных отраслей, что еще больше подорвало положение доллара.

В довершение всего восстановление Западной Европы и Японии подорвало экономические позиции Соединенных Штатов послевоенного периода. Соединенное Королевство утратило господство в качестве первой индустриальной державы в условиях смешанного развития своих основных конкурентов, а США столкнулись с еще более мощными формами смешанного развития. Фактически коммунизм отбросил назад капиталистический мир, на доминирование в котором могли претендовать Соединенные Штаты, и вынудил его стимулировать смешанное развитие своих конкурентов, а также поддерживать деколонизацию, что позволило бывшим колониям встать на путь смешанного развития. В действительности Соединенным Штатам не удалось создать либеральную мировую экономику, что было обязательным условием осуществления их планов по установлению своей гегемонии по примеру Соединенного Королевства. Из-за угрозы коммунизма и разрушительной войны не только сохранялась необходимость контроля над капиталом, но и сам либерализм, которого могла достичь послевоенная мировая экономика, был «интегрирован» в государственные институциональные механизмы национального и международного уровня (*Рагги, 1982*). Кроме того, после восстановления Западной Европы и Японии СНР вступило в новую фазу. Промышленно развитый мир погрузился в длительный экономический спад, вызванный «избыточностью мощностей и кризисом перепроизводства», в условиях которого будет происходить конкурентная борьба за доли стагнирующего мирового рынка (*Бреннер, 1998*).

То, как правящие круги встречали и реагировали на эти трудности имперского проекта США, отражено в Экономических докладах президента (ЭДП), ежегодно представляемых Конгрессу в соответствии с Законом о занятости от 1946 г. Данный законодательный акт предписывал президенту США «координировать и использовать все соответствующие планы, функции и ресурсы» для обеспечения и поддержания максимальной производительности и занятости, а также докладывать Конгрессу о положении дел (Закон о занятости, цитируемый в ЭДП, середина 1948 г.: 47). Ежегодные ЭДП (полугодовые отчеты, прекратившиеся после 1952 г.), готовившиеся Советом экономических консультантов (СЭК), освещали события предшествующего года и представляли собой «возможность для государства осуществить самоанализ и самокритику ... стимул для президента и Конгресса для выявления причин проблем, с которыми мы сталкиваемся в нашей экономической жизни, и поиска решения этих проблем» (ЭДП, январь 1947 г.: vii). По сути, ЭДП представляют собой тексты, в которых были высвечены основные противоречия имперских амбиций США на национальном и международном уровнях. Главы 4, 6–8 написаны с опорой на них.

В 1960-е гг. усугубилась дилемма Триффина. Правительства-кредиторы и руководители центральных банков начали требовать золото за свои доллары. На фоне утечки золота в 1961 г. был создан золотой резерв с целью обе-

спечения доллара. Именно в условиях усиливающихся трудностей с долларом впервые начали проявляться элементы ТСГ. Такие влиятельные интеллектуалы в сфере политических процессов, как Чарльз Киндлбергер, стали утверждать, будто подрыв экономической мощи, конкурентоспособности или золотых резервов США не имеет значения. Эти факторы никогда не являлись основой доллара в роли мировой валюты — вместо них эту функцию выполняли основательные и изолированные финансовые рынки США. Привязка доллара к золоту была в лучшем случае непредвиденной, а статус Соединенных Штатов как должника был ее условием: США были банкиром для всего мира, оказывая ему важнейшие услуги финансового посредничества (*Деспре, Киндлбергер и Салант, 1966; Салант, 1966*). Гипотеза международного финансового посредничества (ГМФП) уверяла: если иностранные правительства и центральные банки не в курсе, то в отличие от них частные держатели доллара поддержат его стоимость.

Нет никаких доказательств того, что администрация Никсона уверовала в ГМФП, когда закрыла золотое окно в 1971 г. Однако заявление министра финансов США Конналли о том, что «доллар — это наша валюта, но ваша проблема», согласно широко распространенному мнению, свидетельствует о том, что Соединенные Штаты с тех пор придерживались политики «благотворного невмешательства» в поддержание стоимости доллара, оставив это частным делом. В главах 6—8 показано, насколько далек от истины такой взгляд.

В главе 5 мы подробно останавливаемся на ТСГ и рассказываем о том, как она была сформулирована и как получила дальнейшее распространение. В ней ретроспективно переосмысливается роль США как мирового «гегемона» в 1950-х и 1960-х гг. И она обусловила действия, предпринимаемые Соединенными Штатами сейчас в попытке воссоздать желаемое положение дел. В условиях нарастающего ослабления экономической конъюнктуры в 70-х гг. влиятельный автор ТСГ Чарльз Киндлбергер утверждал, будто Великая депрессия была вызвана тем, что Соединенное Королевство уже не могло, а Соединенные Штаты еще не были готовы взять на себя роль мирового экономического «лидера». Имелось в виду, что экономические трудности 1970-х гг. возникли в результате потери этого лидерства и его восстановление позволит их разрешить. Автором теории был не ученый в области общественных наук, а влиятельный в США законодатель мнений и политик, придавший формирующемуся экспансионизму Соединенных Штатов, переосмысленному Люсом в середине века, новую форму, с одним критически важным отличием: он сделал это после того, как провалилась лучшая попытка Соединенных Штатов, на которую только и можно было возлагать надежды. В отличие от фритредерства, которое маскировало протекционистскую индустриализацию и империализм Великобритании в период расцвета ее доминирования в сфере производства, ТСГ возникла лишь после эрозии той наиболее близкой к подобному доминированию формы, которой могли бы довольствоваться Соединенные Штаты, чтобы замаскировать внутреннюю нестабильность тех последовательных финансовых оснований, от которых отныне зависел доллар как мировая валюта. ТСГ приняла ряд отличительных форм, вскоре заняв доминирующее положение

ние в МПЭ и получив соответствующую версию МС. Еще в 1980-х гг. акцент по-прежнему делался на спад гегемонии США. Возрождение наметилось в конце 1980-х гг. Однако пришлось ждать еще почти десятилетие, прежде чем иллюзорная экономическая мощь США конца 1990-х гг. и их в равной степени иллюзорная военная мощь начала 2000-х гг. сделали это возрождение пусть и ненадолго, но в значительной степени вероятным.

В конце главы 5 в качестве объяснения мирового порядка приведена альтернатива ТСГ — геополитическая экономия капитализма второй половины двадцатого века и начала двадцать первого века. В ее основе лежит описанная Робертом Бреннером история долгого подъема и долгого спада (*Бреннер, 1998, 2002, 2006, 2009*). Она показывает, что смешанное развитие стран с восстанавливающейся экономикой привело к долгому подъему и создало избыточные мощности и кризис перепроизводства, обусловив тем самым длительный спад. Этот спад продолжался в течение следующих десятилетий, поскольку компании и правительства в странах, где рабочий класс был наделен политическими правами, не желали допускать «покушения на стоимость капитала» в масштабах, необходимых для его прекращения. Из последующих глав мы узнаем, как в этих обстоятельствах Соединенные Штаты управляли долларом, игравшим роль мировой валюты.

Глава 6 охватывает период между двумя основными нижними отметками доллара — 1971 г. и окончание президентства Джорджа Буша-старшего в 1992 г. Администрация Никсона, закрывшая золотое окно, не восприняла свежую точку зрения, предлагаемую ГМФП: она понимала, что меркантилизм может означать конец для доллара как мировой валюты. Примечательно, что доверие со стороны частного сектора не смогло повлиять на решительность, с которой правительства иностранных государств и центральные банки отказали доллару. Вскоре с целью оказания поддержки Соединенным Штатам пришлось вмешаться в деятельность валютных рынков. Будущее доллара оставалось неопределенным до тех пор, пока Организация стран—экспортеров нефти (ОПЕК) не повысила цены на нефть, а США не добились успеха, убедив правительства стран — членов ОПЕК вкладывать избыточные доходы, полученные от продажи нефти, в инвестиции, выраженные в долларах. Массовая активизация международных потоков капитала, произошедшая благодаря этим нефтедолларам, стала первым и наиболее благоприятным в череде многочисленных проявлений финансовализации (отдельных ее этапов), которые были необходимы для укрепления позиций доллара как мировой валюты. Ввиду того что инертные страны с развитой экономикой не требовали капитала, банки США выдавали ссуды развивающимся и коммунистическим странам на инвестиции в производство, что дало импульс индустриализации, основанной на кредитах по исторически низким реальным процентным ставкам. К концу 1970-х гг. курс доллара вновь устремился вниз, что потребовало от США сотрудничества с другими крупными индустриально развитыми экономикими в рамках регулярных саммитов G-7 с целью стабилизации обменных курсов и поддержания роста. Однако когда разразился второй нефтяной

кризис, на этот раз без какого-либо значительного увеличения притока капитала в США, доллар снова упал. Новый председатель Федрезерва Пол Волкер позволил процентным ставкам вырасти до двузначных чисел для поддержания доллара, что вызвало жесткую рецессию. Кульминацией «упадничества» принято считать тот момент, когда президент Картер произнес «Речь о недуге», в которой он предлагал уменьшить масштаб мировой роли США и повысить конкурентоспособность, чтобы помочь Соединенным Штатам «окупить себя».

Выборы Рейгана выбросили это мнение на помойку истории, но его неолиберальная, монетаристская, ориентированная на предложение экономика оказалась не способна решить проблему. Напротив, на фоне высоких процентных ставок администрация Рейгана стимулировала рост за счет масштабных мер налогового стимулирования: значительного сокращения налогов, обновленного военного кейнсианства и масштабной программы субсидирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в оборонной отрасли, что можно емко охарактеризовать как «военное шумпетерианство». В результате возник беспрецедентный бюджетный дефицит, а поскольку основополагающие для США проблемы конкурентоспособности остались нерешенными, рост на этот раз привел к отрицательному сальдо торгового баланса.

Несмотря на «двойной дефицит», доллар оставался сильным, поскольку приток капитала в Соединенные Штаты происходил по трем направлениям: в качестве реакции на высокие процентные ставки, установленные Волкером; в качестве погашения долга странами третьего мира благодаря тому, что Международный валютный фонд (МВФ) управлял долговым кризисом в третьем мире таким образом, чтобы спасти американские и западные банки; в качестве финансирования дефицита США Японией в обмен на доступ к американским рынкам. Эти притоки капитала вызвали второй крупный всплеск финансовализации, деноминированной в долларах. Они заставили доллар взлететь настолько высоко по сравнению с его реальной стоимостью, что производители начали оказывать давление на правительство с целью сокращения его курса, а ведущие политические деятели стали опасаться возможности катастрофического падения. Соглашение, подписанное в 1985 г. в отеле «Плаза» (The Plaza Accord), предусматривало организацию контролируемого снижения курса доллара. Произошедший два года спустя крах фондового рынка делает это нецелесообразным.

Несмотря на беспрецедентные налоговые стимулы периода президентства Рейгана, экономика США могла поглощать лишь часть капитала — остальное шло на фондовый рынок и раздувало там пузырь, который лопнул в 1987 г. Впоследствии появилась политика, которая будет приводить к возникновению все новых пузырей. Ее называли по имени нового председателя ФРС — «опцион на продажу по Гринспену», т.е. обеспечение дополнительной ликвидности для финансовых рынков в условиях кризисов. Согласно широко распространенному мнению, на ее счет тут же отнесли предотвращение ближайшей рецессии. Ни один из последующих пузырей цен на активы (в том

числе и самый крупный из них, который еще предстоял) не мог надолго скрыть слабость экономики США и значительно ухудшал ситуацию.

Пониженный курс доллара в конце 1980-х и начале 1990-х гг. четко указывал на то направление, в котором действительно могли двигаться фундаментальные показатели экономики США: более высокий спрос на американский экспорт в сочетании с более медленным ростом, ограничивающим импорт, помогли на непродолжительное время закрыть отрицательное сальдо торгового баланса США в начале 1990-х гг. Если бы вместо имперских устремлений предпочтение было отдано решительным государственным мерам по восстановлению производительности и конкурентоспособности, то процветание могло оказаться в пределах досягаемости. Но этому не суждено было случиться. К тому времени, когда рухнул коммунизм, экономика США находилась в депрессивном состоянии, а президент и партия, «выигравшие» холодную войну, потерпели поражение на выборах, проходивших под девизом: «Это же экономика, глупец!»

В главе 7 прослеживается причудливая траектория развития глобализации. Администрация Клинтона впервые использовала понятие «глобализация» в том смысле, который ей дал Роберт Райх, ранее бывший советником Клинтона по экономическим вопросам, а позднее, до 1997 г., занимавший пост министра труда. Речь шла о том, что конкурентным угрозам следует противопоставить стратегию по увеличению добавленной стоимости при производстве и стимулировании торговли, нацеленной на «крупные формирующиеся рынки». Такое понимание было рассудительным и прагматичным по сравнению с дурманящим финансовым коктейлем, придуманным для второго срока Клинтона по рецепту Джозефа Стиглица. Последнее будет поддерживаться финансовыми интересами кругов, власть которых настолько усилилась благодаря действиям ФРС под управлением Гринспена, что они стали доминировать в бизнесе США и в демократической партии. Они превратили планы по оживлению экономики США в программу сокращения дефицита, повышения процентных ставок, а посредством Соглашения от 1995 г., отменявшего Соглашение, подписанное в отеле «Плаза» (*Reverse Plaza Accord*), — высокого курса доллара.

В середине 1990-х гг. на третьем основном этапе финансиализация на короткое время приняла центристремительную форму: капитал направился вовне, поскольку режим дорогого доллара прервал наметившееся восстановление производства. Потерпев почти сокрушительное поражение в результате долгового кризиса в странах третьего мира, финансовые институты США и Запада теперь предоставляли только краткосрочные займы в виде ценных бумаг. Однако им пришлось столкнуться с собственными угрозами. Эти краткосрочные суммы оказывались на малознакомых рынках, не использовались для финансирования производственных инвестиций, а внезапные и массовые выходы с рынка могли их легко «спугнуть». Кульминацией целого ряда финансовых кризисов в странах третьего мира стал масштабный Восточно-азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. Только после того как деньги перетекли «домой», в Соединенные Штаты, полностью оформилась геополитическая экономия.

литическая экономия глобализации. Ее опорой была международная финансовая система, ориентированная на США, поглощавшая капитал со всего мира и перенаправлявшая его в Соединенные Штаты, в особенности на американский фондовый рынок. Понятие «глобализация» приобрело более привычное значение — желательности и неизбежности единой мировой экономики. Это было полностью отражено в ЭДП от 1997 г., в период, когда СЭК возглавлял Стиглиц. В мире, где экономики оставались национальными, а торговля была в значительной степени политизирована, открытость и взаимозависимость, декларируемые в докладе в качестве общих положений, были сведены к финансовой открытости, в частности, к отмене контроля над капиталом в странах третьего мира якобы для получения лучшего доступа к капиталу. За короткий период, в течение которого капитал действительно поступал в эти экономики, он создал мало производственных инвестиций и много экономических потрясений. Затем эффект свободного движения капитала заключался в том, чтобы дать ему возможность перетекать в активы, номинированные в долларах, для финансирования дефицита США и раздувания финансиализации в интересах США. В 90-е гг. стимулированию этих потоков — особенно притока частного капитала на фондовый рынок США — будут дополнительно способствовать рассуждения Гринспена о новой экономике США и о «чуде производительности». Реальным и предполагаемым результатом глобализации в том виде, в каком она оформилась в конце 1990-х гг., стали пузырь на фондовом рынке и сопутствующий ему бум потребления и инвестиций. Когда в 2000 г. пузырь на фондовом рынке лопнул, заглох основной двигатель глобализации, хотя некоторые ошибочно приняли за причину произошедшего теракт 11 сентября (*Economist, 2001a; Фергюсон, 2005*).

Как показано в главе 8, империя оказалась последней и самой отчаянной попыткой сохранить доллар в качестве мировой валюты, что повлекло за собой максимальное увеличение международного движения капитала. Война с терроризмом, ознаменовавшая собой этап империи, была спровоцирована отнюдь не событиями 11 сентября. Те события, официальная версия которых и сегодня, десятилетие спустя, вызывает сомнения (*Макгрегор и Зарембка, 2010*), представляли собой лишь мало заслуживающий доверия повод для запуска проекта, с которым Буш-младший вступил в должность. Военные расходы были беспрецедентно высокими (*Стиглиц и Билмс, 2008*), и экономика США была менее всего к ним готова.

В 2000 г. за падением фондового рынка последовала трудно контролируемая рецессия. С момента перехода Клинтона к сокращению дефицита функцию главного управляющего американской экономикой взяла на себя ФРС, и экономически неграмотная администрация Буша-младшего не собиралась менять это положение дел. Как признала ФРС, единственным источником роста среди групп населения с уровнем доходов выше среднего было потребление за счет кредитов, благодаря жилищному пузырю, который разрастался с середины 1990-х гг. Сейчас, в рамках четвертой крупной финансиализации, этот пузырь раздулся еще сильнее, как наиболее простой способ обеспечения показателей роста, что позволяло бы привлекать иностранные

инвестиции для финансирования постоянно увеличивающегося дефицита США, стимулирования роста и поддержания доллара. Отныне судьба экономики США стала зависеть от готовности остального мира держать доллары. Появились новые объяснения, оправдывающие зависимость экономики США от очень низких процентных ставок (опасность «дефляции»), ее неспособность к быстрому росту («великое успокоение») и очевидное бесстыдство, когда мировой капитал финансирует потребление преимущественно богатых слоев населения в одной из богатейших стран мира, вместо осуществления столь необходимых инвестиций в развивающиеся страны («глобальный избыток сбережений»). За счет притока капитала происходило дешевое финансирование дефицита США и расширение объема деноминированной в долларах финансовой деятельности в поддержание ликвидности доллара. Основная часть этих потоков пришла из остальной части индустриально развитого мира, вопреки аргументу о «глобальном избытке сбережений», с фокусом на Восточную Азию (*Борио и Дисьятан, 2011*).

Разумеется, рассуждения могли лишь отсрочить неизбежное. К середине десятилетия рост в странах с формирующейся экономикой, в частности в Китае, увеличивал цены на сырьевые товары и капитал и формировал тенденцию на понижение доллара. Высокие процентные ставки, ставшие теперь необходимыми, взорвали жилищный пузырь и, таким образом, положили конец росту, стимулируемому потреблением. Именно в результате этого сдвига «великая рецессия» положит конец не только имперскому проекту Буша, но и череде предпринимавшихся с начала двадцатого века попыток США установить свое доминирование в масштабах мировой экономики, в частности, путем утверждения и поддержания доллара США в качестве мировой валюты.

2 ЗНАЧИМОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

В капиталистическом обществе противостояние между политикой и экономикой, а также между рынками и государствами имеет важнейшие идеологические функции. Этот дуализм возник в раннем буржуазном обществе как вызов аристократии и проявлялся также в противопоставлении торговли и завоеваний, мира и войны, разума и насилия. В результате этих противостояний укрепилось мнение, будто в капиталистических обществах государства играют минимальную роль, не имеющую значения для судеб их экономик. С этой точки зрения множественность национальных государств в современном капиталистическом миропорядке может быть объяснена лишь проявлением многообразия культур, если исходить из того, что в экономическом плане их роль незначительна (см. критические исследования в работах: *Десаи, 2009b, 2010c, 2012*). В противовес таким идеям в данной главе раскрывается первый аргумент этой книги, подчеркивающий значимость национальных государств.

Ведь буржуазия не могла обойтись без государства, причем не только в ходе революционных преобразований, которые и породили капитализм (*Маркс, 1867/1977; Багчи, 2005; Хеллер, 2011*), но и после них. Внутри капитализма таились тенденции к несправедливости и кризисам, и государственное управление их последствиями было тем более необходимо, что капитализм развивался. На внутренней арене государство управляло экономическими противоречиями и кризисами капитализма, и прежде всего, теми, которые возникают вследствие ограничения спроса: «Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс» (*Маркс, 1894/1981: 615*). Государство устанавливало и контролиро-

вало отношения между капиталистическими и другими имущими классами, включая классы феодалов, чья экономическая власть сохранялась еще в течение долгого времени после появления капитализма (Майер, 1981); кроме того, государство являлось посредником в борьбе, неизбежно возникающей между имущими классами и рабочими классами, и широкими народными массами. Действительно, повсеместное политическое утверждение рабочего класса превращало государство в «стратегическое поле боя» (Карнуа, 1984: 124) и «материальный сгусток» классовой борьбы (Пуланзас, 1978: 145). На международной арене государства были также основными апологетами интересов национальной буржуазии в отношениях, характерных для геополитической экономики капитализма. Ранняя революционная буржуазия могла повлиять на презрительное отношение к империализму почти в духе Сен-Симона: «гротескные и мрачные», тщеславные феодальные устремления, по их мнению, были сопряжены с такими издержками, которые перевешивали получаемые от них блага (цитата по: Семмель, 1993: 40–1). Однако к тому времени государство уже было глубоко погружено в геополитическую экономию смешанного неравномерного развития капитализма, при этом доминирующие государства стремились сохранить неравенство, тогда как государства-претенденты бросали вызов, невзирая на идеологию фритредерства. Капитализм определялся не строгим разграничением политики и экономики, а способностью капиталистических классов обеспечить использование ресурсов своего государства для проведения именно той политики, которая была им выгодна, как внутри страны, так и за рубежом.

Неудивительно, что принцип свободной торговли с самого начала подвергался сомнению как космополитическая идеология девятнадцатого века, которая сопровождала имперскую гегемонию СК. В этой главе описывается история данного процесса, выявляются наиболее весомые и значимые соображения и традиции, которые, напротив, утверждали идею значимости национальных государств существенным с точки зрения геополитической экономики образом. Глава начинается с оспаривания двух мифов, которые лежат в основе квазиуниверсальной идеи либерального фритредерства девятнадцатого века, — о том, что индустриализация в Соединенном Королевстве осуществлялась без протекционизма, и что оно было антиимпериалистическим государством. Далее в этой главе показано, сколь слабо идея свободной торговли поддерживалась в рамках классической политической экономики до Рикардо, не говоря уже о таких мыслителях-неомеркантилистах, как Лист и Гамильтон. При рассмотрении идей Маркса и Энгельса в данной главе оспаривается преобладающая точка зрения, будто они считали свободную торговлю неотъемлемой составляющей капитализма, и акцентируется внимание на их проницательном понимании реалий империализма, смешанного развития и геополитической экономики «отношений между странами-производителями». И, что не менее важно, эта глава обращается к истокам их понимания капиталистических кризисов, давая полное представление об эволюции роли государства в управлении такими кризисами. Далее рассматриваются классические теории империализма и смешанного неравномерного развития

(СНР), в рамках которых разрабатывались, систематизировались и актуализировались основные марксистские воззрения на первые теории капиталистических международных отношений. Наконец, после того, как марксистская экономика в сущности пресекла дальнейшее развитие такой марксистской теоретизации, внимание переключается на двух основных критиков неоклассической экономики, Кейнса и Поланьи, ставших продолжателями политической экономии, на которой и должна базироваться геополитическая экономия.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК?

Роль государства в капиталистическом мире двадцатого века трудно переоценить, в условиях, когда рабочие классы требуют от него покровительства, а капиталистические классы жалуются на его бремя. Тем не менее почти повсеместно принято считать, будто капитализм до 1914 г. был либеральным, конкурентным и космополитичным, будто он распространялся по всему миру исключительно посредством объединения рынков, а государства играли минимальную роль «ночного сторожа». В основе такой идеи лежат два ключевых заблуждения относительно Соединенного Королевства — первой промышленно развитой капиталистической страны: что она развивалась без особого государственного вмешательства, и что она была «антиимпериалистической», по крайней мере, в период своего расцвета, пришедшегося на середину девятнадцатого века. Именно эти заблуждения препятствовали пониманию того, сколь необходимую экономическую роль играет государство в условиях капитализма.

❑ Исключительность Соединенного Королевства?

Во многих кругах укоренилось убеждение в том, что Соединенное Королевство в девятнадцатом веке практиковало свободную торговлю. Например, классическое утверждение Гершенкрона (1962) о том, что «опаздывающее развитие», как правило, требует государственного вмешательства в догоняющую индустриализацию, и что, чем больше степень «отсталости», тем больше усилий необходимо со стороны государства, подразумевало, что первая промышленно развитая капиталистическая страна не нуждалась в государственном вмешательстве и не прибегала к нему. Позднее этой мнимой свободой от бремени этатизма объяснялся относительный промышленный спад в Соединенном Королевстве, происходивший с конца девятнадцатого века (*Хобсбаум, 1968*). Кроме того, утверждалось, что первая промышленно развитая капиталистическая страна просто повсеместно подорвала докапиталистическое производство. Она никогда не нуждалась в институциональных возможностях и не приобретала их впоследствии для смешанного развития с целью противостояния конкуренции со стороны других капиталистических стран-производителей (*Лейс, 1989*).

Однако Ха Джун Чхан, описывая традиции развития государства, выделил, по крайней мере, четыре четко выраженных этапа в торговой политике СК, которые имели критическое значение для промышленной революции. Первый — «эквивалент современной стратегии стимулирования неокрепшей промышленности» образца шестнадцатого века, времен Генриха VII и его последователей. Второй — проведенная Уолполом в 1721 г. реформа торгового права, которая позволила ловко управлять пошлинами и давать субсидии на развитие отраслей промышленности с большой добавленной стоимостью. Третий — стимулирование промышленности в течение всего периода промышленной революции, пока технологическое превосходство Британии не стало неоспоримым. Наконец, четвертый — отмена «Хлебных законов». Последний пункт, который, согласно широко распространенному мнению, принято считать символом приверженности Великобритании идеалам свободной торговли, в действительности представлял собой акт «фритредерского империализма», направленный на то, чтобы «положить конец индустриализации на континенте путем увеличения рынка сельскохозяйственной продукции и сырья» (Чхан, 2002: 19–22, цит. Чарльза Киндлбергера). Нет необходимости говорить о том, что после достижения технологического лидерства свободная торговля стала лучшим способом стимулирования экспорта.

В реальности, за промышленным спадом в Великобритании стояло не что иное, как доминирование финансовых и коммерческих интересов лондонского Сити над интересами промышленников. Будучи родиной промышленной революции, Великобритания, тем не менее, оставалась во власти капиталистического класса, в первую очередь ориентированного на аграрный сектор, а финансовые и коммерческие интересы этого класса были столь же тесно связаны с государством, сколь далеки от него в социальном отношении были промышленные капиталисты. Кроме того, промышленное лидерство Великобритании превратило Лондон в «крупнейший международный торговый и банковский центр мирового значения», а финансовые и коммерческие интересы Великобритании, сконцентрированные в лондонском Сити, привели к формированию порочного круга «Сити — Банк — Казначейство» (Ингем, 1984; также см.: Андерсон, 1987). Все это способствовало политическому уклону в сторону поддержания роли Лондона в качестве мирового коммерческого и финансового центра. Необходимые формальные обязательства, а именно: «внутренний золотой стандарт, который впоследствии непреднамеренно стал мировым, свободная торговля и бюджетный консерватизм» — препятствовали промышленному лидерству Соединенного Королевства, когда обострилась конкуренция со стороны государств-претендентов. По мере того как «нарастали процессы бегства или утечки капитала Сити» (Ингем, 1984: 226), предполагалось, что «невидимые доходы» должны компенсировать ущерб, нанесенный промышленности. Но этого не произошло. Британское производство оставалось жертвой этой политики вплоть до разгрома правительством Маргарет Тэтчер в 1980-х гг. (Лейс, 1990).

□ Промышленность и империя

Даже в детальном перечне мер торговой политики, приводимом Чханом, не значится имперских завоеваний. Империя внесла исключительный вклад в промышленную революцию, обеспечив не только сырье и рынки, но и такие крупные денежные поступления в период промышленного подъема, без которых «вряд ли Великобритания, переживавшая усиливающийся дефицит продовольствия, вовлеченная в войну и испытывавшая сопутствующую ей напряженность, смогла бы так же быстро изменить их структуру ... как она это фактически сделала, и совершить то, что стали именовать термином "промышленная революция"» (*Патнаик, 2006: 61*). Однако существенный аспект концепции либерального девятнадцатого века заключался в том, что Соединенное Королевство, как доминирующее на тот момент государство, было якобы «нейтральным» по отношению к империи и даже «антиимпериалистическим».

Как убедительно показали Галлахер и Робинсон еще в 1953 г., это было лицемерием. На самом деле «на протяжении всего девятнадцатого века в британской экспансии прослеживалась фундаментальная преемственность» (*Галлахер и Робинсон, 1953: 5*), «неофициально, там где это было возможно, и официально, там где это было необходимо» (*1953: 13*). И это не было случайностью: «Британская индустриализация вызывала постоянно расширяющееся и усиливающееся развитие заморских регионов» (*1953: 5*). Империя де-факто расширялась, и масштаб непосредственной аннексии был впечатляющим: чего только стоят результаты, достигнутые за десятилетие «нейтрального отношения» к империи. В период между 1841 и 1851 гг. Великобритания оккупировала или аннексировала Новую Зеландию, Золотой Берег, Лабуан, Наталь, Пенджаб, Синд и Гонконг. В течение следующих двадцати лет британский контроль был установлен над Бераром, Аудом, Нижней Бирмой и Коулуном, над Лагосом и окрестностями Сьерра-Леоне, над Басутолендом, Грикуалендом и Трансваалем; были созданы новые колонии в Квинсленде и Британской Колумбии (*Галлахер и Робинсон, 1953: 2–3*).

Девятнадцатый век до сих пор может расцениваться как либеральный лишь в силу идеологий.

СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ПРОТЕКЦИОНИЗМ В КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Мысль Адама Смита о том, что колонии бесполезны, расточительны и дороги (*1976, II: 485*), часто цитируют для подкрепления идеи о свободной торговле в девятнадцатом веке, и сегодняшние неолибералы, ссылающиеся на Адама Смита, также приписывают ему концепцию свободной торговли. Однако «Исследование о природе и причинах богатства народов» — это все что угодно, только не ода неограниченному капитализму. Скорее это «постоянно присутствующая критика коммерческого общества», направлен-

ная на демонстрацию того, что такие «фундаментальные категории», как капитал и труд сами по себе подразумевают собственную критику при их тщательном анализе в сопоставлении друг с другом» (*Гечмен, 2007: 113*; также см.: *Мик, 1977*). Действительно, Смит выступал против «меркантилизма», используя данный термин для обозначения политики абсолютистских государств, боровшихся за золото посредством избыточного экспорта, колонизации и создания компаний на основании правительственной концессии (например, Ост-Индской компании и Компании Гудзонова залива). Однако это несогласие не подразумевало одобрения свободной торговли. Смит возражал против ориентации меркантилизма на удаленную торговлю, колонизацию и разграбление. Напротив, он отстаивал не свободную торговлю, а сосредоточение на внутренней торговле и разделении труда, которые и являются, по его мнению, реальным источником «богатства народов». Хотя в целом Смит выступал против торговых ограничений, замышляемых капиталистами, он оправдывал их в том случае, когда они были связаны с иностранными пошлинами и защитой занятости (*Смит, 1976, I: 489–91*), что становилось все более распространенным явлением по мере того, как страны осуществляли индустриализацию и вступали в конкуренцию друг с другом.

Во времена Смита империализм и меркантилизм были неотъемлемыми составляющими геополитической экономики капитализма. Меркантилисты оправдывали колониальные схемы, согласно которым метрополии экспортировали промышленные товары с более высокой добавленной стоимостью, а колонии — более дешевую сельскохозяйственную продукцию: «это... правильно, когда преимущество остается за метрополией». Если сопротивляться таким схемам, то «меркантилистские государства готовы прибегнуть к насильственным способам экспансии и сохранения своих владений» (*Семмель, 1993: 2*). Смит относил колониальное доминирование на счет «случайного» европейского превосходства силы и предсказывал, что наступит время, «когда жители разных уголков Земли смогут достичь такого равенства отваги и силы, что, внушая друг другу взаимный страх, смогут в одиночку противостоять несправедливости со стороны независимых наций и выработают некоторое уважение к правам друг друга» (*1976, II: 141*). Хотя, с его точки зрения, колонии бесполезны и дороги, он признавал их в качестве привлекательных рынков для «излишков товаров», а также их способность привлекать избыточный капитал с помощью внешней торговли (*1976, I: 394–7*).

□ **Две «рикардианские фикции»**

Рикардо более оправданно считают апологетом свободной торговли. Он признавал закон Сэя, который, вопреки всем свидетельствам, исключал «общее перенасыщение рынка» и оправдывал имперское разделение труда между промышленными и сельскохозяйственными (иными словами, имперскими и колонизированными) странами на основании закона «сравнительных преимуществ», согласно которому благосостояние достигает максимума, когда каждая страна специализируется на том, что она наиболее эффективно

производит (Семмель, 1993: 20–1). Обе эти фикции были взаимосвязаны. Это происходило именно в силу того, что — вопреки закону Сэя — регулярно возникало перенасыщение рынков, делавшее необходимым протекционизм на внутренних рынках, установление и поддержание колониального разделения труда. Если первое просто отрицалось, то второе оправдывалось принципом сравнительного преимущества. В противовес такому оправданию многие политэкономы, в частности, Мальтус и Уэйкфилд, утверждали, что колонии были необходимы для расселения избыточного населения, поглощения избыточных товаров и капитала, ослабления классовой напряженности в особенности в период тридцатилетней депрессии после наполеоновских войн. Схожие диагнозы и рецепты имели место среди либеральных мыслителей, в числе которых были, например, Бентам и Милль (Семмель, 1993: 23–38). Две фикции Рикардо переоценили подобное понимание потребности капитализма в регулировании и империализме, а также двусмысленность в отношении его преимуществ.

По крайней мере, в Англии. За рубежом откровенная критика фритредерства стала основой государственной политики. Как будет показано в следующей главе, первый министр финансов США Александр Гамильтон четко осознавал, что свободная торговля лишь усиливает существующее колониальное разделение труда, а, следовательно, Соединенные Штаты нуждаются в протекционизме для осуществления индустриализации и производства товаров с более высокой добавленной стоимостью. Фридрих Лист, изучавший политику и сочинения Гамильтона во время своего пребывания в США, изложил систематическое обоснование смешанного развития государств-претендентов в «Национальной системе политической экономии» (1841/1856), ставшей влиятельной работой в Германии того времени. Лист противопоставил идеологическое доминирование фритредерства и практические взгляды протекционистов: «Ни один другой раздел политической экономии не таит в себе столь широкий разброс во взглядах теоретиков и практиков, как тот, который относится к международной торговле и коммерческой политике» (1841: 61). Как следствие, «несмотря на собственные серьезные ошибки, практика не приняла ни одной реформы, предложенной теорией», а «теория не желала внимать призывам истории или опыта, правительства или какой-либо конкретной страны» (1841: 65). В споре между принципом свободной торговли и протекционизмом на карту было поставлено «просвещение нации в целях обеспечения ее независимости» (1841: 64) — стимулирование инвестиций и культивирование навыков, необходимых для производства товаров с более высокой добавленной стоимостью. Принцип свободной торговли также игнорировал или превратно толковал уроки истории, «которые противоречат его системе; был вынужден отвергнуть результаты Навигационного акта, Метуэнского договора, коммерческой политики Англии в целом, утверждать вопреки всем фактам, что Англия достигла процветания и могущества вопреки этой политике, а не благодаря ей» (1841: 65).

Справедливо считать, что современная традиция развития государств, которая возникла в противовес неолиберализму, восходит к идеям Листа и Га-

мильтона (ключевые работы в рамках этой традиции: Амсден, 1992, 2001, 2007; Гамильтон, 1986; Уайт, 1988; Уэйд, 1990; Чхан, 2002; Ву-Камингс, 1999; Райнерт, 2007). Их примеру последует высшее экономическое руководство более или менее успешных развивающихся стран. Национальная независимость была необходима для ведения самостоятельной политики, чтобы сначала противостоять доминированию Соединенного Королевства на внутреннем рынке, а затем бросить ему вызов на международном рынке. Неудивительно, что первая серия вызовов промышленному превосходству Соединенного Королевства была брошена после того, как примерно в 1870 г. произошла централизация и стабилизация в ключевых государствах: гражданская война в США завершилась победой Севера, состоялось объединение Германии, Реставрация Мэйдзи привела к созданию централизованного государства в Японии. До настоящего времени остается верным правило: в любой конкретной иерархии богатых и бедных стран, неравенство которых естественно порождается капитализмом, «чем большей свободой обладает развивающаяся страна в определении собственной политики, тем быстрее в ней будет происходить экономический рост». Сочетание планирования, протекционизма и государственного стимулирования промышленности — основа любого успешного развития, причем «чем более совершенна существующая институциональная система, тем быстрее происходит развитие» (Амсден, 2007: 153). И хотя такие системы могут приходить в упадок, без них невозможно никакое развитие.

□ Маркс и Энгельс

Маркс и Энгельс считали классическую политэкономия вплоть до Рикардо включительно научным подходом, а не апологетикой, и в своей критике они отмечали как ее достижения, так и противоречия и ограничения. Центральное место занимает отрицание ими закона Сэя. Следует привести полную цитату, поскольку различие между прямым обменом или бартером и оборотом сырьевых товаров в денежной экономике, подобной капитализму, доказало в дальнейшем свою важность.

«Трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами, так как каждая продажа есть в то же время купля... [Э]тим догматом хотят доказать, что продавец приводит за собой на рынок своего покупателя... Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать только потому, что сам он что-то продал. Обращение товаров разрывает временные, пространственные и индивидуальные границы обмена продуктов именно благодаря тому, что непосредственная тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением взамен него чужого расчленяется на два противоположных акта — продажи и купли... [К]огда внешнее обособление внутренне несамостоятельных... процессов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно — в форме кризиса» (Маркс, 1867: 208–9, выделение добавлено).

Такое расширение рынка, которое «разрывает временные, пространственные и индивидуальные границы», имеет свою цену: денежная экономика, разделяя куплю и продажу, содержит в себе зерно кризиса. Капитализм не способен избежать кризисных явлений: частным образом произведенные товары должны получить социальное обоснование посредством продажи, при этом нет никакой гарантии, что они его получают, ввиду отсутствия необходимости тратить деньги, полученные от продажи товаров; их можно накапливать.

Хуже того, структура капиталистической экономики такова, что она это и обеспечивает. Ведь капиталистическое производство направлено на производство прибавочной стоимости, как правило, весьма ощутимой положительной разницы между стоимостью рабочей силы (величиной заработной платы) и ценностью, производимой этой рабочей силой, когда она используется капиталистом. Как стоимость, вложенная в производство (то, что тратится на заработную плату и производственные материалы), так и дополнительная стоимость реализуется посредством продажи. Таким образом, хотя прибавочная стоимость не может возникнуть без производства, она «также не может возникнуть вне обращения» (*Маркс, 1867: 268*). Но такая реализация сталкивается с систематическими препятствиями именно в силу того, что капиталист может накапливать излишек в денежном эквиваленте, в то время как рабочие способны порождать спрос лишь в пределах своей заработной платы. Максимальный спрос со стороны капиталиста ограничен первоначальным капиталом, вложенным в рабочую силу, сырьевые материалы, оборудование и инфраструктуру, тогда как создаваемое им предложение превышает этот спрос. Это усугубляется тем, что «по мере развития производства потребность капиталиста в рабочей силе, а значит, опосредованно и в необходимых средствах к существованию постоянно уменьшается по сравнению с его потребностью в средствах производства» (*Маркс, 1884/1978: 198*).

Когда капиталисты повышают спрос посредством наращивания капиталовложений, они увеличивают производственные мощности и объемы производства, усугубляя проблему реализации. Более того, сложности с реализацией, как правило, сокращают готовность капиталистов осуществлять капиталовложения. К тому же, экспорт «лишь... расширяет сферу противоречий и выводит... их на новую орбиту» (*Маркс, 1884: 544*). Как мы увидим в следующих главах, посвященных геополитической экономии послевоенного капитализма, именно это и произошло. В конечном счете недостаточность спроса, в особенности спроса со стороны рабочих, возникающего в результате извлечения прибавочной стоимости, остается главным противоречием капитализма.

Рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничивать рабочих минимумом цены как продавцов своего товара — рабочей силы... периоды, когда капиталистическое производство напрягает все свои силы, оказываются, как правило, периодами перепроизводства; так как производственные возможности никогда не могут быть использованы таким образом, чтобы можно было не только произвести, но и реализовать большую массу стоимости. Но продажа товаров, реализация товарного капитала, а, следовательно, в прибавочной стоимости, ограничена не по-

требительными нуждами общества вообще, а потребительными нуждами такого общества, огромное большинство которого всегда живет в бедности и вынуждено постоянно оставаться бедным (*Маркс, 1884: 391n*).

Деньги разрушают взаимосвязь между куплей и продажей при бартере и становятся средством сохранения прибавочной стоимости, не потраченной на потребление или капиталовложения. Таким образом, это и есть то средство, через которое выражается недостаточность спроса.

Закон Сэя мог заслуживать доверия только у тех, кто, подобно Сэю и Рикардо, рассматривал капиталистическую экономику как, в действительности, бартерную экономику, в которой деньги являются просто «прикрытием». Однако закон Сэя имел большое значение для легитимизации капитализма. После того как Маркс его разгромил, он получил новую жизнь в рамках неоклассической, маржиналистской, равновесной экономики, и позже Кейнсу пришлось подвергнуть его критике в этой новой форме (*Сардопи, 1997*). Однако при этом в качестве отправной точки он принял разграничение между монетарной и бартерной экономикой по Марксу (*Сардопи, 1997; Досталер, 2007; Десау, 2010a*). Как для Маркса, так и для Кейнса капиталистические кризисы коренились в критически важной роли денег как средства накопления капитала (*Патнаик, 2009a*). Маркс называл их «собственно деньгами», а Сэй, Рикардо и экономисты-неоклассики рассматривали их как простое средство обмена.

Критика Марксом сравнительного преимущества столь же схематична и поверхностна, сколь основательна и подробна его критика закона Сэя. Сохранившиеся ранние черновики «Капитала» свидетельствуют о том, что он планировал написать о международной торговле и мировом рынке (*Николаус, 1973: 53–4*), однако эти планы так и не были воплощены в жизнь. Однако в своих отрывочных замечаниях по поводу теории торговли Рикардо он прощательно отмечает, что «ее единственная цель заключается в подкреплении теории стоимости [Рикардо], которая оправдывает все доходы, включая прибыль» (*Маркс, 1863/1972: 253*). Однако в более обширных рассуждениях Маркса и Энгельса о свободной торговле и протекционизме присутствует критика, по своей мощи сравнимая с критикой закона Сэя. В них также содержатся общие черты геополитической экономики капитализма.

Принято ссылаться на «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса (1848/1967) для обоснования космополитического стремления капитализма к созданию единой мировой экономики: что может служить лучшим доказательством, чем слова величайших критиков капитализма? В конце концов, они говорили о «наиболее революционной» роли самой буржуазии в «постоянно увеличивающемся сбыте продуктов» и в том, что «сделала производство космополитическим»; в том, что «вырвала из-под ног промышленности национальную почву»; в наращивании средств связи для вовлечения «в цивилизацию все, даже самые варварские, нации»; в «разрушении всех китайских стен» «тяжелой артиллерией» «дешевых цен ее товаров»; в создании «себе мира по своему образу и подобию» (*Маркс и Энгельс, 1848: 82–5*). Но эта цитата является неполной. Несколько страницами ниже Маркс

и Энгельс рассуждают о том, как буржуазия способствовала «политической централизации»: «Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей» (1848: 85, выделение добавлено). Они говорили о рабочих, борющихся за «признание отдельных интересов рабочих в законодательном порядке»; о буржуазии, настроенной против «буржуазии зарубежных стран» (1848: 90); и, наконец, о том, как «если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной» (1848: 90). Таким образом, «пролетариат каждой страны... должен сперва покончить со своей собственной буржуазией» и добиться политического превосходства, централизовав «все орудия производства в руках государства» (1848: 92–3).

Маркс и Энгельс яснее других видели, что именно отделение экономики — гражданского общества — от государства при капитализме отличало его от прежних классовых обществ. Однако только его полное достижение могло ускорить наступление чистого и в чистом виде экономического капитализма, которому, как выразился Энгельс, «мы не позволим случиться» (цит. по: *Мандель, 1978: 68*). Мало того что это стремление не было реализовано в полной мере, но еще и собственные противоречия капитализма и борьба рабочего класса, развернувшаяся во времена Маркса и Энгельса и позднее, добавили новых препятствий на его пути. В чистом виде «экономический» капитализм так нигде и не возник.

В 8-й части I тома «Капитала», посвященной «Так называемому первоначальному накоплению», как известно, подчеркивается важнейшая роль государства в установлении капитализма путем лишения работников средств к существованию. Однако такое примитивное накопление не только продолжается до наступления зрелости капитализма (*Люксембург, 1913/2003; Харви, 2003*); оно тесно связано с расширением роли государства в смешанном развитии за счет «колоний, государственного долга, современной системы налогообложения и системы протекционизма». Государственный долг позволил странам «покрывать чрезвычайные расходы [например, на колонизацию] так, чтобы налогоплательщики не ощутили их немедленно на себе», а в результате вызванной этим инфляцией налогов и товаров текущего потребления все большее количество ремесленников и крестьян едва сводили концы с концами. Эффективность такой системы первоначального накопления была дополнительно усилена «системой протекционизма, которая является одной из ее неперемennых составляющих» (*Маркс, 1867: 921*).

Маркс «в принципе высказывался в пользу свободной торговли» (*Энгельс, 1888/1990: 523*) и говорил, что «законы политической экономии [получили] дополнительную силу, дополнительное подтверждение» (*Маркс, 1847/1976: 290*) с его помощью, поскольку в то время он полагал, что свободная торговля «ускоряет социальную революцию», убыстряя развитие капитализма (*Маркс, 1848: 465*). Он, конечно же, не принимал рикардианских представлений от-

носителем сравнительного преимущества и взаимной выгоды свободной торговли. Он язвительно отмечал: «Нет ничего удивительного в том, что приверженцы свободы торговли не способны понять, как это одна страна может обогащаться за счет другой; ведь эти господа обнаруживают еще меньше желания понять, каким образом внутри каждой страны один класс может обогащаться за счет другого» (*Маркс, 1848: 464–5*). Хотя отмена «Хлебных законов» привела к снижению заработной платы, ухудшив тем самым социальное положение рабочих как в абсолютном, так и в относительном выражении (*Маркс, 1847: 290*), Маркс поддержал свободную торговлю в надежде, что она позволит «освободиться от пережитков феодализма», оставив рабочий класс наедине с «единственным, последним врагом». Более того, свободная торговля побудила землевладельцев «поддержать, совместно с рабочими, билль о десятичасовом рабочем дне — билль, принятия которого рабочие тщетно добились в течение тридцати лет» (*Маркс, 1848: 457–8*). Маркс выступил за принцип свободной торговли для Германии именно потому, что, хотя немецкие протекционисты утверждали, будто «их система... необходима... для запуска социальных реформ в стране», они «ушли от социального вопроса», считая его «специальным вопросом». Они «никогда не защищали мелкую промышленность, собственно ручной труд», сетовал он, но расценивал их упадок как «хотя и прискорбное, но неизбежное, необходимое явление» (*Маркс, 1847: 281*).

Если бы протекционизм сочетался с реформами, как это происходило позднее, то мы можем смело предположить, что условная позиция Маркса была бы иной. Ведь, как он мог видеть, при определенных обстоятельствах именно протекционизм, а не свободная торговля способен ускорить развитие капитализма и уничтожить феодализм. «Протекционистская система» была «не чем иным, как средством обеспечения крупномасштабного производства в любой конкретной стране». Покровительственные пошлины служили буржуазии «оружием против феодализма и абсолютной власти, средством сконцентрировать свои силы и осуществить свободу торговли внутри страны» (*Маркс, 1848: 465*). И этим пользовались за рубежом: европейские государства дрались из-за патента на протекционизм, грабили свои собственные народы, косвенно — путем покровительственных пошлин, прямо — путем экспортных премий. Они насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них соседних странах, как, например, была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии (*Маркс, 1867: 922*).

Хотя какое-то время после своего триумфа в Англии свободная торговля, как казалось, «подтверждала самые экстравагантные ожидания насчет процветания в результате этого события», все вскоре изменилось. Вряд ли можно было ожидать, что перед лицом невероятного успеха Соединенного Королевства другие страны будут «сидеть на месте, смирившись с этим изменением, которое превратило их в простые сельскохозяйственные придатки Англии», «мастерской мира». Они этого не сделали, и протекционизм — а не свободная торговля — стал тем самым «планом, который вскоре заведет капиталистическое общество в тупик» (*Энгельс, 1888: 525*). Маркс разъяснял, насколько хорошо он понимал смысл смешанного или соперничающего развития,

когда саркастически цитировал Листа, сторонника немецкого протекционизма: мы, немецкие буржуа, не хотим подвергаться эксплуатации со стороны английских буржуа таким же образом, как вы, немецкие пролетарии, подвергаетесь эксплуатации с нашей стороны и как мы сами взаимно эксплуатируем друг друга. Мы не хотим отдавать себя во власть тех же самых законов меновой стоимости, во власть которых мы отдаем вас. Мы больше не хотим признавать в отношении других стран те экономические законы, которые мы признаем внутри страны (*Маркс, 1845/1975: 279–80*).

Как ясно выразился Маркс, конкуренция между протекционистскими блоками капитала, организованными по национальному принципу и заменившими «мировой рынок», созданный посредством имперской экспансии Соединенного Королевства, аналогична конкуренции между компаниями и столь же противоречива. Наиболее показательны его заметки по поводу американского сторонника протекционизма Генри Кэри. Кэри пытается доказать, будто капиталистические отношения в условиях протекционизма являются условиями гармонии внутри страны. Однако он не увидел того, что это кончается *полнейшей дисгармонией этих отношений там, где они выступают на наиболее грандиозной арене, на мировом рынке, достигнув наиболее грандиозного развития в качестве отношений производящих наций...* Кэри не понял того, что эти дисгармонии мирового рынка являются лишь последним адекватным выражением тех дисгармоний, которые фиксируются, как абстрактные отношения, в экономических категориях и которые в своем минимальном масштабе обладают тем или иным локальным существованием... Это противоречие и делает его произведения оригинальными и придает им их подлинное значение (*Маркс, 1858/1973: 886–7*, выделение добавлено).

Идея, будто Маркс и Энгельс считали империализм «пионером капитализма» (*Уоррен, 1980*), способствующим, при всей своей очевидной грубости, интегрированию удаленных уголков мира в мировой рынок и втягиванию их в капиталистическое развитие, является необоснованной и противоречит их геополитической экономии «отношений производящих наций». Напротив, они считали, что при империализме «один народ [богатеет] за счет другого». Сторонники первой точки зрения указывают на знаменитое высказывание Маркса по поводу того, как империализм в Индии заложил «материальные предпосылки» освобождения индийцев посредством развития их производительных сил (*Маркс, 1974: 321*). Но они не замечают его утверждения о том, что это возможно только с прекращением колониальной эксплуатации, в условиях социализма или национализма. Пока «в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго», население Индии не сможет «пожинать плодов созревания тех элементов нового общества, которые [таким образом] были посеяны среди него» (*Маркс, 1974: 323; также см.: Хабиб, 2006: LIII–LIV*).

Взгляды Маркса и Энгельса на империализм предвосхитили более позднюю и более полную критику теории сравнительных преимуществ. Это обеспечило колониализму «моральное оправдание» (*Райнерт, 2007: 304; Патна-*

ик, 2005; Саул, 1960), исходя из ошибочных предположений: о полной занятости в странах, занимающихся торговлей, о том, что все страны способны производить любые товары. При этом страны с развивающейся экономикой были вычеркнуты из капиталистического сценария на основе предположения, будто технологические инновации возможны в условиях свободной торговли. Это было в особенности губительно: из экономической теории было исключено качественное понимание экономических изменений и динамики, была создана экономическая теория, которая допускает специализацию страны на бедности. В рикардианской теории экономика никуда не движется, нет прогресса и, следовательно, нечему подражать (*Райнерт, 2007: 19*).

Учитывая, что контролируемое на государственном уровне развитие стран-претендентов было связано именно с подражанием, не говоря уже о прорывном развитии, теория сравнительных преимуществ работала на идеологическое усиление существующих моделей неравномерности, устраняя вызов статусу-кво со стороны смешанного развития.

Также позднее пришло понимание того, какую роль Маркс и Энгельс отводили государству во внутренней экономике. Энгельс предвидел, что по мере того, как при капитализме будет происходить социализация производства, противоречие между ним и частной собственностью будет обостряться и вынудит капиталистов объединяться в тресты, и в конечном счете это приведет к тому, что «государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено ... взять на себя руководство производством» (1880/1989: 318). Конкуренция между капиталистами и классовая борьба внесет свой вклад в усиление экономической роли государства. Как утверждал Маркс, «при свободной конкуренции имманентные законы капиталистического производства действуют в отношении отдельного капиталиста как внешний принудительный закон», а сами капиталисты ратуют за регулирующее законодательство (1867: 381 и п). Более того, «капитал... не интересуется здоровьем и продолжительностью жизни работника, если только общество не принуждает его к этому», и классовая борьба заставляет общество делать это, когда власть капиталистов достаточно слаба и, соответственно, рабочий класс достаточно силен (1867: 409).

ИМПЕРИАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Геополитическая экономия капитализма вступила в новую фазу в конце девятнадцатого века. Все большее число государств стали играть важную экономическую роль в условиях, когда конкурентная индустриализация усиливала промышленную конкуренцию между «производящими нациями». Мир, созданный и управляемый исключительно посредством имперской экспансии первой индустриальной капиталистической страны, постепенно уступал место миру, формируемому соперничеством между множеством промышленно развитых стран, по мере того как страны-претен-

денты— главным образом США, Германия и Япония — осуществляли индустриализацию. Кроме того, доступность территорий, которые можно было легко приобрести, а также тесная связь между промышленным успехом и имперским размахом означали, что промышленная конкуренция влекла за собой имперское соревнование, кульминацией которого стала Первая мировая война. Таким образом, период имперской и промышленной конкуренции с 1870 по 1914 г. следует, прежде всего, рассматривать как кульминационный момент, точку равновесия между имперскими истоками капитализма и его перспективами в виде международной конкуренции и усиливающейся многополярности.

В течение этого периода лишь увеличилось расстояние между идеологическим господством фритредерства, благодаря доминированию финансовых интересов Великобритании, и реалиями практической жизни. Конкурентный империализм промышленно развитых государств, который привел к Англо-бурской войне, схватке за Африку, японскому нападению на Маньчжурию и Корею и вторжению США на Филиппины, вызвал гораздо больше насилия, чем прежняя «экспансия Англии», которая продолжилась в виде нейтрализации более слабого национального сопротивления и подавления соперников. Но идеология по-прежнему была настолько далека от этих реалий, что одной из самых популярных книг в канун Первой мировой войны была «Великая иллюзия» Нормана Энджелла. В ней, в частности, утверждалось, что «отныне политические и экономические границы страны не обязательно совпадают»; что «военная мощь бесполезна в социальном и экономическом отношении и никак не связана с процветанием народа, обладающего ею»; что «даже победоносная война уже не позволяет достичь тех целей, к которым стремятся народы» (*Энджелл, 1914: vii-viii*).

Поэтому неудивительно, что более точное понимание геополитической экономики того времени возникало именно из критических, с политической точки зрения, интеллектуальных течений. Марксистские лидеры Второго интернационала и большевистские лидеры Русской революции создали труды об империализме: «Финансовый капитал» Рудольфа Гильфердинга (1910/1981), «Накопление капитала в мировом масштабе» Розы Люксембург (1913/2003), «Империализм» Владимира Ленина (1917/1970) и «Мировое хозяйство и империализм» Бухарина (1917/2003, написано в 1915 г.) — сегодня все эти работы являются классическими. Дж. А. Гобсон со своей работой «Империализм. Исследование» (1902/1965) предвосхитил марксистские труды и повлиял на наиболее известные из них: Ленин использовал исследование Гобсона «со всем вниманием, которого, по [его] мнению, заслужива[ла] эта работа» при написании своего популярного памфлета. Интеллектуальными предшественниками Гобсона были представители нового английского либерализма. Это течение отвергало свободную торговлю, чтобы осуществить «необходимую интеллектуальную корректировку» (*Хобсбаум, 1964: 267*), с целью преобразования капитализма «поэтапно в более рациональный и гуманный социальный порядок, при котором неравенство в богатстве и доходах будет резко сокращено, а демократические права будут расширены и подкреплены, при

котором рабочий класс, остающийся маргинальным и отчужденным, будет интегрирован в политическую систему» (*Десаи, 1994a: 47*; также см.: *Кларк, 1978*). Можно отметить, что современный «буржуазно-марксистский» (*Кейтфорс, 1994*) труд «Империализм и общественные классы» Йозефа Шумпетера (1919/1951) связывал капитализм со свободной торговлей, а империализм — с влиянием аристократии. Он имел мало общего с работами, которые касались либо капитализма как такового, либо его нового этапа, в сущности, империализма.

□ Империализм и капитализм

Гобсон видел источник империализма в центральном противоречии капитализма — недостаточном потребительском спросе. Низкая заработная плата рабочих обуславливала разницу между «желанием потреблять» и «потребительской способностью» (*Гобсон, 1902: 87*). Как следствие, дефицит спроса усугублялся ростом производительности и объемов производства за счет конкуренции, а ограниченный спрос сокращал инвестиционные возможности. Конкурентный империализм был неизбежен: по мере того как одна страна за другой входит в экономику машинного производства и осваивает передовые промышленные методы, ее производителям, торговцам и финансистам становится все труднее с выгодой распорядиться своими экономическими ресурсами и у них возникает все больше соблазна использовать свои правительства с тем, чтобы получить для собственных нужд какую-то отдаленную неразвитую территорию путем аннексии и установления протектората... Как признают все бизнесмены, рост производственных мощностей в стране превышает рост потребления; количество товаров, которое может быть произведено, больше, чем количество товаров, которое может быть продано с получением прибыли; объем имеющегося капитала больше, чем объем капитала, который можно выгодно проинвестировать. Именно такое экономическое положение дел формирует стержень империализма (*Гобсон, 1902: 80–1*).

Гобсон, как новый либерал, явно отвергал закон Сэя, однако события, которые помешают большинству марксистов сделать то же самое, уже разворачивались. Национальные капиталистические классы полагались на государство в разрешении противоречий капитализма внутри страны и в продвижении своих интересов против конкурирующих капиталистических стран за рубежом. Однако утверждение рабочего класса заставляло их с тревогой осознавать, что государственное вмешательство открывало возможность того, что «национальный капитализм послужит простой остановкой на пути к тому или иному типу социализма» (*Блок, 1977: 9*). Классическая политэкономия, даже рикардианского толка, больше не могла легитимизировать капитализм. Слишком неудобно она приблизилась к спорным вопросам классов и распределения еще до вмешательства Маркса и Энгельса. Теперь возникла неоклассическая, маржиналистская «экономика». Ее предназначение заключалось именно в том, чтобы изучить «возможности и ограничения государственно-

го вмешательства в регулирование экономических отношений, включая, в частности, решение трудового вопроса», и проследить за тем, чтобы такое вмешательство существенным образом не нарушило баланса политических сил в пользу рабочего класса посредством политики «государства всеобщего благоденствия» (Кларк, 1991: 188).

По мере того как марксисты осваивали неоклассическую экономику, начиная с М.И. Туган-Барановского (1901/2000a, 1901/2000b), они начали встраивать идеи Маркса в неоклассический, маржиналистский концептуальный аппарат, и одним из последствий этого было исключение большинства форм кризисов. Учитывая то, что они принимали закон Сэя, недостаточность спроса была особой мишенью, а «недостаточное потребление» с тех пор оставалось синонимом экономической безграмотности в данных кругах (более полное обсуждение этих вопросов см. в: Десаи, 2010a).

Роза Люксембург оспаривала данное направление, все еще находившееся в стадии зарождения, и утверждала, что в его основе лежало тенденциозное прочтение схем воспроизводства из тома II «Капитала». Данное направление игнорировало многочисленные ссылки на кризис в томе II, а также цель схем воспроизводства, которая заключалась в демонстрации того, как может происходить воспроизводство (но, как правило, не происходит). Использование данного аргумента для обоснования бескризисного капитализма категорически противоречило содержанию тома III, «основанному на внутреннем противоречии между неограниченной способностью производительных сил к расширению и ограниченной способностью общественного потребления к расширению в условиях капиталистического распределения» (Люксембург, 1913/2003: 323). [С]тремления к накоплению, а также технических предпосылок к накоплению недостаточно в капиталистической экономике товарного производства. Для того чтобы действительно происходило накопление и расширение производства, требуется еще одно условие: должен расти платежеспособный спрос на товары. Что является источником этого постоянно растущего спроса, который... формирует основу воспроизводства в постоянно увеличивающихся масштабах? (Люксембург, 1913/2003: 104).

Для Люксембург, в «чистой» капиталистической экономике при «повсеместном и исключительном доминировании капиталистического способа производства» (1913/1951: 348–9), включающего в себя только рабочих и капиталистов, в соответствии с обсуждаемым мыслительным конструктом, спрос был хронически недостаточен. Продолжая идеи Маркса и предвосхищая идеи Кейнса, она ясно видела, что недостаточный спрос уменьшает «мотивацию капиталов к осуществлению капиталовложений». Джоан Робинсон поясняет аргументацию Люксембург: Какова мотивация капиталистов к увеличению основного реального капитала? Откуда они знают, что увеличенный объем выпуска товаров, произведенный за счет нового капитала, будет пользоваться спросом, что даст им возможность выгодным способом «капитализировать» свой излишек? (Робинсон, 1951: XXIX).

Стимулируемое конкуренцией увеличение производительности и сокращение издержек неизбежно приведет к общему перепроизводству и сниже-

нию нормы прибыли и лишит капиталистов мотивации к инвестированию, если только не будут найдены новые рынки в некапиталистических обществах (также см.: *Маркс, 1858: 417*).

Для Люксембург условия спроса и инвестиционные решения взаимосвязаны, и решение не вкладывать излишки средств ведет к накоплению капитала. Как отмечает Прабхат Патнаик, данная идея связывала Маркса — через Люксембург (и, можно добавить, Гобсона) — с Кейнсом и Калецким. В рамках этой традиции постоянно присутствующие возможности накоплений в монетарной экономике означают, что в любой момент времени инвестиции могут не компенсировать дефицит потребительского спроса. Это было краеугольным камнем критики закона Сэя со стороны Маркса (а затем и Кейнса). Большинство последователей Маркса не поддержали «этот фундаментальный вклад Маркса». Напротив, они придерживались «исключительно другого крупного теоретического открытия Маркса, касающегося его теории прибавочной стоимости» (*Патнаик, 2008: 3–4*), хотя, как мы увидим позже, и тут не обошлось без проблем.

В то время как империализм и в двадцатом веке оставался для государств предпочтительным методом решения проблем с дефицитом спроса, Гобсон ясно видел другой путь — углубление и расширение внутреннего рынка. Если в соответствии с повышением производительных сил растет уровень потребления внутри страны, то не возникает никакого избытка товаров или капитала, требующего использования империализма для поиска рынков. Внешняя торговля будет существовать, но при этом не будет составлять никакого труда обменивать небольшой излишек наших промышленных товаров на продукты питания и сырье, которые мы ежегодно потребляем, а все сэкономленные нами средства смогут найти применение в отраслях внутренней экономики, если мы этого захотим (*Гобсон, 1902: 81*).

Однако этот путь укрепит экономическое и политическое положение рабочих, и капиталисты не пойдут на него, пока существует возможность легкого приобретения и удержания зарубежных территорий. Лишь благодаря послевоенной деколонизации будет заложена основа величайших завоеваний рабочего класса в истории капитализма, а также положено начало наиболее динамичному за все предшествующее и последующее время этапу капиталистического накопления.

Безусловно, данный путь также был, по сути, противоречивым: Маркс утверждал, что периоды роста заработной платы и потребления со стороны рабочего класса будут вызывать кризисы нового типа, уменьшая желание капиталистов осуществлять капиталовложения из-за сокращения рентабельности (1884: 486–7). Калецкий (1943) был более категоричен: подобное решение проблемы недостаточного потребления означало бы расширение прав и возможностей рабочего класса до такого уровня, который неприемлем для капиталистов. Следовательно, проблема недостаточного потребления при капитализме будет устранена лишь частично, и, как будет показано в последующих главах, она усугубит противоречия капитализма, в точности как предсказывал Маркс.

Но не будем забегать вперед. До тех пор пока империализм оставался предпочтительным решением, верным было мнение Люксембург о том, что «капитализм нуждается в некапиталистических общественных организациях как условия для его развития» и что «он основывается на ассимиляции тех самых условий, которые только и могут обеспечить его собственное существование» (1913/2003: 346). Однако только что появившаяся марксистская экономика подвергла эту точку зрения критике, которая была одной из самых безответственных за всю историю марксизма. Расходясь во мнении по многим пунктам, такие критики, как Бухарин и Гроссман, а также их последователи конца двадцатого века настаивали на том, что наступление империализма «возможно и действительно, и, когда оно происходит, оно способствует капиталистическому накоплению, но этого не требует логика капитализма» (*Зарембка, 2003: 8; также см.: Десаи, 2010с: 125–30*). По их мнению, Люксембург занимала морально — но не теоретически — верную позицию. Очень даже по-женски.

□ Новый капитализм и империализм

В отличие от Гобсона и Люксембург другие марксисты отказывались проследить истоки империализма до основного капиталистического противоречия. Вместо этого они связывали «новый», усилившийся и конкурентный империализм с новым историческим этапом капитализма, когда сконцентрированный капитал, организованный по национальному принципу, конкурирует за рынки и инвестиционные возможности. Справедливости ради надо отметить, что эти попытки пострадали из-за укрепления идеи о девятнадцатом веке как времени свободной торговли, а не империализма (*Галлахер и Робинсон, 1953: 2*). Например, Гильфердинг полагал, что империалистическое соревнование «полностью революционизирует мировоззрение буржуазии, которая перестает быть миролюбивой и гуманистической. Старые добрые фритредеры верили в свободную торговлю, считая ее не только наиболее совершенной экономической политикой, но и началом эпохи мира» (1910: 335). Однако те, кто связывал империализм с новым этапом капитализма, также указывали на важные особенности современного капитализма. Индустриализация производства товаров периода «второй промышленной революции» значительно увеличила капиталоемкость, и для концентрации капитала появились новые организационные формы: акционерные общества, монополии, картели. На передний план вышли финансы, которые стали по-новому взаимодействовать с производственным капиталом. Наконец, государство стало играть еще более заметную экономическую роль благодаря «процессу «национализации» капитала, т.е. созданию гомогенных экономических структур, включенных в государственные границы и активно противостоящих друг другу» (*Бухарин, 1917: 81*). Именно эти события несколько по-разному были отражены в терминах «финансовый капитал» Гильфердинга, «монопольный капитал» Ленина и «национализация капитала» Бухарина. Однако верному аналитическому раскрытию этих работ мешают две проблемы.

Первая касается взаимосвязи между капитализмом и войной. «Империализм» Ленина — наиболее известное из этих произведений. Содержащееся в нем утверждение, что межимпериалистическое соперничество с необходимостью означает войну, поставило под сомнение актуальность этих произведений для любого последовательного понимания эволюции капиталистического миропорядка, с учетом очевидного сотрудничества между ведущими капиталистическими державами после Второй мировой войны. Дело не только в том, что это сотрудничество было сопряжено со множеством конфликтов, как показано в последующих главах, но и в том, что правильная контекстуализация заявления Ленина также высвечивает эту мысль в новом свете. Это заявление было сделано в ответ на аргумент Карла Каутского (1914/1970) о том, что имперское соревнование может превратиться в «ультраимпериалистический» мир. Противоположное утверждение было высказано Лениным для обоснования того, что война сделала социализм более актуальным. Однако позже, будучи революционным вождем, он тоже стал опасаться возможного сговора между имперскими державами в попытке изолировать его недавно установившийся режим. Президент США Вудро Вильсон отреагировал на антиимпериалистические Декреты о мире, принятые большевиками в октябре 1917 г., предложив в январе 1918 г. учредить сообщество национальных государств после окончания войны. Восторженный ответ на это предложение в измученной войной Европе, как ожидал Ленин, может привести к «повороту от империалистской войны, наградившей народы величайшими бедствиями и величайшим предательством социализма... к империалистскому миру, который имеет наградить народы величайшим обманом добреньких фраз, полуреформ, полууступочек и т. п.» (цит. по: *Maïep, 1964: 161–2*). Так что Ленин тоже мог предвидеть сотрудничество, а не конфликт между имперскими державами. Поэтому самым важным в классических теориях империализма является не то, какие результаты межимперского соперничества они предсказывают, а то, как они понимают его движущие силы. Вероятно, это актуально для любого исследования исторической эволюции геополитической экономики капитализма.

Вторая проблема — устаревшее понимание «финансового капитала». В литературе, посвященной финансиализации конца двадцатого и начала двадцать первого века, часто встречаются благоговейные ссылки на концепцию финансового капитала Гильфердинга. Тем не менее обозначенные там взаимосвязи между производством и финансами противоположны тем, которые имеют место в рамках нынешней финансиализации. С фокусом именно на событиях в Германии «финансовый капитал» отличался подчинением финансов промышленной экспансии в точности так, как ожидал Маркс (*Хадсон, 2010*). Почему и каким образом вышло так, что столетие спустя этот финансовый капитал превратился в свою противоположность — на данный вопрос будет дан ответ в этой книге (здесь и в последующих главах).

Хотя финансовый капитал старше, чем промышленный, Маркс ожидал, что созревание капитализма приведет к «подчинению капитала, приносящего проценты, условиям и требованиям современной промышленности», глав-

ным образом благодаря «новому облику заемщика», который является уже не просителем, находящимся в затруднительном финансовом положении, но капиталистом, которому дают деньги в ссуду «в ожидании, что он... будет использовать [их] для присвоения неоплаченного труда» (Маркс, 1894: 735). Этого подчинения можно достичь, используя «насилие (государство)... против капитала, приносящего доход в виде процентов, [чтобы осуществить] принудительное снижение процентных ставок». Однако зрелый промышленный капитал, как полагал Маркс, достиг бы этого гораздо более полно и эффективно посредством «создания специальной процедуры — кредитной системы, [которая] является его собственным порождением и представляет собой форму промышленного капитала, которая начинается с производства и далее развивается вместе с крупной промышленностью». Поэтому, когда кредитная система только появилась, она приняла «полемическую форму, направленную против реакционных ростовщиков» (Маркс, 1979: 468–9).

«Финансовый капитал» Гильфердинга противопоставил более раннее подчинение промышленности финансам и последующее изменение этих отношений: Англия являлась примером первого, а такие «страны, проводящие протекционистскую политику», как Германия и США, — примером второго. Современный банковский капитал возник из «сопротивления "производственного" капитала, т. е. капиталистов, получающих прибыль ... капиталистам, получающим доход в виде процентов». Безусловно, власть банков увеличивается, и они становятся основателями и в конечном счете хозяевами промышленности, прибыль которой они забирают себе в виде финансового капитала, подобно тому, как прежде старомодный ростовщик присваивал продукцию крестьян и земельную ренту помещиков в виде «процентов» (Гильфердинг, 1910: 226).

Однако данные отношения никогда не возвращаются к докапиталистическим формам. Финансовый капитал стимулирует расширение производства, а не его сжатие. Ранее банки предоставляли только краткосрочные коммерческие кредиты, как это по-прежнему делали банки в лондонском Сити в Англии. Однако континентальный банк финансировал производство. Таким образом, он должен был «обязательно заботиться о долгосрочных перспективах предприятия и о будущем состоянии рынка». Его «сиюминутный интерес» стал «постоянным», и «по мере увеличения сумм, предоставляемых в кредит, и, прежде всего, по мере увеличения доли ссудного капитала, превращенного в основной капитал, этот интерес будет усиливаться» (Гильфердинг, 1910: 95). Такой банк может оставаться «более влиятельной стороной», имеющей доступ к «капиталу в его ликвидной, легко доступной форме», но он сосредоточен на долгосрочных вложениях в производство (1910: 95).

Более того, вовлеченность банков в промышленную деятельность «усиливает все тенденции, ведущие к концентрации капитала, которые уже заложены в технических условиях функционирования банковской системы» (1910: 95), а также трансформирует отношения между капиталом и государством. Хотя «даже Англия была далека от триумфа политики невмешательства государства в экономику», такие страны, проводившие протекционистскую по-

литику, как Германия и США, стали образцами капиталистического развития, если брать в качестве критерия степень централизации и концентрации капитала (т. е. степень развития картелей и трестов), а также доминирование банков в промышленной сфере — иными словами, превращение всего капитала в финансовый капитал (*Гильфердинг, 1910: 305*).

Для такого рода «финансового», «монопольного» или «национализированного» капитализма протекционизм был уже не «защитой от завоевания внутреннего рынка иностранными промышленниками», а «инструментом завоевания внешних рынков отечественной промышленностью» (1910: 310).

Теперь можно прояснить вопрос о разнице между финансовым капиталом Гильфердинга и современной финансиализацией, а также о переходе от одного к другому. В Великобритании исторически сложившееся главенство финансового капитала и его влияние на государство привело к иной модели, когда финансовый сектор подчинил себе интересы промышленности (*Андерсон, 1964, 1987; Ингем, 1984; Лейс, 1985, 1990*). Это позволило Лондону стать мировым финансовым и торговым центром и гарантом золотого стандарта, однако это произошло за счет относительного промышленного спада. Ожидания Маркса, что капитализм перерастет эту схему, сбылись на континенте. Однако в период между 1870 и 1914 гг. в Соединенном Королевстве, благодаря его финансовой и торговой роли, подкрепленной статусом колониальной империи, преобладала противоположная схема. И если менее чем через столетие эта схема возникла вновь, причем в необычайно нестабильном виде, то это произошло потому, что США тщетно стремились подражать финансовой роли Соединенного Королевства. Без империи — такой, какой было Соединенное Королевство, действуя как единая национальная экономика среди многих других, подражательные попытки США были обречены на неудачу, как показано в последующих главах. Современная финансиализация с центром в США, в рамках которой финансовый сектор СК играл важнейшую подчиненную роль, была апогеем этой мимикрии. В многополярном мире двадцать первого века у подобных финансовых механизмов нет будущего.

□ Смешанное неравномерное развитие

Классические теории империализма были заложены в более широком антиимпериалистическом понимании геополитической экономики капитализма, смешанного неравномерного развития. Эта зарождающаяся теория легла в основу исторического понимания большевиками их революции, «революции против Капитала», как назвал ее Грамши, потому что она произошла в отсталой, а не передовой капиталистической стране. Теория СНР также задала концептуальные рамки анализа большевиками антиколониальных националистических движений и проблемы «национальностей» в молодом государстве — СССР (*Троцкий, 1969; Майер, 1964; Сани, 1993, 1998; Мартин, 2001*).

Первая глава «Истории русской революции» Троцкого — это классика СНР. По мнению Троцкого, развитие человечества до капитализма происходило таким образом, что отсталые страны «ассимилировали материальные

и интеллектуальные достижения передовых стран», повторяя этапы, через которые прошло передовое общество. Это развитие было «провинциальным и эпизодическим». Капитализм, напротив, «подготовил и в некотором смысле осуществил универсальность и перманентность развития человечества» и исключил возможность повторяемости (Троцкий, 1934: 26). Хотя неравномерность была «наиболее общим законом исторического процесса», при капитализме она «вынуждала» отсталые страны «совершать скачки». Таким образом, «отсталая страна не соблюдает очередей» в отличие от передовой. Вместо этого она использует «привилегию исторической запоздалости», «перепрыгивая через ряд промежуточных этапов», как это недавно сделали Германия и США, в то время как Соединенному Королевству пришлось расплачиваться за свое раннее лидерство (1934: 26). Результат таких скачков — «сближение разных этапов пути», «амальгама архаических форм с наиболее современными» (1934: 27). Такое комбинированное развитие было отличительной чертой капитализма.

Хотя эти идеи были впервые систематически изложены Троцким, читатели обнаружат сходство между теорией СНР и взглядами Маркса и Энгельса на свободную торговлю и протекционизм и их пониманием мирового порядка как «отношений между производящими нациями» (также см.: *Мерингер, 1978; ван дер Линден, 2007*). Такое понимание также лежит в основе их размышлений о различном развитии европейских стран, в частности, об отсталости Германии по сравнению с прогрессом Англии и Франции, а также их анализа его последствий, будь то для философии или для экономической теории (*Маркс, 1843/1974, Альтюссер, 1969; Десаи 2012*).

Что объединяло большевистское восприятие империализма с теорией СНР — так это понимание капиталистических государств как блоков капитала, организованных по национальному принципу, а также последствий дифференцированного развития. Бухарин, например, возражал Каутскому, что различия в «экономической структуре Франции и Германии, Англии и Америки, развитых стран в целом [и] таких стран, как Россия» означают, что возможность «мировой капиталистической организации» является отдаленной (1917: 148). Теория СНР также лежала в основе разделения мира Лениным в 1916 г. на империалистические страны, где классовая борьба велась наиболее интенсивно; Восточную Европу, где рабочие должны бороться как за национальные, так и за классовые требования, осмысленно согласовывая их; и «полукOLONIALНЫЕ страны, каковы Китай, Персия, Турция, и все колонии», где «буржуазно-демократические движения частью едва начинаются, частью далеко не закончены», и где социалисты должны поддерживать национальное самоопределение в борьбе с империализмом (*Ленин, 1916/1942: 54–5*).

Послевоенные события сделали СНР и классические теории империализма более — а не менее — актуальными. Если капиталистическое соревнование не привело к дальнейшим мировым войнам, то это было главным образом потому, что СССР стал частью дальнейшего развертывания СНР. Как революционное государство, основанное на понимании СНР капиталистического мироустройства, оно расширило оппозицию империализму за пределы нацио-

нальной (капиталистической) оппозиции, включив в нее также оппозицию рабочего класса. Само по себе оно воплощало ярчайшую форму смешанного развития: не пытаясь ускорить капиталистическое развитие, оно стремилось полностью пропустить капиталистический этап. Показателен также тот факт, что коммунистический Китай сделал то же самое и выжил, став самой сильной из так называемых стран-претендентов блока БРИК в начале двадцать первого века.

Значение смешанного развития Советского Союза не ограничивалось его границами. Сыграв решающую роль в разгроме фашизма во Второй мировой войне, СССР обеспечил деколонизацию и поддержал смешанное развитие в новых независимых государствах, усилив сопротивление многих бывших колоний империалистическому давлению. Существование СССР также гарантировало, что смешанное развитие, а также «полная занятость» и политика всеобщего благоденствия должны быть допущены в странах с восстанавливающейся экономикой. Как будет показано в главе 7, к моменту распада СССР в странах с восстанавливающейся и развивающейся экономикой уже произошло смешанное развитие, достаточное, чтобы сделать «победу» США в холодной войне «Пирровой победой».

ТРИДЦАТИЛЕТНИЙ КРИЗИС

Как известно, Первая мировая война ознаменовала собой переломный исторический момент — смерть «либерального капитализма», золотого стандарта, финансового и торгового превосходства Великобритании. Она способствовала Русской революции и открыла «эпоху крайностей» (*Хобсбаум, 1994*). Меньшее внимание уделяется ее роли в важнейшем разрыве интеллектуальной традиции. Здесь следует учитывать три аспекта. Во-первых, после 1914 г. общественно-научное разделение труда, в рамках которого социальные науки изучали «дифференцированные» сферы общества, а одна из них, неоклассическая экономика, была привилегированной по отношению к остальным, стало реальностью, и это не могло не иметь последствий. Возникшая буржуазная дисциплина — международные отношения (МО) — решительно отвергла роль экономических факторов, придав своему предмету исключительно «политическую» окраску. Во-вторых, марксисты за пределами СССР, уже разделенные войной и Русской революцией, либо полностью игнорировали политэкономия, либо все больше попадали под влияние «марксистской экономики». Расплата за это заключалась в том, что наследники самой мощной критики капитализма не смогли дать достоверного объяснения Великой депрессии.

В результате «фундаментального политико-дипломатического переустройства», обусловленного Первой мировой войной (*Майер, 1964: 368*), теснее, чем когда-либо прежде, переплелись внутренняя массовая политика и международные отношения, политическая экономия и геополитическая экономия, классы и народы, капитализм и национальное государство. С одной сто-

роны, капиталистические экономики стали еще более национальными — как из-за войны, так и из-за политической власти рабочих классов и их мобилизации на войну, что еще глубже укоренило массовую политику в странах Европы. С другой стороны, большевистская революция впервые в истории объединила сопротивление классовой эксплуатации и неравномерному развитию. Тем не менее и марксистская, и преобладающая научная парадигма были отвержены таким формам понимания, с помощью которых оказалось невозможно постичь эти взаимосвязи. В-третьих, как следствие этого, именно таким немарксистским мыслителям, как Кейнс и Поланьи, предстояло достичь понимания эпохи массовой национальной политики и ее геополитической экономики.

□ Новая дипломатия и международные отношения

Буржуазная дисциплина МО намеренно игнорирует важность учения Гобсона, классических теорий империализма и СНР при изучении мирового порядка. Классическая книга Э.Х. Карра «Двадцать лет кризиса», которая по-прежнему пользуется широкой популярностью среди читателей, увековечила два мифа о происхождении МО. Автор утверждал, что, во-первых, «кампания за доступность информации о международной политике ... в англоговорящих странах в форме агитации против секретных соглашений» (1939/1989: 2) привела к тому, что отношения между странами перестали быть прерогативой профессиональных солдат и дипломатов и стали предметом публичных обсуждений и научных исследований (1939: 2). Так возникла дисциплина МО. Однако, как показал Арно Майер (1964), переход от элитарной, тайной и захватнической «старой дипломатии» к «новой дипломатии», которая, по крайней мере, декларировала гласность и демократию внутри страны, приверженность принципам антиколониализма и национального самоопределения за рубежом, был «вымученным» историческим результатом войны и Русской революции. Четырнадцать пунктов Вильсона от января 1918 г., которые вычеркивали имперские завоевания из военных целей, заменяя национальным освобождением и демократией, и призывали к «открытым договорам, открыто обсужденным», не были реакцией на какие-либо кампании Великобритании. Скорее они противопоставлялись опубликованным большевиками в ноябре 1917 г. тайным договорам царского правительства и Декрету о мире, невероятно популярным среди растущей «прогрессивной коалиции» левых и радикальных сил по всей Европе, противостоящей империализму и войне (Майер, 1959: 265).

Во-вторых, повествование Карра о происхождении по-прежнему доминирующего «реалистического» подхода в МО вуалирует истинную природу мирного урегулирования после Первой мировой войны. С точки зрения Карра, после потерпевших неудачу непродолжительных наивных заигрываний с «идеалистическими» вильсоновскими схемами — главным образом с Лигой Наций — ученые-международники первой волны проявили мудрость и отдали предпочтение «реализму», который признавал, что дорога в ад вымощена

благими намерениями, и придерживался фактов. Однако, как мы более подробно разберем в главе 3, «идеализм» Вильсона не имел с этим ничего общего. Торстейн Веблен усматривал в этом якобы идеалистическом Уставе лишь «инструмент Реальной политики». Он принуждает к миру с помощью оружия и враждебных мер коммерческого характера, но не предусматривает каких-либо превентивных мер для исключения такого положения дел, в результате которого большая война началась. Такое положение дел характеризовалось коммерциализированным национализмом (*Веблен, 1919*).

Будучи крупнейшей в мире экономикой, США являли собой виднейший образец коммерческого национализма, и Устав Лиги Наций был «в высшей степени американским Уставом».

Карр дал на удивление нейтральное определение реализма: этот подход уделяет внимание «фактам» и «анализу их причин и следствий» в рамках «последовательности событий, на которые он бессилён повлиять». Ученые-реалисты должны принять «непреодолимую силу имеющих место факторов воздействия и неизбежный характер существующих тенденций» (*Карр, 1939: 10*). Задуманный таким образом данный подход мог выполнять лишь идеологические, но никак не интеллектуальные функции. Реализм вступил в свои права после Второй мировой войны. Лишенный экономического содержания, которое могло бы прояснить материальные основы международного противостояния или сотрудничества, и вместо этого сосредоточенный на материализованных «национальных интересах» в рамках «анархической» международной системы, реализм сыграл свою роль в ловком оправдывании холодной войны, наращивания военной мощи, международных действий, предпринимаемых Соединенными Штатами Америки и передовыми капиталистическими странами, на территории которых и размещались его форпосты.

□ «Марксистская экономика» и Великая депрессия

Адаптация марксизма к неоклассической экономике имела два важнейших последствия: кризисы были вычеркнуты из идей марксизма как раз к моменту «Великого краха 1929 года», а действия государства по преодолению кризисных тенденций капитализма были исключены как раз тогда, когда они были действительно востребованы в условиях капиталистической экономики, переживавшей Великую депрессию, а также резкого обострения напряженности СНР.

Один из первых экономистов-марксистов, российский «легальный марксист» Михаил фон Туган-Барановский, признавал только одну причину кризисов — диспропорции между отраслями промышленности из-за ведения капиталистического производства не по плану. Позже Евгений Преображенский свяжет это с неспособностью капитализма, все более склонного к монополизации, перераспределять ресурсы из тех секторов экономики, которые переживают упадок, в пользу растущих секторов (*Говард и Кинг, 1992: 15*). Несмотря на то что другие экономисты-марксисты не были согласны с описанием кризиса Туган-Барановским, его непринятие в качестве причин

кризиса недостаточного потребительского спроса оставалось неизлечимым: отныне «недостаточное потребление» получило ярлык «контрреволюционного» и «реформистского» (1992: 17; также см.: *Десау, 2010а*). Отто Бауэр создал единственную математическую модель недостаточного потребления, в рамках которой увеличивающиеся накопления, а, следовательно, производственные мощности систематически опережали потребительскую способность общества (главным образом, работников) (*Говард и Кинг, 1992: 18*). Преобладающее в марксистской экономике отрицание роли недостаточного потребления имело важные последствия: «Марксистский анализ Великой депрессии оказался несостоятельным, и основная причина этого была аналогична той, которая имела место в случае буржуазной экономики: оба этих учения не имели адекватной теории платежеспособного спроса» (1992: 19).

Исключив, таким образом, кризис реализации, экономисты-марксисты вместо этого сосредоточились на кризисах накопления. По мнению Отто Бауэра, кризисы возникали по причине чрезмерного накопления, приводившего к тому, что заработная плата превышала производительность, тогда как рынки труда сокращались, а возможности рабочих диктовать свои условия расширялись (*Говард и Кинг, 1992: 13*). Но главным новшеством стал труд «Закон накопления и крах капиталистической системы» Генрика Гроссмана, опубликованный за несколько месяцев до биржевого краха 1929 г. Основное внимание в нем уделялось тенденции нормы прибыли к понижению (ТНПП) в качестве главной причины кризиса. Это было значительным отходом от принятых представлений. До того времени хотя и признавали ТНПП, но все же не считали ее источником кризиса (*Говард и Кинг, 1989: 316*). Маркс утверждал, что капиталисты вынуждены увеличивать вложения в основной капитал, чтобы получить преимущество над конкурентами в части расходов. Однако такие преимущества сохраняются лишь до тех пор, пока конкуренты не предпримут аналогичные действия. Таким образом, в целом для экономики или для отдельной отрасли конкуренция ведет к общей тенденции увеличения капиталовложений и снижения нормы прибыли. Этой тенденции могут быть противопоставлены такие факторы, как более низкая заработная плата или более дешевые основные фонды, однако в долгосрочной перспективе данная тенденция будет преобладать. Гроссман справедливо отмечал, что ТНПП является важным механизмом кризиса; ей предстояло сыграть ключевую роль в послевоенном капитализме, как будет показано в следующих главах. Однако он считал, что она ведет к нехватке капитала для инвестирования (*Говард и Кинг, 1992: 12*), тогда как Маркс полагал, что она приводит к отсутствию стимулов осуществлять капиталовложения, вследствие чего возникает избыток капитала и создаются непродуктивные накопления, которые могут быть вложены только в спекулятивную деятельность (более подробно этот вопрос исследовал Кейнс).

Большинство экономистов-марксистов наряду с «недостаточным потреблением» отрицали и ТНПП в качестве причины кризисов. Например, Туган-Барановский объяснял свое отрицание тем, что, во-первых, капиталисты никогда не будут осуществлять капиталовложения, если это уменьшит их нор-

му прибыли, и, во-вторых, технический прогресс, удешевляя основные фонды, обуславливает рост нормы прибыли с течением времени (*Туган-Барановский, 1901/2000b: 91–6*). Эти доводы до сих пор живы. Второй аргумент, принятый Марксом в качестве потенциальной контртенденции, подлежит эмпирической проверке. Первый попросту игнорирует сложную связь между намерениями отдельных капиталистов и системными последствиями их действий, которую точно описал Маркс: ни один капиталист не применит нового метода производства добровольно, как бы он ни был производителен и как бы он ни повышал норму прибавочной стоимости, если это уменьшит норму прибыли. Но каждый такой новый метод производства удешевляет товары. Поэтому первоначально капиталист продает их выше их цены производства, может быть, выше их стоимости. Он кладет себе в карман разницу между их себестоимостью и рыночной ценой остальных товаров с более высокой себестоимостью. Он может это делать, потому что среднее рабочее время, общественно необходимое для производства этих товаров, больше, чем рабочее время, которое требуется при новом методе производства. Такие приемы производства опережают среднестатистические. Но конкуренция делает их общепринятыми и подчиняет общему закону. Тогда наступает понижение нормы прибыли — сначала в его сфере производства, и затем она выравнивается с другими; таким образом, это понижение совершенно не зависит от воли капиталистов (*Маркс, 1894: 373–4*).

Появившаяся позднее «теорема Окишио» (*Окишио, 1961*) лишь укрепила отрицание ТНПП на этом хрупком основании и побудила многих марксистов утверждать, будто Маркс был просто неправ (*Клайман, 2007; Фриман, 2010; Десаи, 2010a*). Лишь очень немногие марксисты в рамках неоклассической традиции продолжали демонстрировать ТНПП (одним из них был Шайх (1978), хотя он пытался сделать это в рамках марксистской экономики).

ТНПП также будет отвергнута кейнсианским крылом марксизма, прежде всего Полом Бэрном и Полом Суизи, хотя и на более неопределенном основании, что капитализм вступил в новую стадию. Хотя ТНПП и могла действовать в условиях конкуренции, усиление монополизации сократило ценовое давление (*Бэран и Суизи, 1966*). Это вело к интересным выводам о том, что нормы прибыли зависят от цен, поэтому действие ТНПП определяется уровнем спроса. Именно этот момент подчеркнул Роберт Бреннер в своем описании послевоенной геополитической экономики, как мы увидим в главе 5.

Хотя вычеркивание кризисов из марксистской экономики устранило нужду в понимании необходимости государственного вмешательства, а следовательно, национального характера капиталистической экономики, история социальной демократии до и сразу после 1914 г. создала еще одно препятствие на пути к такому пониманию. Первая мировая война расколола Второй интернационал, когда большинство депутатов от социал-демократических сил проголосовали в своих парламентах за военные ассигнования, заставляя одних рабочих бороться с другими рабочими, что противоречило принципу интернационализма, провозглашенному самим этим движением. Руководство Интернационала расценило этот шаг как величайшее предательство. На самом

деле, национальные взгляды укоренились в социал-демократических партиях различных стран благодаря практике, согласно которой на протяжении десятилетий национальная арена использовалась и расширялась для значимых уступок трудящимся (*Джолл, 1974; Шорске, 1983*), в точности, как предсказывали Маркс и Энгельс (*Десаи, 2012: 56*). Интернационализм образца Второго интернационала мало обращал внимания на такой практический национализм, при этом осуждая тех, кто ссылался на него, как ревизионистов. Эти вопросы, более или менее, остались в своем времени. Взаимосвязь неизбежной национальной борьбы за реформы с революционной политикой и интернационализмом в основном не учитываются марксистами. И это несмотря на борьбу, которая носила принципиально национальный характер и которая обеспечила важнейшие завоевания европейского рабочего класса: государство всеобщего благосостояния и масштабное послевоенное развитие, а также макроэкономическое управление для достижения относительно высокого уровня занятости, хотя следует признать, что оба этих завоевания стали более настоящей необходимостью ввиду коммунистической угрозы. Небреженные этой интеллектуальной и политической историей Кейнс и Поланьи могли и действительно признавали влияние на национальную экономику массовой политики и политики рабочего класса, находившихся на подъеме. Их воззрения были гораздо более радикальными, чем принято считать.

□ Кейнс и Поланьи: интернационализм против империализма

Интеллектуальная линия Кейнса, в основе которой лежал главным образом социальный, или новый либерализм английского толка, вобравший в себя интеллектуальное наследие Гобсона, Шоу и приверженцев Фабианства, переместилась левее в качестве реакции на «социальный вопрос» (*Кларк, 1978*), а его мысли не только были более радикальными, чем декларируемые им либеральные убеждения, но и имели много общего с идеями Маркса и опирались на них. Подобно Марксу, Кейнс был этическим, политическим и историческим мыслителем, критиковавшим экономические знания своего времени. Как и Маркс, он сосредоточился на критике закона Сэя. Более того, его критика опиралась на принципиальное различие, которое проводил Маркс между простым товарным обращением (в терминологии Кейнса — экономикой реального обмена) и такой денежной экономикой, каковой является капитализм, где деньги играют независимую и дестабилизирующую роль, что делает кризисы эндогенными явлениями капитализма (*Торр, 1980; Сардони, 1997*). Как мы увидим позже, этот теоретический радикализм сопровождался радикализмом политическим (*Досталер, 2007; Десаи, 2009а; Десаи и Фриман, 2009*).

Если посткейнсианцы (*Чик, 1983; Дэвидсон, 1991; Тили, 2007*), по крайней мере, признают его теоретический — если не политический — радикализм, то «ублюдочные кейнсианцы» (*bastard Keynesians*), как Джоан Робинсон назвала тех, кто отстаивал идеи Кейнса, но в интерпретации широко принятых в послевоенный период взглядов, не признают ни тот, ни другой. В этом смысле

Кейнс тоже разделил судьбу Маркса: «Марксисты без Маркса» (Фриман, 2010) также дерадикализировали его наследие. Очевидно, что при таких обстоятельствах не могло возникнуть синтеза двух этих областей мысли. Большинство «марксистов без Маркса» пытались получить свой мандат на радикализм, отвергая Кейнса как «простого реформиста», тогда как большинство кейнсианцев, разумеется, никогда не читали Маркса (подробнее о связях между Марксом и Кейнсом см.: Патнаик, 2009; Десаи, 2009а; Десаи и Фриман, 2009).

Кейнс заменил неоклассическую экономику макроэкономикой, которая имела бы своей целью обеспечение полной занятости — ситуации, при которой вся существующая рабочая сила трудоустроена (Кейнс, 1936/1967: 26), а учет национального дохода используется в качестве важнейшего инструмента такой политики. Он утверждал, что реформирует капитализм, но в реальности достиг большего. Согласно Кейнсу, в монетарной экономике, где ожидания инвесторов играют определяющую роль, совокупный уровень производства и занятости далеко не гарантирован. Контрциклическое вмешательство государства необходимо для поддержания потребности в потреблении и, соответственно, в капиталовложениях на достаточно высоком уровне для обеспечения полной занятости. Это влечет за собой больший эгалитаризм. Работники «более склонны к потреблению» и тратят больше своих доходов, чем капиталисты, поэтому высокий уровень занятости и равноправное распределение доходов способны увеличивать потребительский спрос, стимулируя тем самым и инвестиционный спрос. Тогда как меньшая склонность к потреблению и чрезмерное «предпочтение ликвидности», т. е. предпочтение ликвидным деньгам в противовес производственным инвестициям, среди богатых людей и капиталистов имели бы обратный эффект.

Кейнс вышел далеко за пределы управления спросом. На самом деле, он четко предвидел, что, практикуемое само по себе, как предписывали «кейнсианские убудки» послевоенного времени, оно, как и прежде, не принесет результата (Чик, 1992). И он предвидел этап, когда одних только налоговых и денежно-кредитных стимулов окажется недостаточно для обеспечения необходимого роста капиталовложений. Лишь достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать всякого рода компромиссы и способы сотрудничества государства с частной инициативой. (Кейнс, 1936: 378).

Это не только влечет за собой «значительное расширение традиционной функции государства» (1936: 379), но и требует ограничения роли предпринимателей сферой «личных услуг предпринимателей и их помощников» (1936: 213–14), по аналогии с квалифицированными рабочими (Диллард, 1983; Черномас, 1984). Рантье — спекулянты или «бесполезные инвесторы» — должны быть исключены, разумеется (Кейнс, 1936: 158). Их сбережения ограничивают производственные инвестиции и препятствуют достижению обществом «той степени материального благосостояния, на которую дает нам право наш технический прогресс». Такой степени материального благосостояния, а также полной занятости будет способствовать низкая процентная ставка, стиму-

лирующая частные производственные инвестиции, дополняемые государственными инвестициями, когда первые не достигают желаемого объема. В долгосрочной перспективе цель заключается в том, чтобы устранить проценты, которые получают рантье, ничем не жертвуя, только потому, что капитала не хватает и его увеличивают «до тех пор, пока он не перестает быть дефицитным» (1936: 376).

Контроль за движением капитала — государственный контроль за входящими и исходящими потоками капитала и вообще за крупными суммами денег — имеет решающее значение для поддержания полной занятости, как и «более высокая степень национальной самообеспеченности и экономической изоляции стран, нежели в 1914 г.». Кейнс ясно давал понять, что торговая агрессия, маскируемая под свободную торговлю, привела к войне, и что мирному сосуществованию будет способствовать нахождение «производителя и потребителя в рамках одной и той же национальной, экономической и финансовой организации» (*Кейнс, 1933*). Промышленный прогресс сделал эту цель более — а не менее — правдоподобной и облегчил ее достижение. Большую часть современного промышленного производства можно было бы «вести в большинстве стран и климатов почти с равной степенью эффективности». И в любом случае его роль уменьшилась по сравнению с «домохозяйствами, бытовыми услугами и местной инфраструктурой», которые не испытывали такого же повышения эффективности и не столкнулись с тем же давлением международной конкуренции в странах с развитой экономикой. Хотя цена может быть несколько выше, но «Национальная самообеспеченность представляет собой роскошь, которую мы можем позволить себе, если сочтем это нужным» (*Кейнс, 1933*). Кейнс полагал, что общество, которое возникнет в результате этой политики, «вполне совместимо с определенной степенью индивидуализма» (1936: 375–6). Эта «степень индивидуализма» была тем, что он ценил в капитализме и что хотел спасти путем его «реформирования». По его мнению, это требовало устранения непреходящих атрибутов капитализма: рынков, капиталистов (как таковых) и их политической власти.

Избрав другую отправную точку, Поланьи также акцентировал внимание на центральной роли государств. Они всегда были необходимы для защиты общества «от опасностей, внутренне присущих саморегулирующейся рыночной системе», которая относилась к земле, рабочей силе и деньгам как к товару — объектам, предназначенным для продажи, — хотя они не являются таковыми. Вот почему распространение рынков привело к появлению «комплекса мер и политик... интегрированных в мощные институты, которые призваны следить за действием рынков в отношении труда, земли и денег». Это «двойное движение» рынков и социальной защиты было «глубоко укоренено» (*Поланьи, 1944/1985: 76*), а национальные государства служили опорой для системы социальной защиты даже в девятнадцатом веке, когда над умами властвовала идея свободной торговли: «Мир продолжал верить в интернационализм и взаимозависимость, руководствуясь при этом в своих действиях мотивами национализма и самодостаточности» (1944: 207).

Политэкономия Кейнса и Поланьи акцентировала внимание на существенной и возрастающей экономической роли государств, не в последнюю очередь благодаря растущему политическому утверждению рабочего класса. Их геополитическая экономия была частью их критики золотого стандарта. С точки зрения Поланьи, свободная торговля и соответствующее свободное движение капитала обуславливали необходимость в деятельности центральных банков как институтов социальной защиты денег, ключевых звеньев экономической организации общества. Вопреки идеологии золотого стандарта Юма, деньги были символическими, а не товарными деньгами. Связь национальных денежных знаков с золотым стандартом и другими национальными деньгами должна была обеспечиваться центральными банками, которые были призваны защищать их от жестких условий, царящих на международных рынках. Например, золотой стандарт требует снижения внутренних цен каждый раз, когда на национальную валюту оказывается давление, вступая таким образом в конфликт с кредитной системой. Центральные банки решали эту проблему.

Централизовав в стране предоставление кредитов, можно было избежать массовой дислокации бизнеса и занятости, затронутых дефляцией, и организовать ее так, чтобы смягчить шок и распределить нагрузку по всей стране. Банк, выполняя свою обычную функцию, смягчал непосредственный эффект от изъятия золота на обращение банкнот, а также от сокращения обращения банкнот на бизнес (*Поланьи, 1944: 194*).

Однако, как отмечал Кейнс, даже при наличии буферов в виде центральных банков, золотой стандарт в целом оказывал дефляционное воздействие. Экономическая активность (как и уровень цен) приносилась в жертву ради сохранения цены на золото в национальных валютах в период трудностей с платежным балансом, а бремя корректировки дисбалансов в торговле и платежах возлагалось на страны-должники, которые были «слабее и, прежде всего, меньше по сравнению с другой частью спектра... остальным миром». Такая корректировка была «обязательной для должника и добровольной для кредитора» и стимулировала экспорт «путем снижения международной цены в отношении импорта» (*Кейнс, 1980: 29*), что приводило к дальнейшему обнищанию стран со слабой экономикой.

То, что золотой стандарт был совершенно неподходящим для растущих экономик, стало еще более очевидно из его истории. Лишь череда исторических случайностей поддерживала его функционирование в «автоматическом режиме» с 1880-х гг. по 1914 г. Благодаря удачному открытию месторождений золота его ликвидность выросла (*Кейнс, 1963*). Капитал, поступавший в имперскую экономику СК из его колоний, экспортировался в другие страны, создавая международную ликвидность и увеличивая производственные мощности, а это гарантировало, что увеличение денежной массы в относительно небольшой экономике метрополии не вызовет инфляции (*Кейнс, 1980: 30*). При этом центральные банки ограничили предполагаемый автоматизм золотого стандарта, сведя его к простому притворству: вряд ли могло быть иначе, когда от конкурирующих национальных экономик могло ожидаться сопротивление дефляционным решениям.

Ни одна страна не приняла [золотой стандарт] хотя бы с малейшим намерением присоединиться к международной денежно-кредитной системе, которая впоследствии автоматически породит своего рода международную экономическую меритократию, основанную на различиях в ценах и процентных ставках между разными странами. Различные правительства проводили такую экономическую политику, которая, по их мнению, наилучшим образом отвечала бы интересам правящих классов. Они предпочитали фиксированные обменные курсы, когда это было целесообразно, и постепенную девальвацию, когда это представлялось возможным. При этом они не боялись изменять курс каждый раз, когда чувствовали, что это было необходимо (*Де Чекко, 1984: 60–1*).

Золотой стандарт был слаб даже в период своего расцвета, а после Первой мировой войны и страны, и классы повели против него еще более активную борьбу. С расширением избирательного права, которое теперь распространялось, по крайней мере, на работников мужского пола, к экономическим издержкам дефляции добавились политические издержки (*Эйхенгрин, 1992*). Даже Соединенное Королевство с его легендарной приверженностью золотому стандарту задолго до войны стало обходить «рамки» и «коррективы» золотого стандарта, «вместо того чтобы по-прежнему соглашаться на жертву в виде внутренней безработицы» (*Блок, 1977: 14; Линберт, 1969: 74–5*). Разрушения времен войны и Великой депрессии лишь значительно усилили привлекательность национально ориентированной экономической политики.

Геополитическая экономия, заложенная в критике золотого стандарта Кейнсом и Поланьи, содержала в себе основные элементы, необходимые для понимания дальнейшего СНР в двадцатом веке, и в частности, того, как будет выглядеть попытка США подражать мировой роли Соединенного Королевства. Кейнс и Поланьи указывали на объективное разрушение имперского порядка, созданного неизбежным мировым доминированием первой промышленной державы, с переходом к конкуренции национальных экономик, в ряду которых Соединенные Штаты были только одной, хотя и самой большой, экономикой. Сетование Кейнса на то, что любая страна, принимающая в этих обстоятельствах золотой стандарт, будет подчиняться внутренним приоритетам и решениям США (*Досталер, 2007: 211*), окажется провидческим, как будет показано в главе 4. В ней также показано, что национальная экономика, какой бы крупной она ни была, без колониальных излишков на экспорт, была вынуждена либо не обеспечивать международную ликвидность, либо делать это исключительно ненадежными и опасными в финансовом отношении способами. Именно поэтому в Бреттон-Вудсе Кейнс призвал к созданию мировой резервной валюты, управляемой национальными государствами на принципах многосторонности. Ее он назвал «банкор». С ее помощью можно было бы создать национальную и международную ликвидность для обеспечения мирового роста и торговли, а национальные правительства могли бы контролировать внутренние производственные механизмы, в частности, с целью достижения полной занятости и прогрессивной социальной политики. Как мы увидим в следующей главе, эти предложения были отвергнуты из-за наличия у США имперских устремлений.

3 ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ США

Империализм всегда был окутан мифами, которые к тому же менялись. К двадцатому веку империализм стал настолько нелегитимным, что при попытках США подражать британскому доминированию мифы девятнадцатого века о благожелательности империализма должны были быть дополнены мифами о пассивности США. Согласно «мифу о пассивной сверхдержаве» США были антиколониальным революционным государством, изоляционистским и ориентированным прежде всего на внутренние дела, принимающим свою послевоенную мировую роль с неохотой (*Бацевич, 2002*). Родственный миф об американском изоляционизме, в частности, гласил, будто «США придерживались изоляционизма до тех пор, пока на них не «обрушилась» мировая власть», сначала, чтобы помочь Кубе, затем — дважды — чтобы спасти мир ради демократии и, наконец, чтобы предотвратить завоевание мирового господства Советским Союзом и другими коммунистическими режимами»; «что — за исключением краткого и быстро прошедшего заблуждения на рубеже веков — Америка на протяжении всей своей истории была антиимпериалистической державой»; и что «уникальное сочетание экономической мощи, интеллектуального потенциала, прагматичности и моральной строгости дает Америке право выступать против врагов мира и прогресса и строить лучший мир, не создавая при этом империю» (*Уильямс, 1972: 20*). Миф о пассивности был аккуратно заложен в ядро теории стабильности гегемонии (ТСГ), когда в 1973 г. Киндлбергер утверждал, будто Великая депрессия произошла по той причине, что Соединенное Королевство уже не могло, а США еще не были готовы взять на себя мировое «лидерство» в период между мировыми войнами. Под этим он подразумевал, что после-

военный «золотой век» стал результатом того, что США, наконец, с опозданием, с неохотой и, разумеется, из альтруистических побуждений взяли лидерство на себя (Киндлбергер, 1973).

В действительности, как показано в этой главе, США с самого начала вели экспансионистскую политику. После того как их континентальная экспансия натолкнулась на конкурирующие империи, развивающиеся национальные государства и Тихий океан, она стала распространяться за границу. Однако, претендуя на большую часть мира — будь то в качестве империи или национального государства — и имея при этом небольшие колониальные завоевания, США довольствовались утверждением неформального доминирования над независимыми национальными государствами Западного полушария в соответствии с доктриной Монро, провозглашенной десятилетиями ранее. Позже, в соответствии с политикой открытых дверей, эта доктрина была распространена на весь мир.

К началу двадцатого века, когда американский капитализм стал более сконцентрированным и централизованным, мощный капиталистический класс корпоратократии поставил более конкретную цель: заменить Соединенное Королевство в качестве «управляющего сегмента мировой экономики» (Паррини, 1969: 13). Поскольку создание колониальной империи, по размерам сопоставимой с британской, было исключено, США сосредоточились на том, чтобы заменить Лондон Нью-Йорком в роли мирового финансового центра, а фунт стерлингов — долларом в качестве мировой валюты. Отныне в своей международной политике США руководствовались именно этими устремлениями, а никак не «изоляционизмом» и отказом от участия в европейских делах. Во время Первой мировой войны США переживали экономический рост, осуществляя поставки для союзных держав, тогда как другие капиталистические центры были разрушены и стали должниками США. Относительный вес США в мировой экономике вырос, доллар обогнал фунт стерлингов в качестве де-факто ведущей мировой валюты, а Нью-Йорк стал мировым финансовым центром. От Лондона периода до 1914 г. Нью-Йорк отличался тем, что финансовые потоки, которые проходили через него, были не частными денежными средствами, а, главным образом, межправительственными военными долгами, конечным получателем которых было правительство США (Хадсон, 1972). После того как Вторая мировая война еще более усилила неравенство между США и их капиталистическими конкурентами, вопреки ТСГ, США воспользовались своим положением не для поддержания стабильной и благопристойной «гегемонии», а для того, чтобы помешать претворению в жизнь планов по осуществлению действительно благоприятного и многостороннего международного экономического и финансового управления, представленных на Бреттон-Вудской конференции Джоном Мейнардом Кейнсом и американцем Гарри Декстером Уайтом. Вместо этого, нацеленные на максимизацию дивидендов от своего послевоенного экономического доминирования США настаивали на превращении доллара, обеспеченного золотом, в мировую валюту и на сохранении слабости

многосторонних институтов. Как показано в следующей главе, эти схемы не были ни стабильными, ни благоприятными.

Приведенный в данной главе краткий обзор империалистического пути США в период до 1945 г. опирается на критическую историографию, которая блестяще и с жаром выставляет на показ ущерб, причиненный империализмом США: насилие и жестокость, ухудшение жизни и бедность, расизм и унижение, в первую очередь на североамериканском континенте и далее за его пределами. Несмотря на то что эта благородная традиция настаивает на наличии сходств между империализмом США, который был в значительной степени неофициальным, и формальным колониализмом девятнадцатого века — «Если это не был колониализм старого образца, то это не означает, что он был менее эффективен» (*Ленс, 2003: 4*), — я акцентирую внимание на различиях между ними. Цель заключается в том, чтобы высветить со всей очевидностью пределы могущества США, обозначаемого такими расплывчатыми терминами, как «неоколониализм», «империя, не похожая ни на какую другую», «антиимперский империализм», «мягкая сила».

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Парадоксальная правда заключается в том, что первая в мире современная республика, рожденная среди империй, считала себя «империей в начале своего национального существования» (*Уильямс, 1972: 21*). Американская революция была как отказом платить за имперские войны, так и импульсом к расширению на запад с целью создания «независимой империи» (*Стидман-Джонс, 1970: 66, 64*). Более чем за столетие до того, как Фредерик Джексон Тернер провозгласил свой знаменитый тезис о том, что история США предопределена экспансией на «свободные земли» (Тернер, 1893/1958), и за полвека до того, как для обозначения той же самой идеи был придуман термин «явное предначертание», выдающийся государственный деятель из штата Массачусетс провозгласил: экспансия является «основным принципом, лежащим в основе наших институтов» (*Эдвард Эверетт, цит. по: Уильямс, 1972: 23*).

Лидерами новой республики было отвергнуто классическое противопоставление между республикой и империей. Экспансия обеспечила формирование «крупнейшего в мире внутреннего рынка» (*Стидман-Джонс, 1970: 65*), а ее политическая необходимость была обусловлена тем, чтобы предотвратить «разрушение структуры общества в результате распрей, прежде всего вызванных экономическими конфликтами» (*Мэдисон, цит. по: Уильямс, 1972: 22*). С самого начала в официальном дискурсе и преобладающем общественном мнении в растущей республике смешивались такие понятия, как «самосохранение» и «агрессия», «благожелательность» и «стяжательство»: «великий закон самосохранения» для США означал экспансию. Американцы

были представителями «высшего общественного порядка, неся прогресс везде, куда бы они ни шли» (Ленс, 2003: 2).

В конечном итоге экспансия США натолкнулась на препятствия, которые и определили их границы. Северная граница с Британской Северной Америкой была установлена по результатам войны 1812 г. На юго-востоке более слабый французский колониализм был остановлен сделкой по приобретению Луизианы. На западе открытая граница была защищена от испанской империи путем эксплуатации националистических восстаний дальше на юге, заключения Трансконтинентального договора 1819 г. о приобретении Флориды и установления границы с Новой Испанией. Вдобавок к этому, чтобы заявить претензии на территорию, которую США еще не контролировали, в 1823 г. была провозглашена доктрина Монро о том, что Западное полушарие является особой сферой влияния Соединенных Штатов. Позже у нового национального государства, Мексики, Соединенные Штаты отвоевали Техас и Калифорнию, частично за счет поощрения поселенцев, претендуя на то, что они их защищают.

Территориальный экспансионизм США шел рука об руку со смешанным развитием. Отвергнув колониальное разделение труда, первый министр финансов республики Александр Гамильтон положил начало долгой и «в высшей степени успешной» истории промышленной политики США. Она включала в себя протекционистские тарифы, ограничения и запреты на импорт, субсидии и налоговые льготы для зарождающихся отраслей промышленности, запреты на экспорт инновационного оборудования, инвестиции в инфраструктуру (Бингхэм, 1998: 41, 22). Гамильтон полагал, что «наиболее выгодное использование государственных денег — это приобретение новой и полезной отрасли промышленности; наиболее ценное вложение — это постоянное наращивание производительного труда» (цит. по: Бингхэм, 1998: 22). Государственные и местные органы власти, объединив свои усилия, руководили развитием экономики и осуществляли инвестиции в частные предприятия: «В городских собраниях и законодательных собраниях штатов они планировали меры по стимулированию экономического роста и никогда не сомневались в том, уместно ли участие правительства в решении экономических вопросов» (Доббин, 1994: 28).

Однако в начале девятнадцатого века скрытый конфликт между Севером и Югом начал тормозить рост. Американская революция была не «триумфальной победой капитализма над земельной аристократией», как утверждали Чарльз и Мэри Беард, а «компромиссом или коалицией между богатыми людьми, живущими в городах, и богатыми людьми, живущими на земле» (Линд, 1970: 53). Лендлорды — рабовладельцы Юга предпочитали свободную торговлю, а зарождающийся класс промышленных капиталистов Севера выступал за протекционизм. Гражданская война разрешила и этот спор, и проблему рабства, и вопрос о том, кто будет осуществлять экспансию на новые территории — независимые фермеры-северяне или рабовладельцы-южане (Стидман-Джонс, 1970: 65).

ЗАДОХНУВШИЙСЯ НОВЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Победа Севера в Гражданской войне сделала экспансию еще более актуальной задачей. Формирующаяся индустриальная экономика уже пережила ряд депрессий, для которых было характерно перенасыщение рынка товарами и капиталом. «Промышленная заявка», которой одновременно был присущ недостаточный уровень потребления и империалистический характер, сделала очевидным тот факт, что, благодаря технологическому прогрессу, промышленность США производила больше продукции, чем потреблялось в стране, и способствовала накоплению большего объема капитала, чем можно было с выгодой инвестировать. Подобные излишки наносили урон и сельскохозяйственному сектору США. Таким образом, [р]ынки сбыта для этих увеличивающихся «излишков» товаров и капитала должны и могут быть найдены за рубежом посредством торговых каналов. В противном случае развитие американской промышленности и сельского хозяйства — с соответствующими возможностями получения выгоды и прибыли — будет замедлено и, возможно, приведет к безнадежной или безвыходной ситуации, которую невозможно будет преодолеть. Таким образом, это вопрос коммерческой экспансии или стагнации, мирового могущества или экономического упадка (*Беард, 1935: 37–8*).

Промышленная заявка также послужит оправданием нового империализма США после того, как континентальная экспансия достигнет Тихого океана и упрется в границу. По мере осуществления морской экспансии США поучаствовали в «разделении сфер влияния в сфере мировой торговли в целом, а также в распределении ее неосвоенных возможностей». Утверждалось, что «граждане США имеют право на... свою долю», а масштабы экспансии были «ограничены лишь мощью американского частного предпринимательства и поддержкой, которую оно получало от правительства США» (*Беард, 1935: 40*). Правительство почти безостановочно выдвигало и поддерживало эти требования: «дипломатическое представительство и давление, дискриминационное внутреннее законодательство, возможности официальных страховых агентов, субсидируемый коммерческий флот, морской флот и морская пехота в случае необходимости, военно-морские силы, мероприятия на грани военных действий и, наконец, война» (1935: 43). И одновременно с активным поиском экспортных рынков, «импорт товаров — как промышленных, так и сельскохозяйственных — сдерживался, регулировался и контролировался с помощью сложного тарифного законодательства и административных практик, со строгим разграничением импорта сырья и импорта промышленной продукции» (1935: 44). Промышленная заявка, как утверждал Беард, была не просто рациональной политикой: это было «утверждение предполагаемого факта» — что США производили больше, чем потребляли; «заявление о возможности» — что остальной мир мог бы поглотить эти излишки; «пророчество» — что он это сделает; «теологическое заверение» — что агенты США были истинными посланниками Бога; и «толкование истории» —

что стремление воспользоваться экономическими возможностями по всему миру было предназначением США (1935: 46–7).

«Тезис о фронтире» 1893 г. Тернера выведет эту промышленную заявку на новый уровень. По прошествии трех столетий экспансии, осуществлявшейся поселенцами, востребованность активной внешней политики, меж-океанского канала, возрождения нашего морского могущества и распространения американского влияния на отдаленные острова и соседние страны [случила] признаком того, что распространение [экспансии] будет продолжаться. (Тернер, 1893: 219).

Хотя внутреннее сопротивление зарубежной экспансии, организованное Антиимпериалистической лигой, было подавлено, а депрессия 1890-х гг. сделала экспансию еще более актуальной задачей, ее перспективы оставались призрачными. Для этого потребовалось бы «бросить глобальный вызов европейскому колониализму и вступить в прямую конфронтацию с антиколониальными движениями», и такая историческая реальность разочаровала бы «многих активных сторонников колониализма» (Смит, 2003: XVIII–XVIII). Мощные державы-соперники уже заняли большую часть Азии и Африки, и захват стран Латинской Америки был непростой задачей. Британия по-прежнему располагала превосходящей военной мощью. Более того, разрушительность военных действий нарастала с пугающей силой. В ходе военных действий 1904 г. между Японией и Россией протяженность линии фронта порой достигала сорока миль; одиночные сражения длились до десяти дней и дольше; артиллерийские орудия стреляли на расстояние четырех миль; за один день расходовалось больше боеприпасов, чем за всю Испано-американскую войну (Ленс, 2003: 196).

В то время как Кубу можно было превратить в зависимую страну, дав народу надежду на независимость от Испании, управлять гораздо более крупными Филиппинами, вопреки националистическому сопротивлению, оказалось труднее. По мере того как по всему миру происходил рост национального самосознания, росли и издержки колониального контроля.

□ Мастерская империи

Совсем другое дело — неофициальный контроль. Когда доктрина Монро была впервые провозглашена, она имела выжидательный характер, поскольку США пока еще не обладали достаточной мощью для ее реализации. «Они могут лишь попытаться помешать (и то лишь с помощью Великобритании) другим империалистическим державам покорить новые страны континента — официально или неофициально» (Ленс, 2003: 95). Однако к началу двадцатого века США нарастили свою военно-морскую мощь до такой степени, что уступали в этом только Соединенному Королевству. Теперь Латинская Америка стала «мастерской империи», созданной Соединенными Штатами (Грандин, 2006). Американская «империя, не похожая ни на какую другую», была сформирована за счет «инвестирования капитала, установления контроля над важнейшими сырьевыми материалами и транзитными марш-

рутами, завоевания военного превосходства и эксплуатации многих идей, которые и по сей день оправдывают американскую власть в мире» (2006: 23). В таком виде «империя» США «лучше подходила для мира, где усиление националистических настроений делало неработоспособным формальный колониализм, практикуемый европейскими странами» (2006: 23). В частности, это предполагало экономическое проникновение в более слабые страны, поддержанное, по мере необходимости, военной силой. Например, США заявили о своем праве вмешиваться в дела стран Центральной и Южной Америки на том основании, что «правительство иностранного государства, чьи подданные предоставили деньги в кредит другому государству, может вмешиваться в дела этого государства для защиты прав держателей облигаций, если существует угроза для этих прав со стороны государства-заемщика» (*Фредерик Джексон Тёрнер*, цит. по: *Стидман-Джонс, 1970: 73–4*). Противодействие экономическому проникновению США проявилось в том, что к 1920-м гг. Соединенные Штаты оказались вовлечены в «нечто наподобие непрекращающейся войны» в Латинской Америке (*Грандин, 2006: 27*).

□ От политики Монро к политике открытых дверей

Политика открытых дверей, официально провозглашенная в 1899 г. в отношении Китая, была направлена на то, чтобы убедить соперничающие империи открыть свои колонии для США в торговых целях, с тем чтобы было достигнуто «равенство со всеми странами-конкурентами в условиях доступа к рынкам» (цит. по: *Грандин, 2006: 25*). Поскольку ни экономическая, ни военная мощь США не была столь же безграничной, как их экспансионистские амбиции, Соединенные Штаты действовали посредством формирования альянсов. В свете предстоящих событий наиболее важным был альянс с Соединенным Королевством. К этому времени обе страны урегулировали споры, тянувшиеся с момента американской революции, а также другие споры с участием Канады. Усилилось культурное и личностное взаимодействие, Соединенное Королевство согласилось с протекционистской политикой США в обмен на принятие Соединенными Штатами золотого стандарта. Нарастал объем экспорта США в Соединенное Королевство и инвестиций СК в экономику США. Соединенное Королевство приняло доктрину Монро и согласилось на сотрудничество в вопросах «поддержания политики открытых дверей в Азии» (*Лефбер, 1973: 313–17*). США в 1890-х гг. объединились с Японией в противостоянии европейским империалистическим державам. Хотя ранее Япония пыталась получить эксклюзивный доступ к китайским рынкам, официальные лица США посчитали, что она недостаточно сильна, чтобы представлять угрозу в качестве конкурента (1973: 312).

Политика открытых дверей подготовила почву для имперской политики США. Как утверждал Уильям Эпплман Уильямс в своей классической работе, ее неизбежные провалы точно приведут США к военным действиям и войнам (*Уильямс, 1972: 57*). Соединенные Штаты полагали, что благодаря размерам своей экономики они обрели «добродетельное всеисилие» (1972: 210): хотя

до 1914 г. на долю экспорта США приходилось всего 4–5% ВВП, к 1910 г. они были уже третьим по величине государством — участником мировой торговли. Однако это было опасно. Могущественные страны, например, Япония и Германия, могли отреагировать на выходы США войной, а относительно бедные страны, например, Китай и Куба, могли уклониться от влияния США, спровоцировав их на военные действия. Поэтому войны, которые официально считались политическими провалами, были более или менее неизбежными, как и «внешнеполитические кризисы, которые будут становиться все более острыми» (1972: 56–7). Уильямс назвал это «трагедией американской дипломатии».

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ МИМИКРИЯ

Тридцатилетний кризис 1914–1945 гг. был столь же знаковым, сколь и превратно толкуемым периодом в становлении глобального доминирования США в двадцатом веке. Два спорных вопроса необходимо разрешить немедленно.

Во-первых, экономическое и финансовое превосходство Соединенных Штатов после 1945 г. — а они производили около 50% мирового продукта и владели 70% своих золотых резервов — было неизбежным апогеем положительной динамики их обширной экономики размером с целый континент. В этой связи показательна точка зрения Эрика Хобсбаума.

К 1913 г. США уже стали крупнейшей мировой экономикой, на долю которой приходилось более трети промышленного производства — лишь немногим меньше, чем совокупный объем выпуска промышленной продукции Германией, Великобританией и Францией. В 1929 г. их доля мирового производства составила более 42% по сравнению с менее чем 28%, приходившимися на долю трех европейских промышленно развитых держав. Это по-настоящему впечатляющая цифра. В частности, если производство стали в США выросло примерно на четверть в период с 1913 по 1920 гг., то производство стали в остальном мире сократилось примерно на треть. Если коротко, то после окончания Первой мировой войны США были во многих отношениях такой же доминирующей экономикой в мировом масштабе, какой они вновь стали после Второй мировой войны. «Великий обвал» на время приостановил это доминирование (Хобсбаум, 1994: 97).

Хобсбаум в своем повествовании останавливается на том, что Великая депрессия прервала рост могущества США, но лишь мимоходом отмечает, какой урон разрушения времен Первой мировой войны принесли другим крупным экономикам и как они стимулировали экономический рост в США. О еще более выборочном воздействии Второй мировой войны он даже не упоминает.

Второй спорный момент связан с утверждением создателя ТСГ Чарльза Киндлбергера о том, будто Великая депрессия была вызвана «неспособностью Британской империи далее выполнять роль гаранта [мировой экономи-

ческой] системы и нежеланием Соединенных Штатов взять эту роль на себя» (1986: 11). Проблема заключалась не просто в том, что эта широко распространенная точка зрения осовременила миф о пассивной сверхдержаве. Она также закрепила неверное толкование действий США в первой половине двадцатого века, которые были столь же радикальными, сколь и идеологически обусловленными. Цель заключалась в том, чтобы скрыть истинные намерения Соединенных Штатов — подражать Соединенному Королевству, пусть и тщетно, в осуществлении мирового доминирования. Действительно, как показано в двух последующих главах, ТСГ сама по себе являлась поздней реинкарнацией этих амбиций.

□ Корпоративный капитализм и Федеральная резервная система

Социал-дарвинистский капитализм баронов-разбойников возник на почве спекуляций времен Гражданской войны и последующего стремительного роста экономики. В это же время время «джексоновское замечание о том, что правительство не должно вмешиваться на стороне богатых... [было переформулировано] ... в теорему о том, что правительству нечего вмешиваться в интересах угнетенных» (Филлипс, 2002: 42–3). В свою очередь, к концу столетия этот капитализм сменился в США второй промышленной революцией в тяжелой промышленности. Значительно возросшие потребности в капитале привели к формированию американской версии «финансового капитала» — так называемой Морганизации. Крупные финансовые объединения — чаще всего банкирский дом «Дж. П. Морган» — спонсировали картели и сделки слияния для создания промышленных тяжеловесов. Они послужили основой при формировании корпоративного капиталистического класса, который на рубеже веков изменил политэкономия капитализма в США.

Политика эпохи реформ, которая проводилась в период между первой неудачной президентской кампанией Уильяма Дженнингса Брайана 1896 г. и «Новым курсом» Франклина Делано Рузвельта 1930-х гг., «сверху» определялась требованиями этого нового корпоративного капитализма, а «снизу» — популистской мобилизацией на фоне растущего неравенства, урбанизации и промышленной концентрации. На передний план вышел так называемый вопрос доверия — как контролировать гигантские корпорации в интересах более широких слоев населения. Прогрессисты — политические представители корпоративного класса — сумели добиться того, чтобы реформы способствовали «росту крупных промышленных организаций путем отражения атак на них и их перенаправления исключительно в моральное и церемониальное русло» (Арнольд, 1937: 212), а также того, чтобы «люди наподобие Брайана и Лафоллета, которые не пользовались доверием, по крайней мере, значительной части деловых кругов», никогда не приблизились к Белому дому (Хофштадтер, 1955: 250). Главным законодательным и институциональным наследием, которое поддерживало следующий этап развития капитализма в США, была, по утверждению Джеймса Ливингстона (1986), Федеральная

резервная система, созданная в 1913 г. и представлявшая собой кульминацию движения за банковскую и денежную реформу.

В начале двадцатого века центральные или резервные банки поддерживали паритет между национальными денежными знаками и золотом в соответствии с золотым стандартом и выступали в качестве кредитора последней инстанции в отношении банков, работающих в стране. В период промышленной революции они стали играть центральную роль в «организации капитала» (*Бэджет, 1873/1978*). Например, Банк Англии, изначально созданный в 1694 г. для финансирования войн за счет заимствования средств у капиталистов вместо обложения их налогами, в начале девятнадцатого века отреагировал на рост торговых потоков, проходящих через Лондон, согласившись на «переучет» векселей, уже учтенных небольшим кругом банков, и фактически став для них кредитором последней инстанции. Он взял на себя ответственность за конвертацию фунта стерлингов в золото и, соответственно, за поддержание его паритета, когда Соединенное Королевство вернулось к золотому стандарту после Наполеоновских войн. В большинстве промышленно развитых стран были созданы центральные банки, которые должны были действовать в качестве кредиторов последней инстанции в условиях финансово-бюджетных трудностей (*Шулл, 2005: 60*), а когда страны присоединились к золотому стандарту, они взяли на себя еще одну функцию.

США были исключением: первые две попытки создать в стране центральный банк потерпели неудачу. Стечение ряда обстоятельств, произошедших в первом десятилетии двадцатого века, привело к основанию Федеральной резервной системы. Существовавшая в США рассредоточенная структура частных банков, регулируемых правительствами штатов и, как правило, находящихся в границах штатов, доказала свою неэффективность во время кризиса 1907 г., когда их едва спас Дж. П. Морган (*Ахамед, 2009: 52–6*). Популистское движение за свободную чеканку серебряных монет (*Free Silver*) представляло угрозу для капиталистической организации денег и финансов, а также для интересов США за рубежом. В условиях растущего международного веса экономики США, американские банки, экспортеры и импортеры злились из-за неприятия доллара США на международном уровне ввиду отсутствия центрального банка (*Броз, 1997: 132ff*). Будучи незыблемым условием международного признания, центральный банк, помимо этого, давал и другие преимущества: «сеньораж» в виде автоматического доступа к международным кредитам, более высокая доходность для банков, более низкие транзакционные издержки для американских предприятий, осуществляющих деятельность за рубежом (1997: 75). Более того, эти требования и стимулы были неразрывно связаны с переформулированием корпоративной элитой имперских амбиций США в стремление «выстроить международную коммерческую систему, которая позволила бы американскому бизнесу свергнуть и заменить британский бизнес с его интересами в качестве управляющего компонента мировой экономики» и «создать новые институциональные средства для выполнения политической задачи стабилизации, которую Великобритания в одиночку выполняла до 1914 г.» (*Паррини, 1969: 1*).

Центральный банк не мог быть создан мелкими капиталистами, исповедующими социал-дарвинизм. Для этого требовались «корпоративные лидеры, которые бы осознавали разницу, или конфликт, между получением прибыли в краткосрочной перспективе и политико-экономической стабильностью в долгосрочной перспективе и которые бы в случае необходимости действовали соответствующим образом» (*Ливингстон, 1986: 228*). Ибо центральный банк, даже если он принадлежит частным акционерам и контролируется ими (как и ФРС до настоящего времени)... порой должен ограничивать выдачу кредитов, пускай это и означает упущенную прибыль. В других случаях ему придется расширять возможности кредитования, даже если это означает принятие на себя нежелательных рисков и (или) сокращение прибыли (*Шулл, 2005: 60*).

В обмен на подобное служение общим интересам американских капиталистов ФРС получит стабильный, пускай и умеренный доход на свой капитал (*Шулл, 2005: 60*). Новая корпоративная элита понимала: «в связи с изменившимися обстоятельствами социально-экономической жизни государству придется взять на себя новые обязанности» (*Ливингстон, 1986: 228–9*). Ей также удавалось преодолевать конфликты между интересами различных капиталистических групп, например, крупных промышленных корпораций, выступавших за протекционизм, и ратовавших за расширение торговли крупных банков, чья прибыль могла бы быть репатрирована в виде импорта. Новая «эра сотрудничества» в американском бизнесе началась с нового законодательства, в частности, Антитрестового закона Клейтона от 1916 г., который освободил иностранную торговлю от антимонопольного законодательства, а также Закона Уэбба — Померена от 1918 г., позволившего американским предприятиям делить зарубежные рынки (*Паррини, 1969: 8*). С открытием новых рубежей недавно созданная Федеральная резервная система высвободила «часть внутренних банковских резервов страны для развития внешней торговли на постоянной основе», в частности, за счет того, что американским банкам была предоставлена возможность «выдавать кредиты для внешней торговли там, где ранее финансирование осуществлялось векселями в фунтах стерлингов, на которых зарабатывал Лондон, а также открывать филиалы за рубежом» (1969: 22–3). Теперь корпоративный капитал США был готов взаимодействовать с миром на его условиях. Сразу после создания ФРС мировая война принесла самые многообещающие возможности для осуществления такого взаимодействия.

ДОМИНИРОВАНИЕ ЧЕРЕЗ РАЗРУШЕНИЕ

Сейчас должно быть очевидно, что на момент начала Первой мировой войны США были далеко не изоляционистским государством. Вильсон не давал втянуть Соединенные Штаты в войну на начальном этапе в ожидании патовой ситуации, чтобы США смогли выступить в качестве арбитра и архитектора такого послевоенного порядка, который будет ориентирован

на США. Тем временем война, помимо прочего, вывела США из депрессии, в которую страна погрузилась в 1913 г. В 1913 г. на долю будущих союзников по Первой мировой войне уже приходилось 77 процентов экспорта США, а теперь они способствовали «самому большому промышленному буму, который переживала страна до этого времени» (Ленс, 2003: 253). Крупные конгломераты получали несоразмерную выгоду, расширив экспорт боеприпасов и другой продукции и финансируя его. Война также стала поворотным моментом в финансовой сфере. Из хронического должника, чье капиталистическое развитие прежде зависело от поглощения значительной части легендарного экспортного капитала Великобритании, Соединенные Штаты превратились в страну-кредитора. В период между 1914 и 1917 гг., когда США, наконец, вступили в войну после начала Русской революции, американские банки во главе с банкирским домом Моргана собрали 2,5 миллиарда долларов в виде обеспеченных и не обеспеченных кредитов правительствам союзных держав, которые также приобрели или реквизировали 4 миллиарда долларов у своих граждан в американских активах для целей обеспечения, а также просто в виде наличных (Хадсон, 1972: 40). «А поскольку британцы приостановили платежи в золоте и наложили эмбарго на выдачу кредитов «для предприятий за пределами Империи», Уолл-стрит стал теперь банковским центром мира» (Ленс, 2003: 252). Вдобавок американский бизнес также выиграл за счет ухода британских и других европейских предприятий из Латинской Америки.

США вступили, наконец, в войну не из-за бомбардировок Германией торговых судов и не из-за какого-то «идеалистического» стремления «сделать мир безопасным и демократичным», а по той причине, что союзники больше не могли осуществлять закупки у американских фирм. Гарантировать их заимствования теперь было не по средствам даже великому Дж. П. Моргану. Посол США в Лондоне, докладывая о международной ситуации, считал это обстоятельство «наиболее тревожным для финансовых и промышленных перспектив США». Неспособность британцев и французов поддерживать заказы, безусловно, будет означать «панику в Соединенных Штатах», и, как заключает он, «не исключено, что единственным способом сохранить наши нынешние ведущие торговые позиции и предотвратить панику является объявление войны Германии» (цит. по: Ленс, 2003: 260). Лишь вступив в войну, правительство США могло обеспечить гарантии 3,5 млрд долларов США, которые союзники задолжали американским банкам и бизнесменам, а также одобрить выделение еще 3 млрд долларов США для того, чтобы союзники продолжали закупки у США. Таким образом, благодаря войне и предоставлению воюющим сторонам правительственных экспортных кредитов, объем производства в США вырос с 35,8% от общемирового показателя в 1913 г. до 42,2% в 1926–1929 гг., тогда как доля Германии (14,3%) и Соединенного Королевства (14,1%) из-за войны уменьшилась до 11,6 и 9,4% соответственно (Лига Наций, 1945: 13).

Массовое увеличение федерального долга могло быть профинансировано посредством Федеральной резервной системы. Региональные федеральные резервные банки стали «посредниками между правительством и банков-

ским сообществом» (Шулл, 2005: 64); они не только продавали своим клиентам правительственные ценные бумаги, но и покупали их за свой счет, так что в скором времени «правительственные бумаги стали служить основным обеспечением при осуществлении займов через «дисконтное окно» (Шулл, 2005: 64). В целях стимулирования региональные резервные банки не только корректировали свои учетные ставки в соответствии со ставками казначейских ценных бумаг, находящимися на уровне ниже рыночного, но и установили преференциальные учетные ставки при осуществлении займов у резервных банков для покупки государственных ценных бумаг; ценные бумаги служили обеспечением займов. Коммерческие банки, осуществлявшие займы для покупки ценных бумаг, получали проценты по ценным бумагам за счет преференциальной учетной ставки (Шулл, 2005, 64).

Разумеется, все это оправдывалось «великой государственной необходимостью... [которая] требовала приостановки действия общепризнанных экономических и финансовых принципов, регулирующих банковские операции в мирное время» (Шулл, 2005: 65).

УСТРЕМЛЕНИЯ США

Восхитительный, но нереалистичный вильсоновский идеализм, с которым принято связывать крах Лиги Наций после Первой мировой войны, был, как мы уже видели в главе 2, чем-то мифическим: «это была не борьба между Старым порядком и Новым порядком, а просто ссора по поводу того, каким образом Старый порядок должен улаживать свои дела» (*Хоффматтер*, 1959: 272). В рамках «морального империализма» Вильсона Соединенным Штатам отводилась роль «самой справедливой, самой прогрессивной, самой благородной, самой просвещенной нации в мире» (цит. по: *Уильямс*, 1972: 69), чью экспансию, подобно своему другу Тернеру, Вильсон расценивал как «естественный и благодетельный импульс» (1972: 71). Вильсон и его критики внутри страны расходились только в том, что является наиболее эффективным способом реализации «права [американских предприятий] использовать свои капиталы и управленческие таланты повсюду, наравне с предприятиями других стран» (*Паррини*, 1969: 1).

Существенным было то, что Устав Лиги Наций предусматривал коллективные действия государств против государства-агрессора, но не содержал «осмысленного требования в отношении существенного изменения международных экономических отношений» (*Хоффматтер*, 1959: 269–70), породивших промышленное и империалистическое соперничество и войну. В Версале Вильсон, как и другие лидеры капиталистических стран, сосредоточился на политике (*Хоффматтер*, 1959: 270), а пролить свет на подавленную экономику предстояло Кейнсу (1919/2004). Европа была опустошена и нуждалась в новом подходе, в том числе в списании долгов союзников, в займах на нужды восстановления, а также в связях с коммунистической Россией. Вильсон и его преемники отвергли такой вариант реализации стремления США к подража-

нию британскому доминированию. Но объективные реалии, которые признавал Кейнс, свидетельствовали о том, что действия США либо терпели неудачу, либо увенчивались успехом, но лишь превратным способом.

Не сумев обеспечить всеобщее разоружение и подчинить мир своей подавляющей экономической мощи под эгидой Лиги Наций, Соединенные Штаты прибегли к другой тактике. Несмотря на то что европейские страны были слабыми, что между ними существовали разногласия и что они нуждались в американском капитале, три основных фактора мешали достижению целей США. Во-первых, война и ее последствия; во-вторых, крах институциональных схем, ориентированных на Лондон, включая так называемый золотой стандарт и свободную торговлю; в-третьих, растущую потребность капиталистических государств в легитимности перед лицом массовой мобилизации в условиях войны и классового конфликта по ее окончании. Все три фактора указывали «на государственный капитализм и дискриминационную политику в области коммерческих отношений, что обеспечивало бы политическое распределение мировых рынков» (Паррини, 1969: 37). В этих обстоятельствах США могли использовать свой статус кредитора, чтобы обеспечить поражение Парижской программы 1916 г., которая могла бы способствовать «созданию исключительного европейского экономического сообщества, основанного на совместном развитии нейтральных рынков правительствами союзных государств, а также альянсу европейского государственного капитализма против Германии (и опосредованно против США)» (1969: 37). Но в результате этого могло возникнуть «экономическое сообщество на основе интересов, которым бы [они] управляли, причем Западная Европа и Япония выступали бы в качестве полноправных партнеров в рамках данной системы» (1969: 259), и все это могло происходить только в довольно извращенном виде. Если «Британия достигла пика своего экономического и финансового могущества в период существования [более или менее] объединенных мировых рынков, связанных общим золотым стандартом, и ей не приходилось иметь дело с серьезной промышленной конкуренцией», то Соединенные Штаты «столкнулись с дезинтегрированным мировым рынком без общего денежного стандарта и со значительной промышленной конкуренцией» (1969: 101–2).

По-другому и быть не могло. Первая индустриально развитая капиталистическая страна была обречена на то, чтобы стать «управляющим сегментом» мировой экономики, что в конечном счете было обусловлено ее собственной капиталистической экспансией. В равной степени неизбежным было то, что государства-претенденты, в конце концов, осуществили индустриализацию и разрушили это единство, бросив вызов промышленному и в конечном счете имперскому превосходству. Своеобразная классовая структура, в рамках которой финансовый капитал доминировал над промышленным на родине промышленной революции, и обширная Британская империя — все это повлияло на то, что Соединенное Королевство сохраняло за собой статус «управляющего сегмента» мировой экономики даже после того, как потеряло промышленное превосходство. Но и это закончилось в 1914 г., после того как дальнейшее смешанное неравномерное развитие (СНР), в осо-

бенности развитие стран-претендентов, включая США, превратило мировой порядок в множество индустриальных государств, соперничество между которыми привело к войне. Эти государства играли все более заметную экономическую роль как на внутренней арене (где в скором времени к формам управления добавился коммунизм), так и на международном уровне (включая войну).

□ Огосударствление финансов

В этом контексте интересно посмотреть на то, каким образом США стали мировым кредитором, а Нью-Йорк и доллар пришли на смену Лондону и фунту стерлингов. Здесь важны два связанных между собой фактора. Во-первых, до 1914 г. Лондон был частным финансовым центром мирового значения, тогда как утверждение Соединенных Штатов в роли ведущего мирового кредитора с самого начала было связано с реализацией правительственной функции. Это не было ни результатом частных иностранных инвестиций излишков, полученных за счет внешней торговли, ни результатом самостоятельного расширения частных зарубежных инвестиций путем использования в иностранных предприятиях доходов и денежных потоков, генерируемых внутри страны. Хотя реинвестирование частных средств, действительно, имело место, его объем был незначительным в сопоставлении с авансами, предоставляемыми правительством США государствам-союзникам во время войны, а также для нужд послевоенной помощи и восстановления (*Хадсон, 1972: 53*).

Более того, поскольку в результате войны возникли межправительственные требования, частные международные финансовые требования были свернуты. По иронии судьбы «ограничение частного капитала в правах явилось, в значительной степени, результатом войны, основной причиной которой послужила конкуренция международного финансового капитала» (1972: 63).

Во-вторых, структура международных финансовых обязательств после войны — «тяжелая дань, подлежащая выплате одним союзником в пользу другого» (*Кейнс, 1919: 281*) и возникшая как результат в основе своей разрушительного, а не продуктивного предприятия — была беспрецедентной за всю историю. Эти обязательства, в особенности настойчивые требования немецких репараций со стороны Великобритании и Франции, якобы продиктованные соображениями мести, согласно широко распространенному мнению, способствовали росту нацизма. Однако мало кто признает, что настойчивые требования британцев и французов о выплате репараций были, в свою очередь, обусловлены настойчивыми требованиями США о погашении этими странами военных займов. «За всю историю войны ни один союзник не требовал... платы за военную поддержку». Вместо этого «поставка вооружений союзникам по общему правилу была отнесена к военным расходам» (*Хадсон, 1972: 50*). Соединенные Штаты с самого начала дали союзникам понять, что это будет именно так, в частности, посредством эмоциональных отсылок к историческим связям между Америкой и такими странами, как Франция.

Однако по окончании войны правительство США заявило, что страна вступила в войну не как союзник, а как партнер, не заинтересованный в территориальных приобретениях (1972: 43–4), и настаивало на возврате долгов. Оно игриво жаловалось на то, что союзники, похоже, хотели «принудить Германию освободить их от ответственности за развязывание войны и принудить нас освободить их от ответственности за позднее вступление в войну» (*Норман Дэвис, помощник министра финансов*, цит. по: *Паррини, 1969: 52*), и ссылалось на общественное мнение в пользу выплаты займов (*Хофф, 1971: 151–3*). Эта настойчивость объясняет, каким образом «сформировался [мировой финансовый порядок, основывающийся на доминирующей роли в мировых финансах... правительства США]» (*Хадсон, 1972: 54*). Историческая важность этого обстоятельства обусловлена и другой причиной: было бы ошибкой утверждать, будто США спровоцировали Вторую мировую войну... Однако верно и то, что ни одно действие никакой страны не способствовало генезису Второй мировой войны в большей мере, чем невыносимое и тяжкое бремя, которое Соединенные Штаты намеренно навязали своим союзникам по Первой мировой войне и через них Германии (*Хадсон, 1972: 112*).

Некоторые руководители американских корпораций призывали отменить эти долги, но лишь частично и только по той причине, что они видели, какой ущерб эти обязательства могут нанести их собственным интересам за рубежом. Кейнс наиболее ясно предвидел политические, экономические и геополитические трудности, которые могут возникнуть из-за настойчивых требований США о выплате долгов, и, пользуясь дипломатическими каналами, просил «придать огню» «бумажные пути» (1919: 283). Но США отказывались идти на любое послабление.

После войны, когда прекратилось действие правительственных гарантий США по экспортным кредитам военного времени, возникла новая схема правительственных финансовых потоков для мирного времени. Хотя промышленные корпорации США стремились осуществлять инвестиции за рубежом, а европейцы — импортировать основные фонды, банки США все еще настороженно относились к финансированию такой торговли. Они считали, что надежнее иметь дело с правительствами. Поскольку было невозможно убедить американский средний класс покупать иностранные правительственные облигации, капитал в основном утекал из США через банки, предоставляющие иностранным правительствам краткосрочные кредиты под высокие проценты (*Паррини, 1969: 75–6*). Это происходило, несмотря на попытки американских корпораций побудить банки предоставлять долгосрочные кредиты на экспорт капитала в соответствии с Законом Эджа от 1919 г., который разрешал американским банкам создавать иностранные дочерние компании и осуществлять банковскую деятельность за рубежом, а также разделять иностранные и внутренние риски. В дальнейшем чрезмерная государственная задолженность сделала подобные инвестиции ненадежными в глазах таких крупных банкиров, как Морган (1969: 99).

Проект по превращению Нью-Йорка в мировой финансовый центр, как оказывается, реализовывался в сотрудничестве с Соединенным Королевством,

которое хотело направить американские финансы в Европу через Лондон (1969: 100). Финансовый капитал США был разделен. Банки, ориентированные на промышленность (например, National City Bank), выступали за полное вытеснение Лондона системой банковских филиалов, специально созданных для поддержания торговой деятельности США. Такие банки, как Банкирский дом Моргана, уже вложили значительные средства в финансовую деятельность, ориентированную на Лондон, и они выступали за сотрудничество (1969: 60–3), нацеленное на «американизацию» британской банковской системы, ее превращение в «американский инструмент, который имеет все элементы, присущие системам других стран» (*Джейсон Нильсен, Mercantile Bank of the Americas*, цит. по: *Паррину, 1969: 63*). Победа последних имела судьбоносное значение: она гарантировала, что «финансовый капитал» США, который первоначально напоминал континентальную схему Гильфердинга, где финансы служили целям производственной экспансии, будет все больше походить на британскую модель «Лондонского Сити», в рамках которой финансовое доминирование ограничивало или подавляло производительный капитал. Именно в этой форме и, более того, не ограниченная таким механизмом, как золотой стандарт, которому подчинялся Лондон во времена своего расцвета, данная схема достигнет апогея в виде финансовых пузырей 1990-х гг., в особенности 2000-х гг.

Этой трансформации способствовал британский финансовый капитал, который надеялся спасти то, что оставалось от его мировой финансовой роли. За этим последовала катастрофическая операция 1925 г. — возвращение фунта стерлингов к золотому стандарту на основе довоенного паритета посредством проведения дефляционной политики. Данную операцию поощряло правительство США. США удерживали процентные ставки на низком уровне, чтобы содействовать снижению цен в Великобритании, и пообещали предоставить секретный займ для стабилизации валюты ввиду старого паритета. Американские банкиры, включая председателя ФРС Бенджамина Стронга, полагали, что стабилизация фунта была в интересах США (*Блок, 1977: 16*), не в последнюю очередь, потому что это позволяло Нью-Йорку получить статус международного финансового центра. Ведь в соответствии с договоренностями о сотрудничестве, направленными на облегчение условий погашения задолженности, Нью-Йорк в течение какого-то времени будет поддерживать процентные ставки на уровне ниже лондонских и благодаря этому станет более привлекательным центром кредитования для иностранцев (*Кларк, 1967: 72*).

Кейнс подверг разрушительной критике последствия этого решения для британской промышленности и рабочего класса, показав, что в этом не было необходимости, и точно предсказав Всеобщую стачку 1926 г., когда рабочий класс оказал сопротивление понижению уровня заработной платы, произошедшему в результате этого решения (*Кейнс, 1963: 24–70*). Хотя в 1931 г. данный эксперимент будет объявлен провальным, его проведение принесло выгоду Соединенным Штатам. Если в начале 1920-х гг. формирующаяся центральная роль Нью-Йорка «все еще оставалась смутной... ввиду лидерства

Великобритании как международного кредитора», то, когда План Дауэса от 1924 г. установил новый порядок осуществления Германией репарационных выплат в ответ на дефолт 1923 г., «американские банкиры разместили более половины займа. Англичане взяли то, что осталось» (*Паррини, 1969: 137; Кларк, 1967: 57*). Когда эта политика неизбежно потерпела неудачу, ей на смену пришел План Юнга от 1929 г. Поддержанные правительством США данные инициативы обеспечили Уолл-стрит возможность осуществления международных инвестиций в виде займов, предоставляемых правительствам.

К середине 1920-х гг. вершина финансовой системы США включала в себя три части: банки, близкие к американской промышленности, с филиалами в Латинской Америке и Азии; филиалы Банкирского дома Моргана в Латинской Америке и их связи с британскими и французскими банками; американские корпорации, финансируемые из собственных средств и осуществляющие экспорт и инвестиции за рубежом (*Паррини, 1969: 122*). С тех пор зарубежные производственные инвестиции США, финансируемые как американскими банками, так и самими корпорациями, нарастали по мере осуществления комплексного государственно-частного экспансионизма США (*Уильямс, 1972: 131–2*). Базовая модель экспансии осталась такой же, какой она была до 1914 г. Хотя порой она смягчается (например, как в случае с «политикой добрососедства», которая, как известно, была реакцией на растущее сопротивление экспансии США в Латинской Америке) или сопровождается риторикой о том, что экспансия США приносит процветание и реформы. В любом случае ключевой вехой было утверждение политики открытых дверей. И в каждом таком случае целью являлись рынки для американского промышленного экспорта, сырьевые материалы для американских заводов, возможности непосредственного участия в экономической жизни страны путем создания заводов и других предприятий. Подобная экономическая экспансия позволяла оказывать все большее влияние на политические и экономические решения, принимаемые на местах, способствовала еще более глубокому проникновению и в конечном итоге приобрела военное измерение. (*Уильямс, 1972: 158*).

□ Великая депрессия

Великая депрессия была наиболее глубокой в Соединенных Штатах, и межправительственный поток средств, который продолжал поступать в Нью-Йорк, внес в это свой вклад. С учетом объема выплат по долгам их основой стали служить потоки капитала, а не торговые потоки. Сформировался «треугольник»: потоки средств поступали из Соединенных Штатов в Германию, затем в европейские союзные державы и обратно в Соединенные Штаты (*Хадсон, 1972: 66*). Эти потоки были неустойчивыми: «активов, необходимых для обеспечения займов, просто не существовало» (1972: 66). Ситуацию усугубляло то, что, ввиду «недостатков Нью-Йорка как международного рынка капитала», спекулятивное и безответственное трансграничное кредитование стало увлечением. «Американские инвестиционные банки оказывали давле-

ние на иностранные правительства, чтобы те брали больше займов, ведь новые облигационные предложения сулили новые поступления комиссионных в крупном размере», а правительство США не прилагало усилий для их регулирования (*Блок, 1977: 20–1*). В то же время для предотвращения внутренней инфляции Соединенные Штаты «стерилизовали» приток золота — результат выплаты займов, а также бегства капитала из Европы в поисках безопасности. Это не только стимулировало поступление золота в Соединенные Штаты, но и накладывало на другие страны тяжелое бремя регулирования (1977: 21–2), что дополнительно усиливало ненадежность их займов. Вопрос заключался не в том, прекратится ли поток средств, а в том, как и когда это произойдет.

Напряженность усиливалась из-за различий в моделях экономического роста. Экономическая политика в Европе оставалась в рамках дефляционной модели, характерной для периода, предшествовавшего 1914 г. В то же время в Соединенных Штатах наблюдался экономический рост благодаря легким и дешевым кредитам. Низкие процентные ставки отчасти были призваны помочь Соединенному Королевству сохранить приверженность золотому стандарту после 1925 г., несмотря на отрицательное сальдо торгового баланса, но они также сыграли важнейшую роль в обеспечении роста, пришедшегося на «бурные двадцатые». В Соединенных Штатах наблюдался «поразительный и невероятный» рост (*Кейнс, 1931/1973: 345*), связанный с тем, что фордистская революция промышленного производства преобразила жизнь в городах с появлением автомобилей, электричества, кинематографа и средств связи. В отсутствие соответствующего повышения заработной платы и выплат по социальному обеспечению — которые с конца двадцатого века стали играть роль, которую можно сравнить с «автоматическими стабилизаторами» экономики — спрос на товары, произведенные по Форду, поддерживался за счет легкого доступа к потребительским кредитам. Достигнутый рост по большей части оправдал рост рынка ценных бумаг. Однако со временем его перспективы оказались неразрывно связаны с судьбой международного долгового пузыря.

Низкие процентные ставки способствовали осуществлению заимствований в США, как и поступавшие выплаты, что вело к увеличению доступного кредита. Однако к 1928–1929 гг. средства начали перенаправляться на растущий рынок ценных бумаг и кредитование европейских правительств достигло своего пика (*Хадсон, 1972: 68*). Когда ФРС попыталась удержать пузырь на рынке ценных бумаг путем повышения процентных ставок, это привело к краху рынка ценных бумаг. Это не было причиной Великой депрессии — замедление инвестиций уже наметилось в начале 1929 г. (*Кейнс, 1931: 350*). К таким глубоким последствиям могло привести только потребительское кредитование, направленное на расширение рынка. В то же время прекращение выдачи займов для Европы, за счет которых финансировался экспорт, усугубило ситуацию (*Хадсон, 1972: 68*), сделав Соединенные Штаты «главной жертвой собственной непримиримости в отношении долговой проблемы союзников» (*Хадсон, 1972: 69*). В ходе Великой депрессии капитал просто перестал утекать за рубеж (1972: 66–7).

Поскольку Соединенные Штаты погрузились в Великую депрессию сразу после периода «бурных двадцатых», они, естественно, пережили самый большой спад производства среди основных капиталистических стран. Это достаточно плохо отразилось на проекте США по принятию у Соединенного Королевства эстафеты в роли мировой державы. Более того, в условиях финансовых и экономических неурядиц 1930-х гг. — краха торговли, ограничения кредитования, прекращения международных потоков капитала и хаоса с обменными курсами — все экономики еще больше спрятались в свои национальные раковины, стремясь укрыться от проблем в международной торговле и финансах за счет различных мер, включая количественные ограничения на торговлю, двусторонние клиринговые соглашения и финансовые ограничения.

Администрация Рузвельта проводила неортодоксальную экономическую политику, включавшую приостановку действия внутреннего золотого стандарта в 1933 г., за которой последовала международная девальвация доллара в пересчете на золото в 1934 г., а также программа государственных расходов. Это происходило в большей степени благодаря готовности Рузвельта к экспериментам, особенно после того, как «его убедили совершить поворот влево крайние консерваторы» и высшие слои общества, из которых он происходил, чем благодаря любым кейнсианским заверениям (*Хофштадтер, 1959: 327–30*). На самом деле, вопреки распространенному мнению, «Новый курс» не предполагал создания более крупного внутреннего рынка в качестве альтернативы внешней экспансии, обусловленной войной. «Наши экономические границы больше не совпадают с нашими территориальными границами», — провозгласил Уильям Калбертсон, экономический советник и государственный деятель в нескольких администрациях в межвоенный период. Корделл Халл более прозаично заявил в 1938 г., что «только здоровая международная торговля [т. е. такая, в которой доминирующее положение занимают США] позволит создать полноценную и стабильную внутреннюю экономику» (цит. по: *Уильямс, 1972: 194*). Сопrotивление экспансии США по-прежнему интерпретировалось в Соединенных Штатах как опасный экономический национализм. Он, как представлялось, давал о себе знать не только в Латинской Америке, но и среди конкурирующих капиталистических держав.

Возобновление «Нового курса» Рузвельта по-прежнему зависело от государственных расходов. Поэтому, когда в 1937 г. ФРС ужесточила условия кредитования, чтобы предотвратить то, что она рассматривала как перегрев экономики, и Рузвельт урезал расходы своего правительства для сокращения бюджетного дефицита, вновь произошел экономический спад (*Хофштадтер, 1959: 335*, цит. *Элвина Хансена*). Восстановление экономики с выходом из депрессии после Второй мировой войны будет еще более впечатляющим, чем оно было после Первой.

Европейские державы увязли в ортодоксальности золотого стандарта, хотя их попытка восстановить стандарт посредством международного сотрудничества на Лондонском экономическом саммите 1933 г., к счастью, была пресечена Рузвельтом, поскольку это предусматривало списание европейских

долгов и препятствовало его собственным планам экономической экспансии США. Трехстороннее соглашение о валютном сотрудничестве от 1936 г. было расценено Киндлбергером в его аргументации в пользу ТСГ как «веха» в международном сотрудничестве, направленном на сохранение открытости экономики. Однако в действительности оно было нацелено на повышение эффективности управления национальными экономиками путем стабилизации валют и сдерживания конкурентных девальваций. В любом случае никаких дальнейших подвижек в сторону международного экономического сотрудничества не наблюдалось, поскольку мир приближался к войне: никакой «международный валютный порядок... не мог одновременно удовлетворить и державы, стремившиеся сохранить статус-кво: Францию, Великобританию и США, и новые империалистические державы, которые жаждали перераспределения международных ресурсов: Германию, Италию и Японию» (*Блок, 1977: 30*).

Великая депрессия привела к тому, что доля США в мировом производстве сократилась с 42,2% в 1926–1929 гг. до 32,2% в 1936 г. (*Лига Наций, 1945 год: 13*). Ситуация усугублялась тем, что, с точки зрения США, в выигрыше были не только европейские государства, но и все более напористые латиноамериканские страны, а также некоторые колонии, в том числе Индия. Депрессия и европейский протекционизм нарушили существующие торговые связи и международное разделение труда, которое они поддерживали, что позволило осуществить в официальных и неофициальных колониях в определенной степени самостоятельную индустриализацию, ориентированную на импортозамещение (*Потермунд, 1996: 93–9*).

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ВТОРОЙ ШАНС

В конце 1930-х гг. в условиях обострившейся экономической, политической и военной конкуренции в политических и деловых кругах США царили настроения, аналогичные тем, которые предшествовали вступлению в Первую мировую войну, — протест против нейтралитета и изоляционизма, увязывание своих интересов с войной. Дебаты 1939 г. в журнале *Fortune* указывали на то, что участники официально и решительно отвергали вступление в войну. Однако все остальное указывало либо на то, что они ожидали американского участия, либо на то, что они по-прежнему с успехом пытаются закрывать глаза на тот факт, что их пожелания не могут быть реализованы иначе, чем за счет войны. Никакой войны, вторили они в унисон, а затем «единогласно» голосовали за противодействие попытке Японии ввести «Новый порядок» в Азии. Никакой войны, настаивали они, а затем категорически отказывались даже обсуждать возможность более самодостаточной экономики. У зарубежной экономической экспансии не было альтернатив. Никакой войны, повторяли они, а затем соглашались с необходимостью оборонять Филиппины для защиты «богатых ресурсов» Юго-Восточной Азии (*Уильямс, 1972: 198*).

Более того, они также настаивали, что США не смогут продолжать свое существование, если Европа и Азия откажутся от «свободного предпринимательства». Таким образом, послевоенный порядок должен был его обеспечить в «каждой стране» (1972: 198). С самых первых дней существования республики экспансия оставалась ядром американской идеологии. Наряду с необходимостью «расширять продажи потребительских товаров внутри страны», по словам редакторов *Fortune*, столь же важна была «значительная экспансия в области внешней торговли и иностранных инвестиций». Для обеспечения и того и другого нужно было, чтобы «все больше руководителей корпораций входили в администрацию Рузвельта и последующие правительства» (1972: 200–1).

Так, знаменитый лозунг о наступлении «американского века», провозглашенный Генри Люсом (1941/1999), лишь отражал консенсус среди влиятельных лидеров мнений, поддерживаемых деловыми кругами США. На протяжении межвоенного периода, полного разочарований, они сохраняли веру в перспективы подражания британскому доминированию, царившему до 1914 г., и теперь выступали за «второй шанс» (*Дивайн, 1967: 39–40*). До 1941 г. Соединенные Штаты, оставаясь в стороне, снова получали экономическую выгоду от военного куша, однако в том году Люс заложил идеологическую основу для вступления в войну. Он призвал США отказаться от «изоляционизма», вступить в войну, определиться с целями и принять единственно возможный вызов. Люс все более тесно увязывал амбиции корпоративных лидеров начала двадцатого века сменить Соединенное Королевство в качестве «управляющего сегмента» мировой экономики с тем, что в 1970-х гг. станет именоваться теорией стабильности гегемонии (ТСГ). Он также переосмыслил эти амбиции, преподнес их в качестве «ответственности» и изобразив неготовность США взять на себя эту ответственность после Первой мировой войны как катастрофу, которая не должна повториться. Основная проблема Америки заключается в следующем: несмотря на то что эта нация стала в двадцатом веке самой могущественной и самой жизнеспособной страной в мире, тем не менее, американцы не смогли приспособиться к этому факту в духовном и практическом отношении. Как следствие, они не смогли сыграть роль мировой державы, и эта их неудача имела катастрофические последствия как для них самих, так и для всего человечества. Чтобы исправить это, необходимо сделать следующее: от всего сердца, в качестве наиболее могущественной и жизнеспособной нации в мире, принять наш долг и нашу возможность, а значит, в полной мере оказать на мир наше влияние, для реализации тех целей, которые мы сочтем целесообразными, и с помощью таких средств, которые мы считаем подходящими (*Люс, 1941: 165*).

По словам Люса, Соединенное Королевство не только было «совершенно готовым к тому, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя роль старшего партнера», но и «среди серьезных англичан главной жалобой на Америку... являлось то, что Америка отказалась от возможностей мирового лидерства»

(1941: 164). «Золотая возможность», переданная Америке на «серебряном блюде», была упущена в 1919 г. И это не должно повториться. Во всем этом ярком лицемерии Люс правильно уловил одно: его идею о мировой роли США можно проследить в «многогранном проекте и великолепных целях», которые вынашивались с самых первых дней американского общества (1941: 171).

Нейл Смит недавно отметил «абстрактность, даже бессодержательность, географии [Люса]» — «Будем ли мы сражаться за старый добрый Данциг или за старый добрый Донг-Донг?» Люс насмеялся. «Будем ли мы определять границы Уритании?» (Смит, 2003: 18). Смит интерпретировал это как видение неофициальной империи, в которой иностранная география и отдельные локации имели второстепенное значение (2003: 18), в отличие от европейских официальных империй с их «вниманием к местной и глобальной географии». Неофициальная империя США была построена скорее на «абстрактной географии мирового рынка, нежели чем на непосредственном политическом контроле над территориями». В этой империи «правительство... уделяло повышенное внимание созданию широких правовых и политических условий для своих корпораций (2003: 19).

Тот факт, что Люс отдал предпочтение исторической, а не географической терминологии («век» вместо «империи»), выдавал нечто важное. Однако, в отличие от «географического языка империй, [который] предполагает гибкую политику» на фоне «подъема и падения империй, открытых для вызовов», американский век предполагал «неизбежное предназначение»: «Как бросить вызов столетию?» (2003: 20). Очевидным становилось отступление от имперского призвания к тому времени, когда Соединенные Штаты могли бы воспользоваться данной возможностью; отступление, которое, как показано в последующих главах, помогло Соединенным Штатам сделать так, чтобы их американский век казался более привлекательным.

Как и Первая мировая война, Вторая мировая война также помогла Соединенным Штатам выйти из депрессии. Однако на этот раз это была Великая депрессия, и толчок, который она дала экономике США, был еще более значительным. Номинальный ВВП США увеличился более чем вдвое, с 84,7 млрд долларов США в 1938 г. до 211,9 млрд долларов США в 1945 г., т.е. рост составил 250%. Реальный ВВП вырос со 192,9 млрд долларов США в 1938 г. до 355,2 млрд долларов США в 1945 г. (ЭДП, 1970: 177–8). Такое 184%-е увеличение не повторится в течение еще более 20 лет, хотя эти годы включали в себя «золотой век» капиталистического роста. Такой рост наряду с еще более значительным опустошением, которое принесла война остальному миру, заложили фундамент того экономического и финансового доминирования, условия которого Соединенные Штаты обсуждали в ходе переговоров о послевоенном мироустройстве в Бреттон-Вудсе. Там, вопреки сказкам о ТСГ, они приложили все усилия, чтобы подчинить своим имперским амбициям важнейший вопрос о восстановлении мировой экономики и мировой торговли.

БРЕТТОН-ВУДС: ДОМИНИРОВАНИЕ ВМЕСТО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Бреттон-Вудс стал синонимом «гегемонии», «альтруизма» и «просвещенности» США в вопросах создания многосторонних институтов, стабилизировавших мировую экономику и обеспечивавших последовавший «золотой век» роста. Эти институты принято либо считать кейнсианскими, либо связывать с предложениями представителя США Гарри Декстера Уайта, который придерживался кейнсианского подхода. На самом деле, в Бреттон-Вудсе США вели переговоры о том, чтобы закрепить свой только что приобретенный статус могущественной мировой державы. Любой «альтруизм», который они проявляли, объяснялся попытками найти экспортные рынки, особенно для основных фондов, чтобы раздувшаяся от войны экономика не сократилась до более умеренных размеров мирного времени. Любая «просвещенность», которую они демонстрировали в Бреттон-Вудсе, в отличие от Версаля, была связана с осознанием ими того факта, что, когда они «переиграли свою позицию мирового кредитора» на этой конференции, они остались в «неловком положении, владея сомнительными долговыми инструментами» (*Хадсон, 1972: 137–9*). Американские переговорщики стремились не к многосторонности, будь то по Кейнсу или по Уайту, а к созданию режима, ориентированного на США, который открыл бы мир для экономической экспансии США. И когда потребовались уступки в пользу многосторонности, США заручились особыми привилегиями в созданных таким образом институтах и обеспечили, чтобы эти уступки оставались максимально незначительными для эффективного управления мировой экономикой в последующие десятилетия.

Делегаты большинства стран, присутствовавшие на Бреттон-Вудской конференции, полагали, что «попытка вернуться к такому же уровню международной открытости, который имел место до Первой мировой войны, была утопией»; скорее, «растущая потребность в стабильности внутренних экономических условий обуславливала значительно меньшую международную открытость, так что будущее требовало разработки системы «национального капитализма» в рамках международного механизма стабилизации мировой экономики» (*Блок, 1977: 30–1*). Однако позиция США сводилась к тому, что открытая мировая экономика под их присмотром была возможна; что их неудачи в период между двумя мировыми войнами не были «неизбежными»; что, «получив второй шанс, Соединенные Штаты смогли бы стабилизировать мировой порядок с высоким уровнем открытости». Соединенные Штаты могли бы «занять место Великобритании, превратившись в финансовый центр мировой экономики» (1977: 30–1).

Кейнс, возглавлявший британскую делегацию на Бреттон-Вудской конференции, был самым видным представителем, отстаивавшим первую точку зрения. Его оригинальные предложения крайне важны: на их фоне можно судить о действиях США, как в Бреттон-Вудсе, так и за его пределами, а также

о последствиях этих действий. Кейнс признавал, что, в отличие от имперской геополитической экономики девятнадцатого века, геополитическая экономика двадцатого века включала в себя национальный капитализм. В этой ситуации достижение значительного экономического роста и восстановление необходимого уровня торговли было возможно, но лишь за счет создания структур международного экономического управления, которые обеспечили бы значительную автономию национальных правительств для достижения их собственных экономических целей, включая — что принципиально важно — полную занятость. Имея это в виду, Кейнс предложил создать Международный клиринговый союз (*International Clearing Union, ICU*) для регулирования и упрощения международной торговли и платежей. Он был изначально ориентирован на обеспечение сбалансированной торговли, контроля за движением капитала, совместной ответственности за корректировку торговых и платежных дисбалансов стран-кредиторов / стран с положительным сальдо платежного баланса наряду со странами-должниками / странами с отрицательным сальдо платежного баланса, а также на создание международной валюты, управляемой на многосторонней основе («банкора»), которая бы не являлась валютой какой-то конкретной страны, а использовалась для урегулирования остаточных торговых дисбалансов.

Каждая страна имела бы овердрафтный кредит в банкорах, пропорциональный ее торговым потребностям. Общие дебетовые и кредитовые балансы, отражающие профицит и дефицит стран, подлежали взаимозачетам. Контроль за движением капитала позволил бы национальным правительствам контролировать такие важнейшие рычаги управления экономикой, как процентные ставки и обменные курсы. Стимулирование сбалансированной торговли осуществлялось бы двумя основными способами. Во-первых, страны-кредиторы и страны с положительным сальдо платежного баланса должны были нести такую же ответственность за корректировку дисбалансов, как и страны-должники и страны с отрицательным сальдо платежного баланса. Избегая значительных и принципиально неустойчивых торговых дисбалансов, можно исключить не только столь разрушительное для роста осуществление дефляционных корректировок странами-должниками и странами с отрицательным сальдо платежного баланса, но и необходимость накапливать ликвидность для их финансирования. Во-вторых, эти меры предполагалось усилить — сделать излишки торгового баланса и накопление резервов непривлекательными за счет того, что Международный клиринговый союз начислял бы проценты как по кредитным, так и по дебетовым остаткам на конец года, а также разрешить покупать банкор за золото или за национальную валюту, но не продавать его, так чтобы страны с профицитом только могли накапливать остатки в банкорах. Часть остатков сверх определенной квоты переводилась бы в конце года в резервный фонд для выдачи кредитов на цели развития (*Кейнс, 1980: 118–19*). Наконец, была бы обеспечена значительная свобода действий по реализации приоритетов национальной политики при осуществлении корректировок. В частности, Международный клиринговый союз разрешал странам-должникам проводить девальвацию в пределах 5%

при низких дебетовых остатках и лишь применял более строгие штрафные санкции при более высоких остатках. Страны со значительным и постоянным кредитным балансом могли предпринять ряд мер: расширить внутренний кредит и спрос; повысить курс национальной валюты или поднять уровень заработной платы; снизить тарифы или другие барьеры для импорта; экспортировать капитал (1980: 120).

Шумпетер с завистью жаловался на влиятельные политические советы Кейнса, сетуя на то, что они «были в первую очередь всегда английскими советами, порожденными проблемами Англии» (*Скидельски, 2000: 293*). Поскольку предложения Кейнса на Бреттон-Вудской конференции отражали интересы Соединенного Королевства, именно оно было экономически ослаблено, испытывало проблемы, связанные с торговым и финансовым дефицитом (которые должны были лишь усугубиться с приближением деколонизации). В условиях, когда мир был разрушен войной и готовился выйти из колониализма, на данной конференции были представлены гораздо более широкие интересы, чем интересы Соединенных Штатов с их раздутыми в результате войны экономическими и финансовыми возможностями.

В Бреттон-Вудсе предложения Кейнса были «отвергнуты по политическим основаниям; но они никогда не были отвергнуты или оспорены по экономическим основаниям» (*Тили, 2007: 79*). Не были они оспорены и предложениями Уайта, немного другим способом нацеленными на создание международного порядка, в котором было бы возможно национальное экономическое планирование. На самом деле, его предложения были разработаны в диалоге с Кейнсом. Они на какое-то время стали частью официальной переговорной позиции США лишь потому, что широкая коалиция, на которую опиралась администрация Рузвельта, представляла не только традиционные интересы демократической партии — «прежде всего, сельскохозяйственного Юга, городского политического аппарата и представителей господствующих деловых и финансовых кругов», но и интересы «недавно сформированных промышленных союзов и представителей движения аграрного прогрессивизма со Среднего Запада» (*Блок, 1977: 34*), которые ратовали за национальное экономическое планирование. Наконец, было дополнительное непредвиденное обстоятельство — отличавшийся своей оригинальностью министр финансов США Генри Моргентау был терпим к кейнсианцам, в частности к Уайту.

Однако позиция Уайта и тех, кто выступал в поддержку планирования, была политически неустойчивой. Они столкнулись с противодействием со стороны Конгресса, Государственного департамента, возглавляемого сторонником экспансионизма Корделлом Халлом и — что сыграло, возможно, самую важную роль — со стороны нью-йоркских международных банкиров. По мнению банкиров, любые планы устранить дисбалансы в торговле и платежах, установить контроль над капиталом, предоставить правительствам более или менее автоматический доступ к ликвидности в случае дисбалансов и учредить мировую валюту, регулируемую на многосторонней основе, упразднят их важную роль в государственном финансировании и право диктовать экономическую политику (как правило, дефляционную) взамен. Кроме того, это под-

вергло бы их инвестиции инфляционным рискам при правительствах, проводящих экспансионистскую политику (1977: 53).

В итоге в Бреттон-Вудскую систему были включены только те предложения Кейнса, которые касались контроля над капиталом, и то лишь потому, что они имели решающее значение для восстановления капиталистической Европы, разрушенной войной, что должно было помешать ей стать коммунистической. Международный валютный фонд (МВФ), который был создан для оказания помощи странам, испытывающим временные трудности с платежным балансом, не только не способствовал обеспечению более сбалансированной торговли, но и проводил в жизнь дефляционные условия по поручению американских международных банкиров. Так что он был скорее их инструментом, нежели заменой. В любом случае он был слишком незначительным, чтобы его можно было использовать для решения проблем переходного периода, когда страны нуждались в существенных финансовых ресурсах для отказа от валютного контроля. МВФ вступит в свои права только в 1980-х гг., когда страны третьего мира переживали долговой кризис. Вместо банкротства Соединенные Штаты стремились воссоздать золотой стандарт в новой версии, пообещав обеспечить доллар своими огромными золотыми резервами. Это выглядело как возведение обыкновенной предусмотрительности в добродетель. Как выразился один американский сенатор, золото, накопленное в Соединенных Штатах, «не имело никакой реальной ценности сверх его ценности для торговли». Вкладывая несколько миллиардов золота в это крупное предприятие, [США] попросту пытались сохранить ценность этого самого золота» (цит. по: Хадсон, 1972: 150).

Но даже это не могло обеспечить доллару ту мировую роль, которую некогда играл фунт стерлингов. Соединенным Штатам было известно о том, что после окончания войны возникнет нехватка долларов, не в последнюю очередь потому, что они стремились поддерживать превышение стоимости экспорта над стоимостью импорта, а также потому, что после войны они оказались мировым кредитором. Лондон должен был оставаться главным международным рынком капитала для финансирования торговли в Западной Европе, а также между Соединенным Королевством и его стерлинговой зоной. Поэтому США провели двусторонние переговоры с Соединенным Королевством, чтобы заручиться его поддержкой по вопросу открытия мировой торговли в обмен на кредит, что ускорило бы восстановление международной роли фунта стерлингов. Практически по всем пунктам эти переговоры провалились, а поскольку конвертируемость фунта стерлингов и других основных валют не была обеспечена вплоть до 1958 г., то доллар мог быть единственным международным средством платежей за пределами стерлинговой зоны. Именно так доллар начал играть мировую роль в послевоенный период. Но, даже учитывая то, что роль была с оговорками, он с самого начала столкнулся с проблемами, как будет показано в следующей главе.

4 АМБИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Представление о том, будто США были «гегемоном» в период между 1945 и 1971 гг., настолько широко распространено, что повторное рассмотрение данного периода неизбежно удивит. С точки зрения теории стабильности гегемонии (ТСГ) и с точки зрения политических деятелей США, в чьем стремлении подражать британскому доминированию берет свое начало эта теория, мировая роль доллара служила показателем гегемонии США. Она была сопряжена с проблемами с самого начала. В условиях геополитической экономии послевоенного периода сохранение экономической мощи США и мировой роли доллара — две противоположно направленные тенденции.

Послевоенное смешанное развитие было сильнее, чем прежде. Его самая сильная форма — коммунизм — полностью исключила огромные территории и народы, в том числе Китай после 1949 г., из капиталистического мира, уведя их из-под потенциального доминирования США, и повсеместно поддерживала смешанное развитие. В свою очередь, США были вынуждены терпеть и даже спонсировать смешанное развитие капиталистических союзников, восстанавливающихся после войны. И они должны были мириться с таким развитием, по крайней мере, новых независимых стран, возникновению которых способствовали мощный экономический национализм, советская поддержка деколонизации и собственное желание США ограничить влияние своих капиталистических конкурентов. Более того, как только бывшие колонии стали независимыми странами, на смену «консенсусу межвоенного периода о неприменимости права на самоопределение к колониальным народам» пришло историческое «номинальное — пускай и лицемерное — принятие великими державами законной международной системы». Отныне национальные

государства пользовались равными юридическими правами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (ООН), и агрессивная война была запрещена. Правда, существование пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающих правом вето, обесценили оба этих положения (Чандлер, 2003: 30). Но если лицемерие является той данью, которую мудрость платит добродетели, то притворство — это дань реальности: равенство суверенных государств и невмешательство в дела других государств были необходимым притворством в ситуации, когда империализму приходилось защищаться. Новые независимые страны теперь обладали политической автономией для проведения политики смешанного развития, если их правящие классы хотели и могли это обеспечить.

Дело было не только в том, что капиталистический мир, на доминирование в котором рассчитывали США, был усечен и фрагментирован на конкурирующие национальные капиталистические экономики, но и в том, что изменения, происходящие во внутренней политической и экономической жизни, усилили возможность смешанного развития. И здесь СССР также играл важнейшую роль. Он осуществил впечатляющую индустриализацию, в то время как капиталистические страны чахли в Великой депрессии, а в некоторых из них к власти пришли фашистские режимы. Именно СССР внес решающий вклад в победу во Второй мировой войне и в разгром фашизма. Итак, после войны репутация капитализма была подорвана, и капиталистическим странам пришлось проштудировать некоторые советские руководства по планированию, особенно для того, чтобы уберечь от очарования коммунизмом свои рабочие классы, которые были мобилизованы на войну и которым было обещано материальное равенство и процветание. Следовательно, о возвращении к политике невмешательства государства в экономику и о старом свободном рынке не могло быть и речи. Определенные политические цели — полная занятость, сдерживание коммунизма, модернизация отстающей, сокращающейся или разрушенной экономики — имели абсолютный приоритет и оправдывали самое активное государственное присутствие. Даже режимы, приверженные экономическому и политическому либерализму, теперь могли и должны были управлять своей экономикой таким способом, который в другое время был бы отвергнут как «социалистический». В конце концов, именно так Британия и даже США управляли своей экономикой в военное время. Будущее было за «смешанной экономикой» (Хобсбаум, 1994: 272–3).

Высокие ожидания рабочего класса сделали рост критически важным фактором для капиталистических экономик: в последующие десятилетия его «ожидали как нормальную характеристику мировой экономики. Легко забыть, что в более ранние периоды такого не было» (ЭДП, 1969: 124). Таким образом, в мире национальных экономик, преследующих цели роста, либерализм в международной сфере оказался «встроенным» в социальный консенсус по поводу «межправительственного сотрудничества, направленного на содействие равновесию платежных балансов в международном контексте мультилатерализма и внутреннем контексте полной занятости» (Рагги, 1982: 392, 396–7). Массовая мобилизация на войну в развитых капиталистических

и коммунистических странах мира совпала с мобилизацией народов, борющихся за независимость в рамках движения за деколонизацию. Таким образом, все послевоенные правительства должны были выполнять возросшие материальные ожидания. Наконец, деколонизация также сделала более или менее обязательным для капиталистических стран расширение внутренних рынков за счет более высокой — если не полной — занятости, как это давно предвидел Гобсон.

Невзирая на довольно внушительный размер своей экономики в послевоенный период, Соединенные Штаты были — что важно подчеркнуть — всего лишь одной из ряда национальных экономик. Они с энтузиазмом проводили политику нового внутреннего экспансионизма: «если реальные потребности и чаяния нашего населения трансформируются в эффективный спрос благодаря постоянно растущей занятости и покупательной способности, то наши рынки могут поглощать продукцию, объемы выпуска которой активно наращиваются» (ЭДП, 1949: 5). В Законе о занятости от 1946 г. была прямо прописана приверженность Соединенных Штатов «общенациональной программе обеспечения максимально высокого уровня занятости, производства и покупательной способности» (ЭДП, январь 1947 г.: 25). Однако осуществление такого рода национальной экономической экспансии наряду с другими направлениями национальной экономической политики противоречило мировой роли доллара по двум причинам.

Во-первых, национальная экономика не могла с легкостью обеспечить мировую ликвидность. Соединенному Королевству это удавалось за счет переработки колониальных излишков в виде экспорта капитала. Не имея колоний и стремясь к внутренней экспансии, Соединенные Штаты имели в своем распоряжении небольшой капитал. Альтернатива заключалась в создании платежного дефицита (*Лапу, 1943; Economist, 1943*), и в 1950-х и 1960-х гг. последовательно дали о себе знать две основные проблемы, с этим связанные. Непосредственно после войны экспортный профицит США ограничивал международную ликвидность. Начало холодной войне было положено для того, чтобы Конгресс утвердил план Маршалла. Однако экспорт капитала был слишком незначительным даже для финансирования экспорта США на желаемом уровне, не говоря уже о более широком содействии торговле и восстановлению союзнических стран. Лишь с увеличением военных расходов США на Корейскую войну была определена послевоенная модель обеспечения ликвидности посредством дефицита платежного баланса. Но даже тогда продолжались жалобы на долларовую нехватку, несмотря на то что коммунистический мир и стерлинговый блок обходились без долларов.

После того как в 1958 г. другие валюты стали конвертируемыми, нехватка долларов почти в одночасье сменилась избытком долларов, и возникла знаменитая «дилемма Триффина»: обеспечение международной ликвидности посредством платежного дефицита подрывало доверие к доллару (*Триффин, 1961*). Долларовая проблема стремительно обострялась, поскольку сокращению экспорта сопутствовали растущие военные расходы за границей и увеличение платежного дефицита. Восстанавливающиеся экономики добыва-

лись конкурентоспособности за счет новых технологий. Между тем американские производители были перегружены устаревшим оборудованием, вынуждены были участвовать в прямых иностранных инвестициях (ПИИ) из-за тарифных барьеров, возводимых конкурентами, а также не получали никакой помощи от своих правительств. Поскольку правительства США не могли себе позволить проводить надлежащую промышленную политику из-за страха прослыть нелиберальными и подвергнуть угрозе мировую роль доллара, они проводили политику, обремененную маскировкой под оборонную. На фоне того как восстанавливались и развивались страны-соперницы, наблюдалось экономическое и промышленное отставание США.

Таким образом, второе противоречие заключалось в том, что Соединенные Штаты были беспомощны перед лицом такого смешанного неравномерного развития (СНР). Мировая роль доллара предполагала продвижение на открытые рынки товаров и капитала. Это не могло согласовываться с открытым проведением промышленной политики, нацеленной на повышение производительности и конкурентоспособности, которую могли себе позволить их конкуренты. Так, американские экономисты, преемники Гамильтона, Кэри и институционалисты, обратились к неоклассической экономике в ходе «относительно внезапной смены парадигм». Они «совершенно влюбились в рынок и полностью разлюбили контроль и государственное вмешательство, в то самое время, когда они добились успеха в применении последнего», и именно тогда, когда последнее все более широко применялось по всему миру. Холодная война и маккартизм были тесно связаны с этой сменой парадигм. Теперь экономисты «сузили круг своих убеждений и... ограничили приемлемые способы их выражения» (*Морган и Резерфорд, 1998: 17, 13, 15*). В результате сократившийся набор инструментов макроэкономической политики связывал руки правительству. Неспособная обеспечить рост производительности в достаточных масштабах макроэкономическая политика могла вызвать только инфляционный рост, который увеличивал дефицит торгового баланса и подрывал доверие к доллару. Противодействие инфляции с помощью инструментов этой политики могло бы восстановить доверие к доллару, но только за счет сокращения роста и ускоренного уменьшения относительных размеров экономики США, служивших основой их доминирования, — на фоне того, как в капиталистических странах-конкурентах наблюдался рост благодаря последовательному смешанному развитию.

После 1958 г. стала происходить утечка золота из Соединенных Штатов, поскольку европейские правительства предпочитали золото долларам по завышенному курсу, а некогда внушительный золотой запас США к 1961 г. был сильно истощен, поэтому потребовалось создать золотой пул для поддержки золотого обеспечения доллара. По мере того как в течение десятилетия трудности доллара продолжали нарастать, стали появляться очертания ТСГ, призванной оправдать и объяснить проблемное состояние доллара. Авторы гипотезы международного финансового посредничества (ГМФП) читали лекции членам иностранных правительств и представителям центральных банков о том, что они не должны рассматривать Соединенные Штаты как одну из на-

циональных экономик. Это мировой банкир, чьи дефициты платежного баланса — просто банковские обязательства. ГМФП, безусловно, была слишком дерзкой, чтобы сообщать о событиях, которые последовали.

Печально известное заявление неофита, министра финансов США Джона Коннэлли о том, что доллар — «это наша валюта, но ваша проблема», обычно приводится в качестве довода в пользу того, что «ставка сыграла» на ГМФП после 1971 г. Доверие частного сектора к доллару компенсировало недоверие к иностранным правительствам и центральным банкам, а политики «благотворного невмешательства» было достаточно для поддержания стоимости доллара и в последующем его мировой роли. Но заявление Коннэлли, сделанное перед европейской делегацией, указывало лишь на взаимное раздражение между правительствами США и стран Западной Европы. Как показано в главах 6–8, невзирая на ГМФП и ТСГ, мир никогда не считал Соединенные Штаты своим банкиром, а вес доллара по-прежнему зависел от состояния национальной экономики США.

В 1971 г. администрация Никсона ясно отдавала себе в этом отчет. Когда в 1971 г. экономический спад добавился к инфляции, дефициту платежного баланса, ослаблению доллара и неспособности золотого пула предотвратить дальнейший отток золота, администрация Никсона обнаружила, что рецессию можно устранить с помощью более масштабных налогово-бюджетных и денежно-кредитных мер. Но это усугубило бы другие проблемы. Это стимулировало бы по-прежнему присутствующие ожидания в отношении продолжения или даже ускорения инфляции, что, в свою очередь, ускорило бы «бегство» от доллара (ЭДП, 1972: 22).

Встав перед выбором между мировой ролью доллара и экономическим благополучием США, Никсон предпочел последнее (Каллео, 1982: 30–1).

ОТ МИРОВОЙ ВОЙНЫ К ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

Послевоенные политические деятели США не «желали возвращаться к довоенному размеру экономики» (ЭДП, январь 1947 г.: 22). Однако, проявляя еще большую дерзость, они стремились также сохранить относительный размер своей экономики. Как в 1948 г. откровенно выразился Джордж Кеннан, директор службы политического планирования Госдепартамента США, у нас сосредоточено около 50% мирового богатства, но лишь 6,3% населения. ... В этой ситуации мы обречены быть объектом зависти и обиды. Наша реальная задача на предстоящий период заключается в том, чтобы разработать такую модель отношений, которая позволит нам *сохранить подобное несоответствие* без ущерба для нашей национальной безопасности (Кеннан, 1948, выделение добавлено).

Однако этому не суждено было случиться. И дело было не в том, что таких попыток не предпринималось.

□ Управление национальной экономикой

Трумэн стремился к экспансии за счет поддержания высокого спроса посредством государственных закупок для нужд потребления (например, программа школьных обедов), а также для инвестиционных нужд (например, гражданское строительство). Данная стратегия ознаменовала собой три важнейших изменения в экономической политике. Во-первых, она стала более терпимой к инфляции, с учетом того, что довоенный уровень цен никогда не будет восстановлен и что рост стабилизирует послевоенные цены (ЭДП, середина 1948 г.: 11–12). Во-вторых, критически важным фактором для поддержания высокого спроса считалось потребление со стороны рабочего класса. Когда напряжение на рынках труда после войны и во время корейского бума привело к «потере большего количества рабочих дней по причине забастовок, чем в любые другие сопоставимые периоды после 1946 г.» (Бреннер, 1998: 53), администрация сделала выбор в пользу контроля заработной платы, цен и ренты, чтобы оказать давление на «норму прибыли ... адекватным образом, для поглощения увеличившейся заработной платы без повышения цен», и ограничить только такую «корректировку заработной платы, которая ведет к превышению ценового потолка», предоставляя льготы тем, «кому они необходимы для разрешения трудностей, для устранения несправедливости или для предотвращения фактического снижения уровня жизни» (ЭДП, середина 1948 г.: 7). Наконец, она стала более терпимой к бюджетному дефициту, рассматривая дефицит, ожидавшийся в 1949 г., как «элемент значительной стабильности в нынешней ситуации» (ЭДП, середина 1949 г.: 1). Сокращение расходов будет равнозначно «пораженческому признанию, что мы не можем помешать падению нашей экономики», и прекращению программ, «жизненно важных для поддержания международной безопасности и внутреннего благосостояния нашего населения» (ЭДП, середина 1949 г.: 5–6). Вместо этого были предприняты дальнейшие экспансионистские инициативы. Итак, в первые послевоенные годы заработная плата была стабильно высокой, а прибыль очень высокой — «сверх уровня, необходимого для предоставления стимулов и денежных средств в целях расширения промышленности», как с удовлетворением отмечала администрация (ЭДП, январь 1949 г.: 5). И кредитование расширилось.

□ Холодная война как финансирование экспорта

Несмотря на внутренний экспансионизм и объем экспорта в два с половиной раза выше уровня 1929 г. и втрое выше уровня 1940 г. (Бреннер, 1998: 48–9), «подобная диспропорция» в мировой экономике в пользу США не могла сохраняться, поскольку доллар не мог обеспечить ликвидность для адекватного финансирования американского экспорта.

«Ключевой валютный план» уже провалился, не решив эту проблему. В соответствии с этим планом Соединенные Штаты пообещали британцам займ для содействия конвертации фунта стерлингов и восстановления роли Лон-

дона в финансировании мировой торговли (состоящей, разумеется, в основном из американского экспорта). Однако заем оказался слишком маленьким, и попытка сделать фунт стерлингов конвертируемым закончилась провалом (*Блок, 1977: 52*). Так что американский экспорт должен был финансироваться странами, исчерпавшими свои золотые и долларовые резервы, через Администрацию помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА), а также с помощью кредитов, выдаваемых Экспортно-импортным банком.

К 1947 г. эти источники иссякли, а внутренний потребительский бум послевоенного периода близился к концу. В то время как финансирование экспорта стало более насущной задачей, по итогам выборов 1946 г. состав Конгресса оказался таким, что одобрение дальнейших займов было маловероятным. Теперь администрация Трумэна придумала «красную угрозу», чтобы «напугать страну до чертиков» (*Сенатор Ванденберг, цитата по: Фриланд, 1972: 89*). Была провозглашена доктрина Трумэна о поддержке Соединенными Штатами вооруженного сопротивления «подчинению», что положило начало холодной войне. Конгресс выделил 400 миллионов долларов на предотвращение триумфа левых сил в Греции и Турции в 1947 г.

В этом смысле холодная война была не причиной имперской политики США, а ее следствием (*Ленс, 2003: 349*). Она совмещала в себе финансирование экспорта и борьбу со смешанным развитием как национального капитализма, так и коммунизма. Когда «тоталитарные режимы» угрожали «свободным народам», «мировые экономические обязательства Америки» предусматривали оказание помощи странам, сражающимся с ними (*Фриланд, 1970: 86*). В доктрине Трумэна свободой считалась в первую очередь свобода экономическая: она лежала в основе других свобод. И все они подвергались угрозе из-за таких ограничений, как торговые квоты, лицензии и планирование, которые благоприятствовали восстановлению и развитию стран. Хуже того, они могли побудить сами Соединенные Штаты «воспользоваться этими же средствами для борьбы за рынки и сырье» (*Трумэн, 1947*) такими способами, которые несовместимы с имперскими амбициями США.

Итак, спустя 18 месяцев после окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты вновь перешли в состояние боевой готовности. Поскольку конфликт был продиктован стремлением США к доминированию, Соединенные Штаты останутся в этом состоянии и после окончания холодной войны, переключившись на «гуманитарные войны» и войну с терроризмом (*Бациевич, 2008: 67*). Их враги: фашизм, коммунизм, диктатуры и исламизм — будут последовательно подвергаться демонизации (2008: 77). В «высшей степени гибкое обоснование» военных действий со стороны структурно неподотчетного официального лица окажется «прочно укоренившимся в американскую психологию», а реальная кровавая история обеспечения Соединенными Штатами «национальной безопасности» будет «заретуширована» (2008: 78).

Антикоммунизм был лишь частью более широких нападков на то, что препятствовало реализации имперских целей США. С точки зрения влиятельного консерватора Уильяма Янделла Эллиота, коммунизм представлял собой

серьезное сокращение потенциальной ресурсной базы и рыночных возможностей Запада из-за исключения коммунистических территорий из сферы международной экономики и такой их экономической трансформации, которая *сократила их желание и способность включиться в индустриальную экономику Запада на принципах комплементарности* (Эллиот, 1955: 42, выделение добавлено).

Национальный капитализм был лишь немногим менее угрожающим. Действительно, борьба с национальным капитализмом и конфликт с советским коммунизмом были взаимосвязаны. Во-первых, угроза национального капитализма была наиболее значительной в тех странах, где у левых были самые сильные позиции. Присутствовало опасение, что национальный капитализм будет просто переходом к социализму. Во-вторых, считалось, что национальные капиталистические режимы легко подвержены политическому влиянию — «финляндизации» — со стороны Советского Союза из-за их склонности развивать с ним торговые и дружеские связи (Блок, 1977: 10).

В атмосфере холодной войны Конгресс принял Программу восстановления Европы, также известную как план Маршалла. Тем не менее 13 миллиардов долларов в течение четырех лет было просто недостаточно для того, чтобы поддерживать расширение экономики США на желаемом уровне или для другой цели — сохранить либерализм в Европе. Европейские страны продолжали полагаться на импортный и валютный контроль, препятствуя становлению либерального мирового капитализма, который был бы ориентирован на США, а также служил бы рынком для американского экспорта (Блок, 1977: 92).

В связи с тем что у Соединенных Штатов было активное сальдо торгового баланса, жалобы на долларový дефицит были восприняты всерьез: «в долгосрочной перспективе мы сможем продавать нашу продукцию другим странам, только если захотим покупать их продукцию или инвестировать наши средства за рубежом» (ЭДП, январь 1947 г.: 30). Однако Чарльз Киндлбергер уже встал на путь ГМФП и ТСГ. Если долларový дефицит подрывал либерализм, поскольку другие страны хотели «сохранить за собой свободу вводить ограничения на импорт из Соединенных Штатов» (Киндлбергер, 1950: 5–6), то решение этой проблемы заключалось в «воссоздании международного рынка долгосрочного капитала» (1950: 253), какой существовал в Лондоне до 1914 г. Разумеется, теперь он расположится в Нью-Йорке и будет реденоминирован в долларах. Подобные договоренности, какими бы невероятными или неустойчивыми они ни были, будут бесконечно предпочтительнее любой подлинно многосторонней схемы (например, такой, как предлагал Кейнс), в центре которой не находится доллар.

□ Рождение военного кейнсианства

К концу 1940-х гг. экспансионизм Трумэна столкнулся с новыми препятствиями, по мере того как «импульс спроса, стимулированного войной, и покупательная способность, стимулированная войной ... ослабевали», а «текущая покупательная способность [должна была] поглотить полный

объем выпускаемых товаров и услуг» (ЭДП, январь 1949 г.: 3). Экспорт мог внести лепту только за счет экспорта капитала, но после завершения плана Маршалла он сократится до уровня зарубежных инвестиций американских фирм, плюс официальные потоки капитала для перехода от помощи к торговле (ЭДП, 1953: 138). К 1949 г. Соединенные Штаты находились в состоянии рецессии, поскольку предприятия, скептически настроенные по отношению к условиям внутреннего и международного спроса, прекратили наращивать мощности, а сокращение потока долларов за границу в результате сокращения импорта и экспорта повысило вероятность усиления протекционизма в восстанавливающихся странах (ЭДП, середина 1949 г.: 12).

В то время как Совет экономических консультантов (СЭК) при Трумэне, осознавая, что «небольшая рецессия может перерасти в большую депрессию», предложил программу гражданского строительства для поддержания спроса (ЭДП, июль 1949 г.: 11), по всему миру разрабатывались гораздо более амбициозные планы. Казначейство предложило ускорить конвертацию и провести девальвации там, где это необходимо. Но это было сопряжено с риском: если все пойдет не так, то Европа может стать еще менее либеральной (*Блок, 1977: 98*). В печально известном документе Госдепартамента NSC-68 указывался путь вперед. В нем предлагалось провести перевооружение в качестве наиболее комплексного решения.

Внутреннее перевооружение предоставит новые средства для поддержания спроса, чтобы экономика больше не зависела от сохранения активного сальдо торгового баланса. Военная помощь Европе станет средством для того, чтобы продолжать оказывать помощь Европе после окончания плана Маршалла. Тесная интеграция европейских и американских вооруженных сил станет способом предотвратить отдаление Европы как экономического региона от Соединенных Штатов (Государственный департамент США, 1950: 103–4).

Документ NSC-68 был даже более алармистским и резким, чем доктрина Трумэна. До испытания ядерного оружия Советским Союзом и до революции в Китае политика США проводилась в соответствии с заветом Джорджа Кеннана — сдерживать коммунизм, а не пытаться отбросить его назад. Теперь в документе NSC-68 Соединенные Штаты изображались как страна, окруженная со всех сторон угрозами. Изоляционизм (который всегда является фикцией в любом случае) будет расценен как капитуляция, а превентивная война вызовет моральное отвращение. Автор документа Пол Нитце найдет следующее решение: массовое увеличение оборонных расходов с особым упором на ускоренную разработку водородной бомбы; активизация помощи в области безопасности, включая обучение и оснащение армий дружественных стран; усиление внутренней безопасности и разведки; интенсификация оперативно-диверсионной деятельности, направленной на «разжигание и поддержание беспорядков и восстаний» внутри советского блока. Это было равносильно перманентной милитаризации политики США (*Бацевич, 2009: 110*).

«Доктрина Нитце» положила начало практике США по превращению «тривиальной озабоченности в серьезные угрозы, а серьезных угроз — в экзистенциальные» (2009: 113). Нитце принадлежал к новому поколению со-

ветников президента. Если «мудрецы» Рузвельта олицетворяли «уравновешенность, благоразумие и трезвость» (2009: 106), то новое поколение сочетало «тревожность с требованием немедленных действий» и рассматривало «военную мощь как оптимальное средство решения международных проблем». Среди них был Джеймс Форрестол, первый секретарь в недавно созданном Министерстве обороны (Соединенные Штаты участвовали в двух мировых войнах, не имея этого ведомства), «псевдореалист, претендующий на то, что он видит мир таким, какой он есть, но при этом плохо понимающий ситуацию» (2009: 107). Их преемниками будут директор ЦРУ Джордж Г.У. Буш, чьи сигналы тревоги о недостаточности ядерного потенциала США, делающей возможным первый советский удар, пытались помешать разрядке в 1970-х гг., и неоконсерваторы из Проекта «Новый американский век» (PNAC), которые увидели угрозы после холодной войны в ракетных программах Ирана, Ирака и Северной Кореи (2009: 114). Подобный алармизм был далек от военной эффективности: Соединенные Штаты упустили Китай, Северную Корею и Вьетнам из-за коммунизма, а затем их имперская репутация омрачилась неудачами в Ираке и Афганистане. «Гигантский» и тайный аппарат национальной безопасности, который разрастался вокруг Министерства обороны, скорее препятствовал, чем помогал проведению президентского политического курса. Это среди прочего привело к тому, что Эйзенхауэр предупреждал о зловещей силе военно-промышленного комплекса, и к тому, что Кеннеди оказался втянут в фиаско в бухте Кочинос (2009: 89–96).

Переворужение, как ожидалось, должно было привести к усилению экономического роста и «соответствовало максимальной свободе отечественных капиталистов», а также «устраняло опасность разрушительного экономического кризиса» (*Блок, 1977: 107*). Однако Конгресс увеличил военные расходы и помощь только после начала Корейской войны. Только теперь перевооружение могло заложить основу долгосрочной стратегии роста, известной как военное кейнсианство.

В рамках извращенной политической экономии военного кейнсианства военные расходы стали настолько важны для обеспечения роста в США, что их снижение могло привести к рецессии, тогда как инвестиции в этот весьма неконкурентоспособный сектор «способствовали стагнации в гражданских секторах американской экономики», выкачивая таланты и ресурсы (*Блок, 1977: 122*; также см.: *Перельман, 2002: 104*) и подрывая конкурентоспособность. Все это сделало американский капитализм более националистическим в искаженном смысле: либерализация торговли стала менее актуальной задачей, в то время как у гражданских производителей, защищенных высокими тарифами, была «недостаточная мотивация... для внедрения технических инноваций». К концу 1950-х гг. в качестве реакции на высокие тарифные барьеры в других национальных капиталистических экономиках началось создание заводов-филиалов, а производственная инфраструктура внутри страны игнорировалась все больше. По иронии судьбы перевооружение отвлекало Соединенные Штаты от их имперских амбиций, непосредственно делая эко-

ному США более национальной, а опосредованно — менее конкурентоспособной (Блок, 1977: 122).

Экономика США не извлекала никакого «экономического эффекта» в виде побочных выгод из военных исследований и разработок: «если бы те же самые исследования велись вне военно-промышленного комплекса, то выгоды были бы более значительными» (Перельман, 2002: 103). Более того, в связи с тем что в 1950-х и 1960-х гг. гражданские отрасли отставали по НИОКРам, цены на машинное оборудование перестали быть привлекательными по сравнению с затратами на рабочую силу, и это создавало «эффект противодействия автоматизации», поскольку руководству не удавалось модернизировать машинное оборудование, несмотря на рост заработной платы. Это неизбежно «замедляло рост производительности труда в экономике в целом» (Мелман, 1974: 82) и создавало «фантомные мощности» — «устаревшие средства производства, [которые] создают видимость производственного потенциала, но на деле не существуют» (Перельман, 2002: 133), поскольку стали неконкурентоспособными.

□ Ликвидность и либерализация

Наряду с финансированием американского экспорта, ликвидность была необходима на тот случай, если правительства Западной Европы решат либерализовать свою экономику и должны будут справиться с неизбежным давлением при корректировке. Хотя подобная либерализация была необходима для того, чтобы доллар США стал играть такую же роль, какая отводилась фунту стерлингов до 1914 г., попытки достичь ее в послевоенных условиях фактически отодвигали эту цель еще дальше.

Неспособные обеспечить международную ликвидность в достаточных количествах Соединенные Штаты не допустят создания новых источников, которые были бы вне их контроля. Финансовый капитал США, как мы могли видеть, уже обеспечил, чтобы Международный валютный фонд (МВФ) «работал над укреплением традиционного золотого стандарта», и теперь Соединенные Штаты осуществляли более строгий контроль за финансированием МВФ, заблокировали для получателей помощи по плану Маршалла возможность прибегать к кредитам МВФ и ужесточили условия участия в его программах помощи (Блок, 1977: 113). Но автономные западноевропейские правительства реагировали на подобные шаги ограничением, а не расширением либерализма. Более того, пока они сохраняли валютный контроль, поощрение со стороны правительства США предоставления нью-йоркскими банками «кредитов зарубежным странам для облегчения их платежных трудностей» (1977: 114), с тем чтобы Нью-Йорк стал более похож на Лондон до 1914 г., сошло на нет. Единственными частными инвестициями в Европу были прямые иностранные инвестиции (ПИИ), предназначенные для того, чтобы обходить торговые ограничения. Официальные потоки капитала — сначала в виде помощи по плану Маршалла, а затем в виде военной помощи — оставались необходимыми для финансирования торговли.

Два срока Трумэна охватывали послевоенный период и бум времен Корейской войны. Ретроспективно оценивая этот период, последний ЭДП Трумэна придал имперский лоск долларовому дефициту. Проблема, которая была в нем обозначена, заключалась не только в том, что у других стран не было достаточно долларов для покупки американского экспорта: эти страны также «столкнулись с неспособностью достичь высокого уровня и достаточного разнообразия торговли друг с другом» (ЭДП, 1953: 136). Данную проблему предлагалось решить путем решения «основных проблем с ресурсами и производством», прежде всего в «экономически развитых странах», пострадавших от «двух мировых войн и необходимости принимать новую оборонную программу», а также в странах, страдающих от недостаточного развития. Инициативы, подобные программе «Четвертый пункт» для развивающихся стран и плану Шумана по созданию Европейского объединения угля и стали, будут способствовать «повышению объемов и эффективности [производства] за рубежом». В сочетании с «увеличением иностранных инвестиций США и снижением торговых барьеров» такие программы «должны со временем дать миру возможность зарабатывать доллары, необходимые для оплаты импорта из долларовой зоны» (ЭДП, 1953: 151). Соединенные Штаты «больше всего выигрывали, поддерживая преимущественно свободный мир, и больше всего теряли, если бы баланс сил склонился в пользу тоталитаризма» (1953: 138). Однако повышение объемов и эффективности производства по всему миру вскоре создаст новые проблемы для Соединенных Штатов.

КОНВЕРТИРУЕМОСТЬ И ДИЛЕММА ТРИФФИНА

Часто забывается о том, что легендарный рост времен «золотого века» происходил главным образом в странах с восстанавливающейся экономикой, национальным капитализмом; вместе с наднациональными институтами, которым предстояло стать Европейским Союзом, они представляли собой относительно замкнутый экономический блок, который Соединенные Штаты вынуждены были терпеть. Национальный капитализм не только ограничивал имперские амбиции США непосредственно за счет отсутствия либерализма, но и подрывал их, расшатывая конкурентные позиции Соединенных Штатов и их вес в мировой экономике. По иронии судьбы американские ПИИ играли центральную роль в данном процессе. Для «самой природы так называемой мультинациональной корпорации (которая в девяти случаях из десяти на самом деле является американской корпорацией) характерно [распространять] американские технологии в мировом масштабе, таким образом, технологические уровни выравниваются» (*Мандель, 1969: 12–14*). В Соединенных Штатах стало наблюдаться послевоенное сокращение экспорта в 1958 и 1959 гг. (ЭДП, 1959: 124), в то время как импорт оставался стабильным и даже увеличивался в начале 1959 г. (ЭДП, 1960: 29).

В этот процесс администрация Эйзенхауэра внесла свой вклад. Ее налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика была ощутимо более консервативной. Ставя целью «долгосрочный экономический рост, а не ... немедленное придание импульса экономической активности» (ЭДП, 1955: iv), Эйзенхауэр прервал бум времен Корейской войны мягкой рецессией и отреагировал на вторую рецессию 1957 г. лишь слабым стимулированием экономики. Умеренный экономический рост в середине и конце 1950-х гг. расширил разрыв между экономическими показателями США и стран с восстанавливающейся экономикой и ускорил конвертируемость валют. Конвертируемость валют, часто изображаемая как вершина достижений США в роли гегемона и средство восстановления либеральной мировой экономики, открыла новый этап в истории проблем доллара. Она превратила «долларовый дефицит» в «долларовое перенасыщение», поскольку западноевропейские страны теперь могли шире использовать собственные валюты для осуществления международных платежей, и это заставило Соединенные Штаты встать на путь закрытия золотого окна. При этом Европа не становилась более либеральной.

В условиях конвертируемости валют меры по устранению дефицита долларов способствовали переизбытку долларов. Военные расходы и военная помощь, несмотря на предупреждения об угрозах со стороны «военно-промышленного комплекса», сделанные Эйзенхауэром в прощальной речи, по-прежнему имели ключевое значение для обеспечения роста экономики США и американского экспорта (ЭДП, 1955: 121) и были главными среди этих мер. Стимулирование иностранных инвестиций, в частности, за счет понижения налогов на доход, полученный за рубежом, и налоговых отсрочек (1955: 53–5) также вносило вклад в этот процесс, потому что конвертируемость побуждала прежде пассивных инвесторов идти на решительные шаги. «Таким образом, США продолжали перекачивать доллары за рубеж как за счет движения капитала, так и за счет государственных доходов и расходов, результатом чего было увеличение дефицита» (Блок, 1977: 136). И еще больший переизбыток долларов.

Переизбыток долларов теперь также будет усугубляться ухудшением торговых позиций США. Подход администрации Эйзенхауэра к этой проблеме заложил основу для постоянных атак на рабочую силу в США на предстоящие десятилетия. Администрация признала, что «устойчивое восстановление и рост производственного потенциала в других странах» сыграли свою роль, как и сокращение транспортных расходов; так что теперь «могли возникнуть новые международные диспропорции расходов и цен в пользу этих других стран». Однако она настаивала на том, что изменения были главным образом вызваны «активными усилиями других стран в сфере производства и экспорта на основе ранее существовавшего неравенства в расходах» (ЭДП, 1960: 31), в том числе исторически более высокого уровня заработной платы американских рабочих. Они могли «получать реальную заработную плату в два-три раза выше, чем в Западной Европе, и в четыре-пять раз выше, чем в Японии», пока Соединенные Штаты обладали производственной монополией, подобно Британии девятнадцатого века (Мандель, 1969: 12). Однако из-за имперских амбиций, препятствовавших проведению политики государственного вмеша-

тельства в промышленность, по крайней мере, в гражданские отрасли промышленности, Соединенные Штаты не могли сохранить свои преимущества в производительности. Вместо этого Эйзенхауэр назначил Комиссию по внешнеэкономической политике «для восстановления торговых каналов, стимулирования иностранных инвестиций и оказания технического содействия слаборазвитым странам» (ЭДП, 1955: 52). В соответствии с имперскими амбициями США она рекомендовала бороться с конкурентной угрозой путем сокращения тарифов и торговых ограничений (1955: 52) на том основании, что импорт вытеснит больше долларов за границу и не позволит странам с отрицательным сальдо торгового баланса ограничить американский экспорт (ЭДП, 1958: 48).

Поскольку Соединенные Штаты пытались стимулировать экономический рост исключительно с помощью макроэкономического управления в условиях снижения конкурентоспособности, они могли лишь усугубить данную проблему и подорвать мировую роль доллара. В то время как увеличение внутренних расходов и снижение конкурентоспособности тормозили рост инвестиционной активности, стимулирование спроса не помогало увеличить инвестиции. Оно лишь спровоцировало инфляционный рост, что тормозило импорт и вызывало дальнейшее ухудшение торгового и платежного баланса, а также оказывало давление на доллар. Эта логика еще сильнее даст о себе знать, когда администрации Кеннеди и Джонсона будут проводить более агрессивную политику роста. Однако во время президентства более осторожного Эйзенхауэра на рецессию 1957–1958 гг. отреагировали лишь слабыми стимулами. Администрация утешилась тем, что все больше рабочих в США занято «в отраслях и профессиях, которые не подвержены умеренному экономическому спаду», и что снижение доходов «компенсируется ... дополнительными выплатами» (ЭДП, 1959: iv).

По мере сокращения экспорта нарушалась послевоенная связь между экспортом и оттоком капитала для его финансирования (1959: 131). Теперь краткосрочный капитал утекал за рубеж, чтобы избежать верхнего предела процентных ставок, установленного с 1933 г. Положением Кью, и воспользоваться преимуществами более высоких процентных ставок, действовавших в Западной Европе (ЭДП, 1961: iv). Администрация Эйзенхауэра отреагировала на вызванное этим ухудшение платежного баланса, запустив программу стимулирования экспорта, пытаясь контролировать связанные с обменом иностранной валюты военные расходы США, усиливая призывы к другим странам снижать торговые барьеры (1961: 39). Однако в остальном она надеялась, что благодаря снижению инфляции и увеличению роста удастся остановить отток краткосрочного капитала и ПИИ (1961: 44). Из-за этого оттока переизбыток долларов усугублялся.

Переизбыток долларов был симптомом «дилеммы Триффина». В октябре 1959 г., когда проблемы с долларом только начинались, Роберт Триффин объяснил Конгрессу, что позиции доллара неизбежно будут подорваны, и «со временем это будет становиться все более и более опасно». Мировая роль доллара зависела от того, готовы ли Соединенные Штаты допустить «ухудшение

состояния своих нетто резервов», позволив... краткосрочным обязательствам устойчиво и неограниченно расти более быстрыми темпами, чем... золотые активы» (Триффин, 1961: 8–9). Это ставило под угрозу мировые денежно-кредитные договоренности, создавая несоответствие между реальной стоимостью доллара и ценностью в золоте. Тем не менее устранение дефицита в США привело бы к усыханию международной ликвидности, одновременно создав «серьезные препятствия для проведения разумной политики обеспечения экономического роста и стабильности» и фактически исключив экспансионистскую политику в США. Триффин не упомянул об экспорте капитала: он был просто немислим для любой страны, стремящейся к росту. Он был бы возможен лишь в том случае, если бы национальная экономика США обладала такими масштабными преимуществами в производительности, которые бы обеспечивали достаточный экспорт капитала для финансирования мировой торговли. Как долго они могли поддерживать такие преимущества в высококонкурентном послевоенном мире — уже другой вопрос. Другой вариант — обеспечение ликвидности за счет дефицита — будет зависеть от дилеммы Триффина, если только экономика США не станет настолько большой по сравнению с остальным миром, что ее дефицит будет достаточно велик, чтобы обеспечить мир ликвидностью, но достаточно мал относительно собственного ВВП, чтобы не вызывать беспокойств по поводу стоимости доллара. Остается лишь поражаться тому, насколько в высшей степени конкурентоспособной или чудовищно крупной должна быть такая экономика США в мире, где существуют другие производители, не имеющие значительных конкурентных преимуществ или размеров, и тому, как она должна противостоять вызовам со стороны других таких претендентов. Неудивительно, что Триффин во многом соглашался с Кейнсом, утверждая, что единственным решением этой дилеммы является запрет на использование национальных валют в качестве валютных резервов другими странами и «интернационализация обменной составляющей мировых валютных резервов» (Триффин, 1961: 8–9). Спустя полтора десятилетия после того, как США отклонили предложения Кейнса в Бреттон-Вудсе, экономические реалии вновь подтвердили их принципиальную правильность.

ШУЛЕРСКАЯ ИГРА

Нападки на доллар уже имели место во время предвыборной кампании Кеннеди — Никсона. После обеспечения конвертируемости валют первоначально наблюдалось увеличение частных долларовых владений в Европе, но вскоре эта ситуация изменилась с ужесточением денежно-кредитной политики и ее либерализацией в Соединенных Штатах. Отток доллара усилился, когда американские инвесторы, отныне не сдерживаемые отсутствием конвертируемости валют, увлеклись «высокодоходными иностранными казначейскими векселями» (ЭДП, 1961: 112). Несмотря на этот отток и предупреждения Триффина, новая администрация Кеннеди, вступившего в долж-

ность, заявила, что «поддержание установленной ценности в золоте» имеет большое значение для обеспечения «стратегической роли доллара» и «стабильности и эффективности существующей системы международных расчетов» (ЭДП, 1962: 148). Теперь судьба доллара стала еще более беспокойной, поскольку правительства Кеннеди — Джонсона прибегали к политике, которая стремилась отсрочить, и к теориям, которые стремились скрыть неумолимую реализацию предупреждений Триффина.

По мере утечки золота за рубеж заявления Кеннеди о том, что «вся мощь наших золотых запасов и других международных резервов служит основой стоимости доллара и в случае необходимости будет использована» (ЭДП, 1962: 149), оказались бессильны, чтобы успокоить рынки. Золотые запасы США, в 1949 г. составлявшие 24 млрд долларов, или 70% мирового монетарного золота, к 1961 г. сократились до 17,7 млрд долларов, или 40% монетарного золота «свободного мира» (1962: 148, 151). Их было недостаточно, чтобы вселить уверенность в ценность доллара, и в том же году был организован золотой пул, чтобы обеспечить доллар золотыми резервами Великобритании, шести стран — членов Общего рынка и Швейцарии (*Хадсон, 1972: 300*). Это будет поддерживать связь между долларом и золотом на протяжении еще семи лет.

Вместо того чтобы признать, что создание золотого пула отражало неспособность США поддерживать мировую роль доллара, обеспеченного золотом, администрация Кеннеди видела в этой мере способ укрепить доверие. Это было частью ее радикально нового толкования проблем с долларом. Поскольку платежный дефицит не вызывал беспокойства вплоть до 1958 г., утверждала она, стоимость доллара зависит только от одного — доверия. «Пока иностранные держатели долларов будут испытывать уверенность в том, что ценность валюты в золоте будет поддерживаться» (ЭДП, 1962: 152), дефицит не приведет к оттоку золота. В любом случае за этим не стояло «никакой ликвидной позиции, которая помогла бы противостоять общей утрате доверия» (1962: 153).

Администрация Кеннеди признала почти все реальные трудности доллара. Европейская конвертируемость «сняла важный барьер, стоявший на пути международных потоков капитала»; Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) стало «крупным, быстро растущим, свободным от тарифов европейским рынком, предоставляющим практически те же инвестиционные возможности, что и свободный от тарифов внутренний рынок США»; США взяли на себя долгосрочные военные обязательства и обязательства по оказанию помощи иностранным государствам; конкуренты США улучшили свои конкурентные позиции, «главным образом благодаря значительному росту производства и производительности в этих странах», в то время как конкурентоспособность США была подорвана инфляцией. Она даже признала два других ключевых факта. Во-первых, ввиду того что «золотовалютные резервы многих европейских стран были восстановлены после истощения послевоенного времени, платежный дефицит США больше не требовался для этой цели», поэтому «продолжавшийся дефицит не мог финансироваться бесконечно, так как иностранцы ... не захотят допускать того, чтобы [крупные лик-

видные долларовые] авуары увеличивались без ограничений». Во-вторых, она признала, что «Межконтинентальные баллистические ракеты США и восстановленная политическая стабильность в Западной Европе ослабили особую привлекательность Соединенных Штатов как убежища для хранения денежных средств и места для осуществления капиталовложений» (ЭДП, 1962: 154–5). Но решению этих осязаемых трудностей по-прежнему уделялось меньше внимания, чем достижению этой иллюзорной цели — обеспечению доверия.

Разочарованным правительствам и центральным банкам теперь сообщалось о том, что мировая роль доллара наделила Соединенные Штаты «особой функцией мирового банкира». Иностранцы государственные и частные владельцы, заявляла администрация Кеннеди далее, доверяют доллару как «средству осуществления платежей и средству сохранения ценности», невзирая на удивление, если не сказать ярость, их властей, чье недоверие на практике выражалось оттоком золота. Они приобрели свои доллары «почти так же, как частные вкладчики хранят свои средства в коммерческих банках». Как и в случае с банком, существовала критически важная разница между ликвидностью и платежеспособностью. Международная роль доллара могла потребовать того, чтобы Министерство финансов США «продавало золото по требованию иностранным правительствам и органам денежно-кредитного регулирования по фиксированной цене», и золотой пул должен был об этом позаботиться (1962: 147). Между тем мир не должен был сомневаться в международных позициях доллара. В конце концов, как утверждала администрация президента, не золотые активы США за границей служили свидетельством того, что страна не «живет не по средствам», скорее, ее средства постоянно увеличиваются. По состоянию на конец 1960 г. правительству США принадлежали иностранные активы на общую сумму 21 млрд долларов, в дополнение к золотым запасам в размере 18 млрд долларов, и граждане США владели активами за рубежом еще на 50 млрд долларов (ЭДП, 1962: 150).

Эти требования США к иностранцам, по утверждению администрации, придали «основную долгосрочную силу доллару», хотя некоторые требования были частными и долгосрочными и их нельзя было «быстро мобилизовать» (1962: 150).

Однако вся эта дерзкая изобретательность не помогала, как по волшебству, вызвать доверие к доллару. Помог только ряд довольно старомодных мер (и то временно): золотой пул, меры прошлой и нынешней администрации по сокращению платежного дефицита и вмешательство Министерства финансов на международных валютных рынках с целью стабилизировать доллар «впервые за историю целого поколения» (1962: 153). Меры Кеннеди, направленные на сокращение дефицита платежного баланса, включали в себя следующее: устранение налоговых стимулов для американских инвестиций в другие передовые страны, а также, в целом, препятствование капиталовложениям за рубежом и поощрение притока инвестиций за счет «уравнительного налога на доход от процентов», сотрудничество с другими центральными банками во избежание больших различий в краткосрочных процентных ставках, меры по борьбе со спекулятивными потоками капитала, досрочное пога-

шение долгосрочных задолженностей перед правительством США. Кроме того, они увеличили внутренние закупки для военных нужд и долю иностранной помощи, приходящуюся на расходы в Соединенных Штатах, а также призывали союзников делать взносы на военные расходы за рубежом (1962: 13–16).

Однако такие меры, как протекционизм или ограничение расходов на помощь иностранным государствам и на военные нужды, которые были бы весьма эффективны для сокращения платежного дефицита, но ограничили бы роль Соединенных Штатов в мире, не допускались. Скорее, необходимая корректировка заключалась в том, что Соединенные Штаты должны были оплачивать зарубежные военные обязательства, гранты и инвестиции в большей мере за счет активного сальдо торгового баланса в условиях жесткой мировой конкуренции и в меньшей степени за счет продажи золота и накопления ликвидных обязательств перед иностранцами (ЭДП, 1962: 155).

Мало того что ничего не предпринималось, чтобы помочь Соединенным Штатам справиться с «жесткой мировой конкуренцией», но еще и в качестве меры по сокращению платежного дефицита была предпринята дальнейшая либерализация торговли, что в отсутствие таких мер гарантировало ухудшение торгового баланса США. У Конгресса было запрошено разрешение на заключение нового торгового соглашения с Общим рынком (в итоге оно стало раундом переговоров Кеннеди о Генеральном соглашении по тарифам и торговле, ГАТТ). Кроме того, была разработана новая программа страхования экспорта, поощрялись поездки иностранцев в Соединенные Штаты (1962: 13–14).

ЭКОНОМИКА КАМЕЛОТА

Однако главной мерой восстановления доверия к доллару должно было стать стимулирование роста. Администрации Кеннеди — Джонсона наиболее активно пытались финансировать имперскую деятельность за счет национальной экономики, стимулируя бурный рост. Но их усилия лишь показали бесполезность этой затеи.

Осуждая скромный рост времен президентства Эйзенхауэра, администрация Кеннеди считала рост панацеей от многих болезней. Он позволил бы Соединенным Штатам «выполнять бремя обязательств за рубежом в целях обеспечения безопасности и развития свободного мира без постоянного истощения наших золотых резервов или чрезмерного накопления краткосрочных долларовых обязательств перед иностранцами». Он дал бы возможность увеличить экспорт — решить «задачу первостепенной важности» (ЭДП, 1962: 10). Кроме того, он служил средством «обеспечения внешней ценности доллара и поддержания баланса наших международных счетов», что также способствовало достижению «основных государственных целей» (1962: 148).

Все начиналось довольно хорошо. Кеннеди вступил в должность в период циклического подъема экономики. Когда, спустя два года проведения экспансионистской политики, ожидания не оправдались, советники Кеннеди придумали «новую экономику», предписывавшую больше — а не меньше —

налогово-бюджетных стимулов. Проблему ожидаемого дефицита бюджета нельзя было решить путем повышения налогов. Это привело бы к «фискальному торможению» роста и предотвратило бы само восстановление, необходимое для обеспечения сбалансированного бюджета (*Каллео, 1982: 13*). Напротив, снижение налогов сократило бы разрыв между фактическим объемом производства и тем объемом, который можно было ожидать при полной занятости, когда экономика больше не пребывала в рецессии. Такой «бюджет при полной занятости» создал эффект «гипотетических доходов с фактическими расходами» и привел к появлению «фантомного профицита» (1962: 13). Расширение стимулов увеличило бы рост и доходы, чтобы превратить фантомный профицит в реальный (1962: 13).

Реальными достижениями новой экономики стали инфляция и бюджетный дефицит, которые теперь испытывали США (*Каллео, 1982: 14*). Высокие показатели роста времен Кеннеди — Джонсона стали результатом контратати старомодных работодателей на рабочую силу, и наиболее жесткой она была там, где существовала самая острая конкуренция, как, например, в автомобилестроительной и сталелитейной отраслях. Результатом стал «фундаментальный сдвиг в балансе классового влияния и в характере отношений между руководителями и рабочими», который установит «модель, действующую вплоть до настоящего времени» (*Бреннер, 1998: 58*). Именно с этого момента экономика США, традиционно являвшаяся экономикой с высоким уровнем заработной платы, превратится в экономику с более низким уровнем заработной платы и, соответственно, более высокой долей прибыли. По иронии судьбы это не приведет к росту инвестиций и производительности, поскольку интенсификация труда стала теперь основным средством повышения производительности (изначально в эту стратегию заложены ограничения), тогда как более низкая заработная плата сократила перспективы спроса. Неудивительно, что в начале 1960-х гг. скорость утечки капитала за рубеж на 50% превышала скорость прироста внутренних инвестиций (1998: 62).

Не имея в своем арсенале ни средств убеждения, ни мер по закрытию дефицита платежного баланса и, соответственно, восстановления доверия к доллару, администрация Кеннеди оказалась в безвыходной ситуации. Ее основная стратегия укрепления доверия — стимулирование роста — не только провалилась, но и резко обнажила противоречия между ростом национальной экономики и восстановлением платежного баланса, а значит — мировой ролью доллара: две эти цели представляются несовместимыми. Любая попытка полностью подавить инфляцию, восстановить стабильность валюты может быть обеспечена только за счет дефляционной политики, что создает безработицу, масштабы которой порой значительны. Любая попытка обеспечить полную занятость и ускорить темпы роста неизбежно увеличивает инфляцию и, как следствие, потерю общей покупательной способности валюты (*Мандель, 1969: 9*).

Именно об этом и предупреждал Триффин. По сути, сокращение платежного дефицита для восстановления доверия к доллару США привело к сокращению его международной роли, обусловленной дефицитом. Именно по той

причине, что США являлись национальной экономикой, а не мировым банком, доллар не мог пользоваться ни доверием, ни преимуществами мировой валюты.

ВОЗРАСТАЮЩИЕ ТРУДНОСТИ

НОВЫЙ виток злключения доллара пришелся на окончание цикла роста в начале 1960-х гг. и начало войны во Вьетнаме в 1964 г. Международные долларовые обязательства стали превышать золотые запасы США. Золото утекало так же, как и увеличивающееся количество долларов, что умножало обязательства, приходящиеся на оставшееся золото США. Линдон Джонсон прямо заявил, что «пока мы будем активно заниматься Юго-Восточной Азией, у нас будет проблема с платежным балансом» (ЭДП, 1967: 7). Он имел в виду, что иностранные центральные банки, американские фирмы и частные лица, спекулянты на растущем рынке евродолларов (см. ниже), как можно ожидать, продолжат накапливать обесценивающиеся доллары, неся бремя войны. Все проявят пассивность.

Сказать им, что у США не было «общей тенденции «жить не по средствам», было недостаточно. Как и то, что «экспорт товаров и услуг из США [по-прежнему] превышает их импорт, и дефицит ... возникает из-за того, что Соединенные Штаты переводят за границу — посредством военных расходов, иностранной помощи и потоков частного капитала — суммы ... превышающие добавочный капитал» (ЭДП, 1964: 122). В равной степени, как и указать на то, что дефицит не отражает «уменьшение чистой стоимости активов», поскольку активы Соединенных Штатов растут быстрее, чем их обязательства, а также что США испытывают только «потерю ликвидности в виде сокращения золотых резервов и накопления ликвидных обязательств перед иностранцами» (1964: 122). В мировом масштабе проблемы заключались именно в этом.

Кроме того, усилился отток долларов, не связанный с торговлей. В частности, это включало в себя ПИИ, кредитование за границей, внешние портфельные инвестиции, незарегистрированные транзакции и внешние заимствования на американских рынках капитала, «при использовании преимуществ относительно низких долгосрочных процентных ставок, эффективных возможностей выхода на биржу и доступности капитала на наших рынках» (ЭДП, 1964: 125). Данные потоки составляли так называемый рынок евродолларов, где доллары вносились в банки, удерживались и использовались за границей в рамках транзакций между неамериканскими контрагентами. Его возникновение было обусловлено желанием коммунистического блока оставить свои доллары в Европе, а не в Соединенных Штатах, где они подвергнутся конфискации. Однако теперь этот рынок рос главным образом за счет жесткого регулирования банковского сектора США, что привлекало к нему американских инвесторов (ЭДП, 1975: 212–14), а также за счет того, что европейские центральные банки использовали его, чтобы заработать проценты на своих обесценивающихся долларовых авуарах. Однако, вопреки

мнению Хирша и Оппенгеймера (1976), которые, согласно классической традиции, понимали рост рынка евродолларов как естественное и неизбежное поведение высоколиквидного частного капитала, который сначала накапливался, а затем вырывался, в обход неизбежно уязвимых и бесполезных попыток правительства сдержать его, данный рост также являлся результатом действий правительства, в данном случае как Соединенного Королевства, так и США. Финансовые интересы, которые доминировали в СК, использовали эти потоки для восстановления роли Лондона как крупного финансового центра в послевоенное время, причем данные попытки предпринимались с участием американских банков и в сговоре с правительством США (Ингем, 1984: 51–4).

Правительство Джонсона участвовало в «специальных транзакциях» с целью уменьшить отток золота и дефицит, а именно: убеждало правительства Европы и Японии досрочно погасить долги по итогам войны и по плану Маршалла, закупать больше военных припасов США, производить авансовые платежи по ним, держать свои избыточные доллары в неконвертируемых казначейских векселях США и, что немаловажно, согласиться на фактическое эмбарго на продажу золота США задолго до закрытия золотого окна (ЭДП, 1964: 126). Подобные меры лишь усилили недовольство среди европейских правительств и центральных банков. Они жаловались на то, что финансирование войны за счет создания дефицита означало добавление избыточных долларов к их денежной базе, т.е. экспорт инфляции из США в их экономики. Избыточные доллары также позволяли американским корпорациям «бесплатно захватывать экономику Европы», оставляя европейцев, которые были вынуждены не обменивать свои доллары на золото, с гораздо менее доходными казначейскими облигациями США на руках (Хадсон, 1972: 295–6). Хотя долги Корейской войны также были монетизированы, эта война пришлось на то время, когда ликвидность доллара была несущественной. Таким образом, иностранные центральные банки требовали золото, а теперь они также сами требовали положить конец дефициту.

ГИПОТЕЗА МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА (ГМФП)

Примерно в это самое время появились новые и изобретательные способы, как убедить мир в том, чтобы он перестал беспокоиться и начал испытывать симпатию к долларам США и дефициту. Подобно тому, как во время подготовки оркестра к выступлению мы слышим отдельные звуки более крупного симфонического произведения, точно так же и эти действия представляли собой первые звенья того, что превратится в ТСГ в 1970-х гг. Несмотря на ряд иных аргументов (например, *Руса, 1970; Краус, 1970*), одной из самых ранних и наиболее проработанных была гипотеза международного финансового посредничества (ГМФП).

Администрация Кеннеди уже заигрывала с идеей о том, что вместо того, чтобы быть лишь одной из национальных экономик, чья валюта не внушает доверия, Соединенные Штаты являлись мировым банкиром, чьи обязательства были по ошибке названы дефицитом. Три экономиста, имеющих «влияние в официальном Вашингтоне», опубликовали в журнале *Economist* статью о «главном текущем вопросе в сфере международных платежей» и выдвинули ГМФП. Ее должны были «принять во внимание даже те, кто отвергает некоторые выводы» (*Economist*, 1966). Экономист из Стэнфорда Эмиль Дебре, историк экономики из Массачусетского технологического института Чарльз Киндлбергер и Уолтер С. Салант из Брукингского института (далее — ДКС) — все трое были высокопоставленными чиновниками в правительстве в период военных и послевоенных авантюр, таких как план Маршалла. Они приводили три аргумента.

□ От мирового должника к мировому банкиру

Во-первых, «в той степени, в которой [американские] ссуды иностранцам компенсируются тем, что иностранцы вкладывают собственные средства в ликвидные долларовые активы, [США] предоставляют услуги финансового посредничества ... [путем] кредитования в основном на долгосрочных и среднесрочных условиях и осуществления краткосрочных заимствований». Подобно банку, Соединенные Штаты, в частности Нью-Йорк, просто «получали плату за отказ от ликвидности» (*Дебре с соавт.*, 1966: 527). «Соединенные Штаты больше не испытывают дефицит, когда предоставляют долгосрочные кредиты и берут краткосрочные ссуды, в сопоставлении с банком, который выдает кредиты и вносит средства на депозит» (1966: 527). Идея о том, что дефицит счета текущих операций США представлял собой «краткосрочное заимствование», когда у иностранных «займодавцев» не было другого выбора, кроме как «давать в долг», или, иными словами, держать обесцененные доллары, была не единственным наглым искажением. Жалобы на «бесплатный захват экономики Европы» были необоснованными, как утверждали ДКС, поскольку у европейцев было «предпочтение ликвидности более высокого порядка». Таким образом, они владели «ликвидными долларовыми активами», тогда как им нужны были долгосрочные средства, инвестируемые американскими транснациональными корпорациями. Финансовое посредничество США — «торговля ликвидностью, выгодная обеим сторонам» (1966: 526) — сделало такой обмен возможным. Более того, европейцы (в том числе американские фирмы в Европе) берут займы у Соединенных Штатов, а американцы готовы платить за европейские активы более высокую цену, чем европейские инвесторы — отчасти потому, что капитал более доступен в США, чем в Европе, но в основном по той причине, что предпочтения ликвидности в Европе более высокого порядка, а также в связи с тем, что рынки капитала в Европе намного хуже организованы, больше контролируются монополиями и попросту меньше, чем в США (*Дебре с соавт.*, 1966: 527).

ДКС не только добавили оскорбление в виде европейского предпочтения ликвидности и неспособности финансировать собственные долгосрочные инвестиции к обиде, связанной с удержанием менее ценных долларов, но и преподнесли слабость денежно-кредитной политики США как добродетель. Дефицит США, утверждали они далее, не нуждается в корректировке. Благодаря увеличению авуаров в евродолларах, на их долю приходилась лишь небольшая часть общих финансовых потоков, и их сдерживание могло бы «подорвать рост в Европе» (1966: 527). Еще один аргумент, которому вскоре предстояло стать штампом в литературе, посвященной международным деньгам и финансам, заключался в том, что финансовые потоки не могут регулироваться эффективным образом. «Деньги многофункциональны. Их хранение и транспортировка ничего не стоит, и это самый простой товар для проведения арбитражных операций во времени и пространстве». Средства, которые не могут следовать по одной траектории, возьмут другой маршрут, и «эти протечки в плотине будут увеличиваться с течением времени, и существующая система дискриминационного контроля станет неработоспособной в долгосрочной перспективе» (1966: 527). Наконец, представленное этими авторами видение Соединенных Штатов как мирового банка было взглядом на мир не как на совокупность национальных экономик, а как на единую экономику: «Если бы финансовые власти рассчитывали платежный баланс для Нью-Йорка по отношению к Соединенным Штатам, они наложили бы ограничения на банковские ссуды Нью-Йорка внутри страны и на приобретение им новых выпусков» (1966: 527).

Вряд ли европейцы были согласны с тем, что они являются непродуктивными накопителями; что их вынужденные авуары в евродолларах служили причиной того, почему дефицит США не нужно корректировать; что потоки капитала не могут контролироваться, когда проблема заключается в том, что Соединенные Штаты ими изобилуют; или что Европа была районом Нью-Йорка. Зная это, ДКС указывали на то, что переосмысление ими мировой роли доллара не зависело от согласия европейцев. Если европейцы «неразумно» решат конвертировать доллары в золото и откажутся от отмены ограничений на капитал, то золото можно будет просто демонетизировать, восстановив «настоящую систему резервных валют». Это потребует «хладнокровия в Соединенных Штатах», но приведет к созданию «сильного международного валютного механизма, опирающегося на кредит, при этом золоту будет отведена в основном подчиненная позиция» (1966: 528–9).

❑ **Личная уверенность против общественной непокорности**

Во-вторых, ДКС утверждали, что только «правительственным чиновникам, центральным банкам, ученым-экономистам и журналистам не хватало доверия к доллару» из-за «неспособности понять значение посреднических функций [Соединенных Штатов]» (1966: 526). Фактически дефицит был признаком уверенности частного сектора в долларе, о чем свидетельствует «увеличение частных авуаров ликвидных долларовых активов» благодаря евро-

пейскому предпочтению ликвидности и растущему числу операций «в виде частичного погашения долгов в долларах и для других целей». Они-то и были ошибочно названы дефицитом США (1966: 528). Частные спекуляции по отношению к доллару неизменно стимулировались правительствами, которые не понимали, что для того, чтобы помешать банку проводить необоснованную политику — если он действительно склонен к этому — нет необходимости допускать массовое изъятие вкладов из него. Вкладчики могут высказывать свое мнение менее разрушительными способами, например, посредством участия в управлении банком последней инстанции или с помощью соглашения о масштабе финансового посредничества (*Депре с соавт., 1966: 527*).

В то время как каждый банк полагался на доверие, которого можно было лишиться, Соединенные Штаты могли потерять его только в результате иррациональности иностранных правительств и центральных банков. Решение проблемы — иметь кредитора последней инстанции, чтобы справиться с последствиями [действий иррациональных игроков], или — лучше — обучить их, или — если ни один из этих вариантов невозможен [и не был возможен] — сделать альтернативный актив (каковым по отношению к доллару является золото) менее привлекательным или менее доступным (*Депре с соавт., 1966: 527*).

□ То, что не сломано...

Наконец, создание альтернативных источников мировой ликвидности, управляемых на многосторонней основе, было сродни «разрушению эффективной системы обеспечения внутренней и внешней ликвидности — международного рынка капитала, базирующегося в США и ориентированного на доллар — и замене его на то или иное изобретенное средство с ограниченной степенью гибкости» (1966: 528). «Международный рынок частного капитала ... обеспечивает как внешнюю ликвидность для страны, так и такие разновидности активов и обязательств, которые частные вкладчики и заемщики желают и не могут получить внутри страны» (1966: 526).

ДКС заявляли претензию на интернационализм; Соединенные Штаты «сохранят международный рынок капитала, а значит, и темпы мирового экономического роста, даже без сотрудничества со стороны Европы» (1966: 529). Однако в журнале *Economist* они были названы новыми американскими националистами: утверждалось, что Соединенные Штаты нельзя сравнивать с банком, поскольку банки не работают без кредитора последней инстанции, а международное кредитование должно быть организовано более эффективно. Как указывал в то время Триффин, аргументы ДКС предполагали, что любое участие в данной системе носило добровольный характер, хотя «инициатива, безусловно, в большей степени связана с американским инвестором [и, можно добавить, правительством США], нежели чем с независимым желанием европейцев привлекать долгосрочные средства в Соединенных Штатах» (*Триффин, цит. по: Хадсон, 1972: 323*). Анализ применим к частным международным транзакциям, но он «неприменим к международным финансо-

вым транзакциям 1960-х и 1970-х гг. ... в свете существенной роли, которая отводилась правительственным транзакциям, а, следовательно, дипломатическому выкручиванию рук» (Хадсон, 1972: 325). Действительно, аргументы ДКС представляли собой вариацию закона Сэя относительно международных финансов: «Все избыточные средства, «выбрасываемые» за счет прямых инвестиций США за рубеж и связанные с военными расходами, создавали собственный спрос, который выражался в форме увеличения запасов казначейских ценных бумаг США у иностранцев». На самом деле, «было неуместно утверждать, что Европа «желала» или «предпочла» иметь краткосрочные требования к казначейству США на том лишь основании, что она действительно была держателем таких требований» (1972: 323).

Когда впервые в середине 1960-х гг. администрация Джонсона и ДКС обратились к этой теме, демонетизация золота считалась опасной для атлантического альянса (Блок, 1977: 196).

Однако проблемы доллара усугубились в 1967 г. в результате оттока фондов из Соединенных Штатов из-за кризиса на Ближнем Востоке, интенсификации войны во Вьетнаме, девальвации в СК и спекуляций, сопровождавших ликвидацию его активов в США (ЭДП, 1968: 163). С целью сохранения золота администрация Джонсона приостановила внутреннюю конвертируемость доллара: не было необходимости определять ни «разумную денежно-кредитную политику», ни ценность доллара. «Ценность проистекает из производительности экономики» и лишь заставляет некоторых иностранцев сомневаться в том, все ли наше золото действительно доступно, что гарантирует исполнение нами обязательства продавать золото по цене 35 долларов» (1968: 17).

По мере ухудшения ситуации США тайно оказывали давление на европейские власти, чтобы они полностью прекратили требовать золото, а утечка информации об этом вызвала дальнейшие спекуляции, направленные против доллара. К июню 1967 г. Франция вышла из активного участия в золотом пуле. Ее 9%-й вклад должен был быть покрыт Соединенными Штатами. И все это происходило именно тогда, когда по причине девальвации в СК увеличились объемы продажи золота. На совещании по золотому пулу во Франкфурте было решено, что его членам будет выставлен счет за потери золота в конце месяца, что обеспечивало немедленную помощь Соединенным Штатам. Вместе с тем неудачу потерпели три других предложения США — о присоединении богатых золотом Австралии и Канады; об учреждении системы дифференцированного ценообразования для правительств, промышленных пользователей и спекулянтов; о создании «золотых депозитных сертификатов», предусматривающих тщательно продуманный двойной учет запасов золота, так чтобы отток золота не считался уменьшением запасов США, во время постепенной демонетизации ими золота. Объявление по итогам совещания о том, что цена доллара в золоте будет защищена, на время приостановило спекуляции, но новости о провалившихся предложениях Соединенных Штатов оказали дополнительное негативное воздействие на доллар (Хадсон, 1972: 302–5). За этим последовала паника в Конгрессе: одни пред-

лагали приостановить дальнейшие продажи золота Франции до тех пор, пока она не выплатит свои долги по итогам Первой мировой войны; другие предлагали, чтобы США ввели более широкое эмбарго на золото (1972: 305).

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА ЗАИМСТВОВАНИЯ (СПЗ): ПРОВАЛИВШИЙСЯ ПЛАН Б

В условиях подобного давления, оказываемого на обеспеченный золотом доллар, Соединенные Штаты предприняли интересную попытку спасти свое положение и остаться контролером мировых денег. В сотрудничестве с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Банком международных расчетов администрация Кеннеди предприняла меры, направленные на то, чтобы приостановить «спекулятивные движения краткосрочного капитала» (ЭДП, 1962: 15), которые, как правило, направлены против доллара. Это включало в себя создание или увеличение иных — недолларовых — форм международной ликвидности. В частности, это оправдывалось практической невозможностью того, что, когда «дефицит США будет устранен или наступит излишек, то мировые резервы будут расти слишком медленными темпами (или даже сокращаться)» (ЭДП, 1964: 142).

Золото было исключено. Настаивая в Бреттон-Вудсе на размещении своего золотого запаса в центре мировых валютных механизмов, теперь, когда запасы США были настолько истощены, они прибегли к аргументам Кейнса против золота. В основе очевидного успеха золотого стандарта лежат исторические непредвиденные обстоятельства (ЭДП, 1968: 180). В условиях быстрого роста мировой экономики на него нельзя было полагаться в обеспечении ликвидности, даже если «стандарт обмена золота» обеспечивал экономию на золоте. Рост частного и промышленного спроса на него означал, что «в долгосрочной перспективе мир не может рассчитывать на какое-либо устойчивое увеличение запасов монетарного золота» (1968: 181). Простое повышение цены на золото служило бы всего лишь «разовым» списанием номинальной стоимости запасов, обеспечивив непредвиденные доходы для производителей золота (прежде всего, СССР) и наказав других. Разумеется, США не обсуждали ни решение проблемы платежных дисбалансов (что привело к необходимости обеспечения большей ликвидности для их финансирования, как это сделал бы Кейнс), ни приобретение валют других стран. Это отчасти дало бы Соединенным Штатам ту мировую роль, которую они хотели сохранить за долларом.

Поэтому США предложили увеличить международную ликвидность через Международный валютный фонд. Хотя возможности МВФ кредитовать временный дефицит в последнее время были усилены благодаря «сети краткосрочных кредитных средств центральных банков и разработке Генеральных соглашений о займах, согласно которым привлекались дополнительные ресурсы крупных промышленно развитых стран», резервы по-прежнему оста-

вались основным средством коррекции платежного дефицита. Поэтому потребовался «резервный актив, который был бы универсальным и приемлемым в качестве дополнения к золоту и доллару и который можно было бы создавать в объеме, соответствующем желаемому увеличению мировых резервов». План относительно специальных прав заимствования (СПЗ), которые будут выпущены МВФ, был согласован в Рио-де-Жанейро в сентябре 1967 г. (ЭДП, 1968: 17).

Поскольку СПЗ и банкор Кейнса часто сравнивают друг с другом, важно понимать принципиальную разницу между ними. Действительно, по мере того, как в ситуации с увеличением торгового и платежного дисбаланса роли менялись, образ Соединенных Штатов становился все более кейнсианским. В добавок к возражениям против золота Соединенные Штаты теперь начали ратовать за корректировку в странах с положительным сальдо платежного баланса, от которой они отказывались, когда сами могли похвастаться огромным положительным сальдо торгового баланса. Теперь выяснилось, что «априори не существовало случая назначения большей степени ответственности для стран с дефицитом или с профицитом» (ЭДП, 1966: 154) и что профицит одних стран просто отражал дефицит других стран. США также предупредили: создание конкурентного резерва для покрытия будущего торгового дефицита приведет к внутренней дефляции и нарушит потоки торговли и капитала (ЭДП, 1968: 179). Но существовала принципиально важная имперская ответственность: Соединенные Штаты будут контролировать СПЗ почти в столь же полной мере, как и доллары. В отличие от банкора, который, как предполагалось, должен был быть выпущен действительно многосторонним Международным клиринговым союзом, СПЗ будут выпущены Международным валютным фондом, в котором у США фактически было право вето.

Неудивительно, что европейцы настаивали на том, что в них нет необходимости, как и в большей ликвидности. Единственная потребность заключалась в том, чтобы ограничить растущий дефицит США (Хадсон, 1972: 296). Хотя европейцы с неохотой согласились на создание СПЗ в 1967 г., они позаботились о том, чтобы первое размещение оставалось небольшим, а их роль — несущественной.

ДОЛЛАР НА ПОСЛЕДНЕМ РУБЕЖЕ

В течение какого-то времени правительства-кредиторы и центральные банки, слишком чутко осознавая масштабные финансовые проблемы, которые мог повлечь за собой отказ США от собственных обязательств, сохраняли свою приверженность золотому пулу. Однако в марте 1968 г. дело дошло до того, что Соединенные Штаты не смогли выполнить собственные обязательства перед ним, поскольку согласно закону требовалось обеспечить 25%-е золотое покрытие валюты Федерального резерва. Хотя законодательство, отменяющее это требование, удалось «протащить» через Конгресс,

в связи с возникшей паникой был закрыт лондонский рынок золота, и страны золотого пула собрались, чтобы объявить о прекращении его деятельности. Цена на золото беспрепятственно увеличивалась. Джонсон объявил, что не будет переизбираться и не будет наращивать военные действия во Вьетнаме. Один наблюдатель из США выразился так: «Европейские финансисты силой навязывают нам мир. Впервые за всю историю Америки наши европейские кредиторы вынудили американского президента уйти» (цит. по: Хадсон, 1972: 307).

Даже после марта 1968 г. европейские власти согласились не требовать золота и «прекратить поставки золота на частный рынок» (ЭДП, 1969: 16), чтобы предотвратить повышение цены золота в долларах, что «дало бы спекулянтам возможность наживы» (1969: 15). В свою очередь, администрация Джонсона подтвердила свое обязательство закрыть дефицит (1969: 14). Благодаря временным факторам и множеству ограничений на движение капитала (уравнительный налог на доход от процентов, программа контроля прямых инвестиций и программа ФРС по добровольному ограничению иностранных кредитов) (1969: 15), в том году это удалось осуществить.

Но фундаментальные проблемы сохранялись. Администрация Джонсона по-прежнему была настроена на ведение войны, несение высоких военных расходов и осуществление внутреннего экспансионизма. В тот момент, когда Джонсон покинул свой пост, основные противоречия, связанные с мировой ролью США, были в самом разгаре. На международной арене у США было намного меньше источников доходов, чем им требовалось для реализации имперских амбиций, особенно в том, что касалось обеспечения мировой ликвидности доллара. Несмотря на самый продолжительный непрерывный период экономического роста за все послевоенное время и на сопутствующий ошеломляющий рост доли в мировой торговле, который был достигнут благодаря раунду переговоров по ГАТТ, в котором принимал участие Кеннеди, иностранные доходы США были недостаточными для того, чтобы справиться с имперским бременем. Внутри страны экономический рост в условиях относительно либеральной экономики столкнулся с проблемой в виде сохранения стоимости доллара. Рост неизбежно привлекал больше импорта, нежели стимулировал экспорт. Столь проблемная конфигурация, в которой экономический рост подрывал уверенность, была наследием, завещанным Джонсоном Никсону.

□ «Наша валюта, ваша проблема»?

В период президентства Никсона проблемы инфляции заняли центральное место. При этом утверждалось, что администрация Джонсона не сумела компенсировать увеличение военных расходов США за счет сокращения других расходов и, таким образом, способствовала инфляции (ЭДП, 1970: 5). Требовался «новый реализм» в области налогово-бюджетных и денежно-кредитных ограничений. Неизбежным образом это бы «облегчило боль» в виде сокращения роста и прибыли (ЭДП, 1970: 6), но также остановило бы «ухуд-

шение торгового баланса» (1970: 9) по мере сокращения импорта. В течение следующего года контроль за импортом и сокращение военных расходов на 11,4 млрд долларов в реальном выражении, или на 18% по сравнению с пиковым значением 1968 г., помогли сдержать дефицит (ЭДП, 1971: 42).

На смену экономическим иллюзиям Кеннеди — Джонсона о доверии и о роли мирового банкира пришел более понятный дискурс. Положение с ликвидностью в США оказалось под угрозой, поскольку «экспортные продажи, инвестиционные доходы и приток инвестиций из-за рубежа недостаточно велики для финансирования импорта, новых иностранных инвестиций и чистых государственных расходов за рубежом», и поскольку «разница ... финансируется частично за счет продаж золота и частично за счет увеличения иностранных авуаров в виде краткосрочных долларовых инвестиций иностранных предприятий, банков, частных лиц и правительств» (ЭДП, 1968: 12), что было требованием по отношению к уменьшающимся золотым запасам. Ситуация была достаточно серьезной и требовались действия «непосредственно в отношении ключевых международных потоков», которые способствовали дефициту (1968: 14). Уравнительный налог на доход от процентов действовал с 1963 г. Новая администрация сделала обязательными ограничения на иностранные инвестиции, которые ранее носили добровольный характера, а также дополнительно ограничила выдачу иностранных кредитов банками и финансовыми учреждениями США и призвала страны с положительным сальдо платежного баланса сократить свои профициты (1968: 15). Администрация Никсона явно дистанцировалась от интерпретации проблем и перспектив доллара в русле ГМФП.

Это было так, даже несмотря на то, что в специфических обстоятельствах первого года президентства Никсона официальное европейское влияние, которое поддерживало политику США — пусть и не всегда ее реальный дискурс, было временно нейтрализовано. Счет официальных расчетов — «изменение в наших авуарах международных резервных активов за вычетом изменений в ликвидных и некоторых неликвидных требованиях к Соединенным Штатам со стороны иностранных официальных учреждений, таких как центральные банки или министерства финансов» (ЭДП, 1970: 126) или, иными словами, баланс между золотыми запасами США и требованиями иностранных финансовых властей к ним — имел рекордный профицит в первой половине 1969 г., при рекордном дефиците баланса ликвидности — «изменения в наших авуарах международных резервных активов за вычетом изменений в ликвидных обязательствах перед всеми иностранцами, будь то официальные и частные лица» (1970: 126) или баланса между золотыми запасами США и всеми частными и государственными требованиями к ним.

Это изменение между счетом официальных расчетов и балансом ликвидности произошло из-за того, что коммерческие банки США, неспособные привлечь достаточный капитал ввиду верхнего предела процентных ставок, установленного Положением Кью, нарастили объем заимствований на рынке евродолларов. Поскольку произошел рост процентных ставок, это привлекало средства из других, неамериканских, источников, в связи с чем от ино-

странных центральных банков требовались доллары, что привело одновременно к профициту официальных расчетов и к дефициту баланса ликвидности. Долгосрочный отток капитала также увеличился, поскольку ограничения на прямые иностранные инвестиции США привели к тому, что американские корпорации начали осуществлять заимствования за рубежом (1970: 130). Пока правительства стран континентальной Европы пытались ограничить поступление частных средств на рынки евродолларов, правительство США этого не делало. [Возник] круговой поток средств США ... в рамках которого доллары перемещались из Соединенных Штатов на рынок евродолларов и обратно через иностранные филиалы американских банков. Этот поток предусматривал как увеличение требований резидентов США к иностранным учреждениям ... так и увеличение ликвидных обязательств перед иностранными филиалами американских банков (ЭДП, 1970: 129–30).

Если баланс официальных расчетов был избыточным, что нейтрализовало официальное давление на доллар, то баланс ликвидности, который мог повлиять на доверие частных лиц к доллару, «потерял большую часть своей значимости» (ЭДП, 1971: 145), поскольку объем частных краткосрочных требований к Соединенным Штатам сделал их практически необратимыми в золото, а отток золота был перекрыт в условиях европейского сотрудничества.

Даже в этом контексте, когда казалось, что ставка в рамках ГМФП на частное доверие к доллару оказалась выигрышной, администрация Никсона лишь утверждала, что «не количество долларов, утекающих в иностранные руки, а именно разница между этой суммой и той суммой, которую они хотят удержать при существующих условиях, будет истинным показателем дисбаланса» (1971: 149). Но администрация также осознавала, что эта разница может быть отрицательной. Она признавала, что [т]екущая ситуация, при которой мы поддерживаем официальный профицит расчетов только по причине крупномасштабных внешних заимствований со стороны корпораций и банков США под высокие проценты, создает ощущение некоторого беспокойства в стране и за рубежом, и наблюдатели в целом оценивают сложившуюся структуру международных счетов США как ненормальную и временную (ЭДП, 1970: 141).

И действительно, в 1971 г. произошел внезапный отток доллара (ЭДП, 1974: 144). Произошло «накопление последовательных и взаимоподкрепляющих слоев доказательств и анализа». Самым фундаментальным фактором была неспособность Соединенных Штатов «финансировать весь комплекс своих внешнеполитических обязательств — в области взаимной безопасности, торговли, помощи в целях развития, мобильности капитала — иначе, кроме как за счет стабильной выдачи ликвидных долларовых обязательств на протяжении 1960-х гг. Теперь требовалось признать это нарушение равновесия, которое начало преобладать над предвзятым отношением к девальвации единственного в мире источника ликвидности. Вторая точка зрения заключалась в том, что «низкие показатели производительности труда в экономике США в период с 1965 по 1969 гг.» требовали корректирующей девальвации. Наконец, присутствовало «убеждение в том, что развитие денежно-кредитной политики в стране и за рубежом (и, соответственно, применительно

к относительным краткосрочным процентным ставкам) приведет к значительному оттоку краткосрочного капитала из США в Европу» (ЭДП, 1972: 144–5).

Как и предшественники, администрация Никсона также рассматривала вторую из трех проблем — платежеспособности, производительности и надежности — как ключ к решению их всех, хотя для этого она проводила различную политику. Тем не менее она ограничивалась макроэкономической политикой и вскоре столкнулась с существенным конфликтом между использованием этой политики для увеличения роста и для выполнения имперских обязательств. Пока стоимость доллара в золоте должна была сохраняться, масштабные налогово-бюджетные и денежно-кредитные меры, направленные на исправление «менее благоприятных темпов роста и уровня занятости, чем прогнозировалось политикой», не могли приниматься из-за боязни стимулировать «все еще актуальные ожидания продолжения или даже ускорения инфляции, [что] ускорило бы выход из доллара» (ЭДП, 1972: 22). Именно это противоречие, а не какая-то легковесная ставка в рамках ГМФП на частную уверенность в поддержке необеспеченного доллара, привело к закрытию золотого окна 15 августа 1971 г. Только теперь ТСГ ретроспективно оценит десятилетия смуты, рассматриваемые в этой главе, как эру гегемонии США и стабильного доллара. В следующей главе рассматривается этот вопрос, его влияние, в общих чертах обрисовывается альтернативная геополитическая экономия послевоенного капитализма, а в главе 6 я возвращаюсь к зловещим явлениям доллара после 1971 г.

5 РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ СТАБИЛЬНОСТИ ГЕГЕМОНИИ

Свободная торговля послужила оправданием мировой роли Соединенного Королевства. В определенном смысле теория стабильности гегемонии (ТСГ) сыграла аналогичную роль применительно к попыткам США подражать. Однако ТСГ существенно отличалась от свободной торговли. В конце концов, имперский проект США был эпигоном британского оригинала. Им пришлось умерить свои амбиции, чтобы сделать доллар мировой валютой, а Нью-Йорк — финансовым центром мира. Неоднократно реализация даже этих умеренных амбиций не была успешной. Главное различие заключалось в том, что в отличие от свободной торговли ТСГ не возникла в период апогея производительной мощи США, чтобы артикулировать и легитимизировать их геополитическую и экономическую практику. Хотя США долгое время проводили экспансионистскую политику, хотя они начали явным образом подражать мировой роли Соединенного Королевства в начале двадцатого века, хотя Вторая мировая война дала им невиданные прежде возможности реализовать свои устремления, ТСГ появилась лишь после того, как американские послевоенные попытки реализовать свои амбиции потерпели неудачу.

Как мы уже видели, первые звенья ТСГ — главным образом гипотеза международного финансового посредничества (ГМФП) — появились на фоне растущих трудностей, связанных с этой попыткой, в частности, сохранения обеспеченного золотом доллара в качестве мировых денег. И она представлялась полноценной теорией, которая ретроспективно определяла стремление США заменить Соединенное Королевство в роли ведущей державы мира с помощью теории гегемонии, что произошло только после закрытия золотого окна

в августе 1971 г. ТСГ родилась на фоне мрачного «упадничества», когда относительный вес Соединенных Штатов в мировом производстве сократился с половины до примерно четверти в результате восстановления Западной Европы и Японии, их разрекламированные золотые запасы были истощены, надвигалось поражение во Вьетнаме, будущая мировая роль доллара оставалась неопределенной, в области торговли усилилась напряженность в отношениях с союзниками по холодной войне, а международное утверждение развивающихся стран происходило гладко и легко.

ТСГ справедливо возводят к Чарльзу Киндлбергеру. В работе «Мир в депрессии» (1973) он утверждал, что мировая экономика нуждается в лидерстве со стороны самой могущественной страны, и именно отсутствие такого лидерства в межвоенный период привело к Великой депрессии. Имелось в виду, что правильное осуществление такого лидерства, как это делали Соединенные Штаты в 1950-х и 1960-х гг., привело к «золотому веку» процветания и роста, а недостаток лидерства стал причиной экономической нестабильности 1970-х гг. К тому моменту Киндлбергер по меньшей мере в течение десятилетия строил и оттачивал свои аргументы, важной частью которых была ГМФП, рассматриваемая в предыдущей главе.

Не только временные рамки ТСГ, но и ее содержание значительно отличались от теории свободной торговли. Свободная торговля лишала права на смешанное развитие и вуалировала полезность империализма посредством двух ключевых фикций: закона Сэя и теории сравнительных преимуществ. Они скрывали экономическую роль государств, будь то во внутренней политике и экономике или в геополитической экономии смешанного неравномерного развития (СНР). Однако к концу двадцатого века экономические роли государств — будь то в регулировании капиталистической конкуренции посредством, в частности, института центральных банков или классовой борьбы и соответствующих мер обеспечения всеобщего благоденствия — были настолько ярко выражены, что их едва ли можно было отрицать. Таким образом, ТСГ не могла завуалировать империализм, а была способна лишь приуменьшить его, выдав за «гегемонию» или лидерство. Она могла вычеркнуть смешанное развитие из сюжета геополитической экономии, только представив мировой капитализм, регулируемый гегемоном или лидером, в настолько полном виде, чтобы выставить экономическую роль других государств неэффективной, ненужной или нежелательной.

Во-вторых, идея гегемонии США носила ретроспективный характер как минимум в двух отношениях. Мало того что предполагаемая гегемония США была обозначена и подвергнута теоретизации лишь после того, как они, по общему признанию, столкнулись с проблемой, так еще, подобно корпоративной элите США начала двадцатого века, а затем Люсу и приверженцам идеи «второго шанса», ТСГ рассматривала пример Соединенного Королевства девятнадцатого века как образец, на который должны ориентироваться США, утверждая свою роль в мире. И мир-системы (МС), разумеется, уходят корнями еще глубже, в Голландию шестнадцатого века и Италию пятнадцатого века.

В-третьих, ТСГ была также, в критическом смысле, перспективной и продуктивной. Более всего, распространение идеи об американской гегемонии гарантировало, что новые попытки США отстоять мировую роль доллара не будут восприняты такими, какими они были на самом деле — злостными и опасно нестабильными механизмами, призванными отсрочить неизбежное, а будут интерпретированы как способ воссоздать желаемое и благополучное состояние, которого на самом деле никогда не существовало.

В-четвертых, ТСГ никогда не являлась дискурсом наиболее конкурентоспособного национального государства, как когда-то — свободная торговля; более того, даже ее сходство со свободной торговлей периода после 1870 г., когда Соединенное Королевство утратило конкурентоспособность, было лишь поверхностным. Затем Соединенное Королевство экспортировало капитал, который извлекло из своих колоний, в качестве способа обеспечить международную ликвидность. Не имея колоний, США никогда не смогут воспроизвести эти схемы. Предпринимаемые ими попытки обеспечить ликвидность за счет дефицита сначала истощат их золотые запасы, а затем, как мы увидим в следующих главах, будут опираться на ряд опасно нестабильных финансовых механизмов.

Далее рассматриваются основные виды ТСГ, а затем следует обсуждение упадничества, на фоне которого возникла ТСГ, а также краткого, неубедительного всплеска возрожденчества, пришедшегося на конец 1980-х гг. После этого доверие к ТСГ испарилось бы, если бы не глобализация и империя, которые стремительно, но эффективно смоделировали экономическое доминирование США на основе финансиализации, сосредоточенной на фондовом рынке (глобализация) и пузырей на рынке недвижимости (империя). Глава заканчивается кратким описанием современного развития марксистского направления в международных отношениях (МО), возникшего в 1990-х гг., а также ограничений, которые не дали ему оспорить ТСГ, а впоследствии глобализацию и теорию империи. Далее мы переходим к изложению альтернативного взгляда на послевоенную геополитическую экономию, который опирается на экономическую историю послевоенного капитализма Роберта Бреннера.

ВАРИАЦИИ ТСГ

ТСГ, как и ее предшественница, ГМФП, вышла из тех же влиятельных политических кругов, откуда проистекали амбиции подражать мировой роли Соединенного Королевства и последующие вариации, в частности, идея «второго шанса» и концепция «американского века». Разумеется, главный автор ТСГ, Киндлбергер, предпочел указать на более respectable в интеллектуальном отношении происхождение. Интересно, что это была консервативная и, можно сказать, очень европейская, критика неоклассической экономики, которую изложил Франсуа Перру в своей концепции региональных полюсов развития и в соответствующем обсуждении экономического доминирования. По его мнению, «одна страна, форма или человек

доминировали над другими, когда эти другие должны были учитывать то, что делал первый субъект, тогда как первый субъект мог в равной степени игнорировать другого, второго, субъекта» (*Киндлбергер, 1981: 243*). Поскольку идеи Перру имели также влияние и на другом конце политического спектра ТСГ, а именно — среди сторонников мир-системного подхода, то посредством амбициозной экономической истории мирового капитализма Фернана Броделя им уделяется некоторое внимание.

Разработанная в конце 1940-х гг. для понимания «асимметричного влияния Соединенных Штатов на мировую торговлю» (*Перру, 1988: 82*) идея доминирования первоначально применялась к фирмам. В рамках упрощенных неоклассических моделей «обмениваемые товары и услуги являются гомогенными, идеально и бесконечно делимыми». Они «перемещаются без сопротивления или трений внутри одной отрасли или из одной отрасли в другую под влиянием изменений в уровне вознаграждений за них». Ничто не препятствует их плавному движению к точкам, где преимущества являются максимальными (*Перру, 1950: 190–1*). Подобные модели не способны объяснить, каким образом фирмы добились доминирующего положения. На самом деле, «товары и услуги не являются гомогенными». Их «неделимость проистекает из многочисленных психологических, технических и институциональных характеристик, а ... вязкость препятствует движению всех факторов и продуктов». В этом реальном мире фирмы, которые «воплощают в жизнь желания, которые вчера были скрыты, а сегодня действительны, потому что они нашли потребительский товар, долговечный товар, производственный товар или процесс, на который люди смутно надеялись (1950: 191), могут завоевать доминирующее положение.

Национальное доминирование, как и доминирование фирм, основывалось на «взаимосвязях, существующих между сетью свободных обменов и сетью неравных сил» (1950: 199–200). В двадцатом веке наиболее актуальным типом доминирующей экономики была не оккупационная экономика, материнская экономика в колониальной системе или «тоталитарная экономика» в ее отношениях с сателлитными экономиками (1950: 201), а «доминирующая экономика, которая оказывает свое доминантное влияние посредством операций, совместимых с логикой фирмы, системы цен в режиме работоспособной конкуренции и рынка, рассматриваемого как сеть обмена между относительно независимыми расчетными центрами» (1950: 202). США были такой экономикой и осуществляли свое доминирование посредством возможности диктовать свои условия, размера и характера своей деятельности (1950: 203).

Различие, проводимое Перру «между экономическими причинами доминантного влияния» и «историческими обстоятельствами, расширяющими или усиливающими» доминирование (1950: 203), применимо к экономическому доминированию США, обусловленному войной, а также к попыткам справиться с этим влиянием, предпринимаемым остальным миром, особенно Европой. Это доминирование связано с обязанностью решать такие внутренние проблемы, которые иначе бы нашли отражение через систему. К такому относилась ответственность Соединенных Штатов за обеспечение

торгового баланса (1950: 203) и разрешение трех видов нестабильности, которые поразили американский капитализм и влияли на мир: склонность осуществлять огромные инвестиции через собственные крупные предприятия, подверженные циклическим нарушениям; спекулятивный характер; подчинение «постоянной критике капитализма ... в тот самый момент, когда он оказывается без новых границ и без ресурсов массовой иммиграции» (1950: 203–4).

Для Перру доминирование не являлось тем, с чем следует поздравлять или что следует рекомендовать. Оно было неизбежным или постоянным: «в динамичной экономике всегда работают технические, экономические, политические или социальные изобретения и инновации, и, очевидно, что возможности для смещения, приостановки или обращения вспять эффекта доминирования неисчислимы» (1950: 206). Очевидно, Перру с нетерпением ждал того дня, когда Европа к ним обратится.

В руках Киндлбергера эта «специфическая французская идея с сильными обертонами возмущения по отношению к предполагаемому доминированию США в таких сферах, как обмен иностранной валюты, торговая политика, мультинациональные предприятия и т. д.» (Киндлбергер, 1981: 243), превратилась в концепцию лидерства как необходимой и относительно благоприятной характеристики мировой капиталистической экономики. Критика, озвученная Перру в отношении либеральных неоклассических представлений, легла в основу идеи о том, что доминирование — или лидерство — являлось предпосылкой либеральной, или, в наших терминах, космополитической мировой экономики.

□ Киндлбергер

В работе «Мир в депрессии» утверждалось, что Великая депрессия была вызвана «неспособностью Британской империи далее выполнять роль гаранта [международной экономической и денежно-кредитной] системы и нежеланием Соединенных Штатов взять эту роль на себя до 1936 г.» (1973: 28). Киндлбергер был осмотрителен: он предлагал лишь «одно из», а не «единственное» объяснение Великой депрессии (1973: 291); он использовал термин «лидерство» не для того, чтобы прибегнуть к «намекам на фюрера и дуче», а чтобы обозначить «такое общественное благо, как ответственность, а не эксплуатацию последователей или частный престиж» (1973: 307); он избегал потенциально провокационных слов, таких как «империализм» или даже «гегемония», предпочитая говорить о «ведущих странах» и их «обязательствах». И поделом. Он стремился реабилитировать империализм в эпоху, ознаменованную его нелегитимностью.

Киндлбергер придал благосклонный блеск мировой роли Соединенного Королевства, с тем чтобы столь же лестный свет мог пролиться на положение Соединенных Штатов. Однако это также означало, что он завуалировал важнейшее различие, которое официальная империя и ее остатки внесли в выполнение Соединенным Королевством своих «обязанностей», особенно в том, что касалось обеспечения международной ликвидности за счет экспорта ка-

питала. Он не рассматривал внутренние трудности, связанные с мировой ролью доллара или относительно скудным вывозом капитала в соответствии с планом Маршалла. Некоторые очевидные различия (например, более либеральная экономика Соединенного Королевства) объяснялись как «порожденные культурным отставанием и фритредерской традицией Адама Смита» (Киндлбергер, 1986: 291).

Идея лидерства основывалась на объяснении Великой депрессии, по сути, согласно Перру. Киндлбергер утверждал, что политический отчет о Депрессии был необходим, поскольку исключительно экономические объяснения могли применяться лишь тогда, когда было множество акторов, ни один из которых не был важным или достаточно весомым, чтобы повлиять на результаты. Для Киндлбергера такие глобальные экономические процессы не могли объяснить события в асимметричной «мировой системе нескольких акторов (стран)». Более того, вслед за Перру, который объявил, что либерализм «отныне предстает не как естественный порядок, а как правила игры, которые определяются и обычно соблюдаются» (Перру, 1950: 206), Киндлбергер сделал саму вероятность того, что экономические процессы в либеральной экономике разыгрываются в форме свободной игры, зависимой от страны-лидера, определяющей правила. Либеральная политика не была чем-то, что легко принималось или обобщалось (соблазны протекционизма и «бесплатного участия» манили всегда). Требовалось ее применение властями, способными извлечь из нее выгоду, а также обеспечить ее долгосрочную полезность для других стран. Таким образом, лидирующей страной была такая страна, которая была готова — сознательно или неосознанно, в соответствии с некоторой системой усвоенных ею правил — устанавливать стандарты поведения для других стран и обеспечивать, чтобы другие соблюдали их; брать на себя значительную долю бремени в виде ответственности за систему; в частности, взять на себя поддержку системы в период трудностей, приняв излишек товаров, поддерживая поток инвестиционного капитала и дисконтируя бумаги (Киндлбергер, 1986: 11).

В отсутствие лидерства ничем не сдерживаемое преследование национальных интересов привело к Великой депрессии. «Когда каждая страна защищала свои национальные частные интересы, мировые общественные интересы катились в пропасть» (Киндлбергер, 1973: 292). Идее Кейнса, Поланьи или даже Перру о мире национальных экономик Киндлбергер противопоставил идею мировой экономики, объединенной единой лидирующей экономикой, которая преследует единый «общественный интерес». Он замаскировал имперские амбиции США, притянув за уши общественные интересы мира. Он умно использовал миф об изоляционизме, чтобы превратить пассивные и «националистически настроенные» Соединенные Штаты в главного виновника межвоенного времени, лишь бы обосновать их якобы необходимое и доброжелательное лидерство в послевоенный период (Киндлбергер, 1986: 297).

Концепция Киндлбергера об ответственности лидирующей державы менялась с изменением мировой роли США. В 1973 г. к концепции «мирового банкира» в русле ГМФП Киндлбергер добавил центральную банковскую

функцию — «дисконтирование в условиях кризиса», фактическое выполнение роли «кредитора последней инстанции» и «поддержание относительно открытого рынка для проблемных товаров». По сути, это предостерегало администрацию Никсона от меркантилизма. В издании книги «Мир в депрессии» от 1986 г., признавая дальнейшую утрату Соединенными Штатами первенства, что, как мы увидим в главе 6, заставило их координировать обменный курс и макроэкономическую политику посредством ежегодных раундов встреч в формате G-7, он добавил еще две функции: «контроль относительно стабильной системы обменных курсов» и «координация макроэкономической политики» (1986: 289).

Возможно, потому, что ослабление имперских амбиций США, не говоря уже об их тщетности, было важнее научной точности, Киндлбергер был не слишком конкретен относительно того, когда гегемонии США наступит конец. Это могло произойти, «скажем, с введением уравнительного налога на доход от процентов в 1963 г. или, возможно, с отказом от золотого пула в 1968 г., с закрытием золотого окна в 1971 г. или с принятием плавающих обменных курсов в 1973 г.» (1986: 11), либо, как он выразился в более ранней статье, с наступлением проблем платежного баланса США в 1960 г. или с переходом к конвертируемости валют в 1958 г. (*Киндлбергер, 1961*, цит. в: *Киндлбергер, 1981*). Он не комментировал период предполагаемой гегемонии США, который предположительно приходился на более ранние даты.

В 1973 г. Киндлбергер предсказал три нестабильных последствия, которых следовало избегать: Соединенные Штаты имеют лидерские позиции, но не желают их реализовывать; Европа борется за лидерство, но не в состоянии его обеспечить; каждый налагает вето на предложения других относительно стабилизации; и три стабильных последствия: восстановление лидерства США; европейское лидерство; «эффективное наделение экономическим суверенитетом международных институтов». Хотя достоинства последних едва ли можно отрицать, Киндлбергер отнес их к области невероятного и не уточнил их цели или форму. В 1986 г. он распространил возможность стать лидирующей страной на Японию и даже «некую неожиданную третью страну, такую как Бразилия».

□ Международная политическая экономия

Киндлбергер был главным пионером в области международной политической экономии (МПЭ) и в течение продолжительного времени разрабатывал идеи, которые в конечном итоге объединятся в ТСГ, когда примерно в 1970 г. была основана новая дисциплина. Хотя не совсем ясно, каким образом имплицитная идея о гегемонии США и ее завершении стала вписываться в МПЭ. Ключевая фигура, Сьюзен Стрейндж, тщательно подбирала слова, когда заявила в статье, которую принято считать своего рода манифестом новой области, что «давление, которое быстро растущая международная экономия оказывает на более жесткую международную политическую систему», требует более тщательного исследования «на стыке политики и экономики». Соответ-

ствующая «теория международных экономических отношений» была необходима, чтобы дисциплина международных отношений избежала «разрушительной утраты связи и соответствия реалиям политических решений» (*Стрейндж, 1970: 310–11*). Интеллектуальный призыв Стрейндж к оружию навсегда обеспечит, что в основной области МПЭ экономике будет отведено привилегированное положение, а «жесткая» политика будет восприниматься как система, которая должна подчиняться динамичным экономическим изменениям. В свою очередь, это гарантировало, что МПЭ примет основное исходное допущение ТСГ — о том, что 1950-е и 1960-е гг. были эпохой стабильности — как само собой разумеющееся, упуская из виду бурные события, происходившие при попытке заставить мир принять доллар, обеспеченный золотом, в качестве международной валюты, а также соответствующее объяснение.

Таким образом, задача МПЭ заключалась в том, чтобы понять изменения, сопутствовавшие в значительной степени прискорбному завершению эпохи «стабильности», а учитывая, что среди ответов на этот «действительно большой вопрос» на протяжении десятилетий доминировала ТСГ (*Коэн, 2008: 13*), то референтом этой мифической «стабильности» служила американская «гегемония». Ретроспективное обозначение 1950-х и 1960-х гг. как эпохи гегемонии США также успешно затмило бы их истинный характер как эпохи национальных экономик и смешанного развития, что сделало бы мировую роль доллара невозможной. Неудивительно, что МПЭ стала теоретическим зеркалом имперского пути США, покорно приняв новый дискурс о мощи США — не только о ТСГ, но и о глобализации и империи, а также различные связанные с ним дискурсы, которые последовательно исходили из источников в правительстве США, что подробно описано в последующих главах. Ведущие ученые в области МПЭ в основном проживали в США (англичанка Стрейндж была редким исключением, а традиционное разделение МПЭ на «американскую» и «британскую» школы, казалось, предназначалось для того, чтобы придать ей менее провинциальный образ, наподобие бейсбольной «мировой серии»). Ведущие ученые в области МПЭ отражали озабоченность США, а поскольку многие из них были или стремились быть влиятельными в высоких политических кругах США, они также оставляли белые пятна, удобные для рассуждений о мощи США. Тот факт, что в этих общих рассуждениях было много споров и противоречий, привел к тому, что МПЭ выглядела как более серьезное интеллектуальное предприятие, чем, по-видимому, она являлась на самом деле, при более тщательном изучении.

Ключевые авторы просто наблюдали, как государства теряли контроль над экономическими процессами и частным сектором (см., например: *Вернон, 1971*), как это всегда происходило с экономическими космополитическими идеологиями. Это было важным в то время, когда имперские амбиции США сталкивались с сопротивлением официальных источников, а ГМФП и ТСГ стремились представить гегемонию США как опору на акторов из частного сектора — мультинациональные корпорации (МНК) и финансовые институты. Позже широкое признание этой идеи обеспечило возможность того, что дискурс глобализации 1990-х гг. трансформировал МПЭ в глобальную

политическую экономию (ГПЭ). Напротив, ученые-реалисты и неореалисты, пришедшие в МПЭ из области реалистических международных отношений, делали акцент на государство. Предпринятое ими приспособление реализма к ТСГ предусматривало отказ от классического исходного допущения реализма об анархической международной политической системе и рассмотрение Соединенных Штатов как главного усмирителя анархии в послевоенный период. Несмотря на то что это неореалистское крыло ТСГ было названо «меркантилизмом», оно никогда не стремилось понять и теоретически исследовать развивающиеся страны или смешанное развитие и его потенциал с точки зрения оспаривания власти доминирующих государств. Потенциально это было смертельно опасно для ТСГ, и МПЭ воспринимала это как должное: «Либеральной международной экономике требуется власть для управления системой и ее стабилизации» (Гилпин, 1975: 40).

В другом секторе МПЭ, ТСГ в завуалированном виде представлена как идея о международных режимах. По мнению некоторых, лидирующая страна облегчит — а при необходимости и обеспечит — соблюдение ряда правил и норм путем просвещенного, даже альтруистического, развертывания своей власти с целью создания стабильных международных режимов. Другие прибегали к идее о том, что система правил и норм во главе с США распалась, и исследовали новые модели сотрудничества, утверждая, что ослабление гегемонии США не сопровождалось свидетельствами усиления анархии. Например, такие институционалисты, как Кеохейн (1984/2005), подчеркивали важность сотрудничества в противовес реалистическому акценту на конфликте. Идея о существовании ряда функционально обособленных и дискретных «международных режимов» — «принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания акторов в данной проблемной области» (Краснер, 1983: 1) также возникла в противовес идее о единой всеобъемлющей «гегемонии».

Основное течение в рамках ТСГ сосредоточилось на аналогии с СК, и эта аналогия была развернута со значительной степенью изошренности. Были отмечены важные различия, включая усечение мировой капиталистической экономики благодаря коммунизму, отсутствие у США формальной империи и значительно возросшее военное бремя, которое несли Соединенные Штаты, что объясняло краткосрочность гегемонии США. Краснер видел, как ограниченные возможности США в обеспечении стабильной основы для расширения либеральной торговой системы поднимали фундаментальные вопросы относительно самой ТСГ (1976), тогда как Гилпин усматривал в уникальной роли современной мультинациональной корпорации чрезвычайную проблематичность для экономики США и их гегемонии (1975). Изредка происходили более масштабные вспышки амбиций: «Современная мировая экономика развивалась благодаря появлению крупных национальных экономик, которые постепенно становились доминирующими ... Каждая экономическая система опирается на определенный политический порядок; ее природу невозможно понять вне политического контекста» (Гилпин, 1975: 40). Однако подобные амбиции будут реализованы только в мир-системах.

□ Мир-системный анализ

Марксисты действовали на периферии МПЭ. Они, разумеется, не вернулись к политической экономии, к традиции Маркса и Энгельса, будь то международной или иного рода. Доступ к ней для них был закрыт в связи с разделением послевоенного западного марксизма на два крыла: более широкое, общее течение, озабоченное философскими, культурными и в последнее время социологическими проблемами, и небольшое число «экономистов-марксистов», являвшихся креатурами неоклассической экономики. Тем не менее представители первого крыла создали, например, оригинальное объяснение формирования международного класса, что имело важнейшие последствия для ТСГ (*ван дер Пейл, 1984*), а также ТСГ как культурного явления, основанного на определенной интерпретации концепции гегемонии, выдвинутой итальянским марксистом Антонио Грамши (*Кокс, 1996*). Тем не менее мир-системное объяснение ТСГ, которое появилось в работе Фернана Броделя, а также восходит к трудам Франсуа Перру, повысило доверие к ТСГ, придав ей (можно сказать, идиосинкразивно) откровенно марксистское звучание. Исследователи, придерживавшиеся мир-системного подхода, смогли благодаря своей эрудиции придать ТСГ вес и величие, превосходящие возможности ее создателей. На заявлениях и противоречиях МС следует остановиться подробнее.

Как и современная история капитализма Броделя (1992), на которую опирался Иммануил Валлерстайн, его теория мирового капитализма основывалась на основной аксиоме: мировая система капитализма, в отличие от предыдущих мир-систем, каковыми были мировые империи, не являлась единым государством. В этой «особенности ... [заключался] секрет ее силы» (*Валлерстайн, 1974: 348*). Противоположные логики рынка и государства сочетали экономическое единство с политическим разделением. Здесь было нечто большее, чем дуновение «восточного деспотизма», не говоря уже о неолиберальном аргументе: «мировые империи были ... архаичными формациями, представляющими собой триумф политического над экономическим ... [В]езде, где была империя, соответствующая мировая экономика оказывалась неспособна к развитию [;] ... ее путь прекращался» (*Бродель, 1992, том 3: 54*).

Хотя исследователи МС утверждали, что не считают динамику капитализма полностью «экономической», они не заключали его в рамки государств: в их концепции капитализм неизбежно выходил за пределы государственных границ. Поскольку «экономические факторы действуют на арене, масштаб которой превышает возможности любого политического субъекта полностью осуществлять контроль», капиталисты имеют «свободу маневра, основанную на структуре» (*Валлерстайн, 1974: 348*). Именно это придает капитализму его динамизм. Напротив, роли государств считались, по сути, консервативными. Их институциональный аппарат и культура служили попросту для «сохранения неравенства, возникшего в рамках мир-системы, а также в качестве идеологической маскировки и оправдания, для поддержания этого неравенства» (1974: 349).

В мировой системе, где существует множество политических субъектов, невозможно, чтобы все эти субъекты были в равной степени сильны, поскольку тогда они могли бы заблокировать «эффективное функционирование транснациональных экономических субъектов». Не может быть и такого, чтобы «ни один государственный аппарат не являлся сильным», поскольку это не оставило бы у капиталистических классов «никакого механизма защиты их интересов, обеспечения их имущественных прав, поддержания различных монополий, распределения потерь среди широких слоев населения и т. д.» (1974: 354–5). Единственный государственный аппарат, который имел эту силу, был государством-гегемоном. Очевидно, что в этом случае не происходит смешанного развития. Только государства-гегемоны могли формировать мир-систему, как известно состоящую из ядра, полупериферии и периферии. Хотя государства-гегемоны могли заменять друг друга, а другие страны могли, по крайней мере, в некоторых редких случаях перемещаться с одной ступени на другую, то, как это происходило, не обсуждалось.

Как критически настроенный ученый, Валлерстайн рассматривал гегемонию с точки зрения интересов, а не альтруизма или лидерства. Такое лидерство было продуктивным и осуществлялось в контексте либеральной мировой экономики. Эту ситуацию, включающую в себя нечто «большее, чем основной статус», можно определить как ситуацию, в которой продукты данного основного государства производятся настолько эффективно, что в целом они конкурентоспособны даже в других основных государствах, а следовательно, данное основное государство будет являться основным бенефициаром на максимально свободном мировом рынке. Очевидно, для того, чтобы воспользоваться подобным производительным превосходством, такое государство должно быть достаточно сильным, чтобы предотвратить или минимизировать возведение внутренних и внешних политических барьеров на пути свободного потока средств производства; чтобы сохранить свое преимущество, после того как его догонят. Доминирующие экономические силы считают полезным поощрять определенные интеллектуальные и культурные направления, движения и идеологии (Валлерстайн, 1980: 38).

Гегемонии, по сути своей, были редки и мимолетны: «до настоящего времени только Голландия, Великобритания и Соединенные Штаты были державами-гегемонами в капиталистической мировой экономике, и каждая занимала эту позицию в течение относительно короткого периода» (Валлерстайн, 1974: 38). Кульминация знаменовала собой начало упадка не потому, что государство-гегемон утратило силу, а потому, что другие ее обрели. В основе гегемонии лежал «удивительно простой» принцип.

Заметное превосходство в эффективности агропромышленного производства приводит к доминированию в сферах коммерческого распределения мировой торговли, при этом соответствующую прибыль получают как от обслуживания большей части мировой торговли, так и от контроля за «невидимыми» элементами: транспортом, связью и страхованием. В свою очередь, коммерческое первенство ведет к контролю над финансовыми составляющими банковского сектора (обмен, депозит и кредит) и инвестиционного сек-

тора (прямые и портфельные инвестиции) ... Потеря преимущества, как представляется, происходит в том же порядке (от производительной к коммерческой и финансовой составляющей), а также в значительной степени носит последовательный характер. Отсюда следует, что, вероятно, существует лишь краткий период времени, в течение которого данная основная держава может одновременно демонстрировать производительное, коммерческое и финансовое превосходство над всеми другими основными державами. Именно этот мимолетный кульминационный момент мы и называем гегемонией (*Валлерстайн, 1974: 38–9*).

Позднее в своей работе «Длинный двадцатый век» Джованни Арриги (1994) попытался пролить свет на переход от одной гегемонии к другой, который обычно осуществляется путем финансовых экспансий. Валлерстайн оставил этот вопрос в значительной степени неисследованным. Опираясь на второй и третий тома трилогии «Капитализм и цивилизация» Фернана Броделя, опубликованные спустя несколько лет после «Современной мир-системы» Валлерстайна, Арриги построил «интерпретационную схему». В рамках этой схемы выдающееся положение финансового капитала (предположительно, в противоположность континентальной модели Гильфердинга), британская модель краткосрочных инвестиций — это не особая стадия мирового капитализма, [а] периодическое явление, которое ... сигнализирует о переходе от одного режима накопления к другому в мировом масштабе. [Финансовые экспансии] являются неотъемлемой частью разрушения «старых» режимов и одновременного создания «новых» (1994: ix-x).

Согласно Арриги, гегемонии начинались с материальных экспансий, основанных на режимах, сочетающих конкретные технологии, навыки, ресурсы и межрегиональные связи, и «погибали», когда абстрактная, опустошенная, территориально разобшенная и изменчивая логика финансов передавала капитал в ядро режима-преемника. Арриги, как и Бродель, также добавил к трем валлерстайновским гегемониям более раннюю гегемонию — гегемонию итальянских городов-государств.

Эрудицию, с которой написаны работы в русле мир-системного анализа этих гегемоний, вряд ли можно здесь воспроизвести. В равной мере, как и обширные дебаты, которые начались, когда другие марксисты раскритиковали их за слишком широкое толкование исторического и концептуального понятия капитализма. Вслед за Броделем ученые, придерживавшиеся мир-системного подхода, определили капитализм по его финансовому, «неспециализированному» верхнему слою, [который приносит] «крупную прибыль», потому что он «монополизирует» наиболее прибыльные направления бизнеса и обладает гибкостью, необходимой для постоянного перенаправления инвестиций с тех направлений бизнеса, которые сталкиваются с уменьшением прибыли, на те направления, где этого не происходит» (*Арриги, 1994: 8*). В более общем смысле они сосредоточили свое внимание на рыночных отношениях как на отличительной особенности капитализма, а не на капиталистической организации производства. Для их критиков это не соответствовало основным идеям Маркса (например, *Бреннер, 1977; Лакло, 1977; Банаджи,*

1977) и слишком растянуло историю капитализма. Спор оказался сложным. Бреннер, который ранее настаивал на том, чтобы отсчитывать происхождение капитализма от времени возникновения капиталистической организации сельского хозяйства в Англии, позже подверг такую датировку сомнению (2001). Хеллер проследил более ранние «капиталистические эксперименты» в Италии, Германии и Франции, где возникло капиталистическое производство, но его дальнейшее развитие было «приостановлено или ограничено» из-за невозможности консолидации капиталистических государств: в Италии — из-за слишком сильной власти торгового капитала; в Германии и Франции — из-за преобладания феодальных классов (2011: 52). Однако как форма ТСГ мир-системный анализ имел другие проблемы.

Особенно важны две из них: одна концептуальная, другая эмпирическая. Концептуально, хотя капитал определялся безотносительно к характеру деятельности, посредством которой он был накоплен, Арриги отдавал предпочтение более чистой «имущественной» рациональности британцев, а не простой «технологической» рациональности немецкого капитализма (1994: 267–9). Тем не менее фундаментальная двусмысленность сохранялась. Если это так, то почему экспансионистские этапы гегемоний были производительными, а этапы упадка — финансовыми? Почему материальная экспансия должна возобновиться после упадка той или иной гегемонии? Почему финансовая экспансия не может продолжаться бесконечно? Мир-системный анализ предполагал, что эти явления имели место, но никогда не объяснял их, поскольку для этого потребовалось бы подчеркнуть центральную роль производства для капитализма в противовес коммерческому или финансовому пониманию, которого придерживались теоретики. Эмпирически, хотя мир-системный анализ появился именно для того, чтобы объяснить «реальность мировых политических событий после Второй мировой войны — гегемонию США, растущую роль транснациональных корпораций, создание социалистического блока, китайско-советский раскол и коллективное появление стран «третьего мира» на политической арене» (Валлерстайн, 1991: 591), пример США, как главный объект для подражания, представлялся абсолютно аномальным. По их собственному мнению, на стадии упадка, по-видимому, с заметной скоростью происходило поглощение капитала, а не его экспорт, как того требовала модель последовательных гегемоний.

Арриги отметил еще одну аномалию применительно к США. Однажды он изобразил Соединенные Штаты как более могущественную державу в мире двадцатого века, чем Соединенное Королевство в период расцвета своей империи в веке девятнадцатом (1978: 148), и предположил, что логика последовательной смены гегемоний усиливается. Но к 1994 г. он размышлял о такой аномальной возможности, что, в отличие от предыдущих держав-гегемонов, Соединенные Штаты могли бы бесконечно предотвращать упадок в сфере экономики и доминирования, используя военную мощь для преодоления экономической слабости и создания «действительно глобальной мировой империи» (Арриги, 1994: 355). А к 2005 г. он утверждал, что Соединенные Штаты именно это и пытаются делать, а также то, что проект формирования «миро-

вого правительства, ориентированного на США», с целью положить конец динамизму мировой капиталистической системы, являлся с самого начала «неотъемлемой составляющей гегемонии США» (Arrighi, 2005b: 83–4). Данная цель достигла своей кульминации в рамках нового империализма — «Проекта нового американского века», [провал которого], вероятно, знаменует бесславный конец шестидесятилетней борьбы Соединенных Штатов за то, чтобы стать организующим центром мировой империи. Эта борьба изменила мир, но даже в самые триумфальные моменты США не преуспели в своих усилиях (Arrighi, 2005b: 115).

Теперь оказалось, что Соединенные Штаты никогда не были вовлечены в гегемонию, а участвовали в проекте мирового доминирования совсем иного рода. Что это означало для всей теоретической конструкции, описывающей капитализм как преэминентность гегемоний, когда данная теория была воздвигнута, чтобы объяснить и теоретизировать ныне иллюзорную «гегемонию» США? Что это в действительности означает для мир-системной концепции самого капитализма, которая характеризуется не мировыми империями, а гегемониями? Арриги не дал ответов.

ОТ УПАДНИЧЕСТВА К ВОЗРОЖДЕНЧЕСТВУ

ТСГ возникла на фоне усиливающихся трудностей, связанных с мировой ролью США и доллара (включая уменьшение экономического веса США в мировой экономике, уход из Вьетнама, разрядку между США и СССР и нормализацию китайско-американских отношений, а также возникшую у Соединенных Штатов потребность поделить власть с Европейским Сообществом/Европейским Союзом и Японией в рамках «трехстороннего» осуществления власти в системе мирового управления) и соответствующих упаднических настроений, которые эти трудности породили. Один писатель даже объявил, что Соединенные Штаты являются «заурядной державой»: *Pax Americana* — в прошлом, а Соединенные Штаты теперь были «лишь первыми среди равных». Они не могли брать на себя особую ответственность от имени всего мира, будь то военную или экономическую (Роузкранс, 1976: 11). В книге «После гегемонии» (1984) институционалист Роберт Кеохейн использовал идею упадка гегемонии США в качестве основы для оценки возможностей сотрудничества в рамках международной системы: это было очевидно даже в условиях гегемонии США, но станет еще очевиднее по мере ее ослабления. С еще большим вниманием эта тема обсуждалась в работе «Взлет и падение великих держав» (1987) Пола Кеннеди — историка, а не ученого в области МПЭ. Его диагноз США — «имперское перенапряжение»: «лица, ответственные за принятие решений в Вашингтоне, должны столкнуться с тем неловким и непреходящим фактом, что общий объем глобальных интересов и обязательств Соединенных Штатов в настоящее время намного превышает способность страны отстаивать их все одновременно» (1987: 665–6). Аргументы

Кеннеди, опубликованные в тот самый момент, когда дефицит США нарастал в период президентства Рейгана, стали мишенью для движения возрожденчества, возникшего в то же время.

Возрожденчество опиралось на триумфализм США и Запада после падения Берлинской стены и утверждало, что президентство Рейгана оживило Соединенные Штаты в экономическом отношении, хотя, как мы увидим в следующей главе, состояние экономики США оставалось тяжелым. Возрожденчество никогда на систематической основе не пересматривало упаднический вердикт ТСГ. Что оно сделало, так это пересмотрело и переопределило саму идею гегемонии, чтобы она соответствовала все еще неправдоподобному, в действительности ухудшающемуся положению США, используя еще более специфические понятия власти, чем ТСГ, а именно: «мягкая сила» (*Най, 1990*) и «структурная власть» (*Стрейндж, 1987*).

Стрейндж рассматривала обычные индикаторы гегемонии как «неактуальные (денежные резервы, торговля, выраженная в виде доли ВВП) или неточные (доля в мировой торговле, доля в мировом ВВП, производство сырья или промышленных товаров)». Вместо этого, утверждала она, гегемония заключалась в «контроле результатов, [который] может служить следствием только исторических свидетельств, что является более трудной задачей» (1987: 554). К индикаторам гегемонии больше не должны были относиться либеральные институты мирового экономического управления: в отличие от мировой роли Соединенного Королевства в девятнадцатом веке, либеральная мировая экономика не могла быть ни целью, ни результатом мировой экономики, ориентированной на США (1987: 563). Более того, власть США являлась не «властью отношений» — «способностью А заставить В сделать то, что В не сделало бы иначе», а «структурной властью» — «способностью выбирать и формировать структуры глобальной политической экономии, в пределах которых должны действовать другие государства, их политические институты и (не в последнюю очередь) их профессиональные кадры» (1987: 564). Эта власть осуществлялась во взаимосвязанных структурах безопасности, производства, финансов и кредита, а также знаний, и США по своей мощи не имели себе равных «в рамках всех четырех структур» (1987: 571). Хотя в последнее время США использовали свою структурную власть «с тем, чтобы разрушить международный порядок и сотрудничество», порождая «мировую экономическую нестабильность и продолжающийся кризис», они все еще имели возможность исправить такое положение дел. «Следовательно, необходимым условием обеспечения большей стабильности и сотрудничества обладают Соединенные Штаты, а не институты и механизмы международного сотрудничества» (1987: 554). Для Стрейндж утрата Америкой гегемонии была мифом.

Сэмюэл Хантингтон в своей публикации в журнале *Foreign Affairs* творчески предположил, что главной функцией писателей, придерживавшихся упадничества, было «предотвращение того, что они сами предсказывают» (1988: 96). Самая последняя угроза, связанная с упадничеством, была «вызвана бюджетным и торговым дефицитом и кажущимся конкурентным и финансовым

вызовом со стороны Японии» (1988: 95), но были и другие. В 1957 и 1958 гг. был осуществлен запуск советских ракет и спутников; в конце 1960-х гг. президент Никсон и его советник по национальной безопасности ... объявили о конце биполярного мира ... с ... возникновением пятиугольной конфигурации власти; в 1973 г. резко выросли цены на нефть; позже произошло поражение США во Вьетнаме, разразился Уотергейтский скандал, советская власть расширила свое влияние в Анголе, Мозамбике, Йемене, Эфиопии, Никарагуа и в конечном итоге в Афганистане, продолжилось развитие советских ядерных сил, что делало стратегические силы США все более уязвимыми (1988: 94—5). Из-за подобных страхов упускались из виду доказательства противоположного. Торговый и бюджетный дефицит США мог быть проблемой, как и консьюмеризм, но эти проблемы подлежали исправлению. Если в Соединенных Штатах и произошел относительный спад, то он пришелся на конец 1960-х гг., и с тех пор относительная доля Соединенных Штатов в мировом производстве стабилизировалась на уровне примерно 23% от мировой экономики.

По словам Хантингтона, приверженцы упадничества упускали из виду три важных обстоятельства. Во-первых, мощь США была «исключительно многогранной», и к ней относились такие факторы, как «численность населения и уровень образования, природные ресурсы, экономическое развитие, социальная сплоченность, политическая стабильность, военная мощь, идеологическая привлекательность, дипломатические альянсы, технологические достижения». Во-вторых, «структурная позиция Соединенных Штатов в мировой политике» была такова, что США географически были удалены от зон мировых конфликтов и исторически не были затронуты империализмом, они исповедовали привлекательную антиэтатистскую философию, принимали участие в «уникальной по историческим меркам диверсифицированной сети альянсов», им было присуще — более сильное в прошлом, чем в настоящем, чувство «отождествления с универсальными международными институтами» (1988: 91). Наконец, «не было никакой альтернативной державы-гегемона, за одним возможным исключением, которое, вероятно, появится в следующем столетии» (1988: 91). Этим исключением, по мнению Хантингтона и многих других в то время, была Япония.

Если Хантингтон утверждал, что упадничество предотвратило то, что оно предсказывало, то Джозеф Най боялся накликасть беду — сильное ослабление американской мощи, [которую] предлагалось ограничить. Отказ от международных обязательств мог снизить влияние США за рубежом без необходимости укрепления внутренней экономики (1990: 4). Упадок мощи США был неверной интерпретацией. Най проводил различие между «командной силой», опиравшейся на механизм «кнута и пряника», и «косвенной», или «кооперативной» силой.

Родители подростков знают, что если они структурируют убеждения и предпочтения своих детей, то их влияние будет больше и продлится дольше, чем если бы они полагались исключительно на активный контроль. Точно так же политические лидеры и философы давно поняли, какой силой обладают те,

кто определяет повестку дня и задает рамки дискуссии. Способность определять предпочтения, как правило, связана с нематериальными ресурсами власти, к которым, в частности, относятся культура, идеология и институты. Именно это и принято считать «мягкой силой» (Най, 1990: 31–2).

Низведение Найем гегемонии до воспитания несовершеннолетних было, вероятно, вершиной изощренности, которой достигло возрожденчество. Неудивительно, что многие остались невосприимчивы к его очарованию. Возрожденчество ... получило конкретный отклик в виде конфликта в Персидском заливе 1990–1991 гг.; этот конфликт вызвал оптимизм в Соединенных Штатах, подтвердив для многих правоту ... приверженцев возрожденчества; Най пришел к заключению о том, что действия в отношении Ирака продемонстрировали: «туда, куда идет Америка, следуют и другие — в этом году, в следующем году и применительно к следующему поколению». Купер, Хигготт и Носсал (1991: 391–2) утверждали, что фактические данные о количестве стран, готовых последовать примеру США в войне, продемонстрировали, что «у Соединенных Штатов гораздо меньше подлинных последователей в конфликте в Персидском заливе, чем подсказывает здравый смысл». Военный подход администрации Буша не был «такой идеей, которая имела бы достаточно смысла для друзей и союзников, чтобы они в искреннем порыве присоединились к Соединенным Штатам в военной авантюре» (1991: 408).

Спор между упадничеством и возрожденчеством было трудно разрешить. Хантингтон жаловался на то, что у приверженцев упадничества нет «проверяемых положений, включающих в себя независимые и зависимые переменные», а есть лишь импрессионистическая картина экономического спада, смешанные ссылки на экономические тенденции и показатели (экономический рост, производительность), данные об образовании (результаты тестов, продолжительность учебного года), вопросы налогово-бюджетной сферы (дефицит), науки и техники (расходы на исследования и разработки, выпуск инженеров), международной торговли и потоков капитала, сбережений и инвестиций, а также другие вопросы (Хантингтон, 1988: 77).

О том, что это было на руку приверженцам возрожденчества, которые оперировали такими расплывчатыми понятиями, как «структурная власть», «многотомерная власть» и «мягкая сила», можно догадаться.

Возрожденчество победило только после окончания двадцатого века. К этому времени это было в большей степени настроением, нежели чем претензия на теорию, как в 1980-х гг., и оно было сосредоточено, главным образом, на темпах роста. Роберт Кеохейн, который до сих пор придерживался мнения о том, что доминирование США сократилось, теперь пересмотрел свою позицию. Хотя экономический рост в Китае, Индии и других быстроразвивающихся странах происходил намного быстрее, чем в Соединенных Штатах, тогдашние соперники Америки — Европа и Япония — демонстрировали более медленные темпы роста. На рубеже тысячелетий Соединенные Штаты достигли перевеса в военном потенциале, который не имел себе равных в современной истории, и расширили свои экономические преимущества над другими промышленно развитыми странами мира (Кеохейн, 2005: X).

Однако в своей работе, написанной накануне финансового кризиса 2008 г., Бенджамин Коэн был гораздо менее осмотрителен. Действительно, в последние годы двадцатого века лидерство Америки, во всяком случае, как казалось, снова расширилось, подкрепленное распадом советской империи, после чего Соединенные Штаты остались последней сверхдержавой мира. В течение 1990-х гг. экономика США переживала самый длительный период экспансии в мирное время за свою историю. Ее миновали такие проблемы, как высокий уровень безработицы, охватившей континентальную Европу, стагнация, обрушившаяся на Японию после взрыва экономических пузырей, и финансовый кризис, который опустошил развивающиеся рынки от Восточной Азии до Латинской Америки. На заре нового тысячелетия экономическое первенство Америки вновь оказалось неоспоримым. Теперь многие предсказывали нечто большее, возможно, даже «Второй американский век» ... Пусть Соединенные Штаты больше не были Гулливером среди лилипутов, но они явно восстановили свою позицию номер один. Старейший гегемон обрел второе дыхание (*Коэн, 2008: 77*).

Такое настроение гарантировало, что последовательность дискурсов (не только глобализация и, в последующем, теория империи, но и их составляющие: от новой экономики до избытка мировых сбережений) была попыткой оправдать, рационализировать и представить в естественном свете растущий дисбаланс и финансиацию, на которых отныне зиждились наблюдаемые в США темпы роста и стоимость доллара. Данные вопросы рассматриваются в последующих главах.

КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ

Космополитическая концепция капитализма в неоклассической экономике настолько прочно обосновалась среди большинства марксистов (когда марксисты-экономисты приняли ее, а марксисты-неэкономисты поверили ей на слово), что стала плацдармом, с которого в работе, открывшей историю современных марксистских МО, была раскрытирована центральная роль государства в рамках реалистических МО (*Розенберг, 1994*). Джастин Розенберг оставался восприимчивым к слишком аккуратному разделению политического и экономического в капитализме, что бросало вызов исторической реальности, где государство играло центральную и возрастающую экономическую роль в капиталистических обществах, не говоря уже о его центральном значении в трудах Маркса и Энгельса. В динамичном отчете Бенно Тешке о совместном развитии капитализма, современного государства и современной государственной системы (2003: 40) признавалась «экономическая роль государств в противодействии капиталистическому развитию путем выработки контрстратегий воспроизводства с целью защиты своих позиций на международной арене, что ставит их в невыгодное экономическое, зависимое положение» (2003: 265). Такие контрстратегии, эффективно способствующие развитию, хотя и являлись важными для капиталистической

модернизации, не имели значения для зрелого капитализма. В своих рассуждениях Тешке дистанцировался от СНР и допустил бы геополитическую экономию капиталистической модернизации, но не капитализма. Не нашлось у него и места для смешанного коммунистического развития и его исторической роли в геополитической экономике двадцатого века (более полную критику работ обоих этих авторов см. в: *Десау, 2010с.*)

Исследования Кейса ван дер Пейла, посвященные стержневым трансатлантическим отношениям и их напряженности в мировом контексте (1984), послужили основой новой и исторически богатой концепции геополитической экономики капитализма. В ее основе лежит контраст между «локковским хартлендом» капитализма и чередой «государств-претендентов», которые бросают вызов его превосходству (по аналогии с различием, проводимым Гершенкроном между ранним и поздним развитием, и более поздним контрастом между «англосаксонским» и другими видами капитализма). Локковским хартлендом была «сетевая социальная и геоэкономическая структура, включающая ряд (первоначально англоговорящих) государств и регулирующую инфраструктуру, которая контролировала более широкое пространство, организованное на основе общего принципа суверенитета собственности и договорных отношений, а следовательно, капитала» (*ван дер Пейл, 2006а: 13*). Напротив, «государства-претенденты» представляли собой конкурирующие машины по «созданию материальных ценностей в рамках отдельных юрисдикций, в лучшем случае с использованием ресурсов сателлитов» (2006а: 13), которые могли бы предотвратить капиталистическое развитие. Имела место «структурная несовместимость» между их территориальными базами и «кочевой» (*Палан, 2003*) предрасположенностью к капиталу хартленда. Когда государства-претенденты совпадали по развитию с хартлендом, их правящие классы желали интегрироваться в него. Однако соответствующие процессы угрожали их политической власти, что создавало диалектическую напряженность.

У концепции ван дер Пейла есть две основные проблемы. «Локковский хартленд» представляет собой, по существу, экономическую и космополитическую концепцию капитализма, которая не может быть устойчивой, поскольку, как мы видели, развитие США и Соединенного Королевства практически не отличалось от развития стран-претендентов. Если в этих двух странах преобладали «кочевые» финансы (а не финансовый капитал по Гильфердингу), то в случае СК это было результатом особой классовой конфигурации, а в случае США — коренилось в их желании подражать мировой роли Соединенного Королевства. Во-вторых, хотя ван дер Пейл утверждал, что не предполагает возможной интеграции стран-претендентов в хартленд, указывая на сопротивление со стороны Европейского Союза и Китая (*ван дер Пейл, 2006а: 14*), понятие локковского хартленда, который является структурно превосходящим, требует этого. Он должен оставаться неограниченным и превосходить формы стран-претендентов. «Двойная стратегия» хартленда заключается в следующем: во-первых, пытаться доминировать, проникать и интегрировать периферийные общества; во-вторых, вести войны, лишаящие укorenившиеся государственные классы их владений (2006а: 14). Такая стра-

тегия в конечном счете должна победить. Если геополитическая экономия интерпретируется в этой книге верно, то финансовый кризис 2008 г. поразил локковский хартленд, доживавший свой последний час и в последние десятилетия опиравшийся исключительно на серию нестабильных финансовых механизмов.

Алекс Каллиникос недавно вернулся к классическим теориям империализма для понимания реальной властной асимметрии между Соединенными Штатами и другими ведущими капиталистическими государствами [и] существенных конфликтов интересов, которые существуют между ними (и, на самом деле, другими государствами, такими как Россия и Китай), которые в контексте продолжающегося «длительного спада», по всей вероятности, вызовут геополитические столкновения (Каллиникос, 2007: 536).

Он начал с вопроса, которым задавалась Эллен Вуд: «Почему политическая форма глобального капитализма — это не глобальное государство, а глобальная система, состоящая из множества территориальных государств» (Вуд, 2006: 26, цит. по: Каллиникос, 2009: 78). Каллиникос искал ответ в ленинском «Империализме» и — в более общем смысле — в теории СНР, которая объяснила бы геополитическую конкуренцию с точки зрения усиливающегося неравенства при капитализме в эпоху «финансового капитала». Однако Каллиникос рассматривал СНР более или менее в чисто экономическом смысле как «динамичный процесс капиталистического развития, [который] постоянно изменяет распределение этих диспаритетов и тем самым делает подвижным баланс сил между государствами» (2009: 65). Хотя СНР не может являться «единственной силой, поддерживающей систему территориальных государств» («формирование коллективных главным образом национальных идентичностей» было другим), оно оставалось «источником мощных центробежных тенденций, которые помогают сохранять множественность государств» (2009: 92). В рамках этой концепции национальные государства не только были приравнены по своему статусу к исключительно культурным образованиям, но и не являлись экономическими агентами, а неравномерность подчеркивалась за счет смешанного развития.

Концепция Каллиникоса проистекает из особой интерпретации того, каким образом Маркс понимал конкуренцию. Действительно, Маркс описал внедрение инноваций, направленных на сокращение затрат, «первопроходцами», которые первоначально получают дополнительную прибыль. Однако, как мы видели в главе 2, по мнению Маркса, эта ситуация неизбежно носит временный характер и длится ровно до тех пор, пока конкуренция не распространит новые технологии по всему сектору (Маркс, 1894: 373–4). Таким образом, согласно этой аналогии, достигнутая неравномерность будет подорвана смешанным развитием. Однако Каллиникос сосредоточился на возможности того, что первопроходец-инноватор накопит преимущества. Инновационная фирма *может* использовать дополнительную прибыль, которую она уже получила, для дальнейшего инвестирования в повышение производительности, что вновь выведет ее на передовые рубежи, поэтому она получает больше технологической ренты, которая одновременно компенсир-

рует любое падение средней нормы прибыли и обеспечивает ресурсы для продолжения реализации подобной схемы. Результатом может стать самоусиливающийся процесс, который приводит к привилегированной концентрации высокопроизводительного капитала (*Каллиникос, 2009: 89*, выделение добавлено).

Хотя такая конкуренция содержала возможности как для «выравнивания, так и для дифференциации», Каллиникос нигде не рассматривал первую возможность и ее геополитический/экономический эквивалент, смешанное развитие, не говоря уже о роли государства в условиях империализма. Действительно, он не смог обозначить агентскую деятельность: фирмы являются агентами в условиях капиталистической конкуренции, но государства, как капиталистические блоки, организованные по национальному принципу, чуть чаще упоминаются в последней главе, чем некоторые явно случайно выбранные примеры национальных конкурентных преимуществ и недостатков. Хотя он также упоминал различные виды экономической деятельности и различную отдачу от них (2009: 90), государства не играют никакой роли в международном распределении.

Хуже того, оторванные от своей функции по созданию капиталистических экономик и управлению ими, национальные государства предстают в повествовании Каллиникоса как креатуры реалистичных международных отношений. Хотя он считал важным определить «стратегии, расчеты и взаимодействия государственных управляющих в контексте присущих капитализму на любой стадии его развития кризисных тенденций и классовых конфликтов» (2007: 542–3), и это, безусловно, приблизится к тому типу геополитической экономики, которая нам необходима, в действительности они остаются совершенно различными. Его рассуждения о «классическом империализме» 1879–1914 гг., «империализме сверхдержав» 1945–1991 гг. и империализме периода после «холодной войны» в значительной степени являются рассуждениями экономиста. В то же время при обсуждении действий государств он считает необходимым «учитывать стратегии, расчеты и взаимодействия конкурирующих политических элит в государственной системе» и считает, что «реалистический момент обязательно присутствует в любом марксистском анализе международных отношений и конъюнктур» (2007: 542). Это опасно близко к тому, что Розенберг справедливо отверг как повествование о «дипломатическом обмене между предвзвешенно созданными государствами» (1994: 135).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО КАПИТАЛИЗМА ПО БРЕННЕРУ

В главе 2 изложены основные идеи, которые нам необходимы для концептуализации геополитической экономики капитализма вплоть до начала двадцатого века. Теперь нам нужны соответствующие идеи, которые по-

могли бы реконструировать идею послевоенного капитализма. Для этого мы должны выйти за рамки послевоенного капитализма, где экономическая роль государств не учитывается. Это включает в себя большую часть марксистской экономики, а также другие марксистские статьи, в которых основное внимание уделяется исключительно экономическим тенденциям или, как у Калликоса, справедливо отмечается необходимость в геополитической экономии, но не учитываются отношения между капиталистическими экономиками и соответствующими государствами посредством достаточно системного учета капиталистических кризисов и классовой борьбы.

Существуют и другие марксистские версии послевоенного капитализма (в том числе замедление роста примерно с 1970 г.), которые наделяют государства соответствующей ролью, но они сосредоточены на внутренней политической экономии отдельных стран или — в ряде случаев — на общих элементах. Например, школа регулирования относила золотой век на счет серьезного роста производительности, который был достигнут благодаря фордистской организации производства, и его завершение связывала с неспособностью обеспечить дальнейший рост производительности (Лунец, 1992). Другие объясняют его завершение усилением боевого настроения трудящихся и сокращением прибыли (Глин, 2006). В дополнение к собственно политической экономии, которая теоретически исследует роль государства в условиях капиталистических кризисов и классовой борьбы, необходимо учитывать факторы, способствующие международной конкуренции и СНР. Историческое повествование Роберта Бреннера (1998, 2003, 2006, 2009) о «долгом буме» и «долгом спаде» наиболее близко к требованиям такой геополитической экономики послевоенного капитализма. Оставленные в нем пробелы (например, не выяснены причины, почему США подражали мировому господству СК, поддерживая мировую роль доллара, а Соединенные Штаты рассматриваются просто как одна из основных конкурирующих экономик, при этом неудачная) в этой книге заполняются из других источников, не в последнюю очередь ЭДП.

Бреннер рассматривает мировой капитализм как систему конкурирующих национальных капиталистических экономик, объясняя его «глобальную турбулентность» с середины 1960-х гг. Он использует ключевые элементы политической экономии крупнейших национальных капиталистических экономик послевоенного периода (производительную динамику, роль государств в управлении противоречиями и вытекающую из этого модификацию динамики), чтобы составить геополитическую экономию их взаимной конкуренции и, как следствие, перераспределения производительной и политической власти между ними. В частности, согласно изложенной интерпретации, «длительный спад» был вызван избыточными мощностями и перепроизводством, характерными для мирового капитализма в период восстановления (посредством того, что в этой книге названо смешанным развитием) Западной Европы и Японии. А его продолжительность была обусловлена нежеланием правительств принудительно осуществить то, что Маркс назвал «удушение капитальных ценностей» (Бреннер, 1998: 157), в собственных экономиках.

Повествование Бреннера вызвало критику за то, что триада — Соединенные Штаты, Германия и Япония — подменила мировой капитализм (*Исторический материализм, 1999*). Тем не менее он сосредоточил внимание на основных источниках напряженности и динамизма в системе. Новые индустриальные страны (НИС) и формирующиеся экономики включаются в динамику в такие исторические моменты, когда они становятся значимыми. Его также критиковали за то, что он сфокусировался только на производстве (*Арриги, 2003*), но оно служит очень хорошим показателем производства добавленной стоимости, какое только можно извлечь из существующих данных о счетах национальных доходов. И Бреннер демонстрирует более четкое представление об источниках стоимости, чем его критики (*Десаи и Фриман, 2011*). Более того, его работы о фондовом рынке и пузырях на рынке недвижимости (*Бреннер, 2002, 2009*) считаются одними из самых полных и надежных, не в последнюю очередь благодаря тому, что в обоих случаях в них учтена критически важная роль государственной политики.

В основе работы Бреннера лежат два ключевых кризисных механизма, объясняющих действия фирм, государств и других соответствующих субъектов, — недостаточный спрос и тенденция нормы прибыли к понижению (ТНПП). Действительно, он не приводит теоретических рассуждений по поводу первого и высказывается в пользу отрицания второго, следуя логике марксистской экономики (*Бреннер, 1998: 12n*). Однако не только опора на теоретическое отрицание марксистской экономикой ТНПП характерна для исторической аргументации Бреннера. По иронии судьбы он вновь обосновывает ТНПП в своем историческом труде: падение прибыли занимает центральное место в его повествовании о долгом спаде. Более того, он связывает это с недостаточностью спроса. По мнению Бреннера, падение прибыли связано со свойственной для производителей тенденцией развивать производительные силы и повышать экономическую производительность путем внедрения все более дешевых и эффективных методов производства без учета текущих капиталовложений и требований к реализации, в результате чего *совокупная доходность ограничивается снижением цен* в условиях отсутствия гибкости издержек, корректирующихся в сторону понижения (*Бреннер, 1998: 23–4*, выделение добавлено).

В этих обстоятельствах конкуренция (инвестиции в повышение производительности, снижение затрат и последующее снижение цен для увеличения доли рынка) оставляет норму прибыли, ориентированную на сокращение затрат ... такой же, как прежде, в то время как ... норма прибыли фирм с более высокими затратами снижается. Результатом является совокупное снижение нормы прибыли в рамках заданного направления. В основе избыточных мощностей и перепроизводства лежит ограниченность спроса. Можно сказать, что они существуют, так как *спрос недостаточен* для того, чтобы фирмы с более высокими затратами могли поддерживать прежнюю норму прибыли; они вынуждены прекратить использование некоторых средств производства и могут использовать остальные, только понизив свои цены, а значит, и свою прибыль (*Бреннер, 1998: 25–6*, выделение добавлено).

Более того, «замедление роста спроса, которое является неизбежным выражением замедления роста инвестиций и заработной платы, неизбежно возникающих в результате падения нормы прибыли, дополнительно затрудняет перераспределение по новым направлениям» (1998: 33). Хотя Бреннер акцентирует внимание на избыточных мощностях и перепроизводстве в рамках целостной системы, он также показывает, что Соединенные Штаты пострадали от этого наиболее сильно. Как мы видели в предыдущей главе, из-за сужения политического инструментария и его сведения к макроэкономической политике, дополняемой военным кейнсианством, промышленность США страдала от «фантомного» промышленного потенциала и теряла конкурентоспособность в гораздо большей степени, чем конкурирующие капиталистические экономики.

Работа Бреннера также позволяет нам увидеть, что историческая специфика геополитической экономии послевоенного капитализма по сравнению с периодом, предшествовавшим 1914 г., заключается в том способе, с помощью которого справляются с недостаточным спросом. Если до 1914 г., как мы видели в главе 2, она решалась, главным образом, посредством империализма, то в послевоенный период расширение внутреннего спроса играло более важную роль: благоприятные условия спроса, созданные кейнсианскими государствами всеобщего благосостояния, должны были помочь этим экономикам обеспечить большую стабильность, чем в прошлом» (1998: 91), о чем, как мы видели в предыдущей главе, американское экономическое руководство также помнило. В рамках послевоенного капитализма конкуренция за колонии была заменена конкуренцией между промышленно развитыми странами за новые рынки и рынки друг друга. За этим соревнованием также стояла своеобразная геополитическая экономия.

Поскольку внутренний спрос увеличивался во всех крупных капиталистических государствах, это не объясняет, почему рост времен «долгого бума» был сконцентрирован в странах с восстанавливающейся экономикой, тогда как Соединенные Штаты стагнировали в 1950-х гг. и пережили лишь краткий бум в 1960-х гг., сопровождавшийся высокой инфляцией.

В тех случаях когда автономный рост спроса работал в полной мере на увеличение инвестиций и роста, он, как это ни парадоксально, действовал не столько в национальных границах, сколько в трансграничном направлении. Немецкие и японские производители набрали динамизм во многом благодаря отвоеванию крупных сегментов быстрорастущего мирового рынка у Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. Это перераспределение доли рынка ... дало мощный импульс инвестициям и производству, хотя несколько уменьшило перспективы роста в США и Соединенном Королевстве. Получившаяся схема развития была чрезвычайно неравномерной, но она привела к буму в исторических масштабах (Бреннер, 1998: 91).

Неудивительно, что доли рынка потеряли две экономики, которые придерживались более либеральной политики: Соединенные Штаты, стремившиеся реализовать свои имперские амбиции, и Великобритания, где доминировали финансовые интересы над государственными.

Хотя Бреннер не ссылается на СНР, идет ли речь об имперской авантюре США или об особенностях европейской, японской или какой-либо другой формы смешанного развития, в его повествовании тщательно описываются основные формы послевоенной международной конкуренции, включая конкурентный отказ правительств разрешить необходимое «удушение капитальных ценностей» в собственных экономиках, что привело к постепенному ослаблению производительной динамики капитализма в рамках всей системы. Кроме того, эта книга демонстрирует, что международная конкуренция обладала этим эффектом в значительной степени благодаря имперским амбициям США, которые, не допуская более агрессивных форм протекционизма в Соединенных Штатах, сделали американскую промышленность открытой для подобной эрозии.

Как мы видели, экспорт США начал сокращаться в конце 1950-х гг., а дефицит торгового баланса впервые возник десятилетие спустя. К тому времени конкуренция во всем капиталистическом мире начала оказывать влияние на прибыльность, «понижая цены на товары по отношению к их себестоимости». Те же самые процессы снижения затрат и цен, которые позволили одним улучшить свою долю в мировой торговле, могли подорвать способность других не только привлекать инвестиционные средства, но и реализовывать свои инвестиции при прежних нормах доходности, что угрожало прибыльности не только в отдельных экономиках, но и в развитом капиталистическом мире в целом (Бреннер, 1998: 92).

Эта проблема еще более усугублялась в связи с появлением новых конкурентов за счет смешанного развития НИС в отсутствие новых основных источников роста спроса.

Рост цен на сырье в 1960-х гг. в результате роста цен на сырье в третьем мире повлиял на прибыльность американских компаний, точно так же, как и «отсутствие соответствия между ценами на произведенную продукцию и ростом цен на акционерный капитал» (Бреннер, 1998: 136) из-за увеличения доли Германии и Японии на мировом рынке. Их конкуренты столкнулись со снижением цен на свою продукцию при тех же производственных затратах, что и прежде. Некоторым пришлось уйти. У других, чтобы удержаться на своих рынках, не было иного выбора, кроме как согласиться на значительное уменьшение доли прибыли, капиталотдачи и нормы прибыли, поскольку они не могли поднять цены выше затрат, как это было раньше ... Результатом стало наличие избыточных мощностей и перепроизводство, что привело к падению совокупной прибыльности (Бреннер, 1998: 93).

Длительный спад был вызван «провалом, связанным со снижением рентабельности из-за переизбытка производственных мощностей и перепроизводства, что было обусловлено усилением международной конкуренции примерно с 1965 г. для запуска стандартных процессов корректировки» (Бреннер, 1998: 147). Он сохранялся, потому что «дальнейшие стратегии, которые отдельные капиталисты сочли целесообразными для восстановления собственной прибыли, по-прежнему приводили к недостаточному выпуску продукции и слишком большому количеству исходных ресурсов, что лишь усугубляло пер-

воначальную проблему перепроизводства и избыточности производственных мощностей» (1998: 147). «Недостаточный выпуск» был обусловлен «нематериальными активами» фирм (1998: 147) и «барьерами на пути их выхода на новые рубежи». Принципиально важно, что это произошло по той причине, что «с ростом прибыли — и, следовательно, инвестиций и заработной платы — рост совокупного спроса был более медленным» (1998: 148).

Правительства также были вовлечены в проблему недостаточного выпуска продукции и слишком большого объема исходных ресурсов. Среди крупных индустриальных стран только правительство СК во главе с Тэтчер допустило историческое 25%-е сокращение в производственном секторе страны. Правительства США и других стран, к числу которых к 1990-м гг. также стало относиться и правительство СК, проводили «кейнсианскую» политику, увеличивая как государственный, так и частный долг, тем самым подпитывая то, что мы называем финансиализацией, дабы «сократить период рецессии» (Бреннер, 1998: 151). Западноевропейские и японское правительства осуществляли более или менее непосредственное вмешательство в экономику, чтобы поддержать производительность и конкурентоспособность, тогда как правительства США и СК в большей степени полагались на расширение частного долга. В течение длительного периода спада, после каждой рецессии, уровень безработицы оказывался выше, а темпы роста были ниже, чем после предыдущих.

Если бы не беспрецедентное увеличение как государственного, так и частного долга в ответ на эти спады, мировая экономика не смогла бы с легкостью избежать депрессии. И все же расширение кредита, которое обеспечило немного стабильности, в то же самое время препятствовало восстановлению. Причина заключалась в том, что, сокращая периоды рецессий (в целом делая возможным выживание фирм с высоким уровнем издержек и низким уровнем прибыли, которые создавали избыточные мощности и перепроизводство и препятствовали восстановлению средней нормы прибыли), субсидирование спроса посредством создания кейнсианского долга увеличивало период спада. *Кейнсианство сделало спад более мягким и продолжительным.* (Бреннер, 1998: 150—1, выделение добавлено)

Если правительства развитых индустриальных стран вносили свой вклад в проблему недостаточного выпуска продукции, то правительства НИС, а затем и стран с формирующейся экономикой, которые определяли направление своего внутреннего капиталистического (а в случае Китая — коммунистического) развития и выходили на мировой рынок промышленных товаров, способствовали «слишком большому объему исходных ресурсов».

В неолиберальные десятилетия управление спросом для ослабления рецессий в Соединенных Штатах приняло искаженные формы в виде сокращения налогов, расширения государственных расходов (в период президентства Рейгана произошло возобновление военного кейнсианства) и потребления, стимулируемого кредитами, на основе роста стоимости активов на фондовом рынке и пузырей на рынке недвижимости в 1990-х и 2000-х гг. (кредитное кейнсианство). Разумеется, эти налогово-бюджетные и кредитные стимулы

в Соединенных Штатах также обеспечили спрос для стран-конкурентов и претендентов. Серия кредитных экспансий, предпринятая для стимулирования роста, должна была распространяться все дальше по социальной шкале, вплоть до «субстандартных» заемщиков. Это заложило основу печально известного «субстандартного» кризиса, разразившегося несколько лет спустя. В этом заключалась главная ирония неолиберализма: дефляция и ограничение потребительского спроса, которые он навязывал мировой экономике в целом, принуждали его к искаженным формам расширения спроса, которые вскоре натолкнулись на собственные ограничения, что особенно ярко проявилось в нынешнем кризисе.

Однако в 1970-х гг. до неолиберализма и его преемников — глобализации и империи — было еще далеко. Столкнувшись с перепроизводством и избыточными мощностями, национальные правительства и производители индустриального мира, в том числе, что немаловажно, и Соединенные Штаты, где производственные интересы будут сохранять политическое влияние, по крайней мере, до 1990-х гг., первыми попытались предотвратить самые худшие последствия, в том числе посредством открытого меркантилизма, если это было необходимо. Тот факт, что Соединенные Штаты были затронуты, сделал более глубоким кризис имперского проекта США, чьим неременным условием была либеральная мировая экономика. С этого момента начинается следующая глава.

6

ОБНОВЛЕНИЕ?

Даже самые строгие критики американского империализма относятся к закрытию золотого окна с неким неохотным восхищением. Результат (его по-разному называют «долларовым режимом Уолл-стрит» (Гоуэн, 1991a) или стандартом казначейских векселей США (Хадсон, 1972)), как они полагают, был таковым, что Соединенные Штаты «сохранили за собой доминирующее положение» и больше не были «ограничены правилами», такими как привязка доллара к золоту. После 1971 г. доминирование доллара стало «фактом, который регулярно самовоспроизводится» (Гоуэн, 1999a: 30, 33, 36). Соединенные Штаты могли позволить себе что-то вроде политики «мягкого пренебрежения» по отношению к стоимости доллара, поскольку частные субъекты доверяли ему, и разгневанные правительства иностранных государств и центральные банки сталкивались с тремя одинаково неприемлемыми вариантами: поддерживать существующие паритеты и соглашаться на амортизацию долга США и инфляцию; допустить дальнейшее обесценивание доллара и снизить конкурентоспособность; накапливать резервы в бумажных долларах и финансировать долг США в течение неопределенного срока. Это была «гегемония по дешевке» (Каллео, 1982: 119). Ставка на гипотезу международного финансового посредничества (ГМФП) оказалась выигрышной. Соединенные Штаты безоговорочно превратились в мирового банкира.

Тем не менее Никсон и его министр финансов Коннэлли — юрист, признававшийся, что «ничего не понимает в финансах» (Гоуэн, 1983: 156), не решились разорвать связь между долларом и золотом. Подобная возможность отмены обсуждалась и стала казаться неизбежной в течение предыдущих двух лет. Вместо этого они осмотрительно откладывали принятие решения до тех пор, пока оно не станет единственным вариантом, подходящим Соединенным Штатам, поскольку опасались, что «правительства основных зарубеж-

ных стран будут менее склонны к сотрудничеству после отмены, «не связанной» с кризисом валютного обмена» (1983: 80, цит. из отчета совета Федеральной резервной системы). Кроме того, политические деятели США не соглашались на ГМФП, когда закрывали золотое окно. Они полагали, что обращаются к коренным проблемам доллара — потере конкурентоспособности Соединенных Штатов и бремени зарубежных расходов, которые сами по себе являются результатом попыток реализовать имперские амбиции. Администрация Никсона жаловалась на то, что «Западная Европа и Япония эксплуатируют Соединенные Штаты, проникая на американские рынки с помощью экспорта по заниженным ценам, одновременно ограничивая доступ на свои внутренние рынки», и что «послевоенная международная валютная система не позволяла Соединенным Штатам изменять обменные курсы таким образом, чтобы это не ограничивало ни одну страну» (1983: 156). Это было особенно вопиюще, поскольку, несмотря на имперские амбиции, экономика США оставалась в достаточной степени ориентированной на внутренний рынок: сектор экспортной продукции, на долю которого приходилось 9% ВВП, просто не оправдывал введение дефляции в противовес девальвации (1983: 65).

Однако Никсон и его изворотливый госсекретарь Генри Киссинджер, а также более поздние администрации сохраняли приверженность той или иной форме доминирования США, несмотря на внутреннее ослабление и усиление зарубежного сопротивления. И они пытались преследовать эту цель. Как оказалось, напрасно. В течение следующих десятилетий доминирование доллара оставалось далеким от «факта, который регулярно самовоспроизводится». И дело даже не в «грубых промахах», которыми являлись попытки достичь такого самовоспроизводства (*Гоуэн, 1999а: 39*). Менее точное определение сложно придумать, как показывают обсуждаемые в этой главе события 1971 г. и «победа» США в «холодной войне». Мировая роль доллара, которая теперь не зависела от его привязки к золоту, но также не поддерживалась им, по-прежнему зависела от судьбы национальной экономики США, проблема потери конкурентоспособности которой никогда не будет устранена, пока Соединенные Штаты преследуют свои имперские амбиции и отказываются от промышленной политики. Таким образом, доллар переживал один кризис за другим, причем каждый кризис разрешался с помощью новой — столь же, если не более, неустойчивой и кратковременной — финансовой уловки.

В течение этих десятилетий союзникам США все чаще приходилось разделять бремя, связанное с выполнением Соединенными Штатами их мировой роли. Это была «гегемония по дешевке», но не потому, что Соединенным Штатам удалось заплатить за это малую цену, а из-за ограниченности ресурсов, с помощью которых они теперь были вынуждены это делать. Сотрудничество с Западной Европой и Японией не соответствовало ожиданиям, как в 1970-х гг. или как в случае финансирования Японией дефицита США в 1980-х гг. За него надо было платить доступом к рынкам США и дальнейшей эрозией американского производства. Решимость США продолжать реализацию своих имперских устремлений отступит, по крайней мере, один

раз, в период президентства Картера. Таким образом, к концу периода, рассматриваемого в данной главе, когда экономика США пережила два десятилетия пренебрежения, закрытие золотого окна все еще казалось бывшему председателю ФРС Полу Волкеру «поражением»: инфляционное давление, которое помогло разрушить систему ... поразило страну на целое десятилетие или более. Денежная система не была восстановлена удовлетворительным образом. И почему-то мы по-прежнему жалуемся на военное, гуманитарное и торговое бремя (*Волкер и Гетэн, 1992: 80*).

НИКСОНОВСКАЯ БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ?

Закрытие золотого окна, которое повлекло за собой немедленную девальвацию доллара, было частью новой экономической политики (НЭП) меркантилизма, которая также предусматривала замораживание уровня заработной платы, цен и ренты, надбавки на импорт и снижение налогов с целью стимулирования экономики (ЭДП, 1972: 3). Она была направлена на то, чтобы «увеличить долю экспорта по отношению к импорту», избегая при этом «подавления американской экономики или введения контроля над внешней торговлей», кроме как меры временного воздействия, а также давления на другие державы с целью либерализации торговли (1972: 28). В условиях конкуренции «американские производители, пользующиеся сильной поддержкой со стороны государства, пошли в контратаку», чтобы добиться девальвации доллара и удержать рост заработной платы американских рабочих на более низком уровне, чем в конкурирующих странах, в то время как производительность увеличивалась» (*Бреннер, 1998: 158*).

□ Мягкое пренебрежение?

Экономисты, ратующие за свободный рынок, отмечали новую степень свободы американской денежно-кредитной политики после августа 1971 г. и предсказывали, что на эффективных валютных рынках доллар теперь будет оцениваться точно. У администрация Никсона было меньше уверенности. Почти сразу после 15 августа 1971 г. она вела переговоры с европейцами о новых паритетах обменного курса и более «симметричной» международной валютной системе, причем последние переговоры были оформлены в Комитете 20 в июле 1972 г. Первоначально европейцы предлагали девальвировать доллар по отношению к золоту, а после августа 1971 г. они выступили против плавающего курса, высказывались в пользу ориентира, который был бы «объективным или, по крайней мере, многонациональным, не принадлежал бы исключительно какой-то отдельной стране» (ЭДП, 1972: 160), выступали за возрождение элементов банка Кейнса.

Первый раунд, казалось, был в пользу Соединенных Штатов, поскольку Смитсоновское соглашение от 18 декабря привело к эффективной девальва-

ции доллара, «благоприятной для конкурентных позиций США» (1972: 29). Соединенные Штаты также стремились к краткосрочной и долгосрочной либерализации торговли и хотели завлечь в нее европейцев, предложив Конгрессу цену золота в 38 долларов за унцию, когда «соответствующий набор краткосрочных торговых мер был доступен для рассмотрения Конгрессом» (1972: 142). После проведения девальвации, ослабления Федеральным резервом денежной массы и отмены временного контроля за заработной платой и ценами администрация Никсона ожидала, что торговый дефицит закроется, а американские фирмы получают выгоду от роста зарубежных инвестиций.

Однако, как выяснилось, платежный дефицит США не поддавался восстановлению посредством девальвации. Слишком высокая доля расходов США за рубежом — в частности, на оборону или нефть — характеризовалась ценовой неэластичностью. Обесценивание доллара лишь завысило их стоимость. Во-вторых, в новом, откровенно меркантилистском, мире европейские правительства страдали, вынужденные поддерживать доллар, чтобы не допустить чрезмерного повышения курса собственных валют. Переговоры Комитета 20 по «реструктуризации международной валютной системы на новой, более симметричной основе» (*Уильямсон, 1977: xi*) уже были омрачены меркантилистской настойчивостью Никсона, утверждавшего, что они являются частью «единого пакета» наряду с торговыми и военными отношениями (ЭДП, 1973: 7). Таким образом, европейцы сделали радикальный шаг, объявив в марте 1973 г. о создании «Европейской валютной змеи» — совместно плавающих европейских валютах. Европейские центральные банки также объявили, что больше не будут закупать ненужные доллары. Это положило конец системе квазиавтоматического кредитования Европейским центральным банком казначейства США» (*Хадсон, 1977/2005: 60*).

К лету, когда европейцы сбросили запасы доллара (ЭДП, 1974: 186), его курс опустился до столь низкого уровня, что Соединенные Штаты посчитали его неприемлемым. Мало того, что это не было компенсировано доверием частных владельцев, так они еще и проявили непостоянство, осуществляя спекуляции против доллара. 18 июля Соединенные Штаты обвинили европейцев в «грязном плавании», поскольку те вмешались в валютные рынки после 15 августа, и были вынуждены сами проводить интервенции. Необходимо было договориться с европейскими властями об организации двусторонних валютных свопов, чтобы предотвратить спекуляции за счет «возможности того, что власти США купят столько долларов (или продадут столько иностранной валюты), сколько потребуется для предотвращения дальнейшего снижения» (1974: 186). Когда первоначальные усилия не увенчались успехом, необходимо было объявить о дополнительных двусторонних обменных средствах в размере 6,25 млрд долларов, в результате чего было получено 18 млрд долларов ресурсов, которые можно было бы мобилизовать для проведения данной операции, хотя в итоге потребовалось лишь 250 млн долларов, чтобы поднять курс доллара на 4% (1974: 187). Как бы то ни было, эта интервенция не положила конец вопросам.

❑ **Непозволительная роскошь холодной войны**

Никсон уже совершил деэскалацию войны во Вьетнаме, совершил исторический визит в Китай в 1971 г., инициировал разрядку и первый Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) с СССР, заменив антикоммунизм на прагматизм как принцип внешней политики США. Эти шаги имели и экономический аналог в виде торговли с коммунистическим блоком.

Европейцы долгое время поддерживали торговлю с Восточным блоком. По мере роста денежно-кредитной и торговой напряженности в отношениях с Соединенными Штатами, в середине 1960-х гг. Западная Германия инициировала свою «Новую восточную политику» в поисках концепции «независимого полюса роста Европы в экономике Атлантического региона» (*ван дер Пейл, 2006а: 228*). Поскольку давление на доллар сохранялось, антикоммунизм стал роскошью, которую Соединенные Штаты не могли себе позволить. Теперь, в условиях роста цен на продовольствие, Соединенные Штаты развернули «аграрную власть», чтобы торговым путем заключить с СССР трехлетнее соглашение об экспорте зерна на сумму 750 миллионов долларов. Хотя это и помогло закрыть торговый дефицит США в 1973 г. (ЭДП, 1974: 189–91), Соединенные Штаты также надеялись, что СССР заплатит за зерно золотом. Но вместо этого они получили заемные евродоллары — «именно те излишки долларов, которыми Соединенные Штаты наводняли Европу и Японию в течение стольких лет», что сделало историческую сделку «аналогичной внутренним продажам» (*Хадсон, 1977/2005: 71*). В связи с дальнейшим пересмотром отношений «холодной войны» соглашение с СССР о поставках зерна сопровождалось эмбарго на экспорт сельскохозяйственной продукции в Европу, даже несмотря на то, что экспорт в СССР усугубил инфляцию цен на продовольствие. Западная Европа и Япония больше не могли полагаться на поставки сельскохозяйственной продукции из США, что придало дополнительный импульс более масштабным автаркическим тенденциям.

❑ **Утверждение третьего мира**

Когда мировая экономика вступила в новую фазу в 1970-х гг., разрушение мировой экономики в результате избыточных мощностей и перепроизводства вышло за пределы развитого индустриального мира. До сих пор «комбинация золота, частных инвестиций и военной мощи позволяла ведущим промышленно развитым державам доминировать в мировой экономике», тогда как многие другие «проводили относительно либеральную политику и не отстаивали свои собственные экономические интересы или не могли этого делать» (*Хадсон 1977/2005: 236*). Однако теперь старые аграрные и бизнес элиты, коренным образом заинтересованные в колониальных (т.е. «либеральных») структурах торговли и производства, а также в поддержке Соединенных Штатов и бывших имперских держав, которые долгое время делали развитие менее успешным, были оттеснены социалистическими и (или) протекционистскими режимами. Даже более репрессивные среди них рабо-

тали «на расширение своей экономической базы» просто потому, что невыполнение этого угрожало «пребыванию у власти любого режима, неспособного вывести свою нацию из сельскохозяйственной бедности, независимо от того, насколько велика была его внутренняя репрессивность или иностранная поддержка» (1977: 243). «Этатизм и межправительственное планирование ... распространились на все страны», сократив власть бывших имперских богатых стран (1977: 236). Правительства утверждавшихся развивающихся стран пытались сохранить выгоду от внутренней торговли и понизили ценность иностранных инвестиций, воспользовавшись угрозой национализации. Политическое утверждение этих правительств на мировой арене вскоре приведет к требованию нового международного экономического порядка (НМЭП).

Вдобавок Вьетнам начинал демонстрировать, что военная сила уже не так эффективна, как казалось раньше. В этом контексте американские политические деятели сталкиваются с очень сложной проблемой: как сохранить единство мирового капиталистического рынка и господство экономики США, переживающей упадок. Поддержание господства меркантилистскими методами имеет тенденцию подрывать единство мирового рынка; уважение к свободной торговле гарантирует сохранение этого единства, но ценой утраты экономического влияния американского капитализма, что может в конечном счете оказаться разрушительным и привести к уничтожению наиболее очевидных преимуществ, которые американцы извлекают из текущего положения дел (господство доллара, контроль над международными валютно-финансовыми механизмами и т. д.) (*Парбони, 1981: 23*).

Имперские амбиции США никогда не сталкивались с менее благоприятными обстоятельствами.

□ Открытие окна для черного золота

Доллар возобновил бы свое падение после того, как прекратили действовать последствия рыночной интервенции, осуществленной в 1973 г., если бы ОПЕК не удвоила цены на нефть несколькими месяцами спустя. У стран — импортеров нефти теперь было в четыре раза больше причин держать доллары. Поскольку при торговле нефтью по-прежнему использовались доллары, а цены на нефть оставались значительно выше уровня, существовавшего до 1973 г., значительный объем торговли нефтью оставался важным фактором для сохранения мировой роли доллара.

Однако непосредственное влияние на доллар США было еще более сильным. После роста цен на нефть страны ОПЕК договорились с Соединенными Штатами о хранении доходов от нефти в долларах США и евродолларовых депозитах, при этом международные потоки капитала характеризовались первым и, до середины 1990-х гг., самым высоким и наиболее существенным приростом, который будет характерен и для десятилетий финансиализации, ориентированной на США и на доллар. Нефтедоллары ОПЕК поступали в банки США и Европы, которые, учитывая вялый спрос на капитал в развитом индустриальном мире с началом длительного спада, прибегали (для по-

лучения процентов, которые им придется выплачивать вкладчикам) к официальным или официально гарантированным кредитам развивающимся и восточноевропейским странам. Эти потоки затмили собой потоки помощи по Плану Маршалла даже в реальном выражении (*Хопенхейн и Ваноли, 2006*) и вызвали всплеск индустриализации, стимулируемой долгами, которая обещала оказать еще большее влияние на вес США в мировой экономике.

Данные события настолько резко изменили судьбу доллара и настолько сильно ударили по его конкурентам, импортирующим нефть, что некоторые утверждали, будто правительство США подстроило их (*Оппенхайм, 1976*), чтобы использовать то, что Джордж Кеннан назвал «правом вето» применительно к военным и промышленным разработкам в Японии и Германии» (*Канбури и Мансур, 1994: 317*). Однако сам рост цен на нефть, вероятно, был попросту вызван снижением курса доллара. Разумеется, война Судного дня была сопряжена со сложной расстановкой политических сил, ознаменовав глубокий раскол между Соединенными Штатами и европейскими странами, которые блокировали линии поставок из США в Израиль и стремились договориться с ОПЕК, тогда как Соединенные Штаты были глубоко изолированы от арабских стран.

Последующее соглашение со странами ОПЕК о депонировании доходов от излишков нефти, полученных от нефtezависимых конкурентов США, в американских банках (*Канбури и Мансур, 1994: 317*) — это другой вопрос. Вероятно, была задействована, макиавеллианская дипломатия Киссинджера, но, что более определенно, Соединенные Штаты сорвали альтернативные планы по удержанию излишков нефти. Предлагаемый МВФ «нефтяной механизм» был намеренно небольшим (*Канбури и Мансур, 1994; Хадсон, 1977: 100*); европейские планы по предоставлению странам ОПЕК защищенных от инфляции облигаций в качестве платы за нефть были отложены; перспектива того, что страны ОПЕК будут покупать производственные активы в развитых странах, была встречена враждебно (*Хадсон, 1977: 108–20*).

Администрация Никсона отменила недавно введенные меры контроля за капиталом: уравнильный налог на доход от процентов, ограничения на прямые иностранные инвестиции США (ПИИ) за рубежом и ограничения на внешнее кредитование американскими финансовыми учреждениями — для облегчения новых финансовых соглашений с ОПЕК (*ЭДП, 1974: 200*). Были задействованы значительные суммы: общие доходы от нефти в регионе в период с 1973 по 1988 г. оценивались в 2,5 трлн долларов, а излишки (экспорт за вычетом импорта и трансфертов частного капитала) в 1981 г. составили 354 млрд долларов (*Канбури и Мансур, 1994: 318*). Также важно отметить (с учетом тенденции указывать на размер рынка евродолларов как на знак доверия частных лиц к доллару в соответствии с ГМФП), что до нефтедолларов рынок евродолларов в 1971 г. оценивался в 110,8 млрд долларов, а в 1972 г. он достиг 147,5 млрд долларов, в то время как в следующем году нефтедоллары увеличили его до 215,7 млрд долларов (*ЭДП, 1975: 215*).

Эти события также расстроили переговоры Комитета 20. Небольшие и зависимые от торговли европейские страны теперь страдали от нефтяного шока

и еще больше нуждались в соглашении, в отличие от Соединенных Штатов. В противовес безобидным описаниям с отсылкой к распыленным выгодам и локализованным затратам (*Хири, 1973*) история обсуждений Комитета 20 в изложении Джона Уильямсона была более разоблачающей. Несмотря на то что Уильямсон не хотел критиковать Соединенные Штаты, он отметил «финансовое преимущество Соединенных Штатов в неконвертируемом долларовом стандарте» (*Уильямсон, 1977: 172*) и признал, что Соединенные Штаты определенно проявили «некоторую двойственность в том, что касается желаний увидеть осуществление согласованной реформы». Это не было, утверждал Уильямсон, все равно, что сказать, будто «реформа была недостижима из-за цепкой защиты Соединенными Штатами шкурных финансовых интересов» (1977: 172), но немногие будут придираться по таким мелочам. После соглашения с ОПЕК «Соединенные Штаты считали, что могут жить без реформы, не испытывая при этом дискомфорта» (1977: 176). Поддержку доллару на международном уровне оказали не только излишки нефти ОПЕК, депонированные в банках США и Европы, но и ожидания того, что «основная доля дополнительных доходов ОПЕК в конечном счете будет реинвестирована в Соединенные Штаты». Это «вызвало сильное движение краткосрочных средств — приток в доллар и выход из основных европейских валют и йены», что привело к падению их на 20% по сравнению с пиковыми уровнями 1973 г. и побудило центральные банки вмешаться и поддержать их (ЭДП, 1975: 203).

Когда рецессия 1974 г. уничтожила даже положительное сальдо торгового баланса, обусловленное обесцениванием доллара в 1973 г., администрация Никсона объявила возникший платежный дефицит несущественным. Это произошло не потому, что доверие частных инвесторов пришло на смену резкости иностранных правительств и центральных банков в определении стоимости доллара, как и предсказывала ГМФП. Двумя наиболее важными показателями платежных позиций США до 1971 г. являлись баланс официальных резервных операций, который стал отрицательным, когда иностранные центральные банки накапливали доллары, как правило, посредством валютных интервенций, и — в более широком смысле — баланс ликвидности, который стал отрицательным, когда увеличились государственные и частные авуары за рубежом. Однако после 1971 г. они больше не оказывали давление на доллар, потому что зарубежным центральным банкам больше не требовалось осуществлять интервенции на валютных рынках для поддержания определенной стоимости своих валют, и они больше не были обязаны принимать доллары от частных владельцев. Нефтедоллары добавили новый элемент: «значительное отрицательное изменение в балансе официальных резервных операций США теперь может отразиться на предпочтении стран — экспортеров нефти размещать свои средства в Соединенных Штатах» (ЭДП, 1975: 212). Подобно тому, как европейские правительства были вынуждены держать доллары до 1971 г., что означало более высокие европейские «предпочтения ликвидности» в рамках ГМФП, точно так же устранение альтернатив возвращения в оборот нефтедолларов теперь стало «предпочтением стран — экспорте-

ров нефти размещать свои средства в Соединенных Штатах». Ирония заключалась в том, что для поддержки доллара на смену центральным банкам и правительствам пришли не частные держатели, а новые официальные источники за рубежом. Однако дни столь удобной схемы были сочтены.

Прежде чем продолжить, необходимо отметить: хотя доллар получил поддержку на международном уровне, увеличение долларовой ликвидности оказалось проблемным с точки зрения управления экономикой внутри страны. В начале 1970-х гг. Федеральной резервной системе было уже труднее контролировать денежную массу, поскольку его исходное допущение о том, что небольших изменений в процентных ставках будет достаточно для регулирования денежной массы, больше не действовало. Конкуренция в сфере розничных банковских услуг возрастала, по мере того как небанковские учреждения начали предлагать банковские услуги (*Каллео, 1982: 145; Шулл, 2005: 129–32*; различные ЭДП, начиная с 1975 г. и далее). Спрос на кредит уже стал неэластичным по отношению к процентным ставкам и «определенному предложению» (*Войниловер, 1980: 277*) из-за усиления конкуренции между поставщиками кредитов. Ситуация обострилась с притоком нефтедолларов. В период с 1973 по 1975 гг. в заимствованиях внутри страны и за рубежом произошли качественные скачки (ЭДП, 1975: 70–1). С целью снижения рисков для банков, которые часто предоставляют кредиты по ставкам ниже, чем ставки по депозитам, были разработаны кредиты с плавающей ставкой и финансовые фьючерсы. Как мы увидим, эти события в краткосрочной перспективе повысят инфляцию и приведут к дерегулированию, что в конечном счете обусловит более поздний период финансиализации.

КАРТЕРОВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

К концу 1974 г. доллар вернулся к своей стоимости по состоянию на март 1973 г. после создания «Европейской валютной змеи», поскольку европейские ограничения на импорт нефти и охранительные меры сократили излишки нефтедолларов. Джеральд Форд вступил в должность после позорного ухода Никсона в августе 1974 г. и столкнулся с «серьезной рецессией» (ЭДП, 1975: 3), сочетанием исторически беспрецедентного снижения налогов и текущих социальных расходов. Однако восстановление, начавшееся в третьем квартале 1975 г., основывалось на наступательных действиях работодателей, которые снизили рост реальной заработной платы на фоне высокого уровня безработицы, низкого курса доллара, что привело к увеличению экспорта США и легкому кредитованию со стороны банков. Действительно, простое кредитование стремительно изменило промышленное финансирование в США. До сих пор долг играл небольшую роль, а выплаты по процентам составляли всего 1% от прибыли в период между 1950 и 1965 гг. В период с 1965 по 1973 гг. они подскочили до 11%, поскольку доходность резко упала, а снижение процентных ставок в период с 1973 по 1979 гг. увеличило их до 15% (*Бреннер, 1998: 160*).

С давлением, которое подобный налогово-бюджетный и денежно-кредитный экспансионизм оказывал на доллар, теперь необходимо было разбираться путем координации экономической политики с другими странами. Первый саммит «Большой шестерки» (которая вскоре станет «Большой семеркой», включив Канаду) состоялся в Рамбуйе в ноябре 1975 г. Таким образом, в экономической политике США начался этап, в наибольшей степени озаменованный духом сотрудничества. Администрация Форда признала, что «цели внутренней политики должны быть эффективно достигнуты во взаимозависимом мире, и необходимо четко учитывать экономические изменения и политические цели в других странах, ведь они влияют на судьбу любой национальной экономики, *даже самый большой*» (ЭДП, 1976: 137, выделение добавлено). Но, будучи необходимой, такая координация была далеко не достаточной. Несмотря на усилия Форда, направленные на создание «делового климата, ориентированного на рост» (ЭДП, 1977: 110), и «несмотря на то, что потребности в перемене накапливались в течение нескольких лет, а также общее признание того факта, что в большинстве случаев возврат к устойчивому уровню полной занятости страны предполагает смещение ресурсов в сторону инвестиций» (1977: 109), спрос на частные инвестиции не удалось восстановить, и не только в Соединенных Штатах.

Когда доходы не увеличились в достаточной степени, чтобы компенсировать снижение налогов и увеличение социальных расходов, правительство Форда отреагировало ограничением снижения налогов и расходов, в середине 1976 г. приостановив восстановление. Джимми Картер вступил в должность, обвинив Форда в том, что тот не справился с «дилеммой ... как совладать с инфляционным давлением без уменьшения стимулов для частных инвестиций» (ЭДП, 1977: 119), и продолжил экспансию в одностороннем порядке путем снижения налогов и увеличения расходов. Рост возобновился, но в сочетании с трудностями, с которыми сталкивалась Федеральная резервная система, осуществляя контроль над денежной массой, он был высоко инфляционным. Саммиты «Большой семерки» уже подорвали любые предположения о безраздельном доминировании США, и данная модель роста США стала для них спорным вопросом.

Картер разделял определенные имперские претензии: «Будучи самой сильной экономикой в мире, Соединенные Штаты несут уникальную ответственность за улучшение международного экономического климата» (ЭДП, 1978: 6), но он пытался «с серьезной убежденностью решить проблемы американской экономики в духе сотрудничества» (*Парбони, 1986: 9*) на саммитах «Большой семерки». Он предложил восстановить «общемировое равновесие, не втягивая всех в европейскую рецессию (отчасти из-за ее большего налогово-бюджетного и денежно-кредитного консерватизма), но призывая всех присоединиться к Соединенным Штатам в осуществлении экспансии» (*Каллео, 1982: 126*). Это было многообещающее видение. В дополнение к настрою на сотрудничество, которое предусматривало углубление разрядки, администрация придерживалась мнения, что «главный стимул [роста] должен, очевидно, происходить от внутреннего спроса» (ЭДП, 1976: 134). В то же время она обращала внима-

ние на «распространение по всему миру кейнсианских принципов управления спросом, например, таких, как предложения Комиссии Брандта по устранению "бутылочного горлышка", каковым в мировой экономике представляется низкая покупательная способность развивающихся стран» (Парбони, 1986: 9). Выявив «узкое место» в виде спроса как внутри страны, так и в развивающемся мире, это видение обещало гораздо более продуктивное и экспансионистское будущее для мировой экономики, чем то, от которого мир пострадает в 1980-х гг., когда страны будут бороться за ограниченные доли рынка в условиях продолжающегося длительного спада.

Ослабление экономики США уже мешало самому Картеру предвидеть это будущее. Экспансионизм его администрации усилил давление на доллар из-за новой проблемы. В течение послевоенного периода рост импорта в США, как правило, был более значительным по отношению к внутреннему росту, чем рост экспорта по сравнению с ростом за рубежом. До 1975 г. существовало устойчивое равновесие между ростом импорта и экспорта за счет того, что рост за рубежом, как правило, превышал рост в США. Однако в период с 1975 по 1978 гг. рост в Соединенных Штатах превосходил средний рост за рубежом. В результате, текущий платежный баланс США резко сместился. В 1977 г., когда экономический рост в США превысил темпы роста их торговых партнеров примерно на 1%, текущий платежный баланс США сместился почти на 20 млрд долларов — с профицита в 4,3 млрд долларов до дефицита в 15,3 млрд долларов (ЭДП, 1979: 146).

Тенденция экономики США увеличивать дефицит торгового и текущего платежного баланса по мере роста уже хорошо известна. Теперь она усугубляется разницей в темпах роста между Соединенными Штатами и другими крупными капиталистическими экономиками. Правительства США 1980-х гг. вместо того, чтобы исправить эту ситуацию, просто воспользуются правом США на «сеньораж», чтобы поддаться ей. Экономика США будет либо расти за счет расширения дефицита торгового и текущего платежного баланса, либо не будет расти вовсе. Тем не менее именно эти привилегии были больным местом, и поддерживать их будет все сложнее.

Расценивая последующее падение доллара как «чрезмерно быстрое и беспорядочное» (ЭДП, 1978: 22, 155), Картер первоначально пытался обуздать его с помощью Национального закона об энергетике, поощрения торговли, налогово-бюджетных и денежно-кредитных ограничений (ЭДП, 1979: 155). Когда это не сработало и вызвало давление со стороны «Большой семерки», потребовавшей дефляционной корректировки, Картер сопротивлялся, оправдывая дефицит США, рассматривая его как «приемлемую позицию для Соединенных Штатов, а, учитывая сохраняющийся профицит ОПЕК, даже желательную, с глобальной точки зрения» (ЭДП, 1978: 107).

Но ему не позволят долго этим заниматься. Саммит в Бонне в 1978 г. ознаменовал собой «поворотный момент». Администрация Картера должна была пообещать, что сделает сдерживание инфляции «главным приоритетом экономической политики» и примет решительные меры по сокращению торгового дефицита, в частности, по сокращению импорта нефти (ЭДП, 1979:

142), в обмен на пакет поддержки доллара, включающий 30 млрд долларов и программу интервенций совместно с Германией, Японией и Швейцарией. Он также содержал «мало разрекламированное решение о пополнении международных резервов США путем выпуска казначейских облигаций на сумму 6 млрд долларов, деноминированных в немецких марках, швейцарских франках и японских иенах»; по сути, это служило признанием того, что «для управления международной валютной системой доллара было недостаточно: он должен быть поддержан другими валютами» (Парбони, 1986: 9).

Не за горами были большие неприятности: к моменту, когда в ноябре 1978 г. пакет поддержки уже начал действовать, процентные ставки начали ужесточаться по всему миру, и ОПЕК объявила об удвоении цены на нефть. В отличие от предыдущего повышения цен на нефть, которое оказалось столь благоприятным для доллара, это лишь усилило инфляцию в США, потому что страны ОПЕК теперь тратили большую часть своих излишков. Усилилось международное давление: от США требовали сделать что-то с обесценивающимся долларом. До начала 1979 г. администрация Картера еще могла полагать, что проблема является более фундаментальной и заключается в неспособности к повышению производительности (ЭДП, 1979: 6), и пытаться справиться с этим, а не прибегать к «несправедливому» варианту — «выдавить инфляцию из нашей экономической системы, проводя политику, вызывающую рецессию» (1979: 7). Однако вскоре у нее не останется другого выхода.

□ **Обострение злключенияй**

Сужались не только экономические варианты. Хотя послевоенный милитаризм США был двухпартийным, до сих пор республиканцы, которых олицетворял собой Эйзенхауэр, проявляли больше осторожности. Поражение во вьетнамской войне изменило эту модель в 1970-х гг. Президентство Никсона представляло собой «смену власти» (Шраг, 1975, цит. Киркпатрика Сале) в пользу «ковбоев с Юга». Никсон стремился работать в рамках все более очевидных ограничений власти США, как экономического, так и военного характера. Он проводил разрядку и деэскалацию во Вьетнаме по совету мудреца-«реалиста» Генри Киссинджера. Между тем милитаризм демократического истеблишмента с Востока «просто не был подготовлен к ограничению национальных возможностей».

Его влияние ... всегда зависело от очевидного успеха его руководства, которое, в свою очередь, зависело от роста и доверия внутри страны ... Как только оно ... подверглось серьезным испытаниям (во Вьетнаме, в результате формирования «Третьего мира», а также посредством различных сил: природных, культурных и политических), доверие со стороны истеблишмента начало падать (Шраг, 1975: 58).

Новые глашатаи сочли холодную войну слишком дорогой, военную силу — «неумелым» инструментом ведения внешней политики, «баланс террора» с СССР невозможным, а СССР — державой со статусом-кво. Они жаловались на то, что «бесконечные горячие войны времен холодной войны ... в треть-

ем мире сделали США очень непопулярным государством» (*Гершман, 1980: 16–18*). Они призывали к беспристрастности «по отношению к изменениям в мире, которые ранее считались бы вредными для безопасности США»; «мягкому пренебрежению ... к международным военным действиям»; оказанию активной помощи «силам, стремящимся к переменам, против которых мы выступали в период сдерживания»; прекращению помощи репрессивным режимам; принятию культурного релятивизма прав человека; сочувственному отношению к глобальным тенденциям равенства (1980: 18). Сам Джордж Кеннан был одним из таких провозвестников, утверждая, что лучшим путем для Соединенных Штатов было бы «следование политике ведения собственных дел, насколько это представляется возможным» (цит. в: *Гершман, 1980: 16*).

К концу 1970-х гг. восстановление некоторого подобия законности и власти в совершенно новых и более ограниченных условиях стало насущной необходимостью. Ни один американский политик до сих пор «не мог говорить о подобных вещах»; не было доступного языка, в основе которого лежали бы иные предпосылки, кроме как рост и экспансия (*Шраг, 1975: 58*). Осуществив разрыв с демократическим милитаризмом, Картер принял новую ориентацию внешней политики в духе Никсона-Форда-Киссинджера, и во время второго нефтяного шока, вызванного иранской революцией, попытался примирить американцев с ухудшающейся экономической ситуацией.

В июле 1979 г., после встречи в Кэмп-Дэвиде с «бизнесменами и трудящимися, учителями и проповедниками, губернаторами, мэрами и частными лицами», Картер выступил по телевидению с речью, в которой он призвал американцев жить по средствам и отказаться от «ошибочной идеи о свободе, о праве пользоваться некоторыми преимуществами перед другими» (цит. из: *Бацевич, 2008: 34*), и, в частности, сократить потребление нефти.

□ Шоковая терапия

Это ослабление власти в США проявилось в том числе шоком процентных ставок, установленных Волкером. Пострадав от экспорта американской инфляции, Германия и Япония, по понятным причинам, опасались обнадеживающего экономического экспансионизма Картера. Они предпочли бороться с инфляцией и заставить Соединенные Штаты заниматься тем же. Более того, очень разные реакции импортеров и экспортеров нефти на второй нефтяной шок решительно повлияли на расстановку сил в пользу контроля над инфляцией. Поскольку страны — импортеры нефти отреагировали скорее денежно-кредитным ограничением, нежели слабостью, и поскольку рост импорта ОПЕК сократил поток нефтедолларов, теперь импортерам нефти пришлось платить «налог на нефть ОПЕК» в основном реальными товарами и услугами, а не долговыми расписками (ЭДП, 1979: 146). Сокращение торговых дисбалансов также усилило давление на доллар США, от них с 1971 г. зависели его стоимость и мировая роль. В 1979 г. возникла «настоящая паника». Золото подскочило, а доллар пикировал, когда европейские и арабские держатели сбросили его, что вызвало опасения по поводу «катастрофическо-

го упразднения доллара в роли резервной валюты и даже общего бегства из бумажных денег». Перед лицом этого «европейско-арабского восстания против дальнейшего обесценивания доллара» (Каллео, 1982: 146–7) администрация Картера летом 1979 г. назначила Волкера председателем ФРС. Только его репутация как борца с инфляцией сможет успокоить рынки и другие правительства. Последовавшему резкому увеличению процентных ставок также способствовали два других события.

Во-первых, многонациональный и финансовый капитал США, зависящий от мировой роли доллара, «присоединился к противникам налогово-бюджетной безответственности США» (Бреннер, 1998: 180). Послевоенные правительства США в течение долгого времени отстаивали интересы многонационального и финансового секторов, например, компенсировав ограничения на движение капитала в конце 1960-х гг., тем самым «проигнорировав регулирование рынка евродолларов». С 1970-х гг. финансовый капитал извлекал выгоду из переработки излишков нефти и устранения необходимого контроля над капиталом. Между тем промышленность США могла рассчитывать на экспансионистскую политику в налогово-бюджетной и денежно-кредитной сферах. Однако теперь эти две группы интересов были противоположными и промышленный капитал был слабее финансового. «В условиях, когда норма прибыли не восстанавливалась, а заработная плата стагнировала перед лицом растущей инфляции, энтузиазм в отношении традиционной политики на стороне спроса сокращался, а политическое влияние его самых ярких сторонников, а именно рабочего движения, стремительно испарялось» (1998: 180–1). Во-вторых, с помощью одного только управления спросом было невозможно обеспечить неинфляционную экспансию или возродить конкурентоспособность промышленности, что, вероятно, было невыносимо для самого капитала, поскольку доллары теряли свою стоимость. Действительно, в новых условиях пришлось изменить то направление, в котором развивалась финансиализация с тех пор, как началось превращение нефтяных доходов ОПЕК в доллары. Это привело к тому, что развивающимся и коммунистическим странам практически был предоставлен свободный капитал для финансирования их индустриализации и смешанного развития и оказания им поддержки в утверждении на международной арене.

При ликвидности, способной к бесконечному расширению, страны, считавшиеся кредитоспособными, больше не контролировали внешние расходы. Фактически некоторые страны, несмотря на большой дефицит счета текущих операций, значительно увеличили свои официальные валютные резервы за счет заимствований на рынке евродолларов. В этих условиях дефицит платежного баланса сам по себе уже не обеспечивал автоматическую коррекцию с учетом внутренней инфляции. Страны с дефицитом могли бесконечно получать займы у «волшебной машины» ликвидности (Каллео, 1982: 138).

Безграничное расширение ликвидности усилило конкуренцию между банками-кредиторами и изменило баланс сил в пользу заемщиков. Доля развивающихся стран в мировом производстве увеличилась с 7,6% в 1970 г. до 10,2% в 1980 г., а доля социалистических стран — с 21,3 до 26,6%, тогда как доля раз-

витых стран, соответственно, снизилась с 71,1 до 63,2%. Пришло время восстановить баланс в пользу кредиторов.

Когда это произошло, шок Волкера оказался «серьезным сдвигом в методике [ФРС] по реализации денежно-кредитной политики» (ЭДП, 1980: 54). Если до 1970-х гг. небольшие изменения ставки федеральных фондов приводили к желаемым изменениям в денежной массе, то теперь они, похоже, не вызывали подобный эффект. Проблема заключалась не в компетенции председателя ФРС Артура Бернса и не в кейнсианстве, как утверждают некоторые, а была вызвана структурными изменениями в банковской сфере. Еще до того как потекли нефтедоллары и усилилась конкуренция заемщиков на фоне продолжительного спада кредитования, кредит уже стал стимулироваться предложением. «Денежные ограничения в настоящее время работают в большей мере за счет изменений процентных ставок, которые влияют на готовность заемщика брать в долг, нежели чем за счет изменений в способности заемщика получать кредит» (1980: 31). Таким образом, ФРС мало что могла сделать, по крайней мере, в краткосрочной перспективе (т.е. вне усиленного финансового регулирования), для контроля инфляции. Единственно, что было в ее силах, — «обеспечивать объем банковских резервов в соответствии с желаемыми темпами роста денежной массы» и разрешать изменение процентных ставок [то есть повышение] по мере необходимости, в соответствии с такими темпами роста денежной массы» (1980: 54). Результатом стали легендарные двузначные процентные ставки, которые, однако, вытеснили инфляцию из экономики и резко изменили тенденцию падения доллара, особенно за счет резкого увеличения выплат развивающимися странами. Таким образом, низкие и даже отрицательные реальные процентные ставки середины 1970-х гг. имели в целом позитивный эффект.

РЕЙГАНОВСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ?

Ноябрьские выборы 1980 г. состоялись после того, как Советский Союз ввел войска в Афганистан и начался кризис с заложниками в Иране. Рональд Рейган по максимуму воспользовался обоими событиями и, связав их с речью Картера, отстранил последнего от власти как приверженца упадничества. Более поздний разворот Картера на 180 градусов выглядел еще слабее. Новый неолиберальный президент пообещал обратить вспять «изнурительные тенденции прошлого» путем «фундаментальной переориентации роли федерального правительства в нашей экономике» и создать «больше рабочих мест, больше возможностей и больше свободы для всех американцев», что приведет «к восстановлению в 1982 г. и последующему устойчивому неинфляционному росту» (ЭДП, 1982: 3). Его «экономика на стороне предложения» предписывала снижение налогов, дерегулирование, сокращение заработной платы и ограничение влияния профсоюзного движения с целью повышения конкурентоспособности. Аргументация была нещадно простой:

«Медленный рост производительности труда только снижает международную конкурентоспособность страны, если он не компенсируется соответствующим медленным ростом реальной заработной платы» (ЭДП, 1983: 53). Снижение исторически высокого уровня жизни американских рабочих в свете международной конкуренции началось еще с конца 1950-х гг. и ускорилось в 1960-х гг. Теперь она должна была дополнительно ускориться: реальная заработная плата без учета пособий в период между 1979 и 1990 гг. ежегодно снижалась на 1%. «Никогда ранее, в двадцатом веке, рост реальной заработной платы не был так низок в течение стольких лет» (Бреннер, 1998: 191–2).

Программа Рейгана известна своей идеологией, разрушением коммунизма и возрождением экономики США, мировой мощи и мировой роли доллара. В действительности его идеология никогда не применялась последовательно. Коммунизм в Европе рухнул по внутренним причинам, а экономическая политика Рейгана провалилась, став последним серьезным усилием по восстановлению промышленного превосходства США путем давления на рабочую силу, дерегулирования и новой, военной, формы развития. Эта неудача сделала «победу» США в холодной войне пирровой и поставила под сомнение их мировую роль. Тем не менее произошел новый виток в развитии финансиализации. Он качественно отличался от ситуации в 1970-х гг. и стал прелюдией развития в условиях глобализации и империи.

□ Капиталистическая коалиция Рейгана

Рейган радикально изменил партийный политический расклад, навсегда «перетянув» южных демократов на сторону республиканцев, а «рейгановских демократов» с северо-востока — лично на свою сторону. Хотя произошел экономический сдвиг от северо-восточного «ржавого пояса» к юго-западному «солнечному поясу», коалиция Рейгана объединила оба этих элемента, что во многом объясняется «прагматизмом» его администрации. «Протекционистская» фракция, базирующаяся в старых отраслях промышленности (например, текстильной или сталелитейной), имеющих давние связи с республиканской партией, обратилась к Рейгану за политическим и экономическим «Алка-Зельтцером» — освобождением от импорта, от рабочей силы, от ненавистных государственных регуляторов и, возможно, от бесконечно угрожающих коммунистов. «Транснациональная» фракция была более амбициозной, финансируя аналитические центры и политические исследования в рамках более широких усилий, направленных на объединение мира под руководством США — экономическим, политическим и военным (Фергюсон, 1995: 244–5). Эта фракция также поддерживала крупные военные инвестиции, с тем, чтобы «три великих экономических района (тихоокеанский, американский, включающий обе Америки, и западноевропейский) превратились в единый многонациональный рынок» (1995: 245). Эта капиталистическая коалиция в значительной степени оставалась все еще индустриальной, а не финансовой. Действительно, финансовому капиталу, представленному на тот момент инвестиционными домами, не нравился ни дефицит при Рейгане, ни энтузиазм

свободного рынка по поводу отмены Закона Гласса-Стиголла, от которого они должны были проиграть депозитарным коммерческим банкам, чей гораздо больший финансовый потенциал мог быть перенесен на финансовые рынки (1995: 292, 258).

□ Антикommунизм или контроль над нефтью?

Милитаризму, пережившему возрождение при Рейгане, как правило, приписывается антикоммунистическая направленность, и именно ему ставят в заслугу падение коммунизма. Реальность остается другой. В течение 1970-х гг., когда демократическая партия, казалось, капитулировала перед упадничеством, которому соответствовала гражданско-правовая, молодежная, феминистская и рабочая критика «классического либерализма», поборники холодной войны под влиянием политического теоретика Лео Штрауса (*Хайльбрунн, 2008*) и либералов-сионистов, оппозиционно настроенных по отношению к возникшей левой критике Израиля и оказанию поддержки Палестине, начали действовать самостоятельно. К 1980-м гг. они примкнули к республиканцам в рамках нового интеллектуального образования — неоконсерватизма (*Гершман, 1980*).

В качестве публичного покаяния за свою речь после ввода Советским Союзом войск в Афганистан Картер провозгласил свою «доктрину»: Соединенные Штаты будут использовать военную силу для защиты своих интересов в регионе Персидского залива. Он вывел американскую внешнюю политику на новое направление. Неоконсервативное влияние на республиканцев, а с 1990-х гг. — и на демократов также гарантировало, что сменяющие друг друга президенты теперь приравнивали доступ к нефти, а не антикоммунизм, к сакральному «американскому стилю жизни» и стремились «утвердить явный военный перевес» на Ближнем Востоке (*Бацевич, 2009: 51*). Политика безопасности США больше не была сосредоточена на коммунизме, хотя неоконсерваторы не возражали против того, чтобы им ставили в заслугу падение коммунизма. Не «Звездные войны» Рейгана против «империи зла», которые, на самом деле, были промышленной политикой, и не его поддержка моджахедов в Афганистане вызвали распад СССР. Это была «революция сверху», осуществленная руководством, которое больше не было уверено в целях коммунизма и не отождествляло себя с ними (*Котц, 1997*).

Рейган снизил налоги и увеличил военные расходы, сделав частное и военное расточительство критериями хорошей экономической и военной политики соответственно. Он сделал «два решительно радикальных предложения» в своей речи о «Звездных войнах» 1983 г.: «Американцы могут быть действительно в безопасности, только если Соединенные Штаты сохраняют за собой нечто похожее на постоянное глобальное военное превосходство», при этом «военная мощь служит противоядием от неуверенности и беспокойства, связанных с жизнью в мире, который не в полной мере соответствует американским предпочтениям» (*Бацевич, 2009: 41*). Несмотря на это, администрация Рейгана не была «Камелотом консерваторов» (*Манн, 2004: 112 ff*).

К большому разочарованию неоконсерваторов Рейган с энтузиазмом относился к сокращению вооружений в период своего второго срока, испытывая международное давление, направленное на сокращение бюджетного дефицита США (*Хайльбрунн, 2008 163–4*). Хуже того, крестовый поход против коммунизма резко остановился, когда Рейган заставил сторонников никарагуанских контрас уйти в подполье, а затем оставил их на произвол судьбы, когда было раскрыто дело «Иран — контрас» (также известное как «Ирангейт»). Антикоммунисты оказались в изоляции, столкнувшись с общественным порицанием и унижением.

□ **Военное кейнсианство и военный шumpетерианизм: перезагрузка**

После вступления в должность Рейган возродил военное кейнсианство, которому помешало поражение во Вьетнаме, и стал «величайшим кейнсианцем в истории» (*Бреннер, 1998: 190*). За налогово-бюджетным экспансионизмом последовало денежно-кредитное смягчение, начавшееся в середине 1982 г., когда Волкер капитулировал перед оппозицией высоким процентным ставкам со стороны промышленников. Он сослался на таинственное снижение скорости обращения денег — самое значительное с тех пор, как ФРС начала хранить данные в 1959 г. (ЭДП, 1983: 21). Якобы именно оно подорвало зарождавшееся восстановление, и теперь требовался «несколько больший рост денежной массы, чем предполагалось изначально» (1983: 21–2).

Благодаря способности экономики США поглощать импорт по мере роста, стимулы Рейгана начали увеличивать торговый дефицит США, спасая не только американскую, но также японскую и немецкую экономики от рецессии 1979–1982 гг. в условиях новой геополитической экономики. Это продолжит «переворачивать» всю систему в течение 1980-х гг. (*Бреннер, 1998: 151*), но не поможет возобновить динамическое накопление капитала, потому что «избыточные мощности и перепроизводство... в значительной степени по-прежнему представляли собой "борьбу с нулевой суммой" за перенасыщенные производственные рынки». Рентабельность производства не могла восстановиться в целом по всем странам «Большой семерки»: основные конкуренты Соединенных Штатов не могли добиться повышения прибыльности, «кроме как за счет США, и наоборот» (1998: 183). Этот последний пункт был критически важен. Основные капиталистические центры накопления могут расти только за счет друг друга. Прервав рост доли развивающихся стран в мировой экономике и, следовательно, ее способность потреблять, шок Волкера задушил потенциально самый жизнеспособный источник спроса в мире.

Новая модель увеличения торгового дефицита сделала Соединенные Штаты «локомотивом» мирового спроса, который систематически потреблял больше, чем производил, и оплачивал разницу долларами, стоимость которых, когда она была высокой, жиджилась на нестабильных основаниях, а когда она была низкой, ставила перспективы мировой роли доллара под вопрос. Импорт достиг новых высот, так как американские корпорации производили

продукцию на условиях аутсорсинга, а импорт включал в себя высокотехнологичную продукцию. Военное кейнсианство долгое время сопровождалось практикой направления субсидий на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) для нужд промышленности в рамках так называемого военного шумпетерианизма. Сейчас он достиг беспрецедентного уровня как «последняя надежда для [американских] правящих групп восстановить мировое промышленное лидерство и вновь включить пассивных европейских партнеров в орбиту США, подчинив их себе в военном, промышленном и коммерческом отношении» (Парбони, 1986: 13).

Во всем промышленном мире правительства начали проводить политику, направленную на то, чтобы помочь национальным фирмам перейти на более высокотехнологичные товары с более высокой добавленной стоимостью, поскольку в 1960-х гг. усилилась конкуренция со стороны производителей менее дорогих товаров, несущих меньшие издержки (Фриман, 1974). Рецессия 1979–1982 гг. в Соединенных Штатах также усилила споры о промышленной политике, хотя традиции в области развития и промышленной политики давно были принесены в жертву имперским амбициям. Тем не менее фракции интернационалистов выступили против политики, которая могла бы привести к ответным торговым мерам против более конкурентоспособного экспорта, включая услуги. В исследовании Брукингского института даже утверждалось, что не существовало никакой конкурентной угрозы (Лоуренс, 1984), несмотря на то, что американский экспорт сохранялся до 1970 г. только из-за девальвации. Контрнаступление было настолько эффективным, что даже кандидат от демократической партии Уолтер Мондейл, который поднял вопрос о конкурентоспособности на президентских выборах 1984 г., отказался поддержать активную промышленную политику с ее практикой «выбора победителей».

Вопреки мнению о том, что это предрешило судьбу промышленной политики США (Грэм, 1992), в последующие десятилетия, на самом деле, происходило значительное расширение государственной экспансии США. Однако, учитывая имперский императив, подавление всякого государственного стимулирования промышленности, что дополнительно подкреплялось республиканской идеологией свободного рынка, было «скрытым». [к]ак похищенное письмо в рассказе Э.А. По, скрытое состояние развития не скрывалось вовсе ... оно было невидимым благодаря успеху рыночной фундаменталистской идеологии ... [по причине] отсутствия концептуального пространства для идеи о том, что правительство играет критически важную роль в поддержании и расширении динамизма частного сектора (Блок, 2008: 15).

Благодаря данным инициативам была создана децентрализованная система, посредством которой государственные учреждения фактически будут осуществлять инвестиции в потенциальных победителей. Одни из этих инициатив попросту способствовали приватизации интеллектуальной собственности, финансируемой государством, другие значительно расширили роль правительства в управлении технологическими изменениями (Блок, 2008: 11).

В дополнение к программе Рейгана «Звездные войны», т.е. к «Стратегической оборонной инициативе», была запущена еще одна «впечатляющая

программа субсидирования» оборонного производства (*Фергюсон, 1995: 248*), включавшая в себя инициативы в области вычислительной техники, полупроводников и биотехнологий (*Блок, 2008: 181–2*). Инициативы Министерства обороны, в частности, Агентства перспективных исследовательских проектов в области обороны (DARPA), Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA) и Национальных институтов здравоохранения, сыграли принципиальную роль в формировании высокотехнологичной индустрии в США. Подобно знаменитому японскому Министерству международной торговли и промышленности (MITI), данные инициативы работали на основе принципов «выявления и субсидирования конкретных технологий, формирования промышленных картелей, распределения исследовательских задач между различными компаниями, субсидирования движений по "кривой опыта" и функционирования в качестве основных закупщиков» (*Райх и Рогатин, 1984: 6*).

Военный шумпетерианизм в 1960-х гг. привел к тому, что расходы США на НИОКР увеличились более чем вдвое по сравнению с общей суммой расходов Германии, Франции, Соединенного Королевства и Японии в виде доли в валовом национальном продукте (ВНП) (ЭДП, 1989: 226). Затем они сократились, но резкое увеличение расходов на оборону Рейганом обеспечило треть общих расходов на НИОКР и привело к тому, что расходы на НИОКР в США составили такую же долю ВНП, что и в Японии и Западной Германии, хотя доля гражданского сектора в последних странах, разумеется, была выше (1989: 226, в частности, см. диаграмму 6.4). Данные программы существенным образом расширили внутренний рынок для определенных отраслей промышленности, в частности, для авиакосмической промышленности, производства металлов и электроники. «В целом, военные расходы в размере 1 трлн долларов, прогнозируемые на 1985–1987 гг., как ожидалось, должны были оказать экономический эффект, сравнимый с последствиями войны во Вьетнаме в период разгара, а также обеспечить равную долю национального производства товаров длительного пользования (13%)» (*Дэвис, 1986: 55*). Ни один крупный промышленный гигант не остался в стороне.

Как и в 1950-х гг., замена промышленной политики оборонной политикой оправдывалась ее «побочными» эффектами для промышленности США в целом. Тогда у нее были противники, и, по крайней мере, по мнению некоторых из них, с тех пор дела только ухудшались. Дело было не только в том, что «узкие места» в области коммерческого применения продукции привели к еще меньшему количеству побочных выгод, чем раньше, но и в том, что сама культура военных контрактов с их «безразличием к стоимости и качеству» затрудняла интеграцию этих проектов в обычную коммерческую деятельность компаний (*Райх и Рогатин, 1984: 7*).

□ Японские доллары

Легендарный двойной дефицит периода президентства Рейгана — налогово-бюджетный дефицит, а также дефицит текущего платежного баланса — должен был финансироваться за счет притока капитала, и международ-

ная роль доллара имела критическое значение. Его движение в противоположные стороны до и после соглашения, подписанного в 1985 г. в отеле «Плаза», обнажают основные противоречия программы Рейгана. До подписания соглашения наблюдался существенный рост доллара, даже несмотря на увеличивающийся дефицит. Процентные ставки оставались на высоком, по историческим меркам, уровне даже после того, как в 1982 г. произошло их смягчение. Но они не были причиной роста доллара, поскольку жесткая денежно-кредитная политика, проводимая в других странах, удерживала разницу в процентных ставках с Соединенными Штатами на минимальном уровне. Скорее, доллар рос по причине притока капитала, вызванного «опасениями по поводу финансовой, политической и военной стабильности в мире» (в основном из-за второй холодной войны, пришедшей на смену индустриальной политики Рейгана); снижения инвестиционной привлекательности Европы из-за левых правительств (*Парбони, 1986: 10–11*); и движения капитала после шоковой терапии Волкера из стран третьего мира, которое началось с вмешательства МВФ с целью разрешения долгового кризиса третьего мира в пользу банков США путем навязывания программ структурных реформ (ПСР) странам-должникам, что означало погашение задолженностей по новым, более высоким, процентным ставкам.

Сочетание сильного доллара и растущего дефицита стало стержнем геополитической экономии начала 1980-х гг., и администрация Рейгана стремилась нормализовать и то и другое. Были исключены рыночные интервенции для ослабления доллара: «нет убедительных доказательств того, что официальное вмешательство в прошлом достигло своей цели». В любом случае рост доллара отражает «фундаментальные экономические характеристики» (ЭДП, 1982: 172–3). Дефицит торгового баланса был в центре внимания предыдущих администраций. Со своей стороны, администрация Рейгана определенно надеялась, что расходы, финансируемые за счет дефицита, оживят промышленность США. Изначально можно было ожидать, что экономический рост усилит спрос на импорт, и «эффекты этого оживления для экспорта США окажутся более продолжительными по времени». Таким образом, дефицит «просто отражает процесс корректировки в действии» (1982: 179–80).

Однако, несмотря на эти общие основания, представленность интересов старых и переживающих спад секторов промышленности США в коалиции Рейгана сделало его «наиболее протекционистски настроенным президентом за последнее время» (*Райх и Рогатин, 1984: 6*), но без открытого протекционизма или девальвации, которые могли бы оправдать ответные меры. Призывы к тому и к другому были отклонены, при этом указывалось на «временные факторы» — укрепление доллара, потерю рынков третьего мира и более высокий рост, чем у торговых партнеров США, — что и спровоцировало дефицит торгового баланса (1984: 43). Вместо этого целый ряд секторов — автомобилестроение, литье стали, литье специальной стали, производство текстиля и одежды — был защищен «добровольными» ограничениями: «Разумеется, в этих ограничениях нет ничего добровольного. Мы просто угрожаем странам-экспортерам, что введем гораздо более серьезные ограничения, если они не согласятся» (1984: 6).

В более общем плане торговый дефицит не считался поводом для беспокойства. С одной стороны, поскольку «глобальные дисбалансы счета текущих операций должны составлять в целом ноль», если бы каждая страна пыталась добиться положительного сальдо торгового баланса, то были бы запущены сильные дефляционные механизмы» (1984: 179–80). С другой стороны, торговый дефицит был «узкой концепцией», охватывающей только товары. Счет текущих операций, включающий торговлю услугами и доход от инвестиций, «лучше отражает положение дел в области международных платежей страны» (1984: 179). И неважно, что он тоже был дефицитным. Реальный вопрос заключался в том, «каким образом финансируется дефицит счета текущих операций». Положение страны в области международных платежей должно вызывать обеспокоенность только в том случае, когда дефицит счета текущих операций сопровождается «постоянным обесцениванием ее валюты на валютных рынках» (1984: 179), что указывает на трудности в финансировании. Дефицит счета текущих операций, который легко финансируется за счет притока капитала, не вызывает беспокойства. «Если иностранцы приобретают больше американских реальных и финансовых активов в Соединенных Штатах — землю, здания, акции и облигации, тогда Соединенные Штаты могут позволить себе импортировать больше товаров и услуг из-за рубежа» (1984: 181). (Разумеется, из-за сопротивления США приобретению иностранцами реальных и производительных активов США, иностранные держатели в основном ограничивались владением бумагами, деноминированными в долларах.)

Рост, демонстрируемый Соединенными Штатами в эти годы, резко контрастировал с дефляционным воздействием высоких процентных ставок на другие страны, и администрация утверждала, что это «выведет мир из рецессии» (ЭДП, 1984: 42). Таким образом, важнейший вопрос заключался в том, насколько легко, на самом деле, осуществлялось финансирование дефицита, на который опиралось финансово стимулированное восстановление при Рейгане? Ответ кроется в единой схеме торговых и финансовых потоков в начале 1980-х гг. В течение этих лет японцы фактически покупали доступ к рынкам США, финансируя дефицит США, — на это и опиралась политика восстановления при Рейгане. Неудивительно, что администрация приложила особые усилия для нормализации японского импорта. Она заявляла, что дефицит торгового баланса США был аналогом профицита ОПЕК в целом и дефицита Японии по нефтяным счетам в частности: «Япония, имея мало природных ресурсов, испытывает огромный дефицит в области торговли сырьевыми товарами, особенно нефтью, [что она] ... компенсирует ... за счет излишков в торговле с другими регионами». Таким образом, изолированное рассмотрение торговли между Японией и США вводит в заблуждение» (ЭДП, 1983: 56).

«Долговое субсидирование спроса ... способствовало "перевороту" в мировой экономике в условиях избыточных производственных мощностей и перепроизводства начиная с 1970-х гг.» (Бреннер, 1998: 181). Теперь оно было решительным образом и в массовом порядке перенаправлено из остального

мира в США. Именно в этом заключался реальный смысл идеи о том, что Соединенные Штаты являются мировым «локомотивом спроса». Соединенные Штаты стали теперь ямой, куда проваливались мировой капитал и товары, и они останутся таковой, за исключением короткого периода правления Джорджа Буша-старшего. Это явление будет последовательно финансировать бум при Рейгане, бум «глобализации» и, наконец, более скромный рост в период президентства Буша-младшего. В то время как японцы получили привилегированный доступ к рынкам США, финансируя их дефицит, развивающийся мир был закрыт. Его экспорт с более высокой стоимостью сталкивался с протекционизмом, так что масштабный экспортный импульс, который нужно было запустить, чтобы погасить раздутый долг после шоковой терапии Волкера, был ограничен продуктами с более низкой стоимостью.

Благодаря такому восстановлению прежде положительная позиция американских чистых зарубежных активов полностью поменялась в 1985 г. (ЭДП, 1989: 131). Стали появляться аргументы в целях представить это как естественное явление: якобы, все было в порядке, потому что зарубежные активы США приносили больше дохода, чем активы в США, принадлежащие иностранцам (в основном, низкодоходные ценные бумаги США). Эти аргументы будут занимать центральное место в дискуссиях, которые будут вестись в течение следующих десятилетий с целью развеять сомнения в способности доллара сохранить свою мировую роль.

Также скрывалось явное противоречие между провозглашенной Рейганом целью сокращения государственных расходов — не в последнюю очередь, потому что они «вытесняли» частные инвестиции, и бюджетным дефицитом. Администрация признала, что сокращение бюджетного дефицита «снизит реальные процентные ставки и, таким образом, позволит инвестиционному сектору более полно участвовать в восстановлении, которое в настоящее время происходит главным образом в государственном и потребительском секторах», и что это приведет к снижению курса доллара и поможет увеличить экспорт. Однако были также «затраты на сокращение бюджетного дефицита, будь то путем сокращения государственных расходов или повышения налогов» (ЭДП, 1984: 62); в любом случае высокий курс доллара компенсировал бюджетный дефицит. Он поддерживал низкую инфляцию, «сдерживал рост реальной процентной ставки» и «уменьшал степень вытеснения инвестиций» (1984: 56).

□ Разворот на 180 градусов в отеле «Плаза»

Когда видные американские бизнесмены и деловые ассоциации, естественно поддерживаемые рабочей силой, выступили за дополнительные протекционистские меры, особенно для защиты от японского импорта, а также за ослабление курса доллара, администрация Рейгана «категорически отклонила» их петиции. Председатель ФРС Пол Волкер «сказал им, что они ничего не могут поделать без изменения налогово-бюджетной политики или вмешательства в политику казначейства, а это, в свою очередь, поставило бы

под угрозу цель снижения инфляции». Конгресс, быстрее реагирующий на изменение обстановки, теперь действовал в двух направлениях: угрожал, что потребует рыночной интервенции с целью снижения курса доллара, и осуществлял нападки на торговую политику, проводимую администрацией. По сути, он «использовал торговую политику в качестве заложника ... для изменения международной денежно-кредитной политики администрации» (Хеннинг, 1994: 279–80). Капитуляция Рейгана по вопросу девальвации также ознаменовала собой интересный поворот: если до сих пор девальвация служила «терапией для переживающей спад экономики США», то к 1980-м гг. она стала «средством предотвращения протекционизма» (Парбони, 1986: 14), особенно направленного против Японии.

Высокий курс доллара был частью той платы, за которую Япония финансировала дефицит, и девальвация разрушила бы эту схему. Однако к 1985 г. дефицит США перешел черту, за которой рост доллара уже нельзя было считать устойчивым, и интерес Японии к высокому доллару уменьшился. В начале этого года центральные банки продали 11 млрд долларов, а в марте курс доллара достиг пикового значения. Опасения, что это может привести к катастрофическому обрушению, сохранялись. Такой крах привел бы к дальнейшему росту процентных ставок, вызванному рецессией. Многие центральные банки разделяли эти опасения, как и Волкер.

Мы достигли довольно неопределенного равновесия с большим дефицитом бюджета и счета текущих операций, которые в значительной степени финансировались за счет заимствований за рубежом. Два элемента в триаде — бюджетный дефицит и большой дефицит счета текущих операций — трудно поддаются изменению, но третий элемент — приток капитала — может измениться очень быстро, если доверие к доллару уменьшится... из-за страха повторного возникновения инфляции в США или изменения предпочтений переменчивых инвесторов (Волкер, 1984, цит. в: Волкер и Гетэн, 1992: 239).

Поэтому Соединенные Штаты, Соединенное Королевство, Франция, Германия и Япония в ноябре 1985 г. договорились в нью-йоркском отеле «Плаза» скоординировать падение доллара США, убедив рынок в том, что «если бы курс доллара падал слишком быстро, центральные банки крупных стран были бы готовы покупать доллары» (Парбони, 1986: 12–13).

В условиях падения курса доллара необходимой платой за такое международное сотрудничество было согласие США сократить государственные расходы. Это свело бы на нет финансово стимулированное восстановление в США, в то время как другие четыре страны взяли на себя обязательство проводить политику экспансии для стимулирования роста и спроса на экспорт из США и развивающихся стран (ЭДП, 1986: 53).

К концу 1985 г. курс доллара упал на 25% от своего пикового значения на начало года, а через год — еще на 40%. В то время как военное кейнсианство и шумпетерианизм Рейгана не помогли возродить американскую промышленность и восстановить конкурентоспособность, наступил период ослабления доллара, что привело к росту экспорта, подобно тому, как это происходило в 1970-х гг. К концу 1986 г. «рост реального валового национального продук-

та (ВНП) начал превышать рост внутреннего спроса, поскольку — впервые за 7 лет — сектор внешней торговли на постоянной основе способствовал экономическому росту в Соединенных Штатах» (ЭДП, 1988: 23). До этого момента высокие темпы роста личного потребления, расходов на жилье и государственных расходов замедлялись, тогда как темпы роста чистого экспорта, инвестиций в основной капитал и запасов, которые до сих пор отставали, ускорились (1988: 24).

По мере того как девальвация доллара обостряла конкуренцию за доли рынка между основными капиталистическими странами, вновь возникла старая модель, при которой европейские и японские центральные банки поддерживают доллар, Соединенные Штаты проявляют высокомерие и все соглашаются зафиксировать взаимную стоимость валют в соответствии с «фундаментальными экономическими характеристиками». Именно эта модель и была закреплена с помощью Луврского соглашения от 1987 г. Хотя падение курса доллара способствует уменьшению дефицита США, а рецессия даже на короткое время закрывает его в 1990 г., в 1987 г. дефицит оставался достаточно высоким, что в сочетании со все еще высоким бюджетным дефицитом оказывало давление на доллар. ФРС, в рамках политики управления контролируемым спадом, была вынуждена поддержать доллар с помощью более высоких процентных ставок. Это привело к краху фондового рынка в 1987 г.

□ Крах и пут-опцион

Подъем фондового рынка в начале 1980-х гг. стал первым в череде крупных финансовых пузырей послевоенного времени, которые поразят экономику США и мира. Он отражал реалии новой политической и геополитической экономии. Наблюдатели усматривали причины краха фондового рынка 1987 г., в частности, в психологии трейдеров, технологических изменениях и стадном поведении инвесторов. Но реальный вопрос заключался в первую очередь в том, почему и как сформировался этот пузырь. Ответ был связан с формой, которую приняло восстановление при Рейгане, и взаимодействием с входящими потоками капитала. Именно эти факторы будут задавать тон на ближайшие десятилетия.

Несмотря на то что бюджетный дефицит при Рейгане привел к «самой длительной экспансии за мирное время», он не смог оживить американскую промышленность. Вместо этого он вызвал циклический подъем и «всплеск избыточного потребления» со стороны более высокооплачиваемых слоев населения (*Грал*, 1988: 28). Рост был сосредоточен в сфере услуг, с ее низким уровнем оплаты труда и низкой продуктивностью труда, а также в финансовом секторе, который становился все более спекулятивным. Богатые радовались сокращению налогов — в четыре раза больше в процентах от ВВП, чем за годы президентства Кеннеди — Джонсона (*Дэвис*, 1986: 47). Тем временем давление, оказываемое правительством на рабочую силу, и высокий уровень безработицы влияли на заработную плату. Растущее неравенство доходов породило новую модель потребления, по мере того как на смену старым фор-

дистским массовым рынкам приходили пост-фордистские нишевые рынки. Потребление рабочего класса теперь все больше зависело от импорта из развивающихся стран, который подешевел благодаря ПСР и сильному доллару. Средний и высший классы полагались на дорогой, высокотехнологичный рынок, на котором были представлены более дорогие, более персонализированные товары и услуги — будь то дизайнерская одежда, роскошные автомобили или недвижимость.

Промышленность США не смогла восстановиться, и приток капитала, за счет которого финансировался двойной дефицит США (торговый дефицит в начале 1980-х гг. уже достиг беспрецедентных 3%) сконцентрировался в раздутом секторе финансов, страхования и недвижимости. Разумеется, капитал поступал из Японии, но также и из других стран. В начале 1980-х гг. европейские страны одна за другой отменили контроль за движением капитала, и финансовое дерегулирование набирало обороты. Особенно ярко эта тенденция проявилась «Большим шоком» в лондонском Сити в период премьерства Тэтчер, что позволило всем банкам участвовать в операциях с ценными бумагами и создавать офшорные банковские механизмы. В Соединенных Штатах также произошло определенное ограниченное дерегулирование по инициативе инвестиционных банков и небанковских финансовых учреждений — пенсионных, паевых и целевых фондов, когда они нарушили дух, если не букву, заложенного Законом Гласса-Стиголла разделения на коммерческие и инвестиционные банковские услуги путем выхода на кредитный рынок посредством «выпуска депозитных инструментов и предоставления услуг, подобных банковским» (ЭДП, 1981: 108). Это увеличило активность на рынке ценных бумаг за счет обычных банковских кредитов, и корпоративные заемщики все чаще обходили банки, удовлетворяя свои потребности в финансах на рынке коммерческих бумаг.

Хотя до тех пор, пока Алан Гринспен не станет председателем ФРС, дерегулирование, инициированное правительством, будет ограничиваться закулисными действиями с целью обновления регулирования времен депрессии и приведения его в соответствие с требованиями эпохи высоких номинальных (а теперь и реальных) процентных ставок. Очевидным было смещение в сторону дерегулирования, а не перерегулирования и повышения конкуренции в секторе. Например, законом от 1980 г. Конгресс отменил все верхние пределы процентных ставок для срочных депозитов и стер много различий между разными типами депозитных учреждений. Иностранные банки начали выходить на рынки США, увеличив свою долю в ссудах, выдаваемых коммерческим предприятиям США, с 4% в 1972 г. до 9% в 1979 г. (1981: 109). К 1980-м гг., когда институциональные инвесторы все активнее мобилизовывали сбережения, не только само различие между сбережениями и спекуляциями стало спорным, но и размер перемещаемых средств увеличивал волатильность на финансовых рынках. Дополнительно она росла в связи с тем, что крупные институциональные инвесторы получали сигналы друг от друга, увеличивая, тем самым, скорость и масштаб любого движения на финан-

совых рынках. Подобное «стадное» поведение лежит в основе серьезного краха фондового рынка в октябре 1987 г.

В результате серьезной переориентации экономики США не только вырос сектор финансов, страхования и недвижимости, но и нефинансовые корпорации подверглись усиленной финансиализации. Подобное развитие событий размыло различие между производственными предприятиями и финансовыми фирмами, так что независимые круги из производственной сферы, заинтересованные в девальвации доллара в 1985 г., вскоре перестали существовать. Если в 1980-х гг. занятость в секторе финансов, страхования и недвижимости выросла незначительно, то ее доля в ВВП выросла с примерно 16 или 17% в 1980 г. до 23% в 2000 г. и даже выше, а доля в прибыли, хотя и более нестабильная, увеличилась с 15% в 1980 г. до примерно 45% в 2000 г. (*Крипнер, 2005: 178–9*). Теперь настало время «мании слияний», и финансовые конгломераты — «диверсифицированные супер-холдинги, в которых доминировали спекулятивные финансовые стратегии (стимулируемые новыми электронными технологиями централизованного контроля)» — затмили более древнюю фордистскую и слоунскую модели вертикально интегрированной корпорации, ориентированной на массовое производство (*Дэвис, 1986: 56*). Теперь, когда даже устоявшиеся промышленные гиганты не были склонны к производственным инвестициям и все больше нуждались в ликвидности — независимо от того, являлись ли они «добычей» или «хищником» в схеме слияния — все большее число нефинансовых компаний начинает самостоятельно вкладывать средства в финансовый сектор (*Дэвис, 1986; Крипнер, 2005*).

Пузырь, раздутый на фондовом рынке, был неотъемлемой частью этой модели финансового и обусловленного финансиализацией роста, а крах был предсказуем (*Рогатин, 1987a, 1987b*). Хотя администрация Рейгана перевозносила процветающий фондовый рынок как «процветающий рынок венчурного капитала, [который] финансирует новую американскую революцию в сфере предпринимательства и технологических изменений» (ЭДП, 1985: 5), рост инвестиций в частный бизнес был намного ниже, чем в предшествующие десятилетия (*Бреннер, 1998: 193*).

После 1985 г. скоординированное снижение стоимости доллара потребовало от правительства США поддержать его за счет более высоких процентных ставок, которые (можно добавить, как ожидалось) должны были привести к рецессии (*Эванс, 1988*). Поскольку курс доллара продолжал снижаться в 1987 г., ФРС снова ужесточила денежно-кредитную политику (ЭДП, 1988: 30) и спровоцировала снижение стоимости акций, которое закончилось крахом. Хотя «откровенная паника» могла сыграть свою роль после начала активной распродажи, она была результатом «таких фундаментальных факторов, как рост процентных ставок, переоценка рынка и значительный торговый и бюджетный дефицит» (ЭДП, 1988: 40), что повысило ожидания в отношении более высоких процентных ставок в будущем (1988: 42).

Когда — вопреки широко распространенным ожиданиям — крах не привел к рецессии, администрация объяснила это недавно достигнутыми успе-

хами (1988: 40, 42). Другое популярное объяснение причины состоит в том, что Алан Гринспен, который стал председателем ФРС всего за несколько недель до краха 19 октября, обеспечил быструю ликвидность. «Пут-опцион Гринспена» — снижение процентной ставки по федеральным фондам, эффективное возвращение ликвидности на рынок и возобновление спекуляций — лег в основу последовавшего финансового кризиса и стал краеугольным камнем в структуре политики, сопряженной с рисками злоупотребления, что привело к разбуханию финансовых рынков с этого самого момента. Избежал ли фондовый рынок рецессии — вопрос спорный. Главным образом потому, что фондовый рынок не был связан с инвестициями в производство или ростом занятости.

После краха, как и после серии финансовых кризисов, встал вопрос о регулировании. Решение было принято в пользу дерегулирования и сохранило свою силу вплоть до 2008 г. Как отметил в январе Рональд Рейган в своих замечаниях к Экономическому отчету от 1988 г. для Конгресса, в 1987 г. первоочередным требованием было поддержание уверенности иностранцев и наших граждан в способности Соединенных Штатов создавать выгодные инвестиционные возможности и проводить ответственную экономическую политику. Жизнеспособность свободных и открытых рынков, полных возможностей и перспектив, служит лучшей основой для инвестиций (ЭДП, 1988: 10).

В период между 1985 и 1987 гг. пузырь на фондовом рынке помогал сохранять привлекательность доллара (по мере того, как его курс снижался), чтобы дефицит США продолжал финансироваться. После 1987 г. пут-опцион Гринспена подтолкнул доллар вниз, и вскоре потребовалось введение еще более высоких процентных ставок, чтобы не дать ему упасть ниже. Возникли вопросы о пригодности доллара в качестве мировых денег и ускорении европейской валютной интеграции.

□ Обновление?

Чтобы руководствоваться этими материалами на практике, необходимо четко понимать неубедительность движения возрожденчества, рассмотренного в предыдущей главе. В этом движении можно отметить ряд моментов. Во-первых, в то время как влиятельные силы продвигали имперское направление, Рейган не намеревался обновлять мировое лидерство США. Когда он вступил в должность, его внимание было сосредоточено на национальных экономических проблемах и опасениях относительно снижения конкурентоспособности (ЭДП, 1982: 3–10). Он утверждал, что применяет лекарства для свободного рынка в отношении экономики США: «самый важный вклад, какой только может сделать любая страна в мировое развитие, заключается в проведении разумной экономической политики у себя дома» (ЭДП, 1983: 167), основанной на «вере в превосходство рыночных решений экономических проблем и акценте на частной экономической деятельности как двигателе неинфляционного роста» (1983: 167). В то же время он фактически прибегал к военному кейнсианству и шumpетерианизму, что было прервано с подпи-

санием соглашения в отеле «Плаза». Лишь в своем последнем ЭДП от января 1989 г., когда динамика изменений в СССР и коммунистическом блоке вообще не оставляла сомнений в том, «какая из этих систем будет торжествовать» (ЭДП, 1989: 4), Рейган сделал заявку на мировое лидерство: когда я вступил в должность 8 лет назад, были широко распространены сомнения относительно способности и решимости Соединенных Штатов сохранять свое экономическое и политическое лидерство в «Свободном мире». Политические события за рубежом, казалось, демонстрировали бессилие американской власти, в то время как экономические события в стране вызывали обеспокоенность по поводу жизнеспособности нашей системы (ЭДП, 1989: 3).

И даже требуя признания за надвигающийся крах коммунизма, администрация Рейгана соглашалась, что «успешное восстановление разрушенных войной экономик и выход на международную арену многих новых стран, переживающих индустриализацию и развитие, означал пересмотр роли экономики США в мире» (1989: 105).

Рейган не возвел ни американскую экономику, ни мировую роль доллара в положение, которое бы оправдывало возрожденчество. Даже когда курс доллара падал, требовалось повышение процентных ставок для поддержания его стоимости. Бюджетный дефицит только способствовал его понижению, равно как и дефицит счета текущих операций, в отличие от прошлого периода. Тогда процентные ставки уже были высокими, их можно было обратить вспять только за счет увеличения роста и спроса за рубежом (которые должны быть столь значительными, чтобы преодолеть конкурентную слабость США) или за счет рецессии. Таким образом, трудно отрицать аргумент в пользу того, что «за счет дефицита счета текущих операций США финансировался рост расходов США, что должно было закончиться болезненным сокращением будущего потребления с целью обслуживания долга». Особенно потому, что «относительно низкие уровни сбережений и нормы инвестиций в США свидетельствуют о том, что большая часть притока иностранного капитала вместо этого отвлекается на текущее потребление» (1989: 128).

Наконец, новая чистая дебиторская позиция США означала, что уверенность в международном положении США может основываться только на сравнении Соединенных Штатов с развивающимися странами. В отличие от них «способность граждан США и правительства США выполнять свои договорные обязательства не вызывает озабоченность». Соединенные Штаты имели «самое большое совокупное богатство в мире и продолжали создавать новое богатство». В то время как некоторые опасались, что «текущее финансовое положение увеличивает соблазн для американских политиков вызывать инфляцию, снижая реальную ценность для иностранцев их долларовых требований», а другие полагали, что это «подорывает лидерство США в мировой экономике», ни один вариант не был «обязательным следствием чистой дебиторской позиции» (ЭДП, 1989, 107, выделение добавлено). Новая администрация Джорджа Буша-старшего могла лишь надеяться, что ее политика «неинфляционного роста» каким-то образом поможет сохранить мировые позиции США и доллара. Но этого не произойдет.

НАЦИЯ, БЕЗ КОТОРОЙ МОЖНО ОБОЙТИСЬ, И КОНЕЦ ИСТОРИИ

Администрация Рейгана уравнивала мрачные экономические реалии, которые должна была изложить в своем последнем экономическом докладе, оптимистичными прогнозами ежегодного роста в размере 3,2 и 3,3% в начале 1990-х гг. (ЭДП, 1989: 284). Фактический рост в среднем составлял 2% в период с 1990 по 1993 гг., при рецессии и 0% роста в 1991 г. В идеологическом плане Буш был клоном Рейгана, но был вынужден проводить политику сдерживания экономического роста: сокращал государственный дефицит и наращивал уровень сбережений, чтобы предотвратить дальнейшее падение доллара, в надежде, что более низкий курс доллара стимулирует экспортную активность.

Спад 1990–1991 гг. был вызван повышением цен на нефть после вторжения Ирака в Кувейт и войны в Персидском заливе во главе с США. Хотя цены после этого довольно быстро понизились, и спад был непродолжительным, восстановление оставалось вялым. Администрация Буша-старшего обвинила в этом высокие процентные ставки, которые были необходимы для поддержания курса доллара в начале 1988 г. В конце 1989 г. они снова были ослаблены. Несмотря на это, замедление роста по всему миру относили на счет сокращения государственных расходов и «запоздалых последствий» жесткой денежно-кредитной политики (ЭДП, 1990: 55) в сочетании с повышенным спросом на капитал в других местах, особенно в Восточной Европе, отказывавшейся от коммунизма. Несмотря на то что восстановление было вялым и сопровождалось безработицей, оно расширило торговый дефицит, финансирование которого из-за низкого курса доллара было затруднено.

Нарастала и обеспокоенность по поводу производительности и конкурентоспособности США, поскольку стало очевидно, что за предыдущие десятилетия Соединенные Штаты стали «экспортером сырья, сельскохозяйственной продукции и основных товаров», «импортируя не только промышленные потребительские товары, но и средства производства» (Адамс, 1992: 157). Хотя к 1991 г. экономика технически вышла из рецессии, на практике так не казалось. Это — несмотря на то, что ФРС снижала процентные ставки 22 раза в период с 1989 по конец 1991 гг. (Вудворд, 2000: 91), и несмотря на «дивиденды мира», позволявшие сократить военный бюджет. Действительно, на период президентства Буша-старшего приходились худшие показатели роста среди всех послевоенных президентов, и «впервые после рассуждений Картера о том, что экономика Соединенных Штатов столкнулась со структурным кризисом, неуклонный спад, без преувеличения, стал очевиден среднестатистическим обывателям» (Фергюсон, 1995: 282). Так что у Рейгана было много работы, чтобы «снова сделать Америку великой».

Администрация Буша выступила с одной крупной политической инициативой — финансового дерегулирования, но она оказалась тупиковой. Ранее мы видели, как инвестиционные банки использовали преимущества ограни-

чений, предусматриваемых Законом Гласса-Стиголла в отношении коммерческих банков, «охотясь» на их территории. Когда коммерческие банки начали проявлять обеспокоенность, усилия администрации Рейгана по дерегулированию были распространены на финансовый сектор. В докладе рабочей группы по реформе финансовых услуг (Рабочая группа США, 1984; см. также: ЭДП, 1984) под председательством тогдашнего вице-президента Джорджа Буша-старшего было рекомендовано отменить Закон Гласса-Стиголла в рамках амбициозной серии предложений по дерегулированию, которые даже включали приватизацию страхования вкладов. Однако эти предложения ни к чему не привели в тот период, когда ФРС возглавлял Волкер. Лишь в 1988 г., после того, как этот известный противник дерегулирования не получил повторного назначения и ему на смену в 1987 г. пришел Алан Гринспен, могла быть принята первая попытка отменить Закон Гласса-Стиголла. Она потерпела неудачу на фоне законодательных споров (Хендриксон, 2001: 862).

В главе 8 подробно описываются попытки, которые в течение следующего десятилетия продолжали предприниматься для отмены Закона Гласса-Стиголла, вплоть до 1999 г., когда наконец был достигнут успех. Здесь мы можем отметить, что усилия администрации Буша во время его первого года на посту президента столкнулись с проблемой, связанной с началом Ссудо-сберегательного кризиса. Опасения по поводу безопасности и надежности ослабили восторженные аргументы в пользу роста эффективности и конкурентоспособности. Буш-старший покинул свой пост, повторяя о необходимости финансового дерегулирования.

Администрация Буша попыталась «сделать хорошую мину» при плохих экономических показателях. Рецессия 1990–1991 гг. «временно прервала экономический рост в Америке, [что] не свидетельствует о снижении базовой долгосрочной жизнеспособности экономики США» (ЭДП, 1991: 3), подробно перечисленными признаками которой были низкая инфляция, рост экспорта, создание рабочих мест в некоторых частях Соединенных Штатов и повышение производительности. Однако эти немногочисленные признаки лишь подчеркнули мрачные экономические реалии, и отрицание администрацией склонности к упадничеству было неубедительным. Если коротко, то приверженцы упадничества ошибаются в фактах. Америка по-прежнему имеет самую большую и сильную экономику в мире. Это не деиндустриализация и не потеря общих экономических конкурентных позиций по отношению к другим странам. Хотя Америка может улучшить свои конкурентные позиции в конкретных отраслях, она по-прежнему имеет самый высокий уровень жизни среди основных промышленно развитых стран. Но, опять же, приверженцы упадничества и авторы этого отчета сходятся в одном. Нация не может принимать продолжающийся экономический рост как должное (ЭДП, 1993: 23).

По окончании холодной войны не было ясно, являлись ли Соединенные Штаты «единственной сверхдержавой» или «державой, без которой можно обойтись». Триумфализм в отношении рыночных реформ в Восточной Европе, России и Китае был компенсирован сжатием экономических возможностей внутри страны. Некоторые задавались вопросом, стоило ли стремление

к превосходству «свечей» (*Джервис, 1993*). Мысли американцев были заняты слабостью их экономики. «Это же экономика, глупец!» — незабвенно выразился руководитель президентской кампании Клинтона Джеймс Карвилл, а консервативный комментатор Эдвард Люттвак объявил, что на смену геополитической конкуренции времен холодной войны пришла гораздо более сложная игра — «геоэкономика» (1993). Даже неоконсерватор, главный возродитель Сэмюэл Хантингтон, ограничился проникновенными призывами сохранять первенство США и одновременно найти пути преодоления препятствий, в первую очередь экономических. В частности, это включало в себя предотвращение «использования Японией открытости американской экономики» и побуждение «открыть собственную экономику для иностранных товаров, инвестиций и участия», а также принятие мер по «восстановлению здорового состояния экономики США за счет сокращения федерального дефицита, наращивания сбережений и инвестиций, увеличения производительности, содействия исследованиям и разработкам, совершенствования системы образования» (*Хантингтон, 1993: 81*).

Однако неоконсерваторы в администрации одержали все же одну судьбоносную политическую победу. Они гарантировали, что, хотя рецессия внутри страны и неостребованность за границей вынудили Джорджа Буша-старшего вести первую войну после «холодной войны», войну в Персидском заливе, с преимущественно саудовским финансированием и затасканной «коалицией согласных» (*Купер с соавт., 1991*), как мы видели в главе 5, политика безопасности США будет оставаться такой же агрессивной в военном отношении, как и прежде. Черновой вариант Руководства по оборонной политике от 1992 г. подтвердил цели сохранения Соединенными Штатами позиции «доминирующей внешней державы» на Ближнем Востоке, для сохранения «доступа США и Запада к нефти региона», для гарантии того, что никакая враждебная сила не сможет доминировать в Восточной Азии и Западной Европе — регионах, чьи ресурсы под консолидированным контролем были бы достаточны для создания глобальной мощи и активного блокирования любого возможного конкурента могуществу США (*Манн, 2004: 210*).

Это было упреждением событий. Появившийся в условиях рецессии и идущий вразрез с раздающимися в Конгрессе призывами о «дивидендах мира» этот проект документа, естественно, вызвал фурор. Хотя тон окончательной версии был более умеренным, Пол Вулфовиц, один из двух предполагаемых авторов документа (другим является Залмай Халилзад: *Манн, 2004: 209*), счел потери минимальными. Несмотря на озабоченность Конгресса, Соединенные Штаты никогда не сдавали своих военных рубежей даже после холодной войны (*Манн, 2004: 214*). Ни одна из администраций демократов во главе с Клинтон и Обамой (при том, что сами они являлись креатурами демократической партии, которая приспособилась к избирательному ландшафту, преобразованному Рейганом, как мы увидим в последующих главах) не была застрахована от неоконсервативного влияния. Даже несмотря на то, что каждая из них приходила к власти в тот период, когда требовалось радикальное переосмысление имперских амбиций США.

7 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?

«Бурные девяностые» были по-настоящему примечательным временем для Соединенных Штатов. После стагнации либо роста, обусловленного исключительно влиянием налогово-бюджетных стимулов, в течение почти двух десятилетий, прошедших с 1973 г., экономика восстановила обороты, очевидно, благодаря «новой экономике». Оказалось, это было верное решение. Инфляция и безработица снизились, фондовый рынок неуклонно рос, и «эффекты благосостояния» поддерживали беспрецедентный уровень стимулируемого кредитами потребления и роста инвестиций под ловким денежно-кредитным управлением, осуществляемым председателем ФРС «маэстро» Аланом Гринспеном. Последний экономический отчет Клинтона (ЭДП, 2001), законченный незадолго до инаугурации Джорджа Буша-младшего в январе 2001 г., фактически стал бенефисом «новой экономики», которую он завещал нации, со всей ее оригинальностью, эффективностью и удивительными результатами. Хотя уходящая администрация была настроена оптимистично, в отчете содержалось мрачное замечание: все еще очень новая, «новая экономика» достигла впечатляющего конца, когда в прошлом году рухнул фондовый рынок. Как будет ясно из этой главы, это был также конец «глобализации».

В отличие от этого в ЭДП от 2000 г. присутствовали эпические ноты. Хотя выражение «новая экономика» использовалось в нем только один раз, в нем отмечалось продолжающееся «рекордное расширение», которое восстановило экономическую жизнеспособность США. Как утверждалось, трехчастная стратегия администрации — «поддержание финансовой дисциплины, инвестирование в людей и технологии и открытие международных рынков» — привела к увеличению числа рабочих мест на 20 миллионов в период с января 1993 г.; самому низкому уровню безработицы с 1969 г.; самому низкому

уровню базовой инфляции с 1965 г.; самому низкому уровню бедности с 1979 г.; росту производительности труда, значительным доходам по всей цепочке распределения доходов; профициту федерального бюджета в течение двух лет подряд после почти трех десятилетий дефицита. Нынешняя экономическая экспансия, которая уже является самой продолжительной за всю историю мирного времени, вот-вот станет самой продолжительной за всю историю. Оптимистичные настроения, которые преобладали на заре двадцатого века, преобладают и сегодня (ЭДП, 2000: 21).

На всех парах экономика США стала моделью и двигателем геополитической экономии «глобализации». Если «Соединенные Штаты ... никогда прежде не были такими богатыми, как сегодня, то и экономическая глобализация — всемирная интеграция национальных экономик посредством торговли, потоков капитала и операционных связей между фирмами — никогда не была такой широкой и такой глубокой» (2000: 199). Глобализация движима технологиями, и Соединенные Штаты являются мировым технологическим лидером. При «президенте глобализации» (*Foreign Policy in Focus*, 2000: 19) США возглавили наиболее характерные для глобализации процессы: иностранные инвестиции, торговлю услугами и финансы. То, что они также являлись, «безусловно, самым крупным получателем чистого притока капитала в мире, который в 1998 г. составил более 200 млрд долларов» (ЭДП, 2000: 206), было упомянуто уже в другом контексте, но это вряд ли совпадение, как мы сможем убедиться.

В этой главе рассказывается о том, как глобализация стала стратегией администрации Клинтона. Скоро стало казаться, что имперские амбиции США стали ближе к реализации, чем когда-либо с 1971 г. Это был более извилистый путь, чем можно было бы представить, противопоставив внимание к экономике и мультилатерализм при Клинтоне, и милитаризм и односторонние действия на международной арене при Буше (см. главу 1). И, как оказывается, это самым непосредственным образом связано с судьбой внутренней экономики.

В ходе первой кампании Клинтона использовался термин «глобализация», чтобы выразить беспокойство по поводу конкурентных проблем, с которыми столкнулись Соединенные Штаты. Гуру экономики Роберт Райх предположил, что проблемы можно преодолеть, улучшив производительную экономику за счет увеличения государственных расходов и инвестиций в человеческий капитал страны (*Райх, 1991*) и за счет увеличения торговли с «крупными формирующимися рынками» (*Ротконф, 1998*). Это было наиболее приближено к стратегии развития гражданской промышленности, предложенной президентом при вступлении в должность. Но только после того как Клинтон вступил в должность, ее значение стало диаметрально противоположным значению, придаваемому данному термину Джозефом Стиглицем в качестве председателя Совета экономических консультантов при президенте США в годы, прошедшие после переизбрания Клинтона в 1996 г. Эта стратегия доверчиво воспроизводилась учеными и журналистами по всему миру. В ее рамках глобализация обозначала долгосрочные процессы увеличения торговых и иных потоков, особенно потоков капитала, больше не контролируемых государствами. Это изменение со-

впало с моментом, когда «новая экономика» стала важнейшим аналогом глобализации «для внутреннего пользования».

Изменение было обусловлено мощным водоворотом определенных интересов и событий — в частности, диктовалось финансовым сектором, игравшим решающую роль в избрании Клинтона (*Фергюсон, 1995: 298–305*). Политика, которую предусматривала глобализация по Стиглицу, сделала экономику США «глубоко искаженной и нестабильной», с «беспрецедентно высоким уровнем государственного долга и долга домохозяйств, глубоким структурным дефицитом платежного баланса и зависимостью делового цикла от раздутых цен на активы». Она также «глубоко зависела от способности финансовых рынков Уолл-стрит поддерживать огромные внутренние потоки финансов, поступающие со всего мира» (*Гоуэн, 1999а: 123*). Было три ключевых поворотных момента. Обещания предвыборной кампании о затратах были принесены в жертву задаче сокращения дефицита еще до инаугурации Клинтона в январе 1993 г. Так называемое Обратное соглашение «Плаза» от 1995 г. резко изменило десятилетнюю тенденцию понижения курса доллара. Федеральный резерв при Алане Гринспене повысил процентные ставки, сославшись на инфляционные угрозы, поскольку производственная деятельность оживилась. Он оставит их на относительно высоком плато до конца 1999 г., за исключением увеличения на четверть пункта.

Эти изменения резко прервали первое оживление производства, наметившееся было в Соединенных Штатах благодаря устойчивому курсу доллара, в условиях продолжительного спада. Теперь экономика США вновь развернулась к финансовому сектору, в частности, к потреблению, основанному на кредитах, и инвестициям, основанным на кредитах, которые будут в значительной степени определять перераспределение капитала вплоть до конца десятилетия. Разумные сомнения в отношении этой модели роста были подавлены заявлениями о том, что итоговый рост фондового рынка знаменует собой «новую экономику» и полученная экономическая мудрость была проигнорирована. Уровень безработицы с неизменной инфляцией (УБНИ) снизился, как утверждалось, поскольку инфляция и безработица снижались вместе, тогда как до сих пор они либо росли вместе, как в 1970-х гг., либо двигались в противоположных направлениях, как в 1960-х и 1980-х гг. Председатель ФРС поддержал неподвластное гравитации восходящее движение на рынке ценных бумаг в своей речи, причиной которого называлось «чудо скрытой производительности». При этом остались незамеченными, как и предполагалось, его одиночные и мимолетные предупреждения об «иррациональном изобилии» в декабре 1996 г. Действительно, финансовые рынки славились своей эффективностью, невзирая на многочисленные финансовые кризисы десятилетия, включая масштабный кризис в Восточной Азии 1998 г. С учетом того что государственные расходы и дефицит уже были исключены в качестве вариантов экономической политики из-за обещаний финансовой честности рынку облигаций, их теперь критиковали за «вытеснение» частных инвестиций. ФРС и рынки облигаций стали арбитрами экономической судьбы США, чего никогда прежде не было.

В следующем разделе рассматривается происхождение трех важнейших сдвигов в политике, а затем обсуждается изменение в понимании глобализации времен второго срока Клинтона. Последующая конфигурация экономики США и ее отношений с остальной мировой экономикой включает два периода: период с 1995 по 1997/8 гг., когда разразился Азиатский кризис, и последующий период. Именно он лаконично представил ту особенную геополитическую экономию глобализации в ее наиболее полной форме, когда мир казался готовым, даже жаждал вливать деньги в Соединенные Штаты и — что еще лучше — в фондовый рынок США, поддержанный новой экономической риторикой и практикой легких денег по Гринспену. В последнем разделе описывается обвал фондового рынка, начавшийся весной 2000 г., и оценивается попытка с помощью «глобализации» реализовать имперские амбиции США.

ВЫБОРЫ КЛИНТОНА

В начале 1990-х гг. дефляционная политика повсеместно ограничивала расширение рынка и усугубляла проблему избыточных мощностей. Каждая большая часть мировой экономики может расти только за счет других в «игре с нулевой суммой», каковой является достижение роста за счет экспорта. Как правило, экспансия происходила посредством некой гидравлической динамики, когда одна ведущая экономика или группа экономик использовала преимущества сниженных обменных курсов для осуществления экспансии, стимулируемой производством и ориентированной на экспорт, но в значительной степени за счет других, соответственно, с повышенными курсами валют (*Бреннер, 2009: 13*).

Джордж Г. У. Буш проиграл выборы 1992 г. из-за ужасающего состояния экономики. Как представляется, он также лишился поддержки со стороны бизнеса. Гринспен, назначенный Рейганом на пост председателя ФРС, и вновь назначенный Бушем как человек с ярко выраженными убеждениями в пользу свободного рынка, снижал процентные ставки на протяжении всего президентства последнего, но отказался снижать их до выборов, несмотря на более или менее открытые заявления президента (*Вудворд, 2000: 91, 94*). Технически решение «независимого» центрального банка, вероятно, отражало дистанцирование деловых кругов от Буша.

Американская экономика симулировала так неубедительно, что не только третий кандидат в президенты, отстаивавший интересы бизнеса, Росс Перо, стал самым успешным в послевоенный период, но и более того, он сделал это, стряхнув пыль с забытых в США традиций смешанного развития и промышленной политики и публично отвергнув принцип свободной торговли, который доминировал в американской государственной политике с начала «Нового курса» (*Фергюсон, 1995: 307*). Меркантилизм Перо, разумеется, сводился к отказу от имперских амбиций и мировой роли доллара. Тем време-

нем Клинтон представлял демократическую партию, которая адаптировалась к избирательной революции Рейгана и решила «конкурировать с республиканцами за средства» (1995: 292), вместо того чтобы бросить вызов Рейганомике и создать свою традиционную социальную базу на основе лучшей, более прогрессивной социальной программы. В течение 1980-х гг. в партии стала доминировать «новая демократическая» тенденция, обещавшая якобы «третий путь» между рейгановским неолиберализмом и традиционным демократическим либерализмом (Хейл, 1995). Но на самом деле, «на фоне ярких речей ... весь спектр респектабельных дискуссий в партии устремился вправо» (Фергюсон, 1995: 292).

Этот сдвиг привлек к демократам еще большее число представителей деловых кругов. При этом в 1984 г. были представлены только интересы сектора городской недвижимости, зависящего от федеральных субсидий на общественный транспорт и инфраструктуру, а также интересы финансового сектора, обеспокоенного тем, как его привилегии затронет отмена Закона Гласса-Стиголла, которую угрожал осуществить Рейган. В 1988 г. к ним присоединились высокотехнологичные и другие фирмы, озабоченные конкуренцией со стороны Японии, а в 1992 г. — субъекты, в интересах которых, «подобно основным транснациональным корпорациям, доминировавшим в коалиции Буша ... было поддержание экономики открытого мира», но в отличие от них существовала «некая непосредственная, решающая связь между ними и американским государством». Фергюсон относился к числу этих покровителей авиационных компаний, инвестиционных банков, нефтегазового, транспортного и табачного секторов (1995: 299). Эта бизнес-коалиция была «готова поддержать осторожное публичное неприятие политики невмешательства государства в экономику, потому что им нужно американское государство для работы». Они не могли «просто пойти куда-то еще, если относительный спад в Соединенных Штатах в условиях нынешней мировой экономики продолжится» (1995: 300). Было ясно, что этой коалиции не хватало компромисса по поводу имперских амбиций США, который присутствовал в жесткой промышленной политике Росса Перо. Стратегия Райха, необходимая для победы на выборах в то время, когда вопрос о конкурентоспособности был так ярко акцентирован кандидатурой Перо, разумно сосредоточилась на инвестициях в образование и навыки.

Таким образом, в 1992 г. республиканец, сторонник свободного рынка, проиграл выборы двум другим кандидатам от бизнеса, чьи программы так или иначе предусматривали государственное вмешательство в экономику и управление торговлей, основным лейтмотивом которых стало экономическое выживание, а не мировое лидерство США. Победитель пообещал повысить конкурентоспособность — «мы должны конкурировать, а не отступать» (ЭДП, 1994: 205) — с помощью «стратегии высокого уровня заработной платы» в комплексе с торговой политикой, которая будет стимулировать торговлю и более открытые рынки как внутри страны, так и за рубежом, а также с внутренней политикой, которая поможет американским компаниям оставаться мировыми лидерами в области производительности и технологий, а американским

рабочим — оставаться самыми квалифицированными и производительными в мире» (ЭДП, 1994: 206).

В новой геополитической экономике, сложившейся после окончания холодной войны, эта стратегия учитывала, что конкуренция «существенным образом ограничила рычаги влияния США». Хуже того, больше не применялся «скрытый ценник» *Rex Americana* — принцип, согласно которому «страна, зависевшая от Соединенных Штатов в плане обеспечения безопасности, также сотрудничала с Соединенными Штатами в торговой и коммерческой областях». «Теперь уменьшение необходимости иметь дело с Соединенными Штатами наносит ущерб усилиям по достижению международного консенсуса или согласованию позиций в ходе двусторонних дискуссий по торговым вопросам» (*Ротконф, 1998*). В этих обстоятельствах торговля США должна была сосредоточиться на «новых рынках, крупных и перспективных», в частности, на десяти крупных формирующихся рынках, в основном азиатских. Их доля в экспорте США почти удвоилась с 9% в 1972 г. до 17% в 1992 г., в результате чего объем торговли Соединенных Штатов с Азией на 50% превысил объем торговли с Европой (ЭДП, 1994: 211).

Новые торговые инициативы Клинтона включали Национальную экспортную стратегию, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) с крупнейшими и третьими по величине торговыми партнерами США, а также возобновление внимания к экономикам стран в рамках Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), на долю которых приходится более половины всего объема торговли США (не считая Канаду и Мексику), что на 76% больше, чем торговля между США и ЕС. Открыто признавая, что «до тех пор, пока экономики азиатских стран будут расти быстрее, чем экономика США, они будут играть все более важную роль в нашей торговле, а мы будем становиться все менее важными в их торговле», и поэтому «прошлые торговые стратегии, основанные на угрозах закрытия рынков, становятся все менее эффективными», администрация пришла к выводу о необходимости многостороннего подхода. С этой целью она удвоила усилия на уругвайском раунде переговоров (ЭДП, 1995: 3), что приведет к созданию Всемирной торговой организации (ВТО). Наконец, были согласованы концептуальные рамки американо-японского сотрудничества в целях нового экономического партнерства. К началу 1990-х гг. Япония не стремилась экспортировать продукцию в Соединенные Штаты и финансировать их дефицит, и партнерство обязывало Японию наращивать импорт, а Соединенные Штаты — сокращать дефицит (1995: 232). По итогам первых двух лет пребывания в должности Клинтон мог похвастаться тем, что «открыл больше новых торговых возможностей всего за 2 года, чем за любой аналогичный период в истории целого поколения» (1995: 3).

□ Сокращение дефицита

Пока Клинтон энергично действовал на торговом фронте, другой аспект его стратегии под авторством Райха — инвестиции в повышение производительности экономики США и рабочей силы — был отброшен еще до инаугу-

рации. Вместо этого его главным приоритетом стало сокращение дефицита. Увеличение налогов, введение законодательства, запрещающего увеличивать расходы, не подтвержденные увеличением доходов, а также другие меры к 1998 г. позволили установить контроль над федеральным дефицитом. Апокрифическая история этого переворота изображает президента-идеалиста, сталкивающегося с экономическими реалиями. Когда уходящая администрация Буша опубликовала мрачные оценки государственного долга, экономические советники объяснили Клинтону, что рынки будут плохо реагировать на отсутствие решительных и четких шагов по сокращению дефицита. Как говорят, на это Клинтон ответил «полупшепотом»: «Вы хотите сказать, что успех программы и мое переизбрание зависят от Федерального резерва и кучки чертовых торговцев облигациями?» (*Вудворд, 1994: 84*).

Однако задолго до этой встречи Гринспен убедил избранного президента в срочности сокращения дефицита и при этом подвесил «морковку» — это высвободит капитал для частных инвестиций и роста. И показал «кнут» — без надежного плана сокращения дефицита рынок облигаций будут требовать более высокой доходности (1994: 84), озвучив едва скрываемую угрозу — ФРС не будет снижать процентные ставки без такого плана. Даже до встречи с Гринспеном инвестиционные банкиры, настроенные против дефицита, поддерживали кампанию Клинтона, и Роберт Рубин, ранее работавший в Goldman Sachs, был назначен в администрацию (*Фергюсон, 1995: 276–81*).

Естественно, сокращение дефицита было преподнесено в качестве задачи, отвечающей интересам экономики в целом и производственного сектора в частности. По всей вероятности, Клинтон столкнулся с дилеммой. Дефицит может привести к усилению внутренней экспансии, но итоговое увеличение федерального долга рискует повысить процентные ставки, что в конечном счете будет сдерживать любое восстановление, а также уменьшит доступность капитала для частных инвестиций. Отчет Рейгана был поучительным. С учетом низкого уровня сбережений в США значительный бюджетный дефицит при Рейгане финансировался за счет импорта капитала. Хотя он «ограничил рост реальных процентных ставок в США ... поддерживая национальную инвестиционную ставку на довольно скромном уровне», если, не увеличивая ее (ЭДП, 1994: 27), они также увеличили дефицит счета текущих операций, что сделало Соединенные Штаты крупнейшим в мире должником и подтолкнуло процентные ставки и курс доллара вверх, «препятствуя» развитию отдельных секторов промышленности США (1994: 29). Сокращение дефицита, напротив, поможет уменьшить торговый дефицит за счет повышения ценовой конкурентоспособности американского экспорта, частично компенсируя «сдерживающий эффект от сокращения расходов и повышения налогов на внутренний спрос» (1994: 83). Кроме того, как ожидалось, это должно было позволить ослабить денежно-кредитную политику ФРС, снизить доходность облигаций, повысить стоимость акций и сократить инфляционные риски (1994: 82–4). Таким образом, не только без того робкая стратегия Клинтона по повышению конкурентоспособности была разбита, но и правительство теперь оказалось без инструментов налогово-бюджетной

политики. ФРС и «кучка чертовых торговцев облигациями», действительно, несли за это ответственность.

Дилемма сменилась ортодоксией, интригуяще переписавшей проблему, с которой столкнулся Буш, и решение которой было предложено в программе Клинтона, подготовленной Райхом. Учитывая проблему избыточных производственных мощностей и перепроизводства, с которой столкнулся индустриальный мир, а также учитывая, что программа Рейгана не смогла оживить промышленность США, безинфляционный рост был невозможен. Буш вынужден был довольствоваться низкой инфляцией и низким ростом. Хотя программа Райха помогла Клинтону победить на выборах 1992 г., влиятельные круги с Уолл-стрит не собирались допускать ее реализацию. Администрация утверждала, что обеспокоена «тремя дефицитами»: торговым и бюджетным дефицитом, а также «нехваткой средств для государственных инвестиций на критически важные национальные нужды, включая образование и обучение, транспортную и экологическую инфраструктуру» (ЭДП, 1994: 29). При этом первоначальный бюджет Клинтона предусматривал 30 млрд долларов новых расходов (*Фергюсон, 1995: 276–81*).

На новом языке и в новой интерпретации поворот к сокращению дефицита теперь преподносился как новая стратегия роста, и администрация заявляла о скорейшем успехе. С уменьшением федерального дефицита на 50 млрд долларов и принятием законодательства о заслуживающей доверия стратегии сокращения бюджета, финансовые рынки «предложили» выгоды от снижения дефицита при «резком сокращении» долгосрочных процентных ставок (ЭДП, 1994: 78). Утверждая, что это «вызвало инвестиционную экономическую экспансию, которая в прошлом году позволила создать больше рабочих мест в частном секторе, чем было создано за предыдущие четыре года» (1994: 4), и обеспечило сильный безинфляционный рост, которого не было «более чем за историю целого поколения» (1994: 19), администрация, тем не менее, преподнесла в качестве своей заслуги высокие производственные и экспортные показатели, которые были обусловлены низкими процентными ставками и низким курсом доллара. Эти две опоры роста были следующими на очереди.

□ **Опережая инфляцию**

В 1994 г. с возобновлением инфляционных опасений, связанных с ростом, ФРС предприняла серию повышений, в результате чего процентная ставка удвоилась с 3% до пикового значения в 6% в апреле 1995 г. После некоторого сокращения на фоне мексиканского кризиса, разразившегося год спустя, ставки оставались на уровне выше 5% в течение оставшейся части десятилетия. Это был достаточно высокий уровень, чтобы прервать продолжающееся восстановление производства и вернуть экономику США обратно на финансовую траекторию, заданную в 1980-х гг., с которой она временно сошла из-за низкого курса доллара.

Восстановление производства происходило в годы после подписания соглашения «Плаза», характеризовавшиеся низким курсом доллара (*Бреннер,*

1998: 202–3), а в первые годы президентства Клинтона оно приостановилось на пороге «прорыва после стагнации» (Бреннер, 2009: 19). Однако к тому моменту ФРС стала почти истерически нетерпимой к инфляции. Цитируя жалобу Милтона Фридмана о том, что ФРС всегда повышала процентные ставки слишком поздно, Гринспен настаивал на том, что «ФРС должна быть впереди игры» (Вудворд, 2000: 115) и повышать процентные ставки при простой перспективе инфляции. Когда Гринспен начал повышать ставки в 1994 г., администрация считала инфляцию «скромной и стабильной» (ЭДП, 1995: 19). Однако Гринспен настаивал, что замедление роста сейчас позволит избежать рецессии потом, а инсайдеры с Уолл-стрит в кабинете Клинтона успокоили его раздражение по поводу повышения процентных ставок в год выборов в Конгресс, сказав ему, что предотвращение рецессии запланировано на год его собственного переизбрания. Они предупредили, для пущей убедительности, что он может себе позволить казаться противником Уолл-стрит (Вудворд, 1994: 330).

Увеличение краткосрочных процентных ставок, предпринятое Гринспеном, совпало с увеличением долгосрочных ставок по государственным облигациям в странах «Большой семерки», когда Япония превратилась из основного поставщика капитала в крупного потребителя, а воссоединенная Германия и страны с переходной экономикой также увеличили спрос на капитал. Повышение ставок спровоцировало мексиканский финансовый кризис в конце 1994 г. К концу января 1995 г. потребовалась государственная финансовая помощь со стороны правительства США, поскольку на фоне замедляющегося роста американский экспорт в Мексику потерпел крах, а американские инвестиции (большая часть которых хлынула годом ранее в НАФТА после подписания соглашения) оказались под угрозой. Кризис и предоставление государственной финансовой помощи ознаменовали важные изменения в характере международных финансовых потоков и стали признаками будущих событий.

Масштабы кредитования в нефtedолларах в 1970-х гг. привели к долговому кризису и обратным потокам капитала в 1980-х гг. В то время как инвестиционные перспективы в промышленном мире все еще оставались на низком уровне, должны были возобновиться потоки капитала в развивающиеся страны, но это приняло новые формы. Вместо того чтобы принять форму кредитов, которые непосредственно подвергали кредитные учреждения риску дефолта, они приняли секьюритизированную форму инвестиций на рынках капитала в странах с формирующейся экономикой, которых убедили отменить контроль за капиталом в рамках инициативы Клинтона по «глобализации» крупных формирующихся рынков. Однако такие потоки были краткосрочными и не могли гарантировать «сопоставимое увеличение прямых инвестиций, необходимое для обеспечения экономического роста», а также для поддержания потоков капитала (Рогатин, 1994). Более того, не имея достаточных знаний о рынках, инвесторы осуществляли спекулятивные и потенциально дестабилизирующие инвестиции через хеджевые фонды и производные финансовые инструменты, провоцируя новые риски. Такие потоки «сами по себе являются отражением основного факта — значительная часть миро-

вой экономики стала слишком хрупкой и рискованной для долгосрочного выделения средств со стороны рантье из основных экономик» (Гоуэн, 1999а: 118). В Мексике, как и во многих других развивающихся странах, такие краткосрочные инвестиции взорвали пузыри активов, даже несмотря на наличие широких возможностей по осуществлению производственных инвестиций.

Гринспен снизил процентные ставки во время мексиканского кризиса, утверждая, что наблюдал свидетельства более значительного, чем ожидалось, замедления экономического роста, и это указывало на то, что он мог «переоценить» свои усилия по осуществлению «мягкой посадки» — замедлению экономического роста без рецессии (Вудворд, 2000: 149). Однако это длилось недолго, и к январю 1996 г. ставка по федеральным фондам оставалась на исторически высоком уровне в 5,2% (с учетом низкой инфляции), на котором она удерживалась вплоть до 1999 г.

□ Обратное соглашение «Плаза»

С ростом процентных ставок обеспокоенные производственными и торговыми показателями США должны были довольствоваться тем, что они не стали еще выше. Более того, в 1995 г., когда оживление производства в США достигло принципиально важной стадии, его основной движущий фактор — низкий курс доллара — был принесен в жертву в рамках Обратного соглашения «Плаза» (Бреннер, 2009: 19).

Соглашение «Плаза» рассматривается как взаимное соглашение о том, что Западная Европа и Япония будут выступать в качестве рынков для промышленности США, а Обратное соглашение «Плаза» — как ответная реакция в популярной версии «гидравлической динамики»: локальные экспансии, стимулируемые низким обменным курсом, были единственной формой роста, возможной в период продолжительного спада. Но это также подразумевало больше взаимного сотрудничества, чем его было на самом деле. Как мы видели, соглашение «Плаза» было спровоцировано сочетанием давления американских производителей и общей обеспокоенности по поводу потенциально катастрофического падения стоимости доллара. За его обратной версией стояли более эзотерические причины.

Из-за трудностей, связанных с Европейским механизмом валютных курсов (МВК), стоимость доллара выросла в начале 1990-х гг. В рамках кампании Клинтона поддерживался его рост относительно европейских валют, но при этом поддерживалась его девальвация относительно иены. Хотя после 1985 г. доля Японии в торговом дефиците США уменьшилась, он по-прежнему оставался крупнейшим двусторонним торговым дефицитом США (в отличие от значительной доли реэкспорта Японии в торговом дефиците США с другими странами Восточной Азии, чьи валюты были привязаны к доллару после подписания соглашения «Плаза»). Однако вместо девальвации относительно иены администрация Клинтона подписала Обратное соглашение «Плаза».

Администрация объяснила это вежливо: рост в Соединенных Штатах происходил быстрее, чем у их основных конкурентов, а доллар обесценился «значительнее, что многие считают оправданным с точки зрения экономических характеристик». Таким образом, министры финансов стран «Большой семерки» и управляющие центральными банками «призвали к упорядоченному изменению» этого снижения, что было осуществлено путем снижения процентных ставок в Германии и Японии и «согласованной интервенции на валютном рынке» (ЭДП, 1996: 255). Однако поворот был настолько полным и настолько вредным для производственного сектора и экспорта США, что пришлось искать более эзотерические объяснения. В одном из таких объяснений рассказывается о переговорах между министерствами финансов США и Японии по поводу организации повышения курса иены. Якобы в ходе переговоров последний предупредил: «Япония находится на пороге крупнейшего банковского кризиса, который способен непосредственно нанести урон американской экономике». Когда японские средства вернутся в страну, «американские процентные ставки, вероятно, резко возрастут, что приведет к серьезной рецессии в разгар предвыборной кампании Клинтона» (*Джудис, 1996: 23–4*). Недавний мексиканский опыт сделал министра финансов Рубина и его заместителя Саммерса восприимчивыми к подобному предупреждению. В результате вместо этого повысилась стоимость доллара.

Однако этот рассказ был лишь мелодраматическим воспроизведением более будничных принуждений. За повышение курса доллара высказывались не только инвестиционные банкиры в коалиции Клинтона, но и Япония, которая была крупным экспортером капитала в 1980-х гг., а теперь стала импортером долгосрочного капитала. «Японским компаниям нужны были все наличные деньги, на которые они могли наложить руки, чтобы поддержать функционирование производственных линий у себя в стране, в то время как их банкиры, стонущие под грузом безнадежных долгов, едва ли могли себе позволить тратить деньги за рубежом» (*Мерфи, 1996: 287*). К началу 1995 г., при более низких процентных ставках в США после мексиканской помощи, «японцы отказались от рынка долгосрочных американских государственных ценных бумаг» (*Мерфи, 1996: 287*). В этих условиях рост доллара был непременным условием для привлечения капитала из других источников в Соединенные Штаты, для финансирования различных дефицитов: торгового, бюджетного, дефицита сбережений и «третьего дефицита».

О том, почему сочетание высоких процентных ставок и высокой стоимости доллара не задушило рост, мы узнаем из следующего раздела. Достаточно сказать, что в первый срок Клинтона экономический рост оставался вялым, а когда он набрал обороты, он носил явно рейгановские черты. Публично неторгуемые секторы, например, строительство и розничная торговля, процветали за счет производства, потребление — за счет инвестиций, импорт — за счет экспорта, а финансовый сектор занимал «центральное место». Этот «по-настоящему важный сдвиг» означал де факто отказ от любой реальной попытки со стороны США противостоять еще более мощной конкуренции со стороны Восточной Азии, в основном со стороны Китая. Вместо интегри-

рованного международного производства посредством цепочек поставок, прямых иностранных инвестиций и релокации промышленных объектов для снижения уровня заработной платы, не в последнюю очередь, в Китай, происходило проникновение «индустрии» финансовых услуг США во все уголки мировой экономики (Бреннер, 2009: 19).

Высокий курс доллара был последним из трех строительных блоков геополитической экономики глобализации, носящей преимущественно финансовый характер, в качестве отличительной экономической стратегии США. Теперь была подготовлена почва для перехода от первоначального тревожного смысла глобализации к ее более эйфорической версии по Стиглицу. В рамках этой версии цель изобразить глобализацию как всеобщий экономический процесс включала в себя две составляющие: обеспечить соблюдение другими правительствами этой стратегии США и выдать это за приспособление к якобы глобальным, неустойчивым и необратимым процессам, а не за подчинение желаниям США. В этом данная стратегия была похожа на другие космополитические идеологии, в частности, на теорию свободной торговли и теорию стабильности гегемонии (ТСГ).

ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПО РАЙХУ К ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПО СТИГЛИЦУ

Хотя Райх до 1997 г. и занимал пост министра труда, его взгляды на глобализацию были отвергнуты в результате трех судьбоносных решений администрации задолго до этого. Новый смысл глобализации, широко подхваченный журналистами и учеными, и, вероятно, наиболее широко принятый в академической сфере, был полнее всего раскрыт в ЭДП от 1997 г. Доклад вышел через пару месяцев после переизбрания Клинтона. Джозеф Стиглиц был председателем Совета экономических консультантов при президенте США.

Вместо стратегии, направленной на обеспечение роста и конкурентоспособности, главной целью администрации было провозглашено сокращение дефицита. Именно оно рассматривалось в качестве краеугольного камня комплексной программы, призванной «обеспечить расширение и стимулировать долгосрочный экономический рост ... обратить вспять тенденцию к росту неравенства ... уменьшить федеральные заимствования и сократить торговый дефицит ... больше инвестировать как в частный, так и в государственный капитал ... и укреплять наши человеческие ресурсы» (ЭДП, 1994: 30). Выбор Клинтона также превратил стимулирование торговли из средства возрождения конкурентоспособности США в нечто противоположное. В отсутствие необходимых внутренних инвестиций новый виток развития многосторонней торговли мог лишь оставить американскую промышленность беззащитной перед лицом усиливающейся конкуренции. Администрация Клинтона была исключительно энергичной на торговом фронте с раннего этапа: возобновила зашедшие в тупик переговоры по ГАТТ, в результате чего была учре-

ждена ВТО с 1 января 1995 г., снизила тарифы, вовлекла новых участников, в частности развивающиеся страны, расширила свою сферу деятельности и охватила такие секторы (например, сельское хозяйство, торговлю услугами, в частности финансовыми услугами, права интеллектуальной собственности), в которых Соединенные Штаты были ведущим экспортером и значение которых для торговли США возрастало. В рамках нового понимания глобализации ВТО на короткое время стала ее флагманским институтом. Якобы наднациональный и глобальный, в отличие от просто международного и многостороннего ГАТТ, этот институт рассматривали как провозвестник предстоящих событий вплоть до первого раунда переговоров по вопросам развития в Дохе лишь несколькими годами позже, которые увязли в политических спорах. Этого следовало ожидать. В 1995 г. администрация Клинтона подчеркнула границы своего глобализма и наднационализма, хотя бы с тем, чтобы развеять опасения по поводу того, что ВТО уменьшает суверенитет США (ЭДП, 1995: 213).

□ Экономика, построенная Клинтонем

В год переизбрания Клинтона администрация могла похвастаться безинфляционным ростом, который, как ожидалось, «будет продолжаться в обозримом будущем» (ЭДП, 1996: 42), при условии осуществления двух изменений. Первое заключалось в «дальновидном реагировании финансовых рынков ... снижающих долгосрочные процентные ставки в ожидании сокращения дефицита», с тем чтобы стимулировались инвестиции для компенсации сокращения бюджетных расходов и поддержки восстановления (1996: 71). Во-вторых, выражалась надежда на «адаптивную денежно-кредитную политику, [которая] сможет обосновать реакцию рынка и усилить его положительное влияние на краткосрочный рост» (1996: 69). Отменив большую часть запланированных инвестиций в производительную экономику и рабочую силу и ограничив развитие промышленности высоким курсом доллара, администрация только и могла, что ждать, пока рынки облигаций и ФРС снизят доходность облигаций и процентные ставки, соответственно. И это все, что она могла сделать для производительной экономики в новых условиях.

Администрация Клинтона теперь вернулась к беспечности Рейгана по поводу дефицита торгового баланса и счета текущих операций, добавив к этому некоторую долю самонадеянности и хвастовства. Привычка экономики США поглощать импорт по мере его роста была уже не болезнью, поддающейся лечению, и даже не условием, которое нужно принять, а признаком экономического благополучия: поскольку торговый дефицит увеличивался по мере экономического роста и уменьшался по мере экономического ослабления, «постольку и увеличение торгового дефицита обычно является результатом экономической мощи, а не причиной экономической слабости» (1996: 252). Несмотря на весь энтузиазм по поводу свободного рынка, администрация Рейгана оставалась национальной, и она, по крайней мере, на словах высказывалась за сокращение дефицита торгового баланса и счета теку-

щих операций. Теперь эти факторы стали параметрами выработки экономической политики в рамках нового дискурса, характеризуемого экономическим космополитизмом. Способность США осуществлять заимствования за рубежом стала принципиально важна для поддержания внутренних инвестиций и роста в течение последних 15 лет. Если бы США были вынуждены поддерживать баланс счета текущих операций, то процентные ставки были бы выше, а инвестиции и экономический рост — ниже (ЭДП, 1996: 258).

Торговая политика может «оказывать существенное влияние только на отраслевую и географическую структуру торговли». Это не могло существенным образом изменить торговый баланс, который «определялся более крупными макроэкономическими факторами», в частности «дисбалансом между национальными сбережениями и национальными инвестициями», который не обязательно «указывает на плохие экономические показатели» (1996: 250–1). Дело в том, что с низким уровнем сбережений, унаследованным от эпохи Рейгана, было невозможно полностью справиться одними только политическими мерами: «все, что могло бы стимулировать сбережения за счет повышения отдачи от них, также уменьшало бы объем сбережений, необходимый для удовлетворения будущих целей богатства или потребления» (1996: 259). Следовательно, «продолжающееся сокращение дефицита федерального бюджета является наиболее эффективным инструментом сокращения нашего внешнего дефицита» (1996: 259). Теперь риторика администрации смиренно отражала перехват Федеральной резервной системой и рынками облигаций правительственной повестки.

□ Гегемония посредством глобализации

ЭДП от 1997 г. стремился определить «наследие, которое надеется оставить администрация», излагая «новое видение» (ЭДП, 1997: 17–19). В критической главе, посвященной Соединенным Штатам и мировой экономике и озаглавленной «Американское лидерство в условиях формирующейся глобальной экономики», ставилась под сомнение послевоенная концепция, согласно которой Соединенные Штаты являются державой, без которой можно обойтись, и возрождалась тематика лидерства США в русле ТСГ. Глобализация заложила общие концептуальные рамки такого возрождения.

Левоцентристский экономист, ставивший под сомнение догму о свободном рынке, по крайней мере в ее крайних версиях (*Стиглиц с соавт., 1989*), Стиглиц обратился к идее «третьего пути» социальной демократии, связанной с такими европейскими социал-демократическими лидерами, как Блэр и Шредер, и такими интеллектуалами, как британский гуру «третьего пути» Энтони Гидденс (1994). Они утверждали, что объединяют «философский консерватизм» с левыми ценностями, делая прорыночные взгляды социал-демократическими, смягчая их антиэтатистскую направленность. Особенно полезно было оправдать государственное вмешательство в экономику в пользу капитала. Подчеркивая «важную, но ограниченную роль правительства», они полагали, что «свободные рынки часто не работают должным образом, но правительство

не всегда может справиться с ограничениями рынков» (Стиглиц, 2001). Мы должны предположить, что представленное в ЭДП от 1997 г. видение глобализации было порождено администрацией Клинтона: в отличие от Райха, ни Стиглиц, председатель Совета экономических консультантов при президенте США, ни два других его члена, ранее ничего не писали по поводу глобализации. Книги Стиглица на эту тему появятся позже (в первую очередь, Стиглиц, 2002).

Согласно ЭДП от 1997 г., глобализация была несомненным благом и ареной для осуществления лидерства США, а также для реализации их продукции. Вслед за Киндлбергером в ЭДП говорилось о «трагической ошибке Соединенных Штатов, которую они совершили, отказавшись от участия в международных делах» после Первой мировой войны, а также о том, как эта ошибка была исправлена после Второй мировой войны, когда Соединенные Штаты «возглавили экономическое партнерство» с другими передовыми промышленными державами, содействовали деколонизации и развитию (ЭДП, 1997: 235). В новой эре пришло время возобновить лидерство США. Холодная война закончилась, некоторые части развивающегося мира стали промышленно развитыми, особенно Восточная и Юго-Восточная Азия, и «глобализация усилилась». Последнее касалось не только роста торговли, обусловленного технологическим развитием, а также развитием международных институтов, в частности ВТО, но и — что особенно важно — «растущей открытостью развивающихся стран» для торговых и инвестиционных потоков, не в последнюю очередь благодаря политике структурной корректировки (1997: 237–48). Видение, изложенное в ЭДП от 1997 г. не было настолько социал-демократическим, чтобы осуждать моральную и человеческую катастрофу, связанную со структурной корректировкой. Вместо этого ПСР считались необходимой подготовкой к глобализации.

Хотя некоторые, возможно, и полагали, что в эпоху после окончания холодной войны в лидерстве США больше нет необходимости, в ЭДП утверждалось, что «Соединенные Штаты и другие страны продолжают извлекать выгоду из лидерства США в сфере международной экономической политики» (1997: 235–6). И если это могло показаться слишком альтруистичным для внутренней аудитории, то ЭДП от 1997 г. заверяла, что «краеугольным камнем экономической политики нынешней администрации является способность Соединенных Штатов извлекать выгоду из... глобальных изменений» (1997: 248).

Несмотря на то что глобализация, согласно широко распространенному мнению, понималась как торговля, в ЭДП от 1997 г. она была строго подчинена финансовой сфере. «Защитники свободной торговли» оказывали ей медвежью услугу, продвигая ее как способ создания большего количества рабочих мест или сокращения торгового дефицита в двусторонних отношениях. Рабочие места, уровень безработицы и общий платежный баланс в конечном счете являются следствием макроэкономической политики, а не торговых барьеров. В экономике с полной занятостью торговля больше влияет на распределение рабочих мест, чем на их количество (ЭДП, 1997: 21).

В ЭДП от 1997 г. не уточнялось влияние торговли на экономику с безработицей или плохими формами занятости, каковой была экономика США.

Но, возможно, это не имело значения. Торговля отныне не имела большого значения, как и продвижение экспорта, разумеется.

Летописец стратегии продвижения торговли с крупными формирующимися рынками на раннем сроке президентства Клинтона не мог придумать лучшего объяснения тому, почему администрация Клинтона прекратила продвигать торговлю, кроме как отнеся это на счет преждевременной смерти министра торговли Рона Брауна, ошибочных нападков со стороны Конгресса и того факта, что после 1997 г. некоторые крупные формирующиеся рынки, «например, Индонезия, Корея, Китай и Мексика [стали] еще более уязвимыми в экономическом отношении и (или) чувствительными в политическом» (Роткопф, 1998). В действительности, продвижение торговли пало жертвой изменения взглядов администрации на дефицит торгового баланса, согласен которым он «финансировал рост инвестиций в США, особенно в производственное оборудование», и поэтому можно было ожидать, что он «будет создавать ресурсы, необходимые для погашения наших чистых заимствований из остального мира» (ЭДП, 1997: 252).

Поэтому потоки капитала превосходили объемы торговли. И это касалось не только тех потоков, которые финансировали дефицит счета текущих операций США, но и прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Это давало торговые преимущества. Отток ПИИ из США увеличил экспорт США, «и в виде вклада в зарубежное производство, и в качестве потребительских товаров для удовлетворения внешнего спроса», что дало «американским компаниям опору на зарубежных рынках, с которых они могли дальше расширять продажи, в том числе, за счет «инвестиций в дистрибуцию и другие важные услуги», а также за счет внутрифирменной торговли, которая «может служить эффективным средством международной торговли, особенно когда есть проблемы с несовершенной информацией» (ЭДП, 1997).

Точно так же, как содержащиеся в ЭДП от 1997 г. общие замечания о выгодах торговли (а замечаний о достоинствах ВТО было предсказуемо много) были направлены на то, чтобы развеять страхи по поводу торгового дефицита и помочь действительно увидеть его неоценимые достоинства для экономики США, замечания о свободных потоках капитала, на самом деле, были призваны оправдать критические притоки капитала в Соединенные Штаты. Общий аргумент о том, что глобализация будет взаимовыгодной для всех стран-участниц, основывался на самых тривиальных, наивных представлениях неоклассической экономики: «Практически все экономисты сходятся в том, что международная торговля и экономическая интеграция повышают общий уровень жизни жителей США, а также увеличивают экономическое благосостояние в других странах». Но в основе лежит более специфический аргумент: «Капитал достается тем, кто лучше всего может его использовать продуктивным способом, и поставщики этого капитала получают более высокую прибыль при заданном уровне риска, чем они могли бы получить в другом месте» (1997: 252).

Как и в случае с ТСГ, концепция глобализации, изложенная в ЭДП от 1997 г., не была чисто экономической: правительства играли центральную

роль в национальной экономике — «в обеспечении экономического роста, повышении уровня жизни, защите окружающей среды и повышении безопасности во всех ее аспектах. Более того, если рынок будет предоставлен сам себе, он, как правило, будет производить недостаточное количество общественных благ ... [и] это служит обоснованием для осуществления правительством действий по обеспечению общественных благ. Точно так же, как в ТСГ, в ЭДП от 1997 г. правительству ведущей экономики тоже отводилось центральное место в обеспечении «международных общественных благ» (1997: 266). Итак, хотя пресловутый мультилатерализм придал глобализации благожелательный образ, основанный на широком участии, ее реальная цель состояла в том, чтобы возвести в добродетель уменьшившуюся мощь США и завуалировать ведущую роль, которую Соединенные Штаты, тем не менее, стремились играть в обеспечении того, чтобы «глобальные» правила и институты дополняли своеобразную геополитическую экономию.

□ **Война как общественное благо**

В ЭДП от 1997 г., разумеется, не обсуждались военные вопросы. Тем не менее в нем содержалось обсуждение экономической войны, которое задавало рамки для дискуссии о глобализации в более общем плане. Для глобализации требовалась «международная среда, в которой страны действуют мирно и уважают международный порядок». На протяжении двадцатого века Соединенные Штаты «возглавляли мировые усилия по созданию такой среды», в которой «помимо военных и дипломатических усилий применяются также и экономические средства». Главными среди них были экономические санкции. Хотя некоторые считали их «несколько тупым инструментом», они были «единственным доступным инструментом, направленным против стран, угрожающих международной стабильности». Санкции являлись не только «экономическим средством достижения мира и порядка ... особенно когда ситуация требует чего-то более действенного, чем дипломатический протест, но менее сильного, чем военное участие», но и «общественным благом [которое] обычно тем эффективнее, чем больше стран участвуют в его имплементации» (ЭДП, 1997: 275–6).

Это понимание дословно применимо ко всему спектру военных действий, а не только к экономическим, проводимым глобализирующейся администрацией Клинтона для защиты «глобальной» экономики, ориентированной на США и Уолл-стрит. Ее войны были названы «гуманитарными интервенциями», украшены знаменами демократии и прав человека. Хотя «многосторонняя» и «экономическая» глобализация и «односторонняя» и «милитаристская» империя легко противопоставляются, Клинтон просто осуществлял военную стратегию после холодной войны, как то предписывало неоконсервативное Руководство по оборонной политике от 1992 г.

К 1997 г. неоконсерваторы объединились вокруг Проекта нового американского века (ПНАВ), настаивая на проведении «неорейганистской внешней политики» (Кристалл и Каган, 1996), включающей увеличение расходов

на оборону, укрепление альянсов и вызовы враждебным режимам и в целом «сохранение и расширение международного порядка, дружественного по отношению к нашей безопасности, нашему процветанию и нашим принципам» (ПНАВ, 2006). Демократы не смогли придумать «какого-либо четкого альтернативного видения американской стратегии, которое бы отвергло видение, представленное в [РОП] 1992 г.», и взгляд госсекретаря Мадлен Олбрайт на «роль Америки в мире ... который существенно не отличался от идеи о том, что Соединенные Штаты являются единственной сверхдержавой» (Манн, 2004: 214–15).

Администрация Клинтона открыла свой военный счет, осуществив разрушительную интервенцию в Сомали в 1993 г. («Падение «Черного ястреба»), когда американские силы впервые столкнулись с объединенным вооруженным и гражданским сопротивлением. После этого администрация «дистанцировалась от ООН и концепции коллективной безопасности» и «произвела широкомасштабное военное вторжение в Косово без одобрения ООН» (2004: 214–15), чтобы предотвратить самостоятельные действия европейских держав, в частности Германии, в мире времен окончания холодной войны. Реальные жертвы этой операции были не более чем побочным ущербом (Гоуэн, 1999b). В этом смысле дискурс глобализации, который возлагает на Соединенные Штаты «ответственность» за обеспечение якобы универсальной и выгодной для всех глобализации по всему миру, также является односторонним снятием с себя обязательства соблюдать международные протоколы.

Администрация Клинтона предвосхитила одержимость администрации Буша-младшего Ираком. Поскольку американские войска постоянно размещались в Саудовской Аравии после войны в Ираке 1991 г., «двойное сдерживание» Ирана и Ирака осуществлялось совершенно иным способом. После опыта, полученного в Сомали, от выполнения обязательств перед войсками в основном уклонились. Сдерживание Ирана предусматривало его экономическую и дипломатическую изоляцию, тогда как сдерживание Ирака означало, в дополнение к экономической войне, с ее многочисленными жертвами, еще и поддержание драконовских санкций в комплексе с беспощадными и смертоносными бомбардировками (Али, 2000: 6–7).

Кампания бомбардировок в Ираке представляла собой просто более решительный способ достижения все тех же целей глобализации. Когда казалось, что это лишь укрепляет власть Саддама Хусейна, и когда неоконсерваторы призывали к полномасштабному военному вторжению (Абрамс с соавт., 1998), Клинтон оформил в виде закона и подписал Акт об освобождении Ирака, который предписывал правительству США сменить режим в Ираке во имя демократии и прав человека, ввиду опасности, которую представляет оружие массового поражения, якобы имеющееся у Ирака. Таким образом, уже при «президенте — поборнике глобализации» американцы привыкли к войнам, ведущимся от их имени, не требующим жертв и даже приносящим процветание без необходимости повышать конкурентоспособность. Казалось, что отстаивание американского образа жизни и свободы, в основном свободы потребления, и главным образом потребления нефти, по-видимому, без ограничений,

зависело от войн в отдаленных местах, которые велись с задействованием передовых технологий, заставляли непокорных туземцев и диктаторов повиноваться (Бацевич, 2008: 58).

Таким образом, уже при Клинтоне было принято неоконсервативное мнение о том, что Хусейн «наносил оскорбление американской гегемонии в Персидском заливе», а его устранение являлось «необходимой корректировкой» (2008: 58). Бушу-младшему понадобится только сигнал 11 сентября, чтобы начать войну в Ираке, на сей раз с обязательствами по вводу войск.

Проанализировав изменение смысла, вкладываемого в понятие глобализации, которое произошло в ходе второго срока Клинтона, пришло время исследовать возникновение фактической и весьма своеобразной геополитической экономики глобализации. До подписания Обратного соглашения «Плаза» рост был обусловлен возрождением промышленности благодаря снижению курса доллара. Когда после 1995 г. рост ускорился, он приобрел ярко выраженную финансовую и глобальную структуру и прошел две отчетливых стадии. На первой стадии, хотя капитал направлялся на фондовый рынок США, он также поступал в разные страны с формирующейся экономикой. Вторая стадия началась непосредственно после Азиатского кризиса 1997 г. В рамках этой стадии деньги поступали главным образом в Соединенные Штаты и на их фондовые рынки, став критически важным фактором очень превратно толкуемой новой экономики.

ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ФИНАНСЫ

Расширение секьюритизированных форм международного кредитования в 1990-х гг. уже вызвало валютные кризисы в Швеции и Соединенном Королевстве в начале 1990-х гг. Активность и масштабы этих форм кредитования были расширены из-за стремления администрации Клинтона в рамках усилий по глобализации повысить контроль над капиталом по всему миру, особенно в крупных странах с формирующейся экономикой. Однако финансовые институты, инвестирующие в эти финансовые рынки, были с ними незнакомы, и краткосрочность портфельных инвестиций означала, что они вряд ли будут продуктивными. Все, к чему они могли привести, — это взорвать пузыри активов. Азиатский кризис разразился именно в тот момент, когда Обратное соглашение «Плаза» нанесло запоздалый урон экспорту стран с формирующейся экономикой, привязавших свои валюты к доллару.

Основные объяснения, которые фокусировались на характере затронутых экономик — нереструктурированных финансовых системах, «клановом капитализме» и «несостоятельных фундаментальных характеристиках», не вызывали большого доверия. Частные кредиторы и Международный валютный фонд (МВФ) считали эти страны кредитоспособными даже после девальвации в Таиланде в июне 1997 г. И какими бы ни были их недостатки, структурно эти экономики не изменились в преддверии кризиса. Та скорость, с которой кризис охватил такие очень разные экономики, как Таиланд, Индонезия и Юж-

ная Корея, указала на то, что этот кризис не имел ничего общего с фундаментальными характеристиками или фактами (*Багчи, 1998: 1038*). Инвесторы просто мало знали о главных источниках роста в регионе, игнорировали влияние фактора, о котором они знали, — рост курса доллара, а также игнорировали собственные благоразумные ограничения на кредитование компаний с высоким соотношением заемного и собственного капитала, потому что все остальные игнорировали данные ограничения, и каждый хотел заполучить клиентов. Международные банкиры имеют мощный импульс следовать за стадом, потому что банкир, который не зарабатывает деньги там, где делают это другие, рискует предстать некомпетентным, но он не страдает от убытков, когда все остальные тоже в убытке (*Уэйд и Венерозо, 1998а: 9*).

Данная конкурентная логика работала во время других кризисов, и будет продолжать действовать вплоть до крупного кризиса 2008 г.

Только после того как девальвация в Таиланде привлекла внимание к запоздалым последствиям роста курса доллара, а хеджевые фонды отреагировали беспорядочной продажей региональных валют, институциональные инвесторы стали стадно отзываться старые кредиты и отменять новые, создавая масштабный кризис ликвидности, в то время как резкое падение курсов валют раздувало долг (*Гоуэн, 1999а: 103*). Первая реакция администрации Клинтона была направлена на сохранение открытости этих и других стран, чтобы они не замкнулись в себе, не закрылись для потоков капитала.

Для их экономического благосостояния, как и для нашего, важно, чтобы они продолжали двигаться в направлении рыночной системы, ориентированной на внешние рынки, — по пути, на котором они до недавнего времени добивались столь впечатляющего прогресса. Это потребует сложных макроэкономических и структурных корректировок с их стороны, в том числе снижения их зависимости от внешних заимствований (*ЭДП, 1998: 41*).

Поскольку это будет означать превращение торгового дефицита этих стран в профицит, что «неизбежно приведет к увеличению двустороннего торгового дефицита США», важно помнить, что «такой дефицит не является надежным показателем успеха или провала торговой политики США» (1998: 41).

Японские предложения по оказанию государственной финансовой помощи, которая помогла бы поддержать развитие в затронутых кризисом странах, были успешно отклонены. Вместо этого помощь со стороны США и МВФ была направлена на дальнейшую «трансформацию экономических систем, которые лучше всего описываются как поддерживаемые государством капиталистические формации, в сторону свободного рынка» (*Белло, 1998: 434*). В свою очередь, это дало американским корпорациям возможность «приобретать активы по крайне низким ценам» (*Чандрашехар, 2007*), поскольку американский капитал особенно стремился скупить проблемные азиатские компании. По-видимому, эти действия США в стремлении к глобализации были настолько эффективны, что, по крайней мере, один автор, писавший о государственном развитии в двадцатом веке, Брюс Камингс, объявил об окончании «запоздалого» (т.е. соперничающего) развития, некогда представлявшего потенциальный вызов экономическому и политическому доминированию

США. В его помпезном изложении США, разобравшись с фашизмом и коммунизмом, теперь «разрушают — если не стирают с лица Земли — внушительную альтернативную систему, японо-корейскую модель управляемого государством нео-меркантилизма; модель, которая оказалась уязвима в рамках послевоенного регионального порядка» (Камингс, 1998).

Безусловно, это было наиболее впечатляющим проявлением мощи США в мире за обозримое время, однако суждение Камингса окажется преждевременным. Хотя Питер Гоуэн также считал успешной трансформацию «внутренних производственных отношений в социуме» (1999а: 108) в странах, пострадавших в результате кризиса от действий Соединенных Штатов и МВФ, он не упускал из виду противоречий. Действительно, международная финансовая либерализация увеличила «влияние американского государства на международные экономические дела» и расширила его «политические возможности манипулировать мировой экономикой с целью извлечения экономических преимуществ». Но она также «привела к глубокому искажению самой экономики США, сделав ее гораздо более уязвимой, чем когда-либо прежде, по отношению к силам, которые она не способна полностью контролировать» (1999а: 123). Структура власти и действий США после кризиса была в целом неустойчивой, хотя бы потому, что экономика США зависит не только от постоянно воспроизводимой международной денежно-кредитной и финансовой турбулентности ... Вашингтон оказывается в замкнутом круге противоречий: внутренняя экономика США зависит от дел на Уолл-стрит, а те, в свою очередь, зависят от хаотической нестабильности в финансовых системах «формирующихся рынков»; в то же самое время внутренняя экономика США зависит от экономического роста в странах с «формирующимся рынком», способных поглощать американскую продукцию и создавать значительные потоки прибыли для американских компаний, ведущих деятельность в этих странах (Гоуэн, 1999а: 124).

Данная модель, по сути, была неустойчивой. Зависимость США от роста формирующихся экономик более или менее закончилась вместе с азиатским кризисом, и возникла новая финансовая зависимость. Кризис, как отметил Гоуэн, обеспечил долгожданный импульс для финансового рынка США и, таким образом, для их внутренней экономики. Можно было ожидать, что огромные средства хлынут на финансовые рынки США, удешевив стоимость кредитов, стимулировав фондовый рынок и ускорив экономический рост внутри страны (Гоуэн, 1999а: 104–5).

Так и произошло. После 1997 г. потоки капитала, в обход финансовых рынков стран с формирующейся рыночной экономикой, устремились непосредственно на растущие американские рынки акций и облигаций. Несмотря на то что на фондовом рынке США произошел резкий обвал в связи с началом азиатского кризиса и 27 октября индекс Доу-Джонса рухнул на 554 пункта, на следующий день он отыграл позиции, и индекс S & P 500, и индекс Доу — Джонса завершили 1997 г., находясь на отметке вблизи своих годовых максимумов» (ЭДП, 1998: 54). После такого финансового оздоровления администрация Клинтона со смущением признала, что Азиатский кризис «по-

зволит обеспечить продолжение роста и создание рабочих мест при более умеренных перспективах для процентных ставок» в Соединенных Штатах (1998: 19). Предстоящее расширение торгового дефицита США будет иметь еще один долгожданный эффект: «агрессивная конкуренция со стороны иностранных производителей поможет сдерживать внутреннюю инфляцию» (1998: 86).

ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Американский фондовый рынок рос примерно с 1982 г., оправившись от краха 1987 г. благодаря первому «пут-опциону Гринспена», и его рост вплоть до 1995 г. был в значительной степени оправдан «соответствующим ростом корпоративной прибыли». Однако затем он начал «подниматься вверх без лестницы» (*Бреннер, 2009: 21*). Разумеется, столь длительный рост создал собственный импульс, но «что на самом деле привело к бегству акций, так это почти наверняка внезапное резкое падение стоимости заимствований — как краткосрочных, так и долгосрочных» (2009: 21). Если Федеральная резервная система держала краткосрочные процентные ставки на исторически высоком уровне порядка 5%, то международные заимствования стали дешевле, когда Обратное соглашение «Плаза» привело к понижению процентных ставок в Германии и особенно в Японии. Инвесторы брали дешевые займы в иенах, конвертировали их в доллары и инвестировали доходы на фондовом рынке и в государственный долг США. Подобная схема получила название «керри трейд». Более того, последние из упомянутых инвестиций привели к «ошеломительному снижению долгосрочных затрат по займам на двадцать три процента в течение 1995 г.» (2009: 21).

Гринспен и министр финансов Роберт Рубин осознавали: продолжающийся рост фондового рынка США после 1995 г. не соответствовал промышленным показателям (*Вудворд, 2000*). Тем не менее они также знали, что он стал реальным двигателем роста, стимулируя потребление и инвестиции. Вместо того чтобы укротить фондовый рынок, Гринспен поощрил его подъем. Его знаменитая речь об «иррациональном изобилии» от 5 декабря 1996 г. обычно воспринимается как предупреждение о чрезмерном росте цен на акции. Она не повлияла на поведение инвесторов и не была предназначена для этого. «Ничто из сказанного им до или после не свидетельствовало о принятии им своего послания близко к сердцу» (*Флекенштайн, 2008: 42*). Действительно, все, о чем он говорил до и после этого «предупреждения», фактически противоречило этому и оправдывало рост цен на акции. Подпитывая нереалистичные надежды на сектор информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), олицетворявший собой столь же радикальную экономическую трансформацию, как и изобретение электричества или двигателя внутреннего сгорания, а также соответствующий экономический бум — «ускорение инноваций раз в столетие» и «настоящий тектонический сдвиг в области технологий» (*Флекенштайн, 2008: 81–4*) — Гринспен начал продвигать мнение, будто формируется новая экономика и продолжается «чудо производительности», о кото-

ром данные умалчивают. Эксплуатируя эти надежды, фондовый рынок «летел» на горячем воздухе.

□ Чудо скрытой производительности?

Гринспен выдвинул свой новый тезис на заседании Федерального комитета открытого рынка (ФКОР) в августе 1995 г., сделав ряд четких утверждений. Во-первых, он развеял опасения относительно того, что оценка акций компаний превышала стоимость их активов. Далее он утверждал, что «интеллектуальные услуги [например, НИОКР], в соответствии с исторически сложившейся тенденцией, списывались как расходы в отчетах о доходах»; однако в «экономике, где добавленная стоимость все больше связана с программным обеспечением, телекоммуникационными технологиями и различными средствами передачи ценности людям без передачи физических благ», существовало «все больше свидетельств того, что мы, вероятно, расходует средства, которые на самом деле должны быть капитализированы». В экономике США, где преобладает сектор ИКТ, «отношение рыночной стоимости к балансовой стоимости намного превышает единицу... а в некоторых отраслях это большая величина», и все потому, что «растущий объем капитальных затрат в классическом смысле ошибочно относят к расходам». Во-вторых, заявил он, «добавленная стоимость становится все более концептуальной и неосознаваемой, а фактический ВВП в постоянных долларах [в отличие от номинального] все менее заметен». Наконец, это означало, что рост фондового рынка главным образом свидетельствовал о действительно произошедшем ускорении производительности, если корректно отнести к объему выпуска продукции то, что рынки оценивают в качестве такового. Однако в случае неверного охвата всего объема фактически выпущенной продукции, мы действительно покажем слишком низкий рост производительности. Трудно поверить, что при новом весовом коэффициенте производительность повышается всего лишь на 1%, при том что маржа прибыли остается на том же уровне и происходит широкомасштабная реструктуризация бизнеса. Думаю, проблема не в производительности; думаю, что она — в Министерстве торговли (ФКОР, 1995: 6).

Раскрывая первый пункт своих замечаний, Гринспен предпочел поставить под сомнение данные, а не поведение инвесторов, со ссылкой на правила бухгалтерского учета, с которыми не согласится хоть сколько-нибудь приличный бухгалтер. Его целью было отрицание наличия пузыря на фондовом рынке. Тем не менее сопутствующие вопросы о скрытом производстве и производительности несут в себе определенную дискуссионность.

Данные США, не обнаруживавшие рост производства и производительности, столь желанный для Гринспена, уже были приспособлены для того, чтобы отразить именно то, что Гринспен уже объявил случившимся. С середины 1980-х гг. Бюро экономического анализа (БЭА) при расчете реального (а не номинального) ВВП США вносило «качественные» или «гедонистические» коррективы в показатели растущего объема продукции (*Васхаузен и Мол-*

тон, 2006). Идея заключалась в следующем: если цена продукции повышалась, но при этом улучшалось и ее качество, то при расчете «реальной» цены, скорректированной с учетом инфляции, необходимо было учитывать предполагаемую ценность, связанную с улучшением качества. Получалось, реальная цена, вместо того, чтобы, как обычно, быть ниже номинальной цены, могла быть — и зачастую была — выше. Поскольку подобные корректировки применялись ко все большему количеству продукции, они привели к завышению оценки реального производства и занижению оценки инфляции. Какими бы ни были достоинства данной методики, для целей нашего исследования следует отметить два момента. Во-первых, как отмечали критики, «гедонистические» корректировки никогда не производились в сторону понижения качества, которое часто происходило, например, в секторе услуг, игравшем все более важную роль. Во-вторых, поскольку никакие другие страны (за исключением, в некоторой степени, Объединенного королевства; см.: *Ислам, 2002*) не производили подобных корректировок, реальный ВВП и рост производительности в США был преувеличен по сравнению с другими странами, в той мере, в которой применялись данные методики. (Этот пункт не имеет никакого отношения к аргументации по поводу ТСГ, которая, хотя и допускала, что экономический вес США в мировых масштабах снизился примерно с половины до примерно четверти в период между 1945 г. и началом 1970-х гг., но все же исходила из того, что впоследствии США демонстрировали стабильность вплоть до самого недавнего времени.)

Как шутят статистики, нет таких данных, которые бы не показали то, что требуется, если как следует постараться. Но данные по-прежнему неубедительны в отношении роста производства и производительности, несмотря на энергичные «гедонистические» манипуляции. Данные о производительности, скорректированные с учетом качества, демонстрировали, в первую очередь, что рост производительности в 1990-х гг., особенно в период с 1995 по 2000 гг., вряд ли был «чудесным». Они не дотягивали до показателей времен Кеннеди-Джонсона и Никсона-Форда и лишь немногим превышали показатели, наблюдавшиеся в годы Рейгана-Буша (*Поллин, 2000: 29*); в целом они были ниже среднего показателя за столетие (*Хенвуд, 2005: 48*). Они не оправдывали ни рост фондового рынка, ни хайп по поводу новой революции в сфере ИКТ, даже при выражении в номинальной стоимости. И на то, чтобы ставить эту ценность под сомнение, были свои причины. Роберт Солоу в 1987 г. отметил такой парадокс: «Век компьютеров мы видим повсюду, но только не в статистике производительности» (*Учитель, 2000*). А Роберт Гордон пришел к следующему выводу: «Оживление производительности [в конце 1990-х гг.], по-видимому, произошло, главным образом, в сфере производства компьютерного, периферийного и телекоммуникационного оборудования, и это оказало существенный побочный эффект на 12% экономики, связанной с выпуском товаров длительного пользования, высушив остальную часть экономики, несмотря на значительные инвестиции» (*Гордон, 2000: 50*). Это наблюдение подтвердилось в ходе последующих дебатов; более того, было признано, что «секторы, где используются компьютеры, в частности, финан-

сы, страхование и недвижимость, а также сфера услуг продолжают отставать по темпам роста производительности. Согласование крупномасштабных инвестиций в высокие технологии и относительно медленного роста производительности в сфере услуг остается важной задачей для сторонников нового экономического подхода» (*Йергенсен и Стайрох, 2000: 3*).

Вывод о некотором росте производительности в сфере производства был поставлен под сомнение именно из-за корректировок данных с учетом качества. Ведь подобные корректировки чаще всего применялись по отношению к продукции ИКТ, в результате чего рост их производства и производительности завышался.

В период между технологическими пиками 1990 и 2000 гг. номинальные продажи компьютерной техники выросли на 78%, но поскольку цены упали на 94%, реальные [т. е. с учетом «гедонистической» корректировки] продажи компьютерной техники выросли на 1,783%. На долю продаж компьютерной техники приходилось 1% номинального роста ВВП (за те же 10 лет) и 12% реального роста (*Хенвуд, 2005: 52*).

Рост производительности в сфере промышленности в США полностью определялся таким «скорректированным» ростом, поскольку «ускорения роста производительности в промышленности не происходило за пределами сектора высоких технологий; фактически в 1990-х гг. замедлился рост производительности в области низких и средних технологий» (*Хенвуд, 2005: 53–4*; также см.: ЭДП, 2000: 80–3). В статье, где сравнивались показатели производительности в США и Европе, Гордон пришел к выводу о том, что «в отраслях, производящих ИКТ, наблюдалось ускорение [роста производительности] после 1995 г. — на 1,9% в год в США и сопоставимые 1,6% в год в Европе». Хотя он и указал на роль корректировок с учетом качества в завышении производительности в розничном секторе (см. ниже), но он не сделал очевидного вывода о том, что, вопреки риторике «новой экономики», показатели в США были хуже, чем в Европе, если принять во внимание «гедонистическую» корректировку, которая не применялась европейцами (*Гордон, 2004*).

Всем известно, как сложно измерять производительность. Оценки вклада ИКТ в рост производительности основывались на допущении, что «ежегодный вклад [в экономику в целом] равен средней норме прибыли в экономике — иначе предприятия не будут вкладывать в них средства», поскольку инвесторы «хорошо информированы и рациональны» (*Хенвуд, 2005: 58–9*). Это допущение было особенно проблематичным применительно к производству ИКТ по следующей причине: в конце 1990-х гг. наблюдались необычайные уровни инвестиций в средства производства, оборудование и программное обеспечение, что было обусловлено легким доступом к финансам, при этом не требовалось обоснование нормы прибыли, и внимание, граничащее с одержимостью, было сосредоточено на информационных технологиях [;] данное явление, помимо прочего, усугубило проблему избыточных производственных мощностей, расширив сферу их применения за счет ядра сектора высоких технологий. В период с 1995 по 2000 гг. производственные мощности в области информационных технологий увеличились в пять раз, и, та-

ким образом, на их долю пришлось примерно половина от четырехкратного увеличения производственных мощностей в промышленном секторе в целом, что также побило все рекорды (Бреннер, 2009: 31).

Бреннер был обеспокоен влиянием столь масштабного неправильного распределения капитала на прибыльность, которая уменьшилась из-за избыточности мощностей. Это также привело к росту показателей производительности, поскольку автоматически предполагается, что у фирмы, которая приобрела новое оборудование, произошел рост производительности благодаря этим инвестициям — независимо от того, каковы реальные причины роста производительности, не говоря уже о том, что такие инвестиции могли снизить производительность (например, потому что потребовалось оказание поддержки, проведение обучения и т. д.) (Сишель, 1997). Но даже для таких спорных предположений не нашлось необходимых доказательств.

В то время как в отраслях, где используются компьютеры, главным образом в сфере услуг, наблюдалось значительное общее снижение производительности (Трипплетт, 1999), «в обычной оптовой и розничной торговле» регистрировалось наиболее значительное увеличение производительности вне сферы производства ИКТ (Глин, 2006: 133–4, цит.: Нордхаус, 2002). Однако ИКТ внесли «едва ли положительный и статистически незначительный» вклад в рост производительности в данном секторе (MGI, 2001: 4). Напротив, производительность росла благодаря «организационным улучшениям, преимуществам крупных магазинов формата Big Box, переходу на товары с более высокой добавленной стоимостью, связанному с ростом числа потребителей с высоким доходом» (Глин, 2006: 135–6). Поскольку подобный рост производительности в сфере розничной торговли был характерен для экономики США, он, как предупредил Гордон, скорее всего, являлся результатом «гедонистических» корректировок. При том, что значительная часть розничного сектора приходилась на продажи продукции ИКТ, чья стоимость была скорректирована с учетом «гедонистических» поправок; и при том, что производительность в розничной торговле измерялась стоимостью проданных товаров в расчете на одного работника, методы измерения производительности в США приведут к завышению показателей производительности. «Несмотря на широкие обсуждения роли "гедонистических" индексов цен в улучшении измеряемых показателей производительности в промышленном секторе США, мне неизвестно о каких-либо аналогичных комментариях по поводу возможной несопоставимости применительно к производительности в розничной торговле» (Гордон, 2004: 12). Наконец, статистические данные о повышении производительности, как правило, предполагали надежность показателей отработанных часов, в то время как работники разного уровня оплаты труда больше, чем когда-либо раньше, посвящали работе время, которое не регистрировалось (Хенвуд, 2005: 67).

Итак, ни производство, ни использование ИКТ не приводило к значительному увеличению производительности, не говоря уже о «чудесах», якобы оправдывающих рост фондового рынка. Однако данные были предвзятыми и искажались таким образом, чтобы казаться «чудесными», что многие

экономисты считали неприемлемым. Интуитивно понятная идея о значительном увеличении производительности была рассчитана на тех, кто верил, что живет в эпоху великих технологических изменений, но систематические наблюдения этого не подтверждали. Действительно, некоторые даже подвергали сомнению ту идею, что век ИКТ был эпохой великих технологических изменений, указывая на то, как более ранние изобретения, от телеграфа (*Стендейдж, 1998*) до сантехники (*Мокир и Штайн, 1997*), улучшили качество жизни и уровень производительности в гораздо более значительной степени, чем ИКТ, а также на то, что улучшение качества в более ранние эпохи — как в случае с автомобилями в первые десятилетия двадцатого века — было более существенным, чем в текущий период (*Триплетт, 1999*).

Даг Хенвуд обратил внимание на фиктивный рост производительности как в промышленности, так и в розничной торговле, задаваясь вопросом о том, «где заканчиваются эти очевидные выгоды». Предполагалось, что рост производительности с 1997 по 2000 гг. будет вдвое больше, чем в предыдущем трехлетнем периоде, но пик роста заработной платы пришелся на 1998 г., а затем замедлился, а корпоративная прибыльность достигла максимума годом ранее. Кроме того, некоторые показатели прибыли, пришедшиеся на годы бума, оказались «фикциями бухгалтерского учета». «Если ускорение роста производительности не находит отражения в росте заработной платы или прибыли, то трудно себе представить, куда направлен такой рост и почему он действительно важен, за исключением, разве что, оправдания самого крупного бычьего рынка за всю историю и создания бренда капитализма» (*Хенвуд, 2005: 56*, выделение добавлено).

Ничто из сказанного здесь не означает, что ИКТ не трансформируют нашу жизнь и даже экономику. Гордон указал на фундаментальную характеристику компьютеров как технологии: они менее важны для повышения производительности, чем для усиления контроля. Важнейшая причина для новых инвестиций в компьютерную технику заключалась в необходимости защитить долю рынка от конкурентов... компьютеры широко используются для предоставления информации с целью получения клиентов, прибыли или прироста капитала от других компаний. Это «игра с нулевой суммой», и она предусматривает перераспределение богатства, а не увеличение благосостояния; однако каждая отдельно взятая фирма имеет сильную мотивацию к осуществлению инвестиций в компьютерную технику, которые, если не отнимают богатства у кого-то другого, то, по крайней мере, выступают в качестве защиты от враждебной атаки (*Гордон, 2000: 69*).

Помимо предоставления фирмам возможности бороться за доли рынка в рамках «игры с нулевой суммой», которую обусловил длительный спад, компьютеры также помогли усилить контроль за товарно-материальными ценностями и работниками, а финансовые учреждения смогли определять распределение доходов и богатства. Джефф Мадрик более оптимистично размышлял о том, что те, кто стремится с помощью ИКТ повысить производительность, льют воду не на ту мельницу. Возможно, все это вело к созданию высокотехнологичной версии ремесленной экономики, основанной

на навыках, мышлении и изобретательности работников, а не на потенциале крупных заводов и распределительных сетей ... [которые] ... возможно, просто не в состоянии исключить людей из производственного процесса настолько быстро, насколько это позволила сделать старая стандартизированная экономика эпохи массового производства (*Мадрик, 1998*).

□ Новая экономика?

Гринспен отрицал очевидное своими заявлениями о «чуде скрытой производительности» и заверял инвесторов, что они вовсе не проявляют чрезмерную иррациональность. Теперь Гринспен рассказывал им о том, что благодаря бычьему рынку экономика США оказалась в «круге благоприятных событий».

Свидетельства ускоренного роста производительности укрепляют ожидания будущих корпоративных доходов, тем самым способствуя дальнейшему увеличению стоимости акций, а рост производительности помогает сократить инфляцию. В контексте умеренного роста цен и в целом благоприятных условий кредитования рост стоимости акций стимулировал расходы, что, в свою очередь, вело к расширению производства, занятости и инвестиций, направленных на рост производительности (*Гринспен, 1998*).

«Маэстро» дирижировал новой заколдованной экономикой «золотой середины», в которой больше не действовали старые правила (по крайней мере, до тех пор, пока не начнется спад, что и произошло два года спустя). Новая экономика могла похвастаться низким «индексом несчастья» (сумма инфляции и безработицы), постоянным ростом производительности на основе ИКТ, притоком капитала, ростом инвестиций и превосходными показателями роста по сравнению с остальным миром.

Несмотря на все разговоры о производительности в реальном секторе экономики, Гринспен знал, что ключевым фактором был рост фондового рынка. Он симулировал довольно эрудированное невежество, когда возникали неудобные вопросы, делал вид, что не может дать определение деньгам, точно сказать, был ли пузырь на фондовом рынке, или увидеть признаки неизбежной рецессии (*Флекенштайн, 2008: 109*), при этом он продолжал риторику о производительности и новой экономике, чтобы поддерживать рост фондового рынка. С помощью своего пут-опциона Гринспен сделал это весьма уверенно. В декабре 1998 г. Джерри Джордан из Федрезерва Кливленда предупредил о том, что «информационные сводки, письменные консультации, говорящие головы по CNBC и т. д. — все говорят, будто нет риска того, что на фондовом рынке произойдет спад, якобы если он даже начнет падать, то ФРС применит политику смягчения, чтобы поддержать его», и что «все большее количество людей [приходят] к такому убеждению и действуют соответственно» (цит. по: *Флекенштайн, 2008: 60*).

Демагогия Гринспена по поводу новой экономики и чуда скрытой производительности привела не только к росту фондового рынка, но и к гигантскому инвестиционному буму, который вызвал «общее чрезмерное инвести-

рование» и «чрезвычайно неправильное распределение капитала среди направлений промышленности» (Бреннер, 1998: 30) в пользу ИКТ. В этой связи были интересны три момента. Во-первых, пузырь на фондовом рынке был не просто связан с преувеличенным экономическим бумом. Напротив, «причинно-следственная цепочка была обратной. Бум новой экономики материализовался как прямое следствие пузыря на фондовом рынке за счет эффекта благосостояния, даже несмотря на снижение рентабельности инвестиций» (1998: 24).

Во-вторых, хотя печально известное первичное размещение акций (*IPO*, *Initial Public Offering*) стартапами, не имеющими активов и не осуществляющими продаж, во время пузыря доткомов действительно привело к увеличению акционерного капитала (другой вопрос — привело ли оно к продуктивным инвестициям), фондовый и инвестиционный бум не были напрямую связаны между собой: «в конце 1990-х гг. чистая эмиссия собственного капитала была фактически отрицательной». В послевоенное время американские корпорации в основном занимались самофинансированием, и в конце 1990-х гг. они обратились не к фондовому рынку, а к банкам.

Серьезные проблемы с собственным капиталом были с лихвой компенсированы обратным выкупом акций и погашением акций на основе слияния с другими фирмами, так что именно заемный, а не собственный капитал служил основным источником финансирования бизнеса в период инвестиционного бума. В течение всего этого периода неуклонно рос коммерческий долг, причем особенно важную роль играла чистая эмиссия долгосрочных корпоративных облигаций и краткосрочных коммерческих бумаг (ЭДП, 2003: 39).

Разумеется, благодаря обратному выкупу и погашению акций также повышалась стоимость тех акций, которые оставались на рынке, и именно в этих целях это и делалось, ведь в корпоративной культуре эффективность руководства измерялась стоимостью акций.

Наконец, инвестиционный бум привел к сокращению прибыли не только потому, что усилил конкуренцию, но и по двум другим причинам. Более высокая корпоративная задолженность дополнительно снизила показатели прибыли после уплаты процентов (Бреннер, 2009: 34), а неправильное распределение капитала снизило рентабельность и прибыль.

Таким образом, легендарный эффект благосостояния, связываемый с бумом на фондовом рынке, имел ироничное значение.

Американские компании и зажиточные домохозяйства смогли получить доступ практически к неограниченным средствам. В то же самое время прибыльность фирм перестала расти и развернулась в сторону снижения — не в последнюю очередь в результате того же подъема курса доллара, который способствовал росту цен на акции. Как следствие, экономике скрыто угрожало замедление (Бреннер, 2009: 23).

Учитывая, что такого рода рост в США способствовал формированию главного полюса мирового роста в те годы, бывший председатель ФРС Пол Волкер довольно точно обобщил ситуацию, сказав в мае 1999 г.: «Судьба мировой экономики теперь полностью зависит от роста экономики США, ко-

торый зависит от фондового рынка, на чей рост влияют акции примерно 50 компаний, половина из которых никогда не отчитывалась о доходах» (цит. по: *Флекенштайн, 2008: 67*).

В отсутствие роста производительности низкие показатели инфляции поддерживались тремя другими факторами, которые, по-видимому, и устраняли традиционный баланс между инфляцией и безработицей, а также обусловили самый низкий уровень «индекса несчастья» с 1968 г. (ЭДП, 1996: 3). Во-первых, официальные оценки инфляции были занижены не только с помощью «гедонистических» корректировок, но и за счет изменений в расчетах индекса потребительских цен (ИПЦ), в соответствии с рекомендациями Консультационной комиссии по изучению индекса потребительских цен, или Комиссии Боскина, от 1995 г.

Во-вторых, если доходность капитала оставалась очень высокой благодаря высоким краткосрочным процентным ставкам в США и растущему фондовому рынку, а домохозяйства с более высокими доходами переживали бум потребления, основанный на «эффекте благосостояния», то доход от труда фактически снизился. Несмотря на новую экономику, якобы переживавшую бум, уровень средней заработной платы неруководящего персонала и заработков наиболее низкооплачиваемых 10% наемных работников «не только остался значительно [ниже], чем при администрациях Никсона-Форда и Картера, но и фактически [был] даже ниже, чем в годы президентства Рейгана-Буша», и соотношение между наиболее и наименее оплачиваемыми 10% наемных работников резко возросло даже по сравнению с предшествующей эпохой, когда у власти находились республиканцы (*Поллин, 2000: 35*). Сам Гринспен в своих «показаниях» перед Конгрессом в июле 1997 г. признавал, что «повышенное чувство неуверенности в трудоустройстве и, как следствие, пониженная заработная плата» помогали удерживать инфляцию на низком уровне (цит. по: *Поллин, 2000: 39*). Для него подобное положение дел, очевидно, служило еще одним рычагом в борьбе с инфляцией: он попытался ослабить экономический рост путем увеличения процентных ставок при малейшем намеке на напряжение ситуации на рынке труда.

Наконец, дешевый импорт из развивающегося мира, переживавшего дефляцию доходов в рамках ПСР с 1980-х гг., на протяжении долгого времени способствовал низкой инфляции, а в конце 1990-х гг. особую роль играли ликвидационные распродажи из стран Восточной Азии.

Совет экономических консультантов при президенте Клинтоне был изначально осторожно настроен по отношению к претензиям на новую экономику. При Стиглице была исследована возможность того, что «минимальный устойчивый уровень безработицы, или так называемый УБНИ (уровень безработицы с неизменной инфляцией), снизится» (ЭДП, 1996: 53), но снижение было объяснено не какой-то новой экономикой, а структурными изменениями, которые не всеми приветствовались («рост внутренней и международной конкуренции, снижение роли профсоюзных объединений, рост озабоченности по поводу трудоустройства», а также снижение фрикционной безработицы по мере старения рабочей силы), что «сдерживало рост заработ-

ной платы и цен» (1996: 53). Позже к этим факторам добавилось «замедленное согласование между ожидаемой работниками реальной заработной платой и ростом производительности» (ЭДП, 1997: 48). А при Джанет Йеллен Совет экономических консультантов причислил медленно растущие «затраты на предоставление работникам компенсации, не связанной с заработной платой (например, медицинское страхование)» (ЭДП, 1998: 58), к факторам низкой инфляции и пришел к выводу, что УБНИ, возможно, действительно снизился до 5,3% (ЭДП, 1999: 24).

Более того, к 1998 г., когда проблему новой экономики уже нельзя было игнорировать, Совет экономических консультантов при Йеллен провел комплексное обсуждение. Он в явном виде отверг возможность существования «новой парадигмы», оправдывающей приостановление действия старых правил, и занял решительную антиинфляционную позицию. В то время как с ростом конкуренции, усилением роли торговли, дерегулированием и повышением эффективности экономика изменилась, а объемы производства и инновации увеличились, и, кроме того, рынки труда стали более гибкими, а беспокойство работников возросло в результате ослабления профсоюзов и более широкого задействования временных и контингентных работников, другие вопросы требовали дальнейшего исследования, как то: влияли ли оперативные товарно-материальные запасы на деловые циклы. Естественно, Совет экономических консультантов приписал себе определенные заслуги от имени правительства и указал на вклад изменившегося государственного сектора: социальное обеспечение было призвано помочь получателям пособий вернуться в ряды рабочей силы, после холодной войны произошло сокращение расходов на оборону, правительство было оптимизировано с целью повышения эффективности и, разумеется, был устранен дефицит. Тем не менее далее в отчете сурово заявлялось: «Не все эти изменения представляют собой явное благо». Невозможно было количественно определить влияние любого из этих изменений с достаточной точностью, и любое повышение производительности должно было быть «очень значительным, чтобы полностью компенсировать замедление производительности после 1973 г.». Даже несмотря на то что многие из якобы новых факторов оказались значительными, это может означать не то, что требуется новая модель экономики, а скорее то, что изменились некоторые ключевые параметры текущей модели, в частности, УБНИ или тенденция роста производительности. Следовательно, нельзя с уверенностью заявлять, что старые правила больше не действуют (ЭДП, 1998: 63).

Тем не менее с учетом подчинения налогово-бюджетной политики решениям ФРС и рынкам облигаций голоса, раздававшиеся из правительства, не шли ни в какое сравнение с влиятельными заявлениями председателя ФРС в публичном дискурсе.

Однако, поскольку продолжалась «самая длительная за послевоенный период экономическая экспансия», Совет экономических консультантов — теперь под новым председательством — уступил пальму первенства ФРС в вопросах новой экономики. Как уже говорилось в начале этой главы, в ЭДП

от 2000 г. США провозглашались самой большой и богатой экономикой мира на рубеже столетий, демонстрирующей «впечатляющие» экономические показатели и по-прежнему сильную «экспансию, бьющую рекорды» (ЭДП, 2000: 21–2). Утверждалось, что, как и во времена послевоенного «Золотого века», текущая экспансия основывалась на «трех столпах», а именно: налогово-бюджетной дисциплине, помогающей снизить процентные ставки и стимулировать инвестиции в бизнес; инвестировании в образование, здравоохранение, науку и технологии для решения задач двадцать первого века; открытии иностранных рынков, так что у американских рабочих появилась реальная возможность конкурировать за рубежом (ЭДП, 2000: 3).

Стимулируемая развитием технологий, особенно ИКТ, усилением конкуренции, хорошим уровнем образования рабочей силы, а также политикой, благоприятствующей инвестиционной деятельности, и сокращением дефицита, экономическая экспансия показала, что «мрачные прогнозы» и «умеренные ожидания», характерные для двух предыдущих десятилетий, были ошибочными. Несмотря на то что в течение 107 месяцев было зафиксировано отсутствие рецессии, экономика все еще была полна сил и, кроме всего прочего, обеспечивала равный рост (2000: 28). Подобные заявления основывались, в частности, на проблематичных «реальных», «заниженных» показателях заработка, а также на семейном, а не индивидуальном заработке, при том что в экономике все большее число членов семьи работали все большее количество часов. Хотя технологии, конкуренция, торговля и т. д., как правило, усиливают неравенство, в период с 1993 по 1998 гг. реальные средние доходы домохозяйств выросли на 9,9–11,7% по каждому квинтилю распределения доходов, а у средне-статистического афроамериканского домохозяйства наблюдалось 15%-е увеличение реального дохода. В период с 1993 по 1998 гг. семейные доходы в низшем квинтиле росли на 2,7% в год, что несколько больше по сравнению с 2,4%, зафиксированными в верхнем квинтиле (ЭДП, 2000: 27).

Это демонстрировало, как утверждалось в докладе, что «быстрый рост в условиях открытой экономики может происходить без усугубления неравенства» и что «пришло время пересмотреть неизбежность якобы неблагоприятного влияния технологий и торговли» (2000: 39).

Обсуждение «Возможностей и вызовов в условиях глобальной экономики», приведенное в ЭДП от 2000 г., было посвящено дальнейшему развитию глобализации, в том числе за счет присоединения Китая к ВТО и реформирования финансовых структур стран, экономика которых пострадала от кризиса, с целью сохранения их открытости и более эффективного управления кризисами. Последнее означало исправление «низкого уровня пригодных для использования резервов, [который] обусловил уязвимость по отношению к внезапной смене уверенности, которая в конечном счете стала самовозобновляющейся» (2000: 226). Более крупные резервы за рубежом, которые должны были храниться в ликвидных активах, выраженных в долларах, подразумевает, означали бы, что капитал продолжит поступать в экономику США, поскольку «рекордная экспансия» довела дефицит счета текущих операций США до рекордно высокого уровня. Безусловно, подобное владение резервами будет восприниматься как отражение желания (а не принуждения) иностран-

цев приобретать американские активы, что, в свою очередь, отражало доверие к экономике США и ее финансовым структурам, в соответствии с проверенной временем традицией ТСГ (2000: 232).

В ЭДП от 2000 г. сравнивался рост ВВП в США и остальном мире и делался удобный вывод о том, что «сильная экономика повышает спрос на импорт и, как правило, связана с высоким спросом на инвестиции». С 1998 г. рост в США оставался стабильным, тогда как в других странах рост уменьшился, а торговый дефицит США увеличился с 1% ВВП в середине 1990-х гг. до 3%.

Резкая разница между темпами роста в США и за рубежом, по-видимому, является основной причиной увеличения дефицита, поскольку спрос на всю продукцию, включая импорт, в Соединенных Штатах рос быстрее, чем в других странах. С точки зрения потоков капитала ожидаемая рентабельность инвестиций в Соединенных Штатах была относительно привлекательной. Как следствие, Соединенные Штаты поглотили существенный чистый приток капитала (ЭДП, 2000: 232).

Ожидаемая доходность в США была выше, потому что была выше производительность (2000: 234).

В ЭДП от 2000 г. не обошлось без осторожности. Чрезмерный оптимизм все еще мог влиять на рост фондового рынка (2000: 68–71). Хотя более эффективное управление товарно-материальными запасами, переход к менее волатильным услугам, а также налогово-бюджетная и денежно-кредитная стабилизация смягчили циклы деловой активности в послевоенный период, а тенденции производительности и инфляции имели правильное направление, было «преждевременно объявлять о смерти циклов деловой активности» (2000: 79). Тем не менее в докладе считалось вероятным, что изменение экономических показателей стало «меньше напоминать катание на американских горках, что было характерно для 1970-х и начала 1980-х гг. (не говоря уже о более ранних десятилетиях)», так как налогово-бюджетная дисциплина высвободила капитал для «инвестиций в образование, бизнес и технологии, стимулирующие ускоренный рост». Также в нем содержалось адресованное ФРС поздравление с проведением «систематической политики, которая способствует стабильности цен и долгосрочному росту» (2000: 79). Экспансия продолжится, потому что, в отличие от ее предыдущих периодов, когда рост производительности замедлялся по мере вызревания экспансии, текущий период продемонстрировал «модель сильного роста производительности на зрелой стадии цикла», и потому что базовая инфляция оставалась стабильной (2000: 34–7). ЭДП от 2000 г. на пару месяцев поторопился.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мало того что рост фондовых рынков после 1995 г. не был оправдан ни ростом производительности, ни какой-либо новой экономикой, так он еще и привел (хотя и не напрямую) к массовому неправильному распре-

делению инвестиций. Это снизит, а не повысит нормы прибыли. В то время как обычно благодаря инвестициям на фондовых рынках происходит рост, в заколдованной новой экономике все было наоборот. Было лишь вопросом времени — когда снижение прибыли вернет инвесторов к реальности? Это и произошло весной 2000 г., когда фондовый рынок впервые упал.

Гринспен со своим знаменитым пут-опционом отреагировал не сразу. Слегка опустив процентные ставки после Азиатского кризиса с их высокого плато, на котором они удерживались после 1995 г., ФРС фактически начала повышать их в середине 1999 г., главным образом по той причине, что экспансия, вызванная неправильным распределением инвестиций и потреблением, наконец, начала увеличивать реальную оплату труда, что указывало на напряжение, существовавшее на рынке труда, а также на возможность инфляции (ФКОР, 1999). Ставки продолжали расти, пока они не достигли отметки 6,5% в мае 2000 г. Когда фондовые рынки в марте впервые рухнули, Гринспен по-прежнему больше беспокоился о рынках труда, нежели чем о рынках капитала, и он снова повысил ставки, на этот раз на 0,5%, в мае. Только после того как рынки, открывшись в 2001 г., продемонстрировали в течение нескольких дней крутые падения, Гринспен снизил ставки на 0,5%, утверждая, что обнаружил признаки слабости экономики (*Флекенштайн, 2008: 112*). На самом деле, замедление экономики началось весной 2000 г. Однако пут-опцион Гринспена утратил свою магическую силу. Хотя поначалу рынки обнадежили впечатляющим ростом, он не мог продолжаться долго. В течение следующего года практически все достижения предыдущих пяти лет на бирже NASDAQ были уничтожены. Как иронично заметил один экономист, «это означает, что с учетом ретроспективного взгляда конец 1990-х гг. никогда не наступал». То же можно сказать и о «Новой экономике» (*Бреннер, 2009: 34–5*).

Последний экономический доклад Клинтона был написан после того, как лопнул пузырь на фондовом рынке. Он должен был стать букварем и хвалебным гимном новой экономики, которая, как предполагалось, останется в качестве экономического наследия Клинтона. Но вынужден был признать, что было бы серьезной ошибкой полагать, будто экономика настолько трансформировалась, что основные экономические правила больше не действуют. Потенциал для более быстрого роста существует, но спрос не может опережать предложение, не создавая при этом опасность роста инфляции. Кроме того, экономика по-прежнему подвержена циклическим колебаниям. В действительности преимущества «Новой экономики» неразрывно связаны с повышенными рисками, поскольку экономика в еще большей мере, чем раньше, зависит от финансовых рынков, которые остаются волатильными (*ЭДП, 2001: 24*).

Хотя большинство аналитиков, обращающихся к теме «глобализации», склонны сосредоточивать внимание на ее влиянии на национальный капитализм и на развивающиеся страны по всему миру — будь то в одобрительной или в критической тональности, ее связь с развитием экономики США посредством притока капитала, как правило, игнорируется. Стремление администрации Клинтона к либерализации рынка, в частности, к либерализации финансового рынка, резкий контраст между исторически высокими кра-

ткосрочными процентными ставками в США и международными низкими долгосрочными ставками, политика поддержания высокого курса доллара и сказки Гринспена о чуде скрытой производительности и о новой экономике, не говоря уже о «гедонистических» корректировках, которые привели к росту реального национального дохода и показателей производительности, — все это обеспечивало поступление таких средств. Мировая финансовая структура, в которой доминировали США, фактически действовала как гигантский пылесос, высасывая капитал из остального мира и направляя его в экономику США.

Приток капитала в Соединенные Штаты, пик которого ранее пришелся на середину 1980-х гг., сократился после обвала фондового рынка в 1987 г. и вновь начал расти в середине 1990-х гг. В 1998 г. он составил 200 млрд долларов, или 7% ВВП, тогда как в 1950–1960-е гг. на его долю приходилось в среднем 1%, а в середине 80-х гг. — примерно 4%, что было пиковым значением (ЭДП, 2000: 205–6). После 1997 г. характер востребованных активов изменился. Принимая во внимание, что иностранные авуары доллара после Обратного соглашения «Плаза» от 1995 г. способствовали раздуванию пузыря на фондовом рынке, главным образом косвенно, через официальные и частные покупки государственных ценных бумаг США иностранцами, Азиатский финансовый кризис привел к массовой ликвидации резервов среди правительств Азии, пытающихся поддерживать собственные валюты. Но потеря этих потоков была с лихвой компенсирована частными инвесторами, наводнившими стремительно растущую фондовую биржу США.

К концу десятилетия взмывшие вверх покупки американских активов иностранными инвесторами сыграли принципиальную роль в том, что цены на акции достигли исторических максимумов и пузырь просуществовал дольше, что дополнительно усилило и без того впечатляющий рост инвестиций и потребления в США (Бреннер, 2009: 31).

Геополитическая экономия глобализации жидлилась на этих притоках капитала, «покрывавших растущий дефицит счета текущих операций США, сдерживавших рост курса доллара и предотвращавших рост долгосрочных процентных ставок даже в период продолжающегося бума, так что рост внутреннего спроса в США мог продолжиться и поддержать экспорт собственной экономики» (Бреннер, 2009: 31).

Таким образом, глобализация, по сути своей, была идеологией, при которой в течение некоторого времени Соединенные Штаты успешно создавали ситуацию, когда остальной мир давал им в долг больше денег, чем когда-либо прежде, делая это через свой фондовый рынок и даже, кажется, испытывая удовольствие от этого. В политическом плане это означало практику, которая систематически разрушала барьеры на пути движения капитала по всему миру, чтобы обеспечить подобную ситуацию. Наряду с этим была задействована риторика о чудесах производительности и о новой экономике, преодолевающей силу гравитации, помогая этому случиться. Данная политика также включала в себя обоснование снижения конкурентоспособности, оттока производительного капитала через ПИИ США, возникаю-

шего торгового дефицита, и спроса на рынках облигаций для того, чтобы дефицит государственного бюджета оставался низким, в качестве новой нормальности для новой экономики.

За пределами Соединенных Штатов такая практика продлевала неолиберальную стагнацию роста и недостаточный объем инвестирования, увеличивала неравенство и почти повсеместно приводила к дефляции доходов рабочих и крестьян (*Патнаик, 2008*), хотя в некоторых странах она не могла предотвратить ускорение роста даже в таких условиях, как отмечалось в «Тезисе БРИКС» (*О'Нил, 2001*). Разумеется, учитывая происхождение этого «Тезиса» из недр американского инвестиционного банка, его авторы вряд ли могли позволить себе упомянуть, что это были страны, которые по-прежнему опасались очарования неограниченной экономической интеграции и были достаточно могущественными, чтобы противостоять соответствующим требованиям США.

С другой стороны, в Соединенных Штатах приток капитала привел к инвестиционному буму, который неправильно направил капитал в сектор ИКТ без учета прибыльности, а также к потребительскому буму среди тех, кто наслаждался «эффектом богатства» на растущем фондовом рынке, наращивая свои сбережения. На другом конце спектра доходов уровень жизни рабочего класса частично сохранялся прежним (несмотря на стагнацию заработной платы), благодаря дешевым ценам на импортные товары, произведенные еще более обездоленными рабочими за рубежом и проданные задешево благодаря революции розничной торговли формата Big Box. Безработица сдерживалась обилием малопривлекательных рабочих мест в сфере услуг, в то время как хваленая низкая инфляция того периода требовала совершения определенных манипуляций Комиссией Боскина, несмотря на влияние эффекта незащищенности на рабочую силу США и дешевый импорт потребительских товаров. При президенте-демократе, приверженце «третьего пути», неравенство достигло исторического максимума (*Филлипс, 2002*). Наконец, глобализация должна была стать той самой приливной волной, которая бы подняла все лодки. На самом же деле, в тот период рост в США происходил за счет как Западной Европы, так и Японии, а такая фундаментальная проблема длительного спада, как неспособность всех промышленных центров к одновременному росту, оставалась нерешенной (*Фриман, 2001*).

Приток капитала на фондовый рынок США был ключевым фактором в рамках этой геополитической экономии. Когда в марте 2000 г. лопнул пузырь на фондовом рынке, эти потоки иссякли. Это ознаменовало конец глобализации.

8

ИМПЕРИЯ?

События 11 сентября 2001 г., казалось, определили облик двадцать первого века. Администрация Буша воспользовалась ими, чтобы оправдать последовавшее за этим беспрецедентное развертывание военной мощи США — в Афганистане, Ираке и против «терроризма» во всем мире. ФРС и администрация также ссылались на 11 сентября и рецессию, которую оно якобы спровоцировало для обоснования экономической политики, в частности, низких процентных ставок в последующие годы (ЭДП, 2002: 23, 30). В сочетании с инновациями финансового сектора, который к тому времени был освобожден от предусматривавшегося Законом Гласса-Стиголла разделения между коммерческой и инвестиционной банковской деятельностью, эта политика привлекла в США более значительные потоки капитала, чем даже в период расцвета глобализации, несмотря на крайне низкие процентные ставки и снижение курса доллара. Капитал из-за рубежа хлынул на рынок ценных бумаг, обеспеченных недвижимостью, который раздувался по мере роста цен на недвижимость. Казалось, этот процесс был необратимым, и он открыл новый этап финансиализации, ориентированной на США и доллар. Он не только финансировал дефицит бюджета и счета текущих операций, который приобрел исполинский размер, но и обеспечивал ликвидность, необходимую доллару для поддержания статуса резервной валюты, несмотря на его неуклонное падение. Именно этой военной и экономической реакции на события 11 сентября Соединенные Штаты были обязаны восстановлением своего мирового лидерства, что открыло новую американскую эпоху, к которой призывал Проект нового американского века (ПНАВ).

Наряду с некрологами «глобализации» возник новый жанр писаний об «империи» и о «новом империализме» Соединенных Штатов (*Economist*, 2001a; *Фергюсон*, 2005). Апологеты империализма вменяли его «пассивным» Соеди-

ненным Штатам в историческую обязанность и впервые после Первой мировой войны выставляли империализм в позитивном свете — как вершину человеческой цивилизации (Бут, 2003; Фергюсон, 2004; Мейер, 2006; Маллаби, 2002; Игнатьев, 2003, 2004). Соединенные Штаты представлялись Новым Римом с «классической архитектурой столицы и республиканской структурой конституции» (Фергюсон, 2004: 14; также см.: Мейер, 2006). Сопутствующие экономические дискурсы превозносили стойкость, стабильность и растущее благосостояние американской экономики. Разумеется, у империи было множество критиков, но слишком многие уверовали в ее военную и экономическую успешность и устойчивость (например, Панич и Гиндин, 2004). Однако критики, пребывавшие в меньшинстве, напоминали о том, как имперскость погубила Римскую республику, и предупреждали, что Тигр и Евфрат могут стать современным Рубиконом (Джонсон, 2004: 15–17). Они указывали на зияющий разрыв между риторикой свободы и справедливости и реальностью силы и интересов, на рост неустойчивого дефицита и международных дисбалансов (Манн, 2004, Джонсон, 2004; Бацевич, 2002). Но мало кто предсказал, как скоро рухнет империя. Арриги, чей провидческий вердикт от 2005 г. подробно цитировался в главе 1, был блестящим исключением.

В данном случае проект нашел свою гибель в событиях другого сентября, всего семью годами позже. ФРС начала повышать процентные ставки в 2004 г., чтобы противодействовать тенденции на понижение доллара, и менее чем через два года лопнул пузырь на рынке недвижимости США, в основе которого были низкие процентные ставки. По мере снижения цен на жилую недвижимость увеличивался коэффициент осуществления прав удержания и невозвратов по ипотечным кредитам со стороны тех, кто полагался на постоянное повышение цен, а не на собственные доходы для оплаты ипотеки. При существовавшей зависимости роста в США от потребительской способности тех, кто испытывал на себе влияние «эффекта благосостояния» за счет пузыря на рынке недвижимости, рецессия началась в 2007 г. В конце концов, кредитный пузырь, основанный на ипотечных ценных бумагах (ИЦБ), тоже лопнул. Инвестиционный банк с высокой долговой нагрузкой Bear Stearns потерпел крах в начале 2008 г. и получил государственную финансовую помощь от правительства. Но когда в сентябре другому банку, Lehman Brothers, позволили обанкротиться, международная финансовая система, ориентированная на США, направлявшая капитал в экономику США и поддерживавшая роль доллара в мире, оказалась на грани. Вопреки официальной риторике, экономика США и ее хваленая финансовая система, как оказалось, были мало чем подкреплены, кроме стимулируемого кредитом потребления и пузыря на рынке недвижимости, который был даже более разрушителен, чем пузырь на фондовом рынке. Но все обстояло еще хуже. Хотя за счет притока капитала финансировался военный бюджет, который вырос — как по сравнению с другими странами, так и в абсолютном выражении — до беспрецедентного уровня (Стиглиц и Билмс, 2008), уже в 2005 г. оккупация Соединенными Штатами Ирака и Афганистана завершилась неудачей.

Похоже, благодаря самой масштабной за всю историю государственной финансовой помощи, удалось спасти мировую финансовую систему, ориен-

тированную на США, но она уже никогда не будет прежней. В 2008 г. международные потоки капитала, выраженные в долларах США, прекратились, и после этого произошло лишь очень скромное восстановление (*Борио и Дусьятат, 2011: 14*). Кризис поднял вопросы о том, какой государственный финансовый институт несет ответственность за ту или иную международную деятельность, а также предостерег банки от безрассудной международной деятельности. Новые, преимущественно национальные нормативные акты, в том числе Закон Додда-Франка, дополнительно усилили национальный характер финансового сектора США. Доллар возобновил десятилетнее снижение после впечатляющего кратковременного повышения осенью 2008 г., когда американские международные инвесторы в панике и в поиске безопасности вернулись домой. На вопросы о статусе доллара как мировых денег (*Чжоу, 2009; ООН, 2009; Субакки и Дриффилл, 2010*), возникшие сразу после кризиса, не было найдено никакого определенного ответа из-за кризиса еврозоны, разразившегося в 2010 г. Однако вызывает сомнение, чтобы такие вопросы слишком долго оставались подвешенными. По всему миру, особенно у стран с формирующейся экономикой, появилось множество альтернатив, как использовать доллар (*Грейбел, 2011; Уэйд, 2011*). США погрязли в Великую рецессию, или очень слабое восстановление, на многие годы.

Таким образом, империя оказалась последней и наиболее самонадеянной попыткой Соединенных Штатов подражать мировому господству в британском стиле, и она, как ни странно, провалилась из-за непокорного смешанного развития в других частях света. Последовавшее повышение цен на сырьевые товары, особенно на нефть, оказало давление на доллар, который и без того испытывал тенденцию к понижению, и потребовало ужесточения денежно-кредитной политики, что вызвало кризис. По мере того как финансовый кризис усугублял рецессию, ускорилось смещение мирового экономического центра тяжести в сторону от США, Западной Европы и Японии. На посткризисном саммите «большая двадцатка» заменила «большую семерку» в качестве соответствующего органа для неформального многостороннего управления мировой экономикой. Барак Обама, который выиграл президентские выборы лишь благодаря тому, что финансовый кризис сподвигнул достаточное количество белых рабочих голосовать за него (*Дэвис, 2009*), признал, что Соединенные Штаты «живут не по средствам», начал сокращать масштаб военных действий в Ираке и Афганистане и приветствовал «многополярный» мир. Некоторые утверждали, будто мировое могущество США осталось в значительной степени незыблемым, поскольку в поле зрения не было «гегемона»-преемника. Однако этот аргумент бил мимо цели. Ведь идеи о гегемонии в целом и гегемонии США в частности были всего лишь нереализованными желаниями США в теоретической плоскости, и развертывание смешанного неравномерного развития (СНР) теперь закрыло двери и даже пресекло попытки воплотить их на практике.

События двух сентяблей, которые разделял семилетний период, положили конец последней попытке США добиться мирового доминирования, что прослеживается в этой главе. Она начинается с рассмотрения того, чем «империя» отличается от «глобализации», и далее обращается к рассмотрению

«имперской» стратегии Буша-младшего через призму истории послевоенной политики безопасности США. В трех следующих разделах прослеживается все более выраженное противоречие между проекцией силы и экономической слабостью. В качестве безоговорочного управляющего экономикой Федеральная резервная система сохраняла низкие процентные ставки, чтобы поддержать раздувание пузыря на рынке недвижимости, поскольку потребление, основанное на кредитах и вызванное «эффектом благосостояния», было единственным источником роста. В то же время сам пузырь на рынке недвижимости опирался на другой — кредитный — пузырь, который принципиальным образом зависел от притока международного капитала. Для их сохранения Соединенным Штатам потребовалось придумать новую серию небывлиц, чтобы убедить инвесторов в том, будто американская экономика является для них подходящей, несмотря на слабые экономические показатели и низкие процентные ставки.

В этих разделах принципиальным образом уточняется наше понимание причин финансового кризиса 2008 г. Аналитики и политические деятели спорят о том, кто допустил ошибки — банки или их регуляторы. Безусловно, без дерегулирования, к которому стремились коммерческие банки и которое поощряла ФРС во главе с Гринспеном, пузырь на рынке недвижимости и сопровождавшая его инфляция на рынке ИЦБ были бы невозможны. Но дерегулирование было лишь достаточным условием. Необходимое условие обеспечила ФРС, систематически раздувая пузыри на рынке недвижимости и кредитования, которые ей виделись как единственный двигатель роста экономики США и, соответственно, единственное средство поддержать международную роль доллара. Действительно, усиление конкуренции, вызванное действиями ФРС в финансовом секторе, превратило финансовые институты в ее креатуры. Кульминация данных процессов в виде кризиса и реакция администраций Буша и Обамы рассматривается в двух последних разделах.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

Хотя Клинтон, чье президентство было озаглавлено «глобализацией», едва ли был противником одностороннего милитаризма, и многое указывало на преобладание в геополитической экономике глобализации и империи, когда пузырь на рынке недвижимости пришел на смену пузырю на фондовом рынке, тем не менее, между ними были существенные отличия. По крайней мере, Клинтон начал с диагноза и рецептов для экономических проблем США, пусть он и передал вскоре бразды правления экономической политикой Федеральной резервной системе и рынкам облигаций. Выходила ли когда-либо экономическая политика Буша за рамки снижения налогов, чем он занимался решительно и в полной мере, вызывает сомнения. Конечно, его экономические доклады были даже менее амбициозными и аналитическими, чем у Рейгана. Склоняясь к оптимистичному взгляду на экономические перспективы («Новая экономика жива и здорова»: ЭДП, 2002: 60),

Совет экономических консультантов при президенте Буше позволил Федеральной резервной системе и финансовым рынкам заняться ими.

В итоге надулся исторический пузырь на рынке недвижимости, который стимулировал потребление и рост, обусловленный инвестициями в жилую недвижимость; при этом деловые инвестиции колебались на низком уровне, в отличие от — пусть и неверно направленного — инвестиционного бума, связанного с пузырем на фондовом рынке в предыдущем десятилетии. Администрация и ФРС, выражая тщетные надежды на то, что рост потребления в конечном счете оживит деловые инвестиции, сосредоточились на том, как сделать так, чтобы экономика могла обойтись без них. А это означало сохранение пузыря на рынке недвижимости. В то время как пузырь на фондовом рынке, помимо прочего, вызвал рост уровня занятости. Жилищный бум создал так мало рабочих мест, что экономисты задавались вопросом, что случилось с недавно еще знаменитой «американской машиной по производству рабочих мест» (*Бейли и Лоуренс, 2004*). Из-за неверно направленного инвестиционного бума, усугубившего проблему избыточных производственных мощностей и избыточных инвестиций, а также снизившего доходность, производство еще больше сократилось, проникновение импорта усилилось, а торговый дефицит увеличился, несмотря на относительно медленный рост.

Наконец, в то время как пузырь на фондовом рынке раздувался на фоне рекордно высоких процентных ставок, для роста пузыря на рынке недвижимости требовались все более низкие процентные ставки. Низкие процентные ставки всегда были оправданы с точки зрения обеспечения роста производства, но, поскольку производительная экономика была не в том состоянии, чтобы реагировать на такие стимулы, низкие ставки лишь способствовали взвинчиванию цен на активы. Даже когда администрация и ФРС поздравляли себя с тем, что богатство на рынке недвижимости распространилось еще шире, чем богатство на фондовом рынке, как и кредит на его основе, тенденция «проедания» частных сбережений пронизывала социальную шкалу донизу. Пока правительство преследовало цели снижения налогов и борьбы с терроризмом, наращивая дефицит федерального бюджета, коэффициент сбережений в США упал даже ниже, чем в предыдущем десятилетии. И несмотря на то что доля потребления в экономике США выросла до исторических высот, экономический рост был настолько слабым, что даже в условиях кредитного кейнсианства, определенных Федеральной резервной системой, экономика росла медленнее, чем в более ранние, послевоенные, десятилетия.

Это была экономика, за счет которой администрация Буша довела долю Соединенных Штатов в мировых военных расходах до половины, сокращая при этом налоги. В результате остальному миру пришлось финансировать возникший двойной дефицит. Если в 1990-х гг. Клинтон закрыл бюджетный дефицит, а дефицит счета текущих операций был профинансирован за счет притока частного капитала на рынки акций США, то в 2000-х гг. приток капитала принял форму инвестиций в казначейство США и государственные долговые обязательства, а также в ценные бумаги, связанные с рынком недвижимости. Хотя администрация Клинтона оправдывала дефицит счета те-

кущих операций, указывая на вызванный им инвестиционный бум, при Буше чистый приток капитала главным образом финансировал потребление и был частью валового притока капитала, который увеличил в два-три раза дефицит счета текущих операций (*Борио и Дисьятат, 2011: 14*).

Эти притоки основывались на доверии — к рынку ценных бумаг США и к американской экономике в целом. В 1990-е гг., отмеченные более быстрым ростом, увеличением уровня занятости и инвестиций, для поддержания такой уверенности требовались высокие процентные ставки и экономические сказки. Теперь, при самых низких темпах роста, нужно было создать уверенность еще меньшими средствами. Но Гринспен, с его творческим потенциалом, дополненным теперь креативностью Бена Бернанке, который в 2002 г. был назначен членом Совета управляющих ФРС, а в 2006 г. — его председателем, был способен справиться с этой задачей. Вместе они сочинили ряд еще более развесистых небылиц, вводящих от объяснения слабости экономики США.

Во-первых, когда стало ясно, что потребление, основанное на кредите, растущем благодаря увеличению цен на жилую недвижимость, являлось единственным фактором роста из-за рецессии 2000–2001 гг., а также, что оно зависело от низких процентных ставок, Бернанке поднял тему «опасности дефляции», которую можно было предотвратить только с помощью снижения процентных ставок (*Бернанке, 2002*), в то время как Гринспен приветствовал импульс, который рынки ипотечного кредитования придали потреблению (*Гринспен, 2002а*). После 2003 г., когда пузырь перешел в субстандартную фазу, Бернанке превозносил «великое успокоение» волатильности инфляции и объемов производства, чтобы отвлечь внимание от низкого экономического роста и низкого роста занятости, которые могли предвещать катастрофу (*Бернанке, 2004*); Гринспен рассказывал о том, что рефинансирование домовладельцев и кредиторов является еще более смелым занятием (*Гринспен, 2004*). Когда к середине десятилетия на доллар стало оказываться давление и потребовались более высокие процентные ставки, чтобы сохранить приток средств, Бернанке ушел от объяснения неизбежных вопросов об устойчивости этих финансовых потоков, придумав аргумент об «избытке мировых сбережений» (*Бернанке, 2005*). И хотя лишь немногие могли отрицать, что исправление столь очевидно неустойчивой ситуации было неизбежным, ФРС без промедления отложила это на далекое будущее. Однако, как только ФРС в июле 2004 г. должна была приступить к повышению процентных ставок ради поддержания доллара, дни подобной политической — и геополитической — экономии были сочтены.

ПУЗЫРЬ МИЛИТАРИСТСКОГО ВЫСОКОМЕРИЯ

Большинство критиков милитаризма Буша сосредоточились на его «упрямом провинциализме, религиозном фанатизме и... безрассудном темпераменте любителя пострелять» (*Бацевич, 2006: 4*). Многие ученые (например,

Джонсон, 2004; Манн, 2003) указывали на его подельников-неоконсерваторов, «кликну зачинщиков войны», которые использовали 11 сентября в качестве предлога для вторжения в Афганистан и Ирак (Бацевич, 2006: 4). Безусловно, неоконсерваторы, как мы видели, оказывают все большее влияние на оборонную политику США начиная с 1980-х гг. Несмотря на то что военные расходы при Буше увеличились на фоне сокращений, производимых предыдущими президентами после окончания «холодной войны», даже при них военные расходы США продолжали расти по сравнению с расходами других держав.

Таким образом, агрессивный милитаризм администрации Буша не был «заговором, навязанным податливому президенту и ничего не подозревающим людям горсткой экстремистски настроенных идеологов». Если бы это было так, то лекарство Майкла Манна — «выгнать милитаристов» (Бацевич, 2006: 4) — подействовало бы. Скорее, подобно экономическому спаду, отнесенному на счет событий 11 сентября, военные действия США, которые якобы были ответом на них, более глубоко коренились в «милитаристских настроениях» Соединенных Штатов. В их основе лежали четыре «базовых убеждения»: история — это марш свободы; Соединенные Штаты олицетворяют собой свободу, служат ее примером и отстаивают ее; Соединенные Штаты являются оплотом свободы; «для поддержания американского образа жизни необходимо, чтобы свобода преобладала повсюду» (Бацевич, 2008: 74–5). Подобные убеждения, представлявшие собой современную версию американского экспансионизма времен становления США (подробнее см. в главе 3), создавали «бесконечно растущие властные полномочия, позволявшие Соединенным Штатам отстаивать свое влияние повсюду, где бы они ни пожелали, поскольку по определению они действуют от имени свободы» (2008: 75). Преemptивность критики Бацевича и критических воззрений Уильямса и Берарда (анализируется в главе 3) была осознанной. Тот — еще более примечательный — факт, что она была правдоподобной, свидетельствует о долгосрочной преemptивности целей США.

Внешняя политика администрации Буша использовала 11 сентября в качестве предлога для обоснования войн, которые были развязаны по образцу, восходящему к Полу Нитце, который «ухватился за советскую бомбу, китайскую революцию и позднее за Корейскую войну, чтобы настоять на необходимости восстановления американской военной мощи» (Бацевич, 2008: 116) после Второй мировой войны. Как и в случае с этими событиями, официальная версия оспаривается по многим принципиальным пунктам. Широко известно, что для оправдания войны администрация Буша, при умелом содействии со стороны правительства Великобритании во главе с Блэром, состряпала доказательства о наличии у Ирака оружия массового поражения (ОМП). Возможно, меньше внимания уделяется тому обстоятельству, что связь между событиями 11 сентября, «Аль-Каидой» и войной в Афганистане также была далеко не очевидной (МакГрегор и Зарембка, 2010: 157–8).

Риторика, сопровождавшая войну в Ираке — будь то в связи с оружием массового поражения или сменой режима для утверждения демократии в ис-

ламском мире, — работала на то, «чтобы снять любые ограничения на использование Соединенными Штатами военной силы» (Бацевич, 2004: 117). Доктрина упреждающей самообороны, которую даже Нитце счел «морально небезупречной» (и которую Соединенные Штаты в любом случае не могли реализовывать, пока существовал СССР), теперь начала претворяться в жизнь. Поскольку Соединенные Штаты отныне не желали «ограничивать себя действиями, непосредственно связанными с террористическим заговором», и стремились «покончить с... государствами, поддерживающими терроризм», они вели «открытую глобальную войну» (Бацевич, 2008: 118–19).

Если до сих пор военные действия США за рубежом оправдывались продвижением свободы во всем мире, то теперь они без смущения оправдывались продвижением свободы по-американски. Более того, она все больше приравнивалась к материальному комфорту и роскоши (как раз тогда, когда экономика США все в меньшей степени могла их обеспечить). В американском обществе человеческие издержки войны были категорически неправильно распределены. Этот проект не обсуждался со времен Вьетнама, и пополнение военного контингента считалось ненужным для ведения капиталоемких военных действий. Таким образом, «основная тяжесть любой жертвы выпадала на долю 0,5% населения, составляющего полностью добровольческие силы», в ходе повторяющихся военных операций (2008: 61). Политическое противодействие войне внутри страны по-прежнему оказывало меньшинство. В целом, «пока солдаты сражались, люди потребляли», и «большинство американцев подписалось на версию патриотизма с ограниченной ответственностью» — ту, что подменяла изнурительные действия наклейками на бампере (2008: 62–3). Издержки такого милитаризма могли быть исключены из политической повестки, пока они финансировались мировой финансовой системой, ориентированной на США. А это продолжало разжигать войны и множить количество врагов США.

Однако даже самая дорогая военная машина в мире не смогла одержать победу в Ираке и Афганистане, потому что политика строилась на «трех больших иллюзиях». Первая из них состояла в том, будто Соединенные Штаты изменили принципы ведения войны с помощью технологий, способных «наносить хирургические удары» по «режимам, а не странам», а благодаря «полномасштабному доминированию — однозначному превосходству во всех формах ведения боевых действий», они достигли военной версии «конца истории» (2008: 127–8). Вторая иллюзия, так называемая доктрина Уайнбергера — Пауэлла, заключалась в том, что поражение во Вьетнаме было обусловлено легкомысленностью гражданских лидеров, и проблем, с которыми они сталкивались, можно было бы избежать, ведя войну с «конкретными и достижимыми целями», мобилизуя ресурсы, необходимые для быстрой и решительной победы» (2008: 129). Третья иллюзия заключалась в том, что война в Персидском заливе якобы восстановила взаимосвязь между народом и армией США. В 2000-х гг. эти три иллюзии были усугублены «доктриной Буша» — рудиментарной смесью одностороннего подхода и агрессии, которая еще больше увеличила разрыв с реальностью. В этой связи не лишне вспомнить

широко цитируемый разговор журналиста Рона Саскинда со «старшим советником Буша». Он сбросил со счетов «общество, полагающееся на реальность», уверенное в том, что «решения возникают на основе разумного изучения видимой реальности».

«Мир больше не работает таким образом», — резюмировал он. — Сейчас мы являемся империей, и, когда мы действуем, мы создаем собственную реальность. А пока вы — разумно — будете изучать эту реальность, мы снова будем действовать, создавая другие, новые реальности, которые вы тоже сможете изучить. Именно так все и будет происходить. Мы актеры истории ... а вам — всем вам — придется лишь изучать то, что мы делаем» (*Саскинд, 2004*).

На самом же деле, военной мощи США было достаточно только для того, чтобы доминировать над малыми и изолированными странами, но они не сумели одержать победу ни в одной крупной военной конфронтации, в том числе в Корее и Вьетнаме. Спустя три десятилетия после поражения во Вьетнаме, в течение которых Соединенные Штаты сделали свою армию профессиональной и нарастили военный потенциал в духе, «чтобы этого никогда больше не повторилось», потратив на это невообразимые суммы, они столкнулись с еще более позорным поражением.

С чисто военной точки зрения иракские повстанцы, в отличие от вьетнамских, не применяют в полевых операциях тяжелую бронированную технику, не обладают многолетним опытом ведения партизанских войн в благоприятных природных условиях, не пользуются поддержкой такой сверхдержавы, как СССР. Именно поэтому администрация Буша надеялась, что вторжение в Ирак отменит приговор, вынесенный во Вьетнаме. Но по той же самой причине неспособность одержать здесь победу нанесет гораздо больший удар по авторитету США и по их военной мощи, чем поражение на Индокитайском полуострове (*Арриги, 2005а: 57*).

Милитаризм Буша не принес плодов, а связанные с ним финансовые издержки оказались зависимы от несостоятельной геополитической экономии имперских притязаний США.

ПУЗЫРЬ НА РЫНКЕ НЕДВИЖИМОСТИ: ПОВТОРЕНИЕ В ВИДЕ ФАРСА?

Гринспен следил за напряжением на рынке труда, когда в июле 1999 г. он начал повышать процентные ставки. Все его разговоры о реальной экономике были направлены только на поддержание роста рынка ценных бумаг. Поэтому он не отреагировал, когда к июлю 2000 г. «экономика вступила в пугающее свободное падение», и он не приступил к снижению процентных ставок, пока в январе 2001 г. не произошло обрушение на рынке ценных бумаг. Однако к тому времени рост, инвестиции и реальная совокупная заработная плата падали быстрее, чем при любой предыдущей рецессии за все послевоенное время (*Бреннер, 2009: 34*). Вслед за 0,5% сокращением

в январе 2001 г. Гринспен предпринял еще четыре сокращения к маю и еще два сокращения по 0,25% в течение лета. Таким образом, экономика ослабла задолго до 11 сентября, а падение рынка ценных бумаг настолько напугало Гринспена, что он начал массово снижать ставки также задолго до этого. После 11 сентября до конца года последовало еще три сокращения на 0,5% и одно на 0,25%. Снижение ставок продолжится до тех пор, пока ставка по федеральным фондам с 6,5% в 2001 г. не будет доведена до 1% к июню 2003 г. На этом уровне она будет удерживаться и в следующем году.

□ **Полная катастрофа или инвестиционный крах?**

Хотя данные ясно свидетельствовали о том, что экономика замедлялась с середины 2000 г., ФРС и администрация создали миф о том, что событий 11 сентября «и последовавшего за ними резкого падения потребительской и деловой уверенности в конце 2001 г. было достаточно, чтобы погрузить страну в ... рецессию» (ЭДП, 2002: 36). При этом они ссылались на предварительное предположение Национального бюро экономических исследований (NBER) о том, что эти атаки могли превратить незначительное сокращение в рецессию (2002: 42). Тем не менее, согласно рассматриваемому мнению NBER, рецессия началась в марте 2001 г. (ЭДП, 2004: 30–1). Администрация лукаво выразила беспокойство по поводу сдержанности потребителей после 11 сентября: «Они оплакивали гибель людей и переоценивали риски, связанные даже с самыми обыденными действиями, такими как совершение покупок в торговых центрах или путешествия по воздуху» (2004: 31). На самом деле, потребительское доверие пришло в норму довольно быстро, уже до конца 2001 г. Однако администрация Буша и Федеральная резервная система столь сильно стремились эксплуатировать трагедию 11 сентября в качестве причины любых экономических бедствий и оправдания своей политики, что администрация зашла слишком далеко, сделав экономически неграмотное предположение, будто ожидаемое увеличение расходов на безопасность сократит рост ВВП, поскольку «больше трудовых ресурсов и капитала будет задействовано в производстве промежуточного продукта — безопасности — и отвлечено от производства конечного спроса» (ЭДП, 2002: 56).

Понижение ставок не смогло оживить деловые инвестиции, которые упали после неправильно направленного инвестиционного бума 1990-х гг. Условия были попросту невыгодными. Коэффициент задействования мощностей в секторе ИКТ упал с 85,9% в 1999–2000 гг. до 59,7% через два года (*Бреннер, 2009: 34*). Администрация отнесла это на счет «излишка капитала» (ЭДП, 2002: 39–40). Она могла повторить: у предприятий «были все стимулы для замедления накопления капитала и снижения издержек путем сокращения рабочих мест, средств производства и оборудования, с одновременным использованием сниженных процентных ставок для погашения своих долгов. Это они и сделали» (*Бреннер, 2009: 35*).

Не способная стимулировать производственные инвестиции постоянно снижающаяся стоимость заимствований теперь стала раздувать пузырь на рын-

ке недвижимости. Он начал надуваться в середине 1990-х гг., а во время рецессии, когда цены на акции падали, рост цен на жилую недвижимость и оказываемый ими «эффект благосостояния» стимулировали потребление и инвестиции в жилую недвижимость, способствуя восстановлению. Инвестиции в жилую недвижимость, в многоквартирные дома и в модернизацию жилых домов росли в среднем на 5,6%, 15,3 и 3,2% в год соответственно, тогда как инвестиции в дома на одну семью выросли на 6% после снижения, наблюдавшегося в течение большей части 2000 г. (ЭДП, 2002: 29). ФРС также признала это и отметила роль низких процентных ставок: «В значительной степени из-за прошлогоднего замедления ... расходы сектора домохозяйств удерживались на том же уровне и оказались основным стабилизирующим фактором», главным образом по той причине, что «низкие ставки по ипотечным кредитам способствовали строительству новых домов, продаж имеющихся домов и извлечению дохода за счет прироста капитала в результате продаж, а также рефинансирования» (Гринспен, 2002b). Теперь ФРС начнет раздувать эту единственную экономическую искру в угасающих углях экономики США. Первоначально снизив процентные ставки с целью поддержания падающего фондового рынка, ФРС по мере своих возможностей теперь будет их еще больше снижать и удерживать на низком уровне, чтобы обеспечивать рост цен на жилую недвижимость и объем соответствующих заимствований. Они стимулировали потребление и, в свою очередь, единственный вид роста, который был теперь возможен.

Если в послевоенный период цены на жилую недвижимость оставались практически неизменными, то их рост в середине 1990-х гг. был первоначально вызван подъемом на фондовом рынке, а после 1999 г. — расширением ипотечного кредитования, осуществлявшегося ипотечными организациями Fannie Mae и Freddie Mac, спонсируемыми правительством, потому что администрация Клинтона оказывала на них давление, принуждая кредитовать заемщиков с низким и средним уровнем доходов. Цены на недвижимость продолжали расти и после того, как пузырь на фондовом рынке лопнул главным образом из-за снижения международных долгосрочных процентных ставок, которые ФРС не могла контролировать, имея возможность устанавливать только краткосрочные ставки в США (Бреннер, 2009: 37–8). В период с 2000 по 2005 гг. цены на жилую недвижимость выросли на 51%, а благосостояние домохозяйств увеличилось на 64%. На долю роста индивидуального потребления и инвестиций в жилую недвижимость, годовые темпы которого составляли 2,9 и 6,0% соответственно приходилось 98% прироста ВВП в период с 2001 по 2005 гг. (Бреннер, 2009: 40).

Как мы уже видели, модели потребления в США становились все более неравномерными со времен Рейгана, и потребительский бум при Клинтоне, в основе которого лежало влияние пузыря на фондовом рынке, продолжил данную тенденцию. Когда при падении цен на акции на смену потреблению, основанному на «эффекте благосостояния», пришел рост цен на жилую недвижимость, Гринспен ликовал: в то время как домохозяйства с высокими доходами, которые больше всего выиграли от «эффекта благосостояния» в ре-

зультате роста цен на акции, ограничивали свои расходы, рост цен на жилую недвижимость стимулировал потребление среди «домохозяйств с низкими доходами, [которые] имеют гораздо большую долю активов в домах» (*Гринспен, 2002a*). Тем не менее потребление, которое вело к выздоровлению, едва ли было больше связано с простым народом. Действительно, у него была особая черта. Как правило, уровень потребления товаров кратковременного пользования, например, продуктов питания, одежды и обуви, сохранялся более или менее неизменным в периоды спада и начинал увеличиваться во время восстановления. Напротив, потребление мебели, бытовой техники и автомобилей теперь отличалось особенной стабильностью (*ЭДП, 2002: 27*).

Стимулирование потребления теперь превратилось в главный приоритет, и возобновление инвестиций в основной капитал, в лучшем случае, должно было стать его результатом. Восходящие циклы движения товарно-материальных запасов будут «краткосрочными, если не сработает эффект устойчивого увеличения конечного спроса, прежде чем исчезнет положительное влияние колебания в результате ликвидации товарно-материальных запасов» (*Гринспен, 2002a*). Потребление уже стабилизировалось, поэтому такое увеличение должно было стать беспрецедентным. Независимо от того, верил ли Гринспен в оживление производственных инвестиций (или имел к этому отношение), он занижал ожидания и преувеличивал трудности, чтобы даже невпечатляющее восстановление, или даже отсутствие такового для производственных инвестиций, неизбежно представлялось в лучшем свете. Если начнется восстановление инвестиций, утверждал Гринспен, то оно будет свидетельствовать о «действительно замечательных результатах для американской экономики в условиях столь серьезного снижения стоимости акционерной собственности и столь беспрецедентного удара террористов по основам нашей рыночной системы», а также о «значительно более мягком спаде, чем могла бы предвещать нам длительная история деловых циклов». Это укажет, добавлял он, на изменения, произошедшие в «нашей экономике за последние десятилетия, обеспечившие такую устойчивость».

Гринспен выделил три изменения. Информационная революция обеспечила для бизнеса доступ к «информации в режиме реального времени», уменьшив экономические дисбалансы. Дерегулирование повышало гибкость («крах корпорации Enron едва отразился на ... рынках природного газа и электроэнергии»). Одновременно с этим дерегулирование и инновации в финансовом секторе способствовали созданию «новых финансовых продуктов, включая производные финансовые инструменты, ценные бумаги с обеспечением активами, обеспеченные кредитные обязательства, залоговые ипотечные обязательства», что позволило перераспределить риски в пользу тех, кто способен и желает их нести, и исключило «каскад кредитных дефолтов» в случае экономических потрясений (*Гринспен, 2002c*). Последнее помогло поддержать устойчивое потребление, обеспечив возможность извлечь собственный капитал, не прибегая к продажам, для финансирования расходов на потребление и модернизацию жилья. Без этого «экономическая активность была бы заметно слабее» после обвала фондового рынка (*Гринспен, 2002b*).

□ Опасность дефляции

Хотя, как можно было заметить, внимание Гринспена обычно было больше сосредоточено на рынке капитала и рынке труда, нежели на реальном секторе экономики, он утверждал, что снижение процентных ставок после событий 11 сентября произошло потому, что «риски ослабления экономической активности перевесили риски повышения инфляции» (ЭДП, 2002: 46). Как только подобное оправдание себя исчерпало, Бернанке по прозвищу «Вертолет Бен» подвел рациональное обоснование, почему поддерживаются низкие ставки, даже когда экономика укрепилась и ей потенциально стал угрожать риск инфляции. Преодолев инфляцию в последние десятилетия, Соединенные Штаты столкнулись с противоположной опасностью — дефляцией. Хотя дефляция будет маловероятна с учетом «устойчивости и структурной стабильности» экономики, а также приверженности ФРС борьбе с дефляцией, события, связанные с Японией в 1990-х гг., служили в качестве предупреждения о том, что такой риск «не является чисто гипотетическим». Требовалось обеспечить инфляционный буфер — уровень инфляции выше нуля — и желание поддерживать «здоровую, хорошо капитализированную банковскую систему наряду со слаженно функционирующими рынками капитала». Если бы экономическая ситуация ухудшилась, когда инфляция уже находилась на низком уровне, то «центральному банку при понижении ставок следовало бы действовать больше на опережение и более агрессивно, чем обычно» (Бернанке, 2002). И если бы подобные действия оказались неэффективными, «в рамках системы фиатных денег» дефляция была «всегда обратима» «посредством увеличения количества долларов в обращении или даже угрозы сделать это» (2002).

Даже когда краткосрочные процентные ставки достигают нуля, ФРС может бороться с дефляцией, приняв на себя обязательство удерживать краткосрочные ставки на нулевом уровне в течение некоторого времени, чтобы обеспечить тенденцию на понижение долгосрочных ставок. Она также могла бы объявить «четкие верхние пределы доходности по казначейским долгам с более длительным сроком погашения» и обеспечить их применение посредством «неограниченных покупок ценных бумаг сроком до двух лет с даты погашения по ценам, согласующимся с целевой доходностью». Кроме того, она могла бы выкупить иностранные государственные долги с целью вливания денег в экономику. Наконец, правительство могло бы снизить налоги, а ФРС могла бы монетизировать возникший бюджетный дефицит для стимулирования потребления или приобретения реальных либо финансовых активов, что увеличило бы стоимость активов, снизило стоимость капитала и повысило кредитоспособность заемщиков. Такое действие было бы эквивалентно знаменитому «падению вертолета» денег по Милтону Фридману (Бернанке, 2002). Речь Бернанке, в которой якобы озвучивался план борьбы с негипотетической дефляцией, на самом деле, служила для оправдания низких процентных ставок и расширяющегося дефицита федерального бюджета.

Для эффективного раздувания пузыря на рынке недвижимости и поддержания уровня потребления и роста необходимо было, чтобы процентные став-

ки ФРС были ниже, чем уже и без того низкие международные долгосрочные ставки, которые задавали тон на ипотечном рынке. Только это позволило бы американским банкам брать более дешевые краткосрочные кредиты, чем предоставляемые ими долгосрочные займы. Международные долгосрочные ставки (например, ставки по 10-летним казначейским облигациям и фиксированные ставки по 30-летним ипотечным кредитам) находились на нисходящей кривой после шоковой терапии Волкера. В результате в основе заметного обострения финансовых кризисов того периода лежал поиск более высоких и более рискованных доходов (*Бордо и Эйхенгрин, 2002*). Ставки устремились вверх, когда эти поиски были успешно завершены, включая, например, пузыри на фондовом рынке в середине 1980-х гг. и в конце 1990-х гг. После того как эти пузыри лопнут, ставки возобновят снижение. К началу нового столетия низкие долгосрочные процентные ставки — симптом длительного спада — будут привлекать инвесторов к ИЦБ, производимым финансовой системой США.

□ Финансовые инновации

Печально известные финансовые инновации, на которых был построен пузырь на рынке недвижимости, были в основном продуктом 2000-х гг. В 1999 г., после долгих лет, в течение которых исполнительное дерегулирование времен председательства Гринспена в ФРС подрывало преимущества, разделение коммерческой и инвестиционной банковской деятельности согласно Закону Гласса-Стиголла было отменено (*Хендриксон, 2001*). Коммерческие банки теперь получили возможность заниматься торговлей ценными бумагами и гарантированным размещением ценных бумаг.

Финансовая система США после краха фондового рынка 1929 г. и последовавшей Великой депрессии стала одной из самых регулируемых в мире. В ней разделялись инвестиционные и коммерческие банковские услуги, защищались вкладчики Федеральной корпорацией по страхованию вкладов (*FDIC, Federal Deposit Insurance Corporation*) и пресекалась чрезмерная конкуренция между коммерческими банками с помощью установленного Положением Кью верхнего предела процентных ставок, которые они могли предлагать. Рост инфляции и процентной ставки в 1970-х гг. сделали эти регламентирующие структуры неактуальными, и финансовые учреждения начали отказываться от них. Коммерческие банки успешно вели лоббистскую деятельность для выхода на рынок муниципальных облигаций (*Frontline, n.d.*), в то время как инвестиционные банки вторгались на депозитарную территорию первых, предлагая инвестиционные фонды денежного рынка, вложенные в государственные облигации и коммерческие бумаги, в качестве банковских депозитов с более высокой процентной ставкой. Благоприятная реакция вкладчиков позволила расширить эти фонды, увеличив спрос на коммерческие бумаги, так что их выпускало все большее число компаний (*ЭДП, 1991: 162–7*).

В условиях, когда не предпринималось попыток обновить регламентирующую структуру для поддержания первоначальных целей — предотвратить

чрезмерное наращивание риска и сформировать финансовый сектор для мобилизации сбережений и финансирования производительных инвестиций, — тенденция была направлена на дерегулирование. При низком спросе на производственные инвестиции в условиях длительного спада ползучее дерегулирование могло лишь расширить возможности для проведения спекуляций. Также это усилило бы конкуренцию и ограничило маржу прибыли, заставив банки заниматься все более рискованной практикой.

Одним из первых пострадал ссудо-сберегательный сектор. Особенно сильно на нем отразился рост инфляции и номинальных процентных ставок в 1980-х гг., поскольку его активы представляли собой ипотечные кредиты сроком от 20 до 30 лет, ставки по которым были зафиксированы еще тогда, когда они находились на более низком уровне. Ссудо-сберегательные активы обесценивались по мере роста ставок, и сектор столкнулся с конкуренцией за вкладчиков со стороны инвестиционных фондов денежного рынка. Конгресс отреагировал дерегулированием, оставив без внимания фундаментальное несоответствие между активами и обязательствами. К 1989 г. почти половина ссудо-сберегательного сектора исчезла.

Банки также испытывали подобное давление, но благодаря своему более крупному размеру они были менее уязвимы. С момента отмены Картером в 1980 г. верхнего предела процентных ставок по сберегательным счетам, установленного Положением Кью, которое вступило в силу в 1986 г., а также отмены в 1999 г. Закона Гласса-Стиголла, дерегулирование стало происходить вне Конгресса. Хотя Пол Волкер, который выступал против банковского дерегулирования, оставался председателем ФРС, его влияние было минимально. В 1981 г. требования к капиталу были понижены (что привело, в результате сотрудничества с Банком Англии, к подписанию Базельского соглашения о требованиях к международному капиталу от 1988 г.). Коммерческим банкам было разрешено получать до 5% валового дохода от инвестиционных банковских услуг, оказываемых имеющимся клиентам.

Разумеется, банки использовали ограничения и лазейки в правилах для осуществления операций с ценными бумагами за рубежом, торговли валютами и — все чаще — операций с внебиржевыми производными финансовыми инструментами, которые технически не являлись ценными бумагами. В 1980-х и 1990-х гг. подобные виды деятельности стали играть более важную роль для коммерческих банков, несмотря на то, что они продолжали получать прибыль от страхования депозитов и членства в ФРС. И они начали лоббировать отмену Закона Гласса-Стиголла. Объединив инвестиционные банковские услуги и страхование с масштабными депозитарными операциями, они рассчитывали утвердить свое господство в банковском секторе в качестве настоящих финансовых супермаркетов.

После того как Гринспен, бывший директор коммерческого банка J.P. Morgan, в 1987 г. стал председателем ФРС, возникла сильная тенденция в сторону дерегулирования. Рабочая группа по регулированию финансовых услуг при администрации Рейгана в 1983 г. поддержала отмену Закона Гласса-Стиголла, а в 1988 г. была предпринята первая попытка. После того как

она потерпела неудачу, ФРС, которой время от времени помогали суды и Управление контролера денежного обращения, два других главных ведомства, вовлеченных в финансовое регулирование, инициировали серию «поэтапных решений». Таким образом, еще до отмены Закона Гласса-Стиголла разделение между коммерческими и инвестиционными банковскими услугами было значительно ослаблено (Хендриксон, 2001: 860–3). Процент дохода, который коммерческие банки могли получать от операций с ценными бумагами, осуществляемых для имеющихся клиентов, постепенно увеличивался, как и количество видов ценных бумаг, с которыми они могли работать. Бывший работодатель Гринспена, J. P. Morgan, был первым бенефициаром (*Frontline*, n.d.). Коммерческим банкам также разрешалось приобретать дочерние отделения инвестиционных банков, которые могли иметь дело со всеми видами ценных бумаг. Наконец, суды выносили дополнительные решения в пользу дерегулирования, в частности, они позволили банкам продавать услуги страхования и признали, что пенсионное страхование является банковским продуктом (Хендриксон, 2001: 862).

Инвестиционные банки, в свою очередь, добивались дерегулирования на собственных условиях. Их влияние на администрацию Клинтона означало следующее: несмотря на то что ФРС и суды вбивали все больший клин дерегулирования в Закон Гласса-Стиголла, различные попытки отменить его в 1988 г., 1991 г. и далее каждый год в течение четырех лет, вплоть до 1999 г., никогда не могли привести к стабильному компромиссу между ними и коммерческими банками, малыми и крупными банками, а также небанковскими институтами (Хендриксон, 2001). Только произошедшее в 1998 г. слияние коммерческого банка Citicorp и инвестиционного банка со страховыми интересами Travelers Group и создание Citigroup заставило Конгресс форсировать события. Вместо того чтобы блокировать инициативу, ФРС ее поддерживала. Объединенная компания имела, согласно Закону Гласса-Стиголла, от двух до пяти лет, чтобы вывести инвестиции из запрещенных активов, но вместо этого она сгруппировала их в банке и выиграла, несмотря на отмену. Теперь была подготовлена почва для финансализации, ориентированной на США и доллар, и для ее масштабирования до таких высот, о которых невозможно было даже мечтать в 1980-х и 1990-х гг.

После 1999 г. законодатели вновь покинули позиции регулирования. То, что последовало за этим, можно расценивать как форму «регулятивного захвата» — ситуацию, при которой регулируемые регулируют регуляторов. В действительности, поскольку ФРС стремилась подпитывать пузырь на рынке недвижимости за счет низких процентных ставок, усилившаяся конкуренция привела к тому, что финансовые институты и субъекты финансовой деятельности оказались в замкнутом круге безумного роста кредитования, который являлся единственным двигателем роста американской экономики. Вместо чего-то столь скрытого, как «регулятивный захват», регуляторы в следующем десятилетии дерзко рекламировали и защищали результаты «легкого» (читай «анти») регулирования, пропагандируя убеждение в эффективности, а на самом деле, в чуде рынков и инноваций, а также множество других убеждений, которые оправдывали приток капитала.

ЖИЛИЩНЫЙ ПУЗЫРЬ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ДЕЛО

Несмотря на все разговоры об экономическом шоке в результате событий 11 сентября, экономика фактически возобновила рост, обусловленный потреблением, еще до конца 2001 г. Администрация объяснила это денежно-кредитным и налогово-бюджетным стимулированием: низкими процентными ставками, сокращением налогов и предоставлением налоговых льгот согласно Закону о создании рабочих мест и помощи занятым (*Job Creation and Worker Assistance Act, JCWAA*). Однако «эффект благосостояния» в результате роста цен на жилую недвижимость еще не полностью компенсировал негативное влияние на благосостояние от снижения цен на акции — в период с начала 2000 г. до конца 2002 г. было потеряно 7 трлн долларов, в том числе из-за скандалов с Enron и World Com, и этот рост оставался слабым (ЭДП, 2003: 28).

В течение 2002 г. Гринспен продолжал демонстрировать уверенность в том, что инвестиционный бум 1990-х гг. постоянно вызывал увеличение производительности и в конечном счете приведет к росту производственных инвестиций. Тем не менее он должен был признать, что недавнее повышение производительности произошло в результате интенсификации труда и вряд ли будет устойчивым (*Гринспен, 2002a, 2002b*). Однако к 2003 г. он прибег к новым восхвалениями — на сей раз изобретательности и эффективности финансовых рынков и инноваций в банковской сфере.

Поскольку банки и рынки ценных бумаг вытеснили рынок акций с центральных позиций в экономике США, администрация признала важную истину: сильная статистическая корреляция между ценами на акции и деловыми инвестициями, наблюдавшаяся с 1995 г., представляла собой именно это, и инвестиционный бум конца 1990-х гг. финансировался в основном за счет долга, а не акционерного капитала. Данное признание было сделано потому, что теперь это было удобным: цены на акции могут снижаться, но это не должно оказывать влияние на инвестиции. Теперь важным было то, хорошо ли функционировали рынки корпоративных долговых обязательств для оценки риска; могла ли негибкость выплат процентов относительно выплат дивидендов вызвать кризис ликвидности и (или) кризис кредитования; могли ли проблемы, связанные с тем и с другим, спровоцировать еще одну рецессию (ЭДП, 2003: 36–9).

Разумеется, как и в ситуации с фондовым рынком, Гринспен отказался признать, что рост цен на жилую недвижимость может обернуться пузырем. Он больше не мог притворяться неосведомленным по поводу выявления пузырей. Ведь после того как рост фондового рынка оказался пузырем, мог возникнуть страх того, что это не изощренная неосведомленность, а заурядное невежество, демонстрации которого не мог себе позволить ни один глава ФРС. Так что Гринспен решил привести доказательства того, почему сектор недвижимости был особенно неподходящим для формирования пузырей. Он рас-

сказал Объединенному экономическому комитету Конгресса о том, чем отличаются рынки акций и недвижимости: как продажи на последнем «сопряжены с существенными транзакционными издержками», включая «финансовые и эмоциональные издержки», связанные с переездом; как фондовые рынки переворачиваются «более чем на 100% в год», тогда как рынки недвижимости — только на 10%, «что едва ли способно вызвать спекулятивный пожар»; как на последних более ограничены арбитражные возможности: «Дом в Портленде, штат Орегон, — это не то же самое, что дом в Портленде, штат Мэн, так что "национальный" рынок недвижимости, скорее, представляет собой совокупность небольших локальных рынков жилья» (*Гринспен, 2002а*). В худшем случае там могли образоваться локальные жилищные пузыри. Конечно, Гринспен перестраховывался. Жилищные пузыри не были невозможными, признавал он; вот только с учетом различий между этими двумя рынками, а также из-за того, что базовый спрос на дома пересматривается очень медленно, «скорость и масштабы роста и снижения цен ... труднее обеспечить на рынках жилой недвижимости» (*Гринспен, 2002а*). Эту новую мудрость повторил Совет экономических консультантов (ЭДП, 2003: 44).

Уровень занятости оставался низким, а производственной занятости — и того ниже. Долгосрочная безработица выросла, и в 2002 г. все больше людей, потерявших работу, сообщали о постоянном, а не о временном увольнении. Администрация ухватилась за те соломинки, которые смогла найти. Хотя рост производительности основывался на интенсификации труда, а не на инвестициях, его можно было считать «продолжительным», поскольку он «сохранялся на высоком уровне начиная с 1995 г.» (2003: 49). Разумеется, в действительности инфляция оставалась низкой лишь потому, что растущий импорт был дешевым, а заработная плата была низкой (а также потому, что меры, предпринятые после Боскина, позволили снизить измеряемый ИПЦ), тогда как в течение 2003 г., когда цикл деловой активности длился уже три года, уровни занятости в частном секторе, инвестиций и чистого экспорта, а также прибыли нефинансовых корпораций оставались значительно ниже соответствующих уровней 2000 г., а ... фондовый индекс S&P500 по-прежнему был примерно на 500 пунктов, или на одну треть, ниже своего пика в период бума (*Бреннер, 2009: 41*).

Дефицит счета текущих операций увеличивался, несмотря на медленный рост. В 1990-е гг. его увеличение сопровождалось увеличением объема национальных сбережений благодаря сокращению дефицита. В 2000-х гг. не только продолжал расти дефицит торгового баланса США, который являлся основным компонентом дефицита счета текущих операций, но и наблюдалось резкое истощение национальных сбережений, как частных, так и государственных (ЭДП, 2003: 60).

Хотя администрация признала, что Соединенные Штаты «потребляют и инвестируют [имеется в виду, в недвижимость] больше, чем производят» (2003: 60), позиции страны по чистым иностранным инвестициям «перешли от накопленного излишка немногим менее 10% ВВП в конце 1970-х гг. к дефициту почти в 20% ВВП в 2001 г.» (2003: 61), и что долг не мог «увеличивать»

ся бесконечно» (2003: 61), теперь она скребла по сусекам, изыскивая способы преподнести такую экономику, которая была бы подходящим пунктом назначения для международных потоков капитала. Соединенные Штаты, утверждала она, «далеки от того момента, когда обслуживание международного долга становится непосильным бременем», не в последнюю очередь благодаря тому, что «*вплоть до прошлого года* генерировалось больше инвестиционных доходов США в иностранных государствах, чем доходов от иностранных инвестиций внутри США». Таким образом, поскольку «рентабельность инвестиций США за рубежом была выше, чем рентабельность для иностранных инвесторов в Соединенных Штатах», «в обозримом будущем на обслуживание долга вряд ли будет приходиться значительная часть объема производства США» (2003: 61–2, выделение добавлено). Разумеется, она не упомянула, что остальная часть мира дает Соединенным Штатам деньги в долг дешевле, чем они ей, поскольку из-за отсутствия альтернативы остальная часть мира должна была держать свои резервы в основном в долларах. Теперь экономика США зависела от обеспечения искаженного роста, стимулируемого кредитами и потреблением.

□ Великое успокоение

Подтверждение тому, что администрация Буша перестала надеяться на лучшую модель роста — не говоря уже о том, чтобы попытаться ее обеспечить, — содержалось в двух документах, датируемых началом 2004 г.: ЭДП от 2004 г., где просматривалось стремление нормализовать эту модель экономического роста, и речь Бена Бернанке на заседании Восточной экономической ассоциации в Вашингтоне, округ Колумбия, в которой он превозносил «великое успокоение» — снижение волатильности производства и инфляции, обеспеченное руководителями американской экономики.

Совет экономических консультантов воспрянул духом: зависимость восстановления от потребления означала, что ВВП в период спада снизился меньше, чем обычно, тогда как восстановление сделало рынок труда еще более ослабленным по сравнению с объемом производства, чем в ходе предыдущих восстановлений, отмеченных «безработицей», в результате продолжающегося роста производительности. Он обозначил пять уроков, призванных развеять любые опасения по поводу состояния экономики. Во-первых, для устранения структурных дисбалансов, например, таких, как излишки капитала, требовалось время. Производственные инвестиции сократились на 9% в 2001 г. и выросли всего на 2% в следующем году, но, как отмечается в докладе, «к концу 2003 г. ... амортизация, растущий спрос, сокращение стоимости основных фондов и снижение налогов, наконец, начали приводить к росту производственных инвестиций» (ЭДП, 2004: 35–6). Во-вторых, неопределенность — в результате событий 11 сентября, недавних корпоративных скандалов, надвигающейся войны в Ираке и ослабления фондовых рынков — могла сдерживать производственные инвестиции и потребление. В-третьих, агрессивная денежно-кредитная политика могла способствовать уменьшению глубины

рецессии. В-четвертых, налоговые стимулы в виде снижения налогов могли повысить уровень доходов после уплаты налогов и тем самым стимулировать занятость, сбережения и инвестиции. Наконец, низкие показатели занятости должны были ожидаться в период восстановления при сильном росте производительности и были необходимы для обеспечения будущего роста и занятости. Потеря рабочих мест в промышленности была вызвана полностью благотворным переходом на производство промышленных товаров и оказание услуг с более высокой добавленной стоимостью (2004: 76).

Месяц спустя управляющий ФРС Бернанке отнес снижение изменчивости квартального роста реального производства, наблюдавшееся с середины 1980-х гг., на счет более эффективной денежно-кредитной политики, при этом он успокоил опасения по поводу экономических показателей США и вменил Федеральной резервной системе заслуги лучшего вершителя собственной судьбы. В период высокой волатильности 1960-х и 1970-х гг. денежно-кредитная политика основывалась на двух связанных между собой и ошибочных точках зрения. На «производственном оптимизме», согласно которому денежно-кредитная политика могла бы использовать баланс между инфляцией и безработицей посредством «тонкой настройки» для устранения краткосрочных колебаний и обеспечения постоянно низкого уровня безработицы (а уровень УБНИ может быть ниже 4%). И на «инфляционном пессимизме», согласно которому инфляция возникла из-за потрясений и не могла контролироваться посредством денежно-кредитной политики. Лишь когда политиков, начиная с Пола Волкера, «наконец, убедили доказательства того, что устойчивая антиинфляционная денежно-кредитная политика действительно сработает», началось «великое успокоение». Теперь экономика США вряд ли будет испытывать резкие колебания, будь то в объемах производства или уровне инфляции, главным образом благодаря тому, что ФРС нашла формулу дальнейшего бесперебойного развития. Экономика США, возможно, и не будет расти быстрыми темпами, но она и не будет переживать резких падений.

Рост составил 2,8% в 2002 г. и 4,4% в первые три квартала 2003 г. и был «подкреплен значительным ростом потребления, инвестиций в жилую недвижимость и расходов на оборону» (ЭДП, 2004: 84), при этом «базовая инфляция потребительских цен снизилась до самого низкого уровня за последние десятилетия» (2004: 83). В связи с ростом потребительских расходов на 3% в первые два квартала 2003 г. и на 6,9% в третьем квартале администрация заявила, что видит признаки оживления деловых инвестиций в основные средства, обусловленного закупками оборудования и программного обеспечения (2004: 90), и заявила, что такое оживление будет играть важную роль в будущем росте (2004: 84), тогда как значение потребления уменьшится (2004: 85). Это, безусловно, должно было произойти. При самом большом количестве жилых новостроек с 1978 г. и фиксированных ставках по 30-летним ипотечным кредитам на уровне 5,75%, что было самым низким уровнем за 32 года, администрация была вынуждена признать, что инвестиции в жилую недвижимость не смогут всегда соответствовать таким лихорадочным темпам.

В 2003 г. дефицит счета текущих операций США достиг 5% ВВП. Администрация утверждала, что корректировки могут быть вызваны уменьшением притока капитала, увеличением спроса на экспорт или наращиванием национальных сбережений. Поскольку сокращение инвестиций, главным образом в жилую недвижимость, было нежелательным, корректировки путем недобровольного сокращения потоков капитала необходимо было избегать любой ценой (2004: 264).

СУБСТАНДАРТНАЯ ФАЗА

К 2003 г. цены на жилую недвижимость достигли пиковых величин, поскольку дома стали менее доступными. Цены могли бы и дальше расти, обеспечивая экономический рост, если бы ФРС сумела «не только сдерживать краткосрочные ставки как можно дольше, но и каким-то образом добиться того, чтобы менее квалифицированные заемщики-покупатели приобретали дома по все более высоким ценам» (Бреннер, 2009: 42). И она это делала. Когда в 2003 г. выдача основных ипотечных кредитов достигла своего пика, возникли различные формы некондиционных ипотечных кредитов. Если бы этого не произошло, то пузырь на рынке жилой недвижимости, скорее всего, был бы скоротечным, что поставило бы под угрозу циклический подъем, поскольку у американских домохозяйств не было достаточных средств для поддержания одновременного роста продаж жилья и роста цен на жилье. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что в течение делового цикла реальный медианный доход семей в США не увеличился впервые за послевоенную эпоху, а реальная заработная плата рабочих и неруководящих работников, на долю которых приходится около 80% рабочей силы, оставалась практически без изменения (Бреннер, 2009: 43).

Парадоксальным образом субстандартная ипотека привела к тому, что цены на жилую недвижимость и объемы кредитования росли еще более резко и необоснованно. Охватившая тех, кто был давно лишен прав владения жильем, имел низкие первоначальные взносы или даже не имел таковых, она заставила заемщиков желать и иметь возможность платить еще более высокие цены. Увеличился разрыв между той ценой, которую покупатели соглашались платить, и их способностью делать это исходя из своего дохода. Они могли потерять дома, как только цены на жилье перестанут расти, и они не могли бы обеспечить рефинансирование или прирост капитала. В период с конца 2000 г. до середины 2003 г. цены на жилую недвижимость выросли на 17%. С того момента и до конца 2005 г. они увеличились на 29% (Бреннер, 2009: 45).

Федеральная резервная система и администрация Буша даже обратились к закону девятнадцатого века, чтобы воспрепятствовать изданию штатами законов против хищнического кредитования (2009: 43), и все для того, чтобы пузырь на рынке недвижимости продолжал надуваться. Гринспен превозносил достоинства финансовых инноваций США. Инновации в потребительском кредитовании в США, «рост эффективности и масштабов» имеют дол-

гую историю, сопровождавшуюся ростом популярности кредитов. А теперь они привели к «возникновению множества таких новых продуктов, как субстандартные кредиты и нишевые кредитные программы для иммигрантов». Именно использование технологических достижений, в частности моделей рейтингования заемщиков, позволило снизить затраты на оценку кредитоспособности заемщиков, а на конкурентных рынках сокращение затрат, как правило, перераспределяется на заемщиков. Если когда-то маргинальным заявителям попросту отказывали в выдаче кредита, то теперь кредиторы могут достаточно эффективно оценить риск по отдельному заявителю и правильно назначить цену (*Гринспен, 2005*).

Годом ранее Гринспен хвалил производные финансовые инструменты за то, что они позволили «разделить финансовые риски таким образом, чтобы облегчить как их оценку, так и управление ими», что позволило сделать отдельные финансовые институты «менее уязвимыми», а систему в целом «более устойчивой». Производные финансовые инструменты также позволяли переносить риски от «нескольких признанных крупных банков США» к другим финансовым учреждениям и страховым компаниям внутри страны и за рубежом «с рассеянными долгосрочными обязательствами или вовсе без обязательств». Когда усиление конкуренции привело к сокращению маржи, именно они помогли банкам тщательно выверить свои портфели рисков в соответствии с их склонностью брать на себя те или иные риски. Подобные инновации создали настоящую «новую парадигму активного управления кредитами» (*Гринспен, 2004*).

Субстандартные ипотечные кредиты были принципиально зависимы от этой парадигмы. Единственный способ, с помощью которого мог быть обеспечен их рост, заключался в секьюритизации в ИЦБ и снятии с балансов банков-инициаторов в рамках «модели формирования и перераспределения». Единственный способ успешной секьюритизации с высокими кредитными рейтингами, необходимыми для того, чтобы основные покупатели — жестко регулируемые пенсионные и паевые инвестиционные фонды — могли их приобретать, заключался в следующем: сгруппировать их с надежными, кондиционными ипотечными кредитами и обеспечить, чтобы этим группам были присвоены необходимые кредитные рейтинги. Однако ни подобная креативная группировка, ни все более сложные производные финансовые инструменты не помогли в управлении возникшей структурой рисков. Имели место «рассогласованные стимулы» и «информационные дефициты», будь то между субстандартными заемщиками и кредиторами, между кредитными учреждениями, предоставляющими ипотечные кредиты, и покупателями ИЦБ на их основе, между печально известными агентствами кредитного рейтингования и секьюритизаторами, платившими им за оценку своих ценных бумаг. Тем не менее эти факторы не полностью объясняют, почему такие ИЦБ, которые впоследствии будут называться «токсичными», столь успешно продавались на рынке. В конце концов, как отмечал Бреннер, те, кто их покупал, были «высокооплачиваемыми и, по-видимому, хорошо образованными специалистами, работающими в гигантских учреждениях и управляющими миллиар-

дами долларов, деятельность которых заключалась в оценке качества подобных активов, и которые обладали наилучшей информацией, какую только можно купить за деньги». Любое объяснение того, что делало их столь доверчивыми, должно было быть связано с «другим пузырем» — кредитным (*Бреннер, 2009: 50*).

В то время как политика ФРС в отношении низких процентных ставок создала возможности извлечения прибыли путем заимствования дешевых краткосрочных кредитов и выдачи долгосрочных кредитов под более высокие проценты, интенсивная конкуренция в финансовом секторе, подвергшемся дерегулированию, привела к тому, что спрос на активы, обеспеченные ипотекой, стал настолько высок, что доходность упала, а поиск более высокой доходности загнал инвесторов в еще более рискованные активы. Высокий спрос на ИЦБ активировал четыре ключевых процесса. Он поддерживал высокий уровень выдачи ипотечных кредитов и в конечном счете привел к тому, что инвестиционные банки сами занялись кредитованием, приобретая кредитные и финансовые компании (2009: 55). Это гарантировало, что по мере привлечения все более рискованных заемщиков, процентные ставки падали, а не росли. Результатом стал процесс повторной секьюритизации ИЦБ с высоким и низким уровнем риска, поскольку банки пытались более точно выверять свои портфели рисков, чтобы каким-то образом сократить риски и повысить доходность. Наконец, банки стремились застраховать свои ценные бумаги с помощью сложных и «парадоксальным образом недооцененных» производных финансовых инструментов (2009: 55–6).

Рост, вызванный потреблением, которому способствовал этот бум на рынке недвижимости, расширил дефицит счета текущих операций, который теперь достиг своего пика в 6%. Это сопровождалось ростом бюджетного дефицита и постоянным снижением курса доллара. Такой долговой взрыв — как в частном, так и в государственном секторе — и подпитываемое им потребление вызвали широкую озабоченность. Пол Волкер характерно заявлял: как нация, мы потребляем и инвестируем примерно на 6% больше, чем производим. Все это поддерживается огромным и растущим потоком капитала из-за рубежа, который достигает более 2 млрд долларов каждый рабочий день и продолжает расти ... Я не знаю ни одной страны, которая в течение длительного времени смогла бы потреблять и инвестировать на 6% больше, чем она производит. Соединенные Штаты поглощают около 80% чистого потока международного капитала. В какой-то момент и центральные банки, и частные учреждения устанут от долларов (*Волкер, 2005*).

То, что этот предел может быть достигнут в любое время, теперь стало представлять опасность для нестабильной геополитической экономики империи Буша-младшего, опирающейся на жилищные и кредитные пузыри. Как и в случае с любыми другими пузырями, этот момент будет достигнут, когда будет исчерпано доверие. Единственными, кто считал этот процесс устойчивым, были те, кто придерживался той или иной версии ТСГ, которая освобождала Соединенные Штаты от ограничений, налагаемых на рядовые национальные экономики. Разумеется, Волкер не принадлежал к их числу.

□ Глобальный избыток сбережений

Теперь появился новый аргумент, чтобы рационализировать даже эту жутковатую геополитическую экономию. Бен Бернанке сообщил миру, что дефицит счета текущих операций США, государственные и частные долги США, а также приток капитала, который их финансирует, явились результатом «глобального избытка сбережений» (ГИС) — «значительного увеличения глобального предложения сбережений». Этим объяснялся растущий дефицит счета текущих операций США и «относительно низкий уровень долгосрочных процентных ставок в современном мире» (Бернанке, 2005). Именно этим — а не проблемами с конкурентоспособностью США, зарубежными военными расходами или поощрением федеральным правительством жилищного и кредитного пузырей — объяснялся дефицит счета текущих операций США и его недавний рост. Последний фактор был «хвостом собаки», пассивно определяемым зарубежными и внутренними доходами, ценами на активы, процентными ставками и обменными курсами» (2005).

Аргумент Бернанке опирался на идентичность в учете национальных сбережений и инвестиций: эти два показателя считались равными в национальных счетах, а превышение одного над другим финансировалось за счет оттока или притока капитала. В рамках данной модели «инвестиции» включали в себя товарно-материальные запасы, а также инвестиции в жилую недвижимость и непродуктивные инвестиции, а это вовсе не было надежной мерой продуктивных инвестиций, не говоря уже о таком факторе, который вызвал дефицит «сбережений». Тем не менее, утверждал Бернанке, «дефицит счета текущих операций Соединенных Штатов ... не был вызван ни частной задолженностью, ни дефицитом федерального бюджета». Дефицит счета текущих операций увеличивался как при дефиците федерального бюджета, так и без такового (как в конце 1990-х гг.). При этом низкий уровень национальных сбережений был просто отражением ГИС. Хотя он и предупредил, что его аргументы основывались на «реализованных моделях инвестиций и сбережений, а не на изменениях в темпах инвестиций и сбережений, желательных априори» (Бернанке, 2005), он легкомысленно предположил, что реализованные и желаемые сбережения были одним и тем же (Чандрашехар и Гош, 2005).

Бернанке признал, что ГИС был любопытным явлением. Он должен был появиться в богатых странах с низкой рентабельностью внутренних инвестиций и ростом сбережений у стареющего населения. Вместо этого развивающийся мир претерпел «метаморфозу» и превратился из «нетто-пользователя в нетто-поставщика средств на международных рынках капитала» (Бернанке, 2005), поскольку он исправил неумелое управление международными потоками капитала, которое выявил финансовый кризис в Восточной Азии путем накопления более крупных резервов. Это были «неприкосновенные запасы ... предназначенные для использования в качестве буфера от потенциального оттока капитала», а в некоторых случаях (ссылка на Китай) для девальвации национальной валюты посредством рыночных интервенций. Поскольку они были первым, Бернанке видел корень зла в ненадлежащем финансовом управ-

лении в развивающемся мире, а не в ненадежном, спекулятивном и непродуктивном характере краткосрочных средств, поступающих в него с Запада, по отношению к которым, как настаивали Соединенные Штаты, развивающийся мир должен быть оставаться открытым. С этой точки зрения правительства развивающихся стран, по сути, выступали в качестве «финансовых посредников, перенаправляя внутренние сбережения из сферы местного использования на международные рынки капитала». Резкий рост цен на нефть и связанное с ним накопление доходов ее экспортерами также внесли свой вклад в ГИС (Бернанке, 2005).

Эти события привели к «корректировке стоимости активов и обменных курсов». Если в период с 1996 по 2000 гг. международные инвесторы, вовлеченные в акционерный капитал США, оказали «эффект благосостояния» на граждан США и снизили их сбережения, то теперь низкие международные процентные ставки и, следовательно, низкие ставки по ипотечным кредитам в США в сочетании с «низкими реальными процентными ставками», вызванными спросом на казначейские ценные бумаги США, поддерживали «рекордные уровни жилищного строительства и сильный рост цен на жилую недвижимость» в США. В сочетании с оживлением на фондовом рынке рост цен на жилую недвижимость восстановил соотношение между благосостоянием и доходом домохозяйств в США до 5,4, что было недалеко от пикового значения 1999 г., равного 6,2, но выше долгосрочного значения (1960–2003 гг.), в среднем составляющего 4,8». С одной стороны, вследствие того, что это богатство задействовалось американскими домохозяйствами посредством изъятия акционерного капитала и тому подобного, а также вследствие растущего государственного дефицита, объем национальных сбережений в США резко сократился. С другой стороны, «деловые инвестиции в США недавно начали циклическое восстановление, тогда как инвестиции в жилую недвижимость сохранили сильные позиции, дефицит внутренних сбережений продолжил увеличиваться, что подразумевало увеличение дефицита счета текущих операций и рост зависимости Соединенных Штатов от притока капитала» (2005).

Бернанке не мог игнорировать проблемные аспекты ГИС: нежелательность того, чтобы развивающиеся страны с большими возможностями роста кредитовали богатые страны; недостаток возможностей для продуктивных инвестиций в богатых странах; негативное влияние притока капитала на конкурентоспособность экспорта США; возможность беспорядочной корректировки в том случае, если приток иностранных средств будет нарушен. Хотя сокращение дефицита федерального бюджета и увеличение объема частных сбережений сами по себе являются хорошими факторами, они, тем не менее, не повлияют на дефицит счета текущих операций и ГИС. Для разрешения этих проблем потребуется, чтобы «развивающиеся страны вновь выходили на международные рынки капитала в более естественной для них роли заемщиков, а не кредиторов», работая над «улучшением своего инвестиционного климата путем дальнейшего повышения макроэкономической стабильно-

сти, укрепления прав собственности, искоренения коррупции и устранения барьеров на пути свободного движения финансового капитала» (2005).

Причины, почему мировые сбережения направлялись в Соединенные Штаты, включали в себя, в частности, следующее: «привлекательность Соединенных Штатов как места для инвестиций во время технологического бума 1990-х гг.»; «глубина и продвинутость финансовых рынков страны», которые «предоставили домохозяйствам легкий доступ к жилищному благосостоянию» и «особый статус доллара как ведущей международной резервной валюты» (Бернанке, 2005).

Совет экономических консультантов при президенте Буше присоединился к Бернанке в попытке укрепить доверие к экономике США и отложить переломный момент, который иначе бы оказался столь близким. Он переименовал дефицит счета текущих операций в «профицит счета операций с капиталом» (ЭДП, 2006: 125–47), что явилось результатом низкого и сокращающегося уровня сбережений в США, его высокого роста по сравнению с другими передовыми промышленно развитыми странами, включая высокий рост производительности, более благоприятного инвестиционного климата, размера и эффективности финансового рынка и, наконец, международной роли доллара. С 1995 г. мировой экспорт капитала увеличился на 160%, главным образом благодаря накоплению резервов, и Соединенные Штаты импортировали 70% капитала по сравнению с 33% в 1995 г. Приток капитала в таких исторически беспрецедентных масштабах, вопреки мнению многих, не обязательно являлся проблемой, и он мог бы продолжаться бесконечно, если бы «способствовал укреплению инвестиций, производительности и роста в США» (2006: 144).

Кроме того, как утверждал Совет экономических консультантов, Соединенные Штаты получали чистый доход от зарубежных источников, несмотря на свой чистый долг, и первое сделало последнее менее обременительным. Оставался один короткий шаг до теории Хаусмана и Штурценеггера о «темной материи», которая появилась в то время и утверждала, что международные инвестиционные позиции США в размере минус 2,5 трлн долларов должны в действительности составлять плюс 600 млрд долларов, поскольку Соединенные Штаты заработали чистый доход от зарубежных источников в размере 30 млрд долларов за последние годы. Скромное допущение о 5%-й норме доходности активов предполагало, что зарубежные активы США стоят дороже. Эта дополнительная ценность и была «темной материей», так как «она соответствует активам, которые, как мы знаем, существуют, поскольку они приносят доход, но их нельзя увидеть (или, точнее, нельзя точно измерить)». Хаусманн и Штурценеггер предположили, что к ним относится трансфертная стоимость ПИИ США, услуги по управлению ликвидностью доллара США и страхование, обеспечиваемое безопасной стоимостью американских активов (Хаусманн и Штурценеггер, 2005). Подобные рассуждения были весьма похожи на рассуждения Гринспена, когда он утверждал, что «чудо производительности» должно существовать, потому что поведение инвесторов требовало этого.

ПАДЕНИЕ В КРИЗИС

Пока Федеральная резервная система и администрация стремились устранить внутренние проблемы геополитической экономики, связанные с пузырями на рынке недвижимости и кредитов, события, которые нанесут укол по обоим этим пузырям, были уже запущены. Спрос со стороны быстрорастущих стран с формирующейся экономикой уже подталкивал цены на нефть вверх, когда вторжение в Ирак, вместо того чтобы способствовать быстрому наращиванию поставок нефти под контролем США, «село на мель» и лишь дополнительно подстегнуло рост цен на нефть (*Саркис, 2004*). ФРС должна была справиться с возникающими в результате этого инфляционными страхами и с тенденцией на понижение доллара, чтобы поддержать приток иностранных средств, от которых экономика стала столь сильно зависеть. Длительный период низких краткосрочных процентных ставок в США завершился в июле 2004 г., а в январе 2006 г. началось первое из серии повышений, в результате которых процентные ставки выросли с годового минимума в 1% до 5,25%. Они останутся на этом уровне до июля 2007 г. Рост, который ускорился благодаря восстановлению (1,1%; 1,8; 2,5 и 3,6% в период с 2001 по 2004 гг.), сразу замедлился до 3,1% в 2005 г.

Кредитный пузырь в центре финансиализации, ориентированной на США и доллар, который привлекал средства в Соединенные Штаты, был основан на разнице между низкими долгосрочными международными ставками и еще более низкими краткосрочными ставками США, установленными Федеральной резервной системой. Данная разница позволяла финансовым институтам, генерирующим кредиты и ценные бумаги на их основе, брать краткосрочные займы по ставкам меньше низких долгосрочных ставок, которые они предлагали своим заемщикам. Разумеется, эти низкие ставки по ипотечным кредитам обеспечили продолжающийся рост цен на жилую недвижимость. Так что когда ФРС начала повышать краткосрочные ставки, «банкам и другим финансовым институтам стало чрезвычайно трудно получать прибыль традиционным способом, беря короткие дешевые займы и выдавая долгосрочные дорогие ссуды» (*Бреннер, 2009: 58*). Это сделало поиск доходов еще более отчаянным и заставило банки конкурировать за все более рискованные активы. Поскольку конкуренция сократила рентабельность даже по таким активам, только более высокое соотношение заемного и собственного капитала помогало набрать финансовый вес, необходимый для получения желаемой прибыли.

По мере того как банки скупали все больше ИЦБ за деньги, заимствованные на рынке краткосрочных бумаг, расширялась нерегулируемая «теневая банковская система». Она существовала с тех пор, как в 1970-х гг. появились инвестиционные фонды денежного рынка в качестве нерегулируемой формы кредита, и состояла из инвестиционных каналов, которые не отражались в бухгалтерских балансах банков, тем не менее предусматривали требования к ним. В 2000-х гг. такие каналы временно держали ипотечные кредиты, а бан-

ки секьюритизировали их. Тем не менее эти банки «не могли устоять перед инвестированием в сомнительные продукты и их удержанием» (Бреннер, 2009: 59), и, делая это, они концентрировали риски на себе, а не распределяли их согласно модели «формирования и перераспределения». Не регулируемые и не защищенные страхованием вкладов, эти каналы работали на «минимальной марже» и были глубоко уязвимы по отношению не только к падению цен на все более сомнительные некондиционные ипотечные кредиты, которые лежали в основе их ценных бумаг, но и к росту стоимости краткосрочных займов, причем никакую из этих возможностей у них не было причин считать маловероятной (Бреннер, 2009: 60).

Такая тeneвая банковская система была принципиально важна для поддержания роста пузыря ИЦБ (2009: 60). Поскольку краткосрочные процентные ставки начали расти, обрушение огромной и неустойчивой финансовой структуры, которая покоилась на пузыре ИЦБ, было лишь вопросом времени.

С ростом процентных ставок рынок жилой недвижимости достиг максимума в 2006 г. Теперь «кинолента о расширении на основе сектора жилой недвижимости [отматывалась] назад еще быстрее» (2009: 70). По мере падения цен на жилую недвижимость также сокращались объемы инвестиций в нее, кредитов, основанных на росте цен на жилье, и потребления, стимулируемого кредитами, в то время как доходы оставались на прежнем уровне. Снижение потребления и инвестиций в жилую недвижимость замедлило рост. Увеличившееся число случаев осуществления прав удержания уменьшило ценность портфелей ИЦБ, которые финансовые институты произвели для распределения, но вместо этого удерживали, повышая уязвимость.

Рост цен в США, зависящий от цен на жилую недвижимость, достиг пика в 2004 г., составив всего 3,6%, и замедлялся в каждом последующем году. Тем не менее администрация поздравила себя, потому что в 2005 г. рост был все еще «выше среднего исторического уровня» и выше, чем в других передовых странах (ЭДП, 2006: 3), в то время как от объяснений еще более низких показателей в 2006 г. уходили с помощью разговоров о растянутых во времени издержках из-за ураганов «Катрина» и «Рита», инфляции неэнергетических цен и более высоких процентных ставках. Утешало, что падение инвестиций в жилую недвижимость было компенсировано за счет инвестиций в разработку месторождений полезных ископаемых и нефтяных месторождений, замену разрушенных объектов в Мексиканском заливе, автомобильные перевозки (благодаря новым экологическим регламентам), а также в «офисные здания, многофункциональные центры, жилые помещения и рекреационные центры», в «объекты добычи нефти и природного газа» (ЭДП, 2007: 30–1) и за счет экспорта благодаря падающему курсу доллара и более быстрому росту в других странах.

Инвестиции в жилую недвижимость сократились на 7,3% в 2006 г. и на 18,5% в 2007 г., рост замедлился до 2,5% (позднее он был пересмотрен до 2,1%), а цены на жилую недвижимость упали еще более резко (ЭДП, 2008: 29). Впервые за 16 лет располагаемый доход рос быстрее, чем номинальные потребительские расходы, немного увеличивая личные сбережения. Соотношение

благополучия к доходу перестало расти, безработица перестала падать, а такой устойчивый показатель, как потребительские расходы, по-прежнему демонстрировал повышение из-за роста затрат на энергию (2008: 27). Жилищное строительство перестало учитывать увеличение благосостояния домохозяйств к середине 2007 г., когда по-прежнему растущий фондовый рынок принял эстафету.

Только теперь президент признал, что экономика «переживала период неопределенности» (2008: 3), хотя это был также «период изменения баланса», «переориентации экономики США с инвестиций в жилую недвижимость на экспорт и инвестиции». Мало того что эти инвестиции по-прежнему обходили стороной производственную технику и оборудование (2008: 32), так они еще и росли более медленными темпами, чем годом ранее, и существовали опасения, что смятение, царящее на финансовых рынках, может повлиять на темпы инвестиций (2008: 32–3). Экспорт вырос благодаря сильному росту среди торговых партнеров США и низкому курсу доллара (2008: 79–98), а дефицит торгового баланса и счета текущих операций сократился впервые с 2001 г.

Более того, в 2007 г. международные долгосрочные процентные ставки, наконец, неожиданно выросли. В основе лежало стечение целого ряда обстоятельств. К постоянному спросу на капитал для стимулирования роста в Соединенных Штатах добавились следующие факторы: рост потребления в Китае, поскольку стремительное расширение производства, наблюдавшееся в стране на протяжении последних десятилетий, начало способствовать наращиванию массового потребления, несмотря на его экспортную ориентацию; инфляция цен на продукты питания и энергоносители; требования вмешательства Китая на валютные рынки с целью противодействия давлению на юань в сторону повышения; наконец, рост предрасположенности к рискам, уводящий деньги от безопасных, низкодоходных казначейских обязательств США (Макин, 2007). Когда выросли долгосрочные процентные ставки, к которым были привязаны ипотечные кредиты, цены на жилую недвижимость перестали увеличиваться, что открыло череду случаев осуществления прав удержания и банкротств, которые начались среди субстандартных ипотечных кредиторов и далее вверх по финансовой «пищевой цепочке». Банк Bear Stearns был первым среди них, удостоившись публикаций на первых полосах. В результате возник кредитный кризис, а осенью 2008 г. правительство США, в конце концов, спасло ряд финансовых учреждений, за исключением Lehman Brothers по роковой иронии судьбы.

В связи с ростом процентных ставок и падением цен на жилую недвижимость к 2007 г. дефолты не только затронули субстандартные ипотечные ссуды, на долю которых к тому времени приходилось 20% ипотечных кредитов (ЭДП, 2008: 53), но и вышли за их пределы, в частности, в сферу ипотечных кредитов с регулируемой ставкой. Более того, ужесточение кредитных стандартов, которое произошло с наступлением кредитного кризиса, «повысило вероятность того, что расходы предприятий и потребителей могут быть снижены в будущем больше инвестиций в жилую недвижимость, в то время как снижение жилищного благосостояния может также ограничить потребитель-

ские расходы» (2008: 51). К середине 2007 г., когда субстандартные кредиторы объявили о банкротстве и деньги хлынули со вторичных кредитных рынков в результате «бегства к качеству», что привело к снижению доходности казначейских бумаг США, рынок долгосрочных долговых обязательств в целом сократился (2008: 63). Принадлежащие основным банкам каналы в рамках теневой банковской системы теперь выпустили «краткосрочные займы для финансирования долгосрочных активов», или, иными словами, «новые коммерческие бумаги для погашения коммерческих бумаг с наступающим сроком погашения (этот процесс называется «скольжением»)». Однако теперь они столкнулись с большей осмотрительностью со стороны инвесторов и с нежеланием инвесторов приобретать коммерческие бумаги, выпущенные компаниями с ограниченной ликвидностью или без поддерживающей ликвидности, [и] объем непогашенных коммерческих бумаг, обеспеченных активами, сократился более чем на 35%, с 1180 млрд долларов в начале августа до 750 млрд долларов в конце декабря 2007 г. (ЭДП, 2008: 65).

Банки были вынуждены «либо вернуть базовые активы (и связанные с ними обязательства) обратно в свои бухгалтерские балансы, либо продать их, что еще больше снижало их стоимость» (2008: 65). Эти события повлияли и на другие финансовые операции, например, такие, как слияния и поглощения, что вызвало волатильность на фондовом рынке.

Администрация Буша и ФРС при приближении кризиса подтвердили свою веру в «рыночные реформы» и «справедливую и открытую торговую и инвестиционную политику» (2008: 17). Администрация дополнительно снизила налоги и объявила о программах, которые помогут семьям рефинансировать свои дома и избежать осуществления прав удержания (2008: 3–5). ФРС, удерживавшая ставки стабильными на уровне 5,25% в течение более чем года, начала быстро их снижать, начав со снижения на 50 базисных пунктов в сентябре 2007 г., после чего последовало два снижения на 25 базисных пунктов в октябре и декабре. Кроме того, были приняты другие меры для обеспечения ликвидности в финансовой системе, в том числе транзакции на открытом рынке для вливания ликвидности в финансовые рынки. Ставка по федеральным фондам была теперь ниже целевой ставки, а ставка дисконтирования, по которой банкам предоставлялись скидки, была снижена на 1% в два этапа в августе и сентябре 2007 г. ФРС также удлинила сроки своих займов и расширила диапазон обеспечения, которое она принимала для займов по окну дисконтирования, чтобы включить ипотечные кредиты и соответствующие активы. К концу года она также прибегла к новому механизму — аукционам по срочным фондам, чтобы давать деньги в долг кредитным институтам и предоставлять доступ к долларам для европейских и швейцарских властей с целью осуществления ими операций по обеспечению ликвидности для собственных финансовых учреждений. Данные учреждения были в большей степени подвержены опасностям, разворачивающимся в Соединенных Штатах, чем финансовые учреждения где-либо еще.

Однако в остальном администрация полагала, что участники кредитного и жилищного рынков активно решают проблемы, выявленные летом 2007 г.

Рынки, как правило, лучше, чем правительство, адаптируются к изменениям в экономической сфере. Рынки могут быстро реагировать на новую информацию, тогда как государственная политика часто отстает или имеет отсроченное воздействие (ЭДП, 2008: 52).

Администрация Буша признала, что финансовые инновации недавнего прошлого повлекли за собой «некоторые издержки», но все же настаивала: «со временем рынки, как правило, сохраняют ценные инновации, исправляют или устраняют ошибочные инновации» (2008: 52).

В последнем отчете администрации уходящего Буша-младшего были рассмотрены события 2008 г., включая «крах или почти полный провал нескольких крупных финансовых учреждений в сентябре 2008 г.» и рецессию, начавшуюся в 2007 г. и приведшую к «потерям занятости в среднем в размере 82 000 в месяц в течение первых 8 месяцев 2008 г., прежде чем произошло ускорение до 420 000 в месяц в течение следующих трех месяцев» (ЭДП, 2009: 20–1). Администрация искала успокоение в идее, будто экономика США «находится в поиске нового баланса». Она делала это с 2006 г., двигаясь «от инвестиций в жилую недвижимость и потребительских расходов в сторону экспорта и инвестиций в бизнес-структуры», хотя данный процесс не был «ни гладким, ни постепенным» в условиях, когда лопнули жилищный и кредитный пузыри (2009: 31). Предпринятая администрацией программа экономического стимулирования в размере 113 млрд долларов, или 0,8% ВВП, в виде налоговых льгот для налогоплательщиков с низким и средним уровнем доходов и щедрых инвестиционных льгот (21, 34), а также продолжившаяся серия сокращений процентных ставок Федеральной резервной системой «помогли поддержать положительный рост реального ВВП в первой половине 2008 г., [но этого] было недостаточно для предотвращения резкого падения уровня занятости, производства и совокупных расходов» после середины сентября (2009: 31–2). Спад был достаточно серьезным и привел к сокращению потребления нефти. В связи со снижением цен на акции и жилую недвижимость соотношение благосостояния домохозяйств к их доходам уменьшилось с 6,3 лет располагаемого дохода на 1 год дохода в первые три квартала 2008 г., и дальнейшее снижение, по оценкам, должно было уменьшить это значение еще на полугодие в последнем квартале. Естественно, потребительские расходы сократились, а объем сбережений вырос. Деловые инвестиции в основные средства также сократились; и хотя деловые инвестиции в установки для промышленного производства, разведки и добычи нефти и газа, а также в скважины выросли, но ужесточение условий кредитования означало, что в 2009 г. они могут снова уменьшиться. Экспорт, рост которого возобновился в 2004 г. благодаря низкому курсу доллара, резко замедлился в 2008 г. (2009: 31–60).

Буш покинул свой пост, возложив главную ответственность за кризис на ГИС. По его словам, он привел к «большому притоку капитала в Соединенные Штаты и другие промышленно развитые страны, что вызвало снижение прибыли на безопасные активы», и стимулировал «инвесторов к получению более высоких доходов от более рискованных активов, чья доходность также

снизилась». В целом недооценка рисков по ряду рынков (жилая недвижимость, коммерческая недвижимость и выкуп за счет заемных средств, среди прочего) в Соединенных Штатах и за рубежом, а также неопределенность в отношении того, как эти риски распределялись по глобальной финансовой системе, заложили основу последующих финансовых трудностей (ЭДП, 2009: 62).

На самом деле, ГИС, если он и имел место, не вызвал пузыря и не внес свою роль в его крах. Аргумент ГИС был сосредоточен на чистых потоках, на Азии, а также на торговых и финансовых дисбалансах. Однако азиатские правительства, в общем и целом, не были главными инвесторами в растущий кредитный пузырь, который раздувался в Соединенных Штатах (и они не станут его главными жертвами, когда он лопнет в 2008 г.). Гигантский дефицит счета текущих операций США финансировался на фоне валовых потоков капитала в Соединенные Штаты и из них, что не имело никакого отношения к дефициту счета текущих операций, который финансировался за счет чистых потоков. Эти потоки быстро росли в конце 1990-х гг., достигнув 10% ВВП США, когда дефицит счета текущих операций США составлял около 3%, и сократились примерно до 5% после понижения фондового рынка. Однако впоследствии они значительно увеличились и достигли 20% ВВП в 2007 г., а дефицит счета текущих операций достиг пикового значения в 6% в 2006 г. Основную их часть составляли не официальные накопления резервов успешными экспортерами из стран с формирующейся рыночной экономикой, а покупки иностранными банками и институтами неказначейских ценных бумаг США на растущем рынке жилищного финансирования. Такие инвестиции были «ярким признаком сильного мирового финансового бума, в эпицентре которого находились Соединенные Штаты Америки». Эти банки и институты базировались не в странах Восточной Азии или ОПЕК, согласно аргументу о ГИС, а в других развитых странах, главным образом, в Европе, на долю которой приходилось около половины общего притока средств в 2007 г. Из этого объема более половины поступило из Соединенного Королевства, страны с дефицитом счета текущих операций, и еще примерно одна треть — из еврозоны, региона, где сохраняется примерный баланс» (*Борио и Дисъятат, 2011: 15*).

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИ ОБАМЕ

Барак Обама стал президентом в разгар кризиса и по его причине, как кандидат, который с наибольшей вероятностью обеспечит «перемены» и решит серьезные экономические проблемы, с которыми столкнулись Соединенные Штаты. Но после его победы на выборах оказалось, что надежда была напрасной. Администрация Обамы обвинила «годы безответственного риска и спекуляций, вызванных долговыми обязательствами — без контроля и надзора», в финансовом кризисе и рецессии, которые, как опасались экономисты всего политического спектра, могли «погрузить страну во вторую Великую депрессию». Она также узрела корни кризиса гораздо глубже в исто-

рии и структуре экономики США и стремилась не только «спасти», но и «сбалансировать и перестроить» ее (ЭДП, 2010: 25).

Много говорилось и о необходимости замещения потерянных рабочих мест и решения проблем долговременной безработицы за счет законопроекта о занятости, а также о необходимости преодоления «фундаментальных слабостей экономики: увеличивающихся расходов на здравоохранение, растущей зависимости от иностранной нефти, неспособности системы образования подготовить детей к будущей работе». Эти задачи должны были сменить «законопроекты о расходах и снижении налогов для самых богатых, [которые] были одобрены, без оплаты всего этого, с кучей долгов, оставленных позади», и экономику, где «Уолл-стрит играла в азартные игры без учета последствий, а Вашингтон смотрел в другую сторону» (2010: 5). Администрация указала также на необходимость выхода «за пределы экономики, которая подпитывается бюджетным дефицитом и потребительским спросом», и перехода к такой экономике, которая могла бы «экспортировать больше и меньше брать займы у всего остального мира», могла бы «экономить больше денег и меньше брать в долг здесь, у себя дома». Для этого потребуются проводить «политику, которая будет продвигать инновации» и «стимулировать создание новых рабочих мест, новых предприятий и, возможно, новых отраслей». Такая политика предусматривала постоянные налоговые льготы на исследования и эксперименты, «использование потенциала роста международной торговли» и реформирование финансовой системы, что приведет к сокращению сбережений и увеличению задолженности (2010: 7–8). В конечном счете необходимо было перевести экономику США на «рельсы полной занятости» (2010: 29).

Тем не менее Обама на момент переизбрания в 2012 г. не смог достичь почти ни одного результата. В основном это было связано с тем, что успех повлек бы за собой потерю мировой роли, которую Соединенные Штаты столь тщетно пытались играть на протяжении почти столетия. Такая роль, как утверждается в этой книге, была и остается структурно невозможной, и слабость экономики США, не говоря уже о множестве других зол в Соединенных Штатах и за их пределами, стала прямым следствием этого обстоятельства. Если администрация Обамы была вынуждена признать многие факты, которые это демонстрировали (в частности, что Соединенные Штаты жили не по средствам и что мировой порядок стал многополярным), то она никогда явным образом не отрекалась от имперских амбиций США, включая мировую роль доллара, если не считать обозначения этой роли как главной причины экономических проблем США. Во-первых, хотя Обама и объявил о выводе войск из Ирака и Афганистана, расходы на оборону во время его администрации продолжали расти.

Возможно, самым важным показателем предстоящих событий была ответственность кадров с администрацией Буша. Министром финансов стал Тимоти Гайтнер, президент Федерального резерва Нью-Йорка, который тесно сотрудничал с министром финансов из администрации Буша Хэнком Полсоном при разработке и реализации финансовой помощи администрацией Буша.

Роберт Гейтс, министр обороны при Буше, продолжил работу в той же должности. Бен Бернанке был вновь назначен председателем ФРС в 2010 г. Могло показаться, что переориентация демократической партии, произведенная Советом демократического руководства в конце 1980-х и 1990-х гг., была настолько тщательной, что у президентов-демократов больше не оставалось даже своих советников и членов кабинета, не говоря уже о собственной политике. Единственным возможным исключением было назначение бывшего председателя ФРС и оппонента политики дерегулирования Пола Волкера председателем президентского консультативного Совета по экономическому восстановлению, благодаря чему он оказывал влияние на законодательство по регулированию финансового сектора, рассматривавшееся Конгрессом.

Реакция администрации Обамы на кризис включала три ключевых элемента: государственную финансовую помощь, налогово-бюджетные стимулы и Закон Додда — Франка о реформировании Уолл-стрит и защите потребителей от 2010 г. Также была политика ФРС. Программа помощи пострадавшим активам времен администрации Буша была направлена на стабилизацию финансовых рынков путем вливания капитала в финансовые учреждения на сумму 700 млрд долларов. Администрация Обамы продолжила оказывать финансовую помощь тем самым банкам и учреждениям, чьи действия помогли спровоцировать эти потрясения. Она также приняла «самый широкий пакет мер по восстановлению экономики: Американский закон о восстановлении и реинвестировании», который предусматривал не только ... снижение налогов для малых предприятий и 95% работающих семей, а также оказывал помощь в чрезвычайных обстоятельствах тем, кто остался без работы или без медицинской страховки, но и начал закладывать новый фундамент для долгосрочного роста. Благодаря инвестициям в здравоохранение, образование, инфраструктуру и чистую энергетику, Закон о восстановлении к настоящему моменту позволил спасти или создать около двух миллионов рабочих мест, и его принятием была инициирована тяжелая работа по преобразованию нашей экономики по обеспечению ее процветания в современной глобальной эпохе (ЭДП, 2010: 4).

Эти стимулы сыграли свою роль наряду с такими «автоматическими стабилизаторами», как компенсация по безработице и другие финансовые расходы, которые стали необходимы в периоды экономических спадов для обеспечения того, чтобы Великая рецессия, как теперь стали именовать экономический спад, не переросла в очередную Великую депрессию. Но они не смогли обеспечить ничего похожего на надежное восстановление времен первого срока Обамы. Наконец, Закон Додда — Франка, который был подписан в январе 2010 г., уже был отмечен лоббистскими усилиями со стороны финансовых институтов, которым оказали государственную помощь, и они одерживали верх над возмущенным Конгрессом, добиваясь гарантий того, что «правило Волкера» будет значительно более слабой версией предусматривавшегося Законом Гласса — Стиголла разделения коммерческой и инвестиционной банковской деятельности, включая предотвращение участия коммерческих банков, пользующихся федеральным страхованием вкладов, в торговле ценными бумагами за счет

собственных средств. Но дьявол по-прежнему скрывался в деталях имплементации, которой к началу 2012 г. начали оказывать активное сопротивление финансовые институты.

В любом случае налогово-бюджетные и законодательные меры администрации оставались на заднем плане экономического управления, где они находились после капитуляции Клинтона перед ФРС и «кучкой чертовых торговцев облигациями». ФРС была ключевым управляющим экономикой. Ради стимулирующего восстановления она влила деньги в финансовую систему с помощью «количественного смягчения» (КС), т.е. фактически еще более масштабной государственной финансовой помощи на сумму в 2 триллиона долларов, что затмило собой Программу помощи пострадавшим активам. Количественное смягчение не достигло поставленной цели: оно не смогло заставить банки США снова начать кредитование американских предприятий. Предприятия просто не хотели брать кредиты (*Бреннер, 2009: 73*). Но ему удалось снова вовлечь банки в спекуляции за рубежом, обесценив доллар США и наводнив страны с формирующейся экономикой и товарные рынки (ЮНКТАД, 2011). Правительства всего мира пытались различными способами ограничить эти притоки, в том числе прибегая к контролю за капиталом, который теперь восстановил определенную, пусть и ограниченную, респектабельность в качестве законного инструмента политики, даже в глазах МВФ (*Грейбел, 2011*).

Количественное смягчение также усилило отращивание всего мира к не представляющим ценности долларам. Одним из явных признаков этого был рост цен на золото. К другим признакам относилось увеличение числа двусторонних торговых соглашений с целью выражения торговли в любых других валютах, кроме доллара и формирование многосторонних резервных пулов (*Грейбел, 2010*) наряду с призывами к созданию новой мировой валюты во главе с Китаем (*Чжоу, 2009; Субакки и Дриффилл, 2010; Стиглиц, 2009*). Возможно, самым важным с точки зрения будущего доллара как мировой валюты было то, что американские частные лица, а также частные и государственные институты теперь держали почти 70% долга США (ЭДП, 2011: 93). Это произошло главным образом в результате количественного смягчения, в рамках которого ФРС приобрела ИЦБ и другие «токсичные» активы у банков США, позволив им осуществить рекапитализацию с помощью более безопасных казначейских ценных бумаг США, а также приобрела и удержала казначейские обязательства для этой операции. Что еще важнее, иностранные инвесторы владели 11% всех финансовых активов в экономике США (2011: 93), поскольку доллары были репатриированы. Хотя в данной ситуации любая потеря стоимости доллара могла нанести большой ущерб частным и государственным владельцам в США, чем зарубежным владельцам, теперь США были больше не в силах предотвратить это. Когда Обама приближался к переизбранию, а еврозона — к кажущейся стабилизации, было объявлено 3-е количественное смягчение, прозванное бесконечным, поскольку ФРС взяла на себя бессрочное обязательство ежемесячно выкупать ИЦБ на сумму 40 млрд долларов до тех пор, пока не улучшатся показатели занятости. Если это не урегулировало кризис, то, как казалось, определило дальнейшее понижение доллара.

9

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МНОГОПОЛЯРНЫЙ МОМЕНТ

Момент многополярности, достигнутый в двадцать первом веке, завершает длинную главу в истории империализма, в рамках которой отдельные державы могли доминировать или пытались доминировать в условиях капиталистического мирового порядка. Последовательные волны развития стран-претендентов, из которых наиболее мощное развитие происходило в СССР и в целом при коммунизме, а также новейший виток такого развития в странах БРИКС и странах с формирующейся экономикой — все это способствовало еще более широкому распространению производительных сил, так что к началу двадцать первого века подобное доминирование стало невозможно. Империализму еще не пришел конец: более могущественные государства, полюсы многополярного капиталистического мира, все еще будут предпринимать попытки затормозить дальнейшее сокращение неравномерности, которая им на руку, путем новых витков соперничающего развития. Однако уже сама их множественность работает против них, ускоряя переход к мировому порядку, при котором число полюсов будет больше, а их мощь будет меньше; при котором неравномерность влечет за собой все менее серьезные последствия. Тот факт, что подобный переход не может быть ни гладким, ни постепенным, не делает его менее неотвратимым.

Движущими факторами геополитической экономики капитализма служат ее противоречия, важнейшими из которых являются нехватка спроса и тенденция нормы прибыли к понижению. По мере того как государства пытаются управлять ими, в том числе посредством экстернализации их последствий, и каждое государство делает это в соответствии со своими возможностями, эти противоречия выводят их на «грандиозную арену, где они

предстают ... в своем наиболее грандиозном развитии, в качестве отношений производящих наций» (*Маркс, 1858: 886–7*). На этой арене другие государства, будь то капиталистические или нет, пытаются противостоять экстернализации последствий противоречий другими капиталистическими странами. Из векторной суммы этих взаимодействий складывается динамика геополитической экономики. Она, в свою очередь, реагирует на внутреннюю политическую экономию, и обе они меняются в историческом контексте. Например, когда в послевоенном мире исчезла возможность управлять дефицитом спроса посредством колониальных завоеваний и контроля, стало необходимо расширять внутренний спрос. Такие изменения во внутренней политической экономике заложили основу совершенно иной геополитической экономики послевоенного капитализма, которую отмечал Бреннер.

В силу этого нации, как и классы, являются агентами капиталистической истории. Большевики в свое время именно так поняли революционную историческую конъюнктуру и свои задачи в ней; подобное понимание снова необходимо сегодня, когда мировой капитализм вступает в новую фазу своей геополитической экономики. Ведь, как всегда, в нем присутствует возможность того, что народные силы могут захватить контроль над капиталистическими государствами, что ознаменует собой уход от капитализма. С одной стороны, хотя усиливающаяся экономическая роль государств не сводится к социализму, в условиях, когда капиталистические классы слишком обеспокоены, государства открывают более широкие возможности для того, чтобы «национальный капитализм стал просто точкой остановки на пути движения к тому или иному типу социализма» (*Блок, 1977: 9*). С другой стороны, поскольку дальнейшее разворачивание смешанного неравномерного развития (СНР) сужает варианты управления противоречиями капитализма посредством их экстернализации, эти государства должны усилить свою экономическую роль и стать гораздо более восприимчивыми к народным призывам. Вот почему СНР, которое восходит к идеям Маркса и Энгельса и к их взглядам на кризисные тенденции капитализма, лежит в основе внутренне противоречивой геополитической экономики капитализма. Восстановление этого понимания заставило нас обратиться к этим идеям и к более поздним традициям, в которых они воплотились, и спасти их от тех признанных марксистов и экономистов-марксистов, которые придерживаются такого же фритредерского подхода к капитализму, как любой приверженец свободной торговли в девятнадцатом веке или современный глобалист, а также от высокомерия, накопленного более чем за столетие буржуазной мысли.

Разумеется, такие теоретики смешанного капиталистического развития, как Лист и Гамильтон, также внесли свой вклад в геополитическую экономию. Недавно Райнерт и Даастол (2004) поместили их в центр пятивекового «другого канона» экономики, под которым понималась центральная экономическая роль государств в развитии. Однако маргинальная позиция, к которой они отнесли другой канон, может вводить в заблуждение. Ведь ресурсы для геополитической экономики значат больше, чем доминирование космополитических идеологий, в которые до недавнего времени можно было

поверить. Классическая политическая экономия еще до Маркса — времен Смита или Мальтуса, а также наиболее влиятельная мысль двадцатого века, принадлежавшая, прежде всего, Кейнсу, — не поддерживала космополитических взглядов.

Действительно, нечто, напоминающее геополитическую экономию, возможно как дальнейшее развитие классических теорий империализма и СНР, могло бы получить распространение после того, как мировое господство СК закончилось 30-летним кризисом, а свободная торговля была свернута. В конце концов, после Второй мировой войны преобладало статистское понимание мировой экономики в форме экономического мышления националистического, социал-демократического толка, а также мышления, ориентированного на развитие. Однако после этой катастрофы Соединенные Штаты быстро сосредоточили в своих руках столь огромную экономическую и политическую мощь, благодаря которой они могли попытаться реализовать свои амбиции и заменить Соединенное Королевство в качестве «управляющего сегмента» мировой экономики. Это привело к развитию исторических и интеллектуально-исторических событий, которые дадут империализму странную жизнь после смерти, которая сопровождалась неоднократно терпевшими крах попытками США поддержать мировую роль доллара, а также космополитическими идеологиями: теорией стабильности гегемонии (ТСГ) и — позднее — глобализацией и империей. Правда в отношении рассматриваемых в этой книге космополитических идеологий, от свободной торговли до «империи», которую пытались сокрыть, оказалась в том, что капиталистический мировой порядок, воплощающий противоречия капитализма, никогда не являлся и не может являться стабильной системой международного экономического и денежно-кредитного управления.

ДОМИНИРОВАНИЕ ОДНОЙ ДЕРЖАВЫ: ПЕРИОД ЖИЗНИ И СТРАННАЯ «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ»

Теперь тезисно вернемся в этой книге к описанию геополитической и экономической эволюции капиталистического мирового порядка, забывив от старых и новых космополитических искажений.

Вопреки фритредерскому имиджу Британии, который по-разному подкреплялся идеей Гершенкрона о «позднем развитии» и спорами о спаде в британской промышленности, промышленная революция в Соединенном Королевстве стимулировалась государственными мерами, в том числе протекционизмом и империализмом. Они были необходимы даже в преимущественно докапиталистическом мире. После того как Соединенное Королевство стало доминирующей промышленной державой в мире, идеология свободной торговли стала скрывать ее имперские усилия, направленные на то, чтобы держать рынки открытыми для своих промышленных товаров (именно такая торговая

политика в наибольшей степени благоприятствует доминирующей в промышленном отношении стране), а также препятствовать (а в случае с ее колониями — противодействовать) возведению барьеров, за которыми страны-претенденты могли бы осуществить индустриализацию. Данные усилия, как четко понимали Гобсон и Люксембург, коренятся в свойственном капитализму дефиците спроса.

Будучи доминирующей промышленной державой в мире, Соединенное Королевство также имело превосходство в коммерческом, финансовом и, разумеется, в военном отношении. В пределах своей Империи Соединенное Королевство могло навязывать одностороннюю свободную торговлю своим колониям, чтобы те служили рынками сбыта для излишков его товаров и капитала. По иронии судьбы мир стал свидетелем явления, наиболее близкого единому мировому рынку, созданного именно британским империализмом. Но какой бы обширной ни являлась империя, она не была равновелика миру. На территориях, находящихся вне контроля Великобритании, могли возникнуть и, действительно, возникли могущественные государства, которые пренебрегли свободной торговлей и осуществили индустриализацию за стенами протекционизма. Промышленное развитие в США, Германии и Японии нанесло особенный удар по единству мирового рынка, расширило производительные силы и подорвало промышленное превосходство Соединенного Королевства. Можно сказать, что, по сути, это и был момент зарождения многополярности. Мировое доминирование первой промышленно развитой капиталистической страны было неизбежно, пока мир за ее пределами оставался докапиталистическим и доиндустриальным. К 1870-м гг. такой мир прекратил свое существование, и теперь подобное доминирование стало невозможным. Хотя коммерческое и финансовое доминирование Соединенного Королевства сохранялось дольше, но и ему пришел конец в результате Первой мировой войны.

Период с 1870 по 1914 гг. следует рассматривать как период устойчивого равновесия между мировым доминированием СК и тенденцией в сторону многополярности, которая уже столь мощно заявила о себе. Отличительные особенности геополитической экономики того периода включали в себя промышленную конкуренцию, которая подорвала промышленное превосходство Соединенного Королевства, а также имперскую конкуренцию за колонии, которая вытеснила «экспансию Англии» просто потому, что в мире все еще были территории, которые можно было легко приобрести и удержать, поскольку они либо не имели государственности, либо имели слабую государственность. Именно такое смешанное промышленное и имперское соревнование — а не исключительно имперское соревнование — было объектом классических теорий империализма и СНР. Оно сделало мировую экономику еще менее либеральной, чем она была в период безраздельного владычества Соединенного Королевства. Это произошло благодаря развитию стран-претендентов в условиях протекционизма, а также благодаря промышленной и имперской конкуренции между «национализированным», «финансовым» или «монополистическим» капитализмом, как Бухарин, Гильфердинг и Ле-

нин называли характерную для того времени новую политическую экономию капитализма. Тот факт, что данный период обычно считается периодом расцвета свободной торговли, когда Соединенное Королевство успешно использовало золотой стандарт с фунтом стерлингов в качестве мировых денег, служит иллюстрацией того, сколь далеки от реальности всегда бывают космополитические идеологии.

Еще одно важное событие дополнительно подорвало либерализм. Политическое утверждение рабочих классов в основных капиталистических государствах требовало того, чтобы эти государства обеспечили им материальные уступки и оградили занятость и производство от превратностей мирового рынка. Государства отреагировали, сделав экономику более национальной, а роль государства — более заметной. Якобы «автоматический» золотой стандарт уже оказывал политическое воздействие: конкурирующие страны-претенденты могли принять его преимущества и отказаться от его дефляционной корректировки. С утверждением рабочего класса, в результате которого сохранение минимального уровня занятости стало еще более важной задачей, он был отправлен на свалку истории (*Эйхенгрин, 1992*).

Вероятно, неизбежно страны-претенденты, бросающие вызов единоличному мировому доминированию Соединенного Королевства, питали бы надежды подражать ему, но в равной степени неизбежно такие амбиции будут пресечены. Первая волна развития стран-претендентов уже распространила производительные силы слишком широко, чтобы допустить доминирование какой-либо одной державы. Кроме того, конкуренция между многочисленными странами-претендентами расширит возможности смешанного развития новых стран-претендентов и еще сильнее подорвет имперские возможности, доступные любой из них. Разумеется, сговор между имперскими государствами был также возможен, о чем в разное время предупреждали Ленин и Каутский. Сомнительно, что такой сговор, даже не будучи «омраченным» конкуренцией, смог бы сдержать дальнейшее развитие стран-претендентов, как не сдержало и доминирование СК. Поскольку развитие стран-претендентов преобладало над попытками поддерживать неравномерность на каждом этапе, мир будет двигаться к усилению многополярности.

Причины, осложнявшие такое относительно простое развертывание СНР, заключались не только в том, что США стремились заменить Соединенное Королевство в качестве «управляющего сегмента мировой экономики» (хотя бы в том, чтобы сделать доллар мировыми деньгами вместо фунта стерлингов), но войнами, которые дважды давали им подавляющее экономическое и финансовое превосходство, которым они воспользовались в своих попытках реализовать эти устремления. Создав в 1913 г. Федеральную резервную систему и обеспечив международное признание доллара, Соединенные Штаты были готовы использовать возможности, предоставленные мировыми войнами. Они вступили в Первую мировую войну, чтобы продолжать извлекать выгоду от заманчивых заказов союзников, которые финансировали их банки при поддержке государства. В результате Соединенные Штаты превращались из мирового должника в мирового кредитора. Настойчивое требование США

о выплате союзниками военных долгов, в свою очередь, привело к настойчивому требованию со стороны союзников о выплате Германией репараций, и они были затем профинансированы из Нью-Йорка. Таким образом, именно благодаря этому клубку межправительственных обязательств, доллар и Нью-Йорк приобрели видное положение в межвоенный период. Если Соединенные Штаты и осуществили свои желания, то лишь в искаженном виде: фунт стерлингов и Лондон руководили потоками частного капитала. Финансовая карусель межвоенного периода была обусловлена Великой депрессией, которая сильнее всего ударила по Соединенным Штатам.

Однако Вторая мировая война предоставила им «второй шанс». Она дала еще больший импульс экономике США как поставщику боевой техники, а также привела к еще более масштабным разрушениям в конкурирующих капиталистических странах, так что экономическое и финансовое доминирование Соединенных Штатов в конце войны было подавляющим. Это могло бы стать самой многообещающей возможностью, которую Соединенные Штаты получили бы для утверждения доллара в качестве мировых денег. На конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 г. они отвергли предложения о многостороннем управлении мировой экономикой и настояли на превращении в мировую валюту доллара, обеспеченного золотом. Тем не менее реалии дадут о себе знать.

В послевоенных обстоятельствах поддержание одной национальной экономики среди других, каким бы крупным ни был ее относительный размер, на полной мощности (требование политической легитимности в эпоху массовой политики и международной конкуренции, не говоря уже об имперском желании Соединенных Штатов сохранять свою промышленное доминирование) сталкивалось с необходимостью поддерживать стоимость доллара. Такое столкновение принимало две формы. Во-первых, политический инструментарий смешанного развития пришлось отложить в сторону из-за опасений того, что с его помощью Соединенные Штаты приобретут статус государства-претендента. Узкий спектр мер, которые они могли предпринимать для стимулирования роста (макроэкономическая политика, дополненная промышленной политикой для оборонных отраслей) препятствовал стремлению США к росту. Особенно в условиях, когда разоренные войной конкуренты использовали полный набор политических инструментов и сократили относительный экономический вес и конкурентоспособность США. Вот почему главным событием времен «долгого бума», или «золотого века» 1950-х и 1960-х гг., было смешанное развитие Западной Европы, Японии и в меньшей степени развивающегося мира.

Между тем, Соединенные Штаты могли обеспечить только инфляционный рост, который увеличивал дефицит торгового баланса и счета текущих операций, тем самым подрывая мировую роль доллара, как предсказывал Триффин в 1959 г. Отток золота уже привел к необходимости формирования золотого пула для поддержания курса доллара в 1961 г. Десятилетие спустя Никсон согласился с обратным — с тем, что экономика США может расти только в том случае, если она откажется от попыток сохранить мировую роль

доллара, обеспеченного золотом. Между тем попытка Кеннеди — Джонсона финансировать империализм посредством национального экономического роста продемонстрировала невозможность такой авантюры: высокоинфляционный рост не только дополнительно подорвал стоимость доллара, но и исчерпал терпение других капиталистических держав при существующих денежно-кредитных договоренностях.

Геополитическая экономия двадцатого века затрудняла любую попытку подражать британскому мировому господству образца девятнадцатого века. К началу двадцатого столетия США уже продвинулось достаточно далеко, чтобы свести это подражание к приданию доллару старой роли фунта стерлингов. О территориальной империи не могло быть и речи. Однако первое было невозможно без второго. Британские колонии сыграли решающую роль в поддержании мировой роли фунта стерлингов: они приносили излишки, которые позволяли Соединенному Королевству экспортировать капитал и тем самым обеспечивать международную ликвидность в фунтах стерлингов, не говоря уже о солдатах, ведущих войны в отдаленных колониальных владениях.

Во времена Первой мировой войны Соединенные Штаты экспортировали капитал для финансирования своего экспорта. Эта, по сути, разрушительная практика фактически сокращала способность должников к погашению долга, а в межвоенный период принудительные выплаты создали финансовый хаос под контролем Нью-Йорка. Позднее в двадцатом веке, когда поддержание высокого уровня занятости стало служить показателем национальной экономической политики, ни одна национальная экономика, независимо от ее размера, не могла позволить себе экспортировать капитал в масштабах, хотя бы приближающихся к необходимым. Мало того что Соединенные Штаты были лишены колоний, от лица которых они могли бы выступать, так они еще хотели сохранить, если не увеличить, относительные размеры своей экономики. Хуже того, экспорт капитала будет финансировать только развитие стран-претендентов, как и средства по плану Маршалла. Даже такой скудный экспорт капитала вызвал необходимость «испугать страну до чертиков» и развязать холодную войну еще до того, как Конгресс ее одобрил.

Кроме того, в послевоенный период происходило слишком широкомасштабное смешанное развитие. С одной стороны, коммунизм в России, Восточной Европе и Китае полностью вывел огромные части мира из сферы влияния капитализма. Представляя большую потенциальную угрозу, чем смешанное капиталистическое развитие, он также вынуждал Соединенные Штаты поощрять смешанное развитие восстанавливающихся и развивающихся стран, хотя бы для того, чтобы отвлечь их от коммунизма. По мере того как происходило такое развитие, Соединенные Штаты просто не могли поддерживать мировую роль доллара, обеспеченного золотом.

Поскольку ни экспорт капитала, ни обеспечение ликвидностью, основанное на дефиците, были невозможны, доллар не мог стабильно функционировать в качестве мировых денег даже в 1950-х и 1960-х гг., когда США якобы были «гегемоном». В действительности, идея о том, что они им были — ТСГ — коренится в растущих проблемах доллара в 1960-х гг. Гипотеза международно-

го финансового посредничества (ГМФП) утверждала, будто роль доллара в мире была гарантирована, поскольку, в отличие от таких экономистов, как Триффин, который считал экономику США всего лишь еще одной национальной экономикой, Соединенные Штаты, на самом деле, являлись мировым банком, а их долги остальному миру были просто их обязательствами. Проблема заключалась не в дефиците или конкурентоспособности США, а в неспособности иностранных правительств и центральных банков оценить их, как это сделали частные инвесторы, согласно утверждению ГМФП.

К тому времени, как правительство Никсона закрыло золотое окно в 1971 г., смешанное развитие стран с восстанавливающейся экономикой привело к образованию избыточных мощностей и перепроизводству, на счет которых Бреннер отнес длительный экономический спад. Это сформировало бы контекст для дальнейшего утверждения доллара в качестве мировой валюты. Продолжительность «долгого спада» была обусловлена трансформированной динамикой послевоенной геополитической экономии. С окончанием официального колониализма передовые капиталистические экономики стали намного больше зависеть от спроса, создаваемого внутри страны, а также от таких экспортных рынков, доступ к которым они могли бы получить посредством политических торговых переговоров. Руководители национальных экономик оказались не готовы пускать ценность капитала «на убой», что было бы необходимо для восстановления капиталистического накопления в их собственных экономиках. Ведь если другие не последовали бы их примеру, то их усилия, вместо того, чтобы привести к возрождению собственной промышленности их стран, могли, в конце концов, пойти на пользу капиталистам в других странах. В любом случае в эпоху массовой политики были слишком велики экономические издержки, связанные с сокращением производства, и политические издержки, связанные с противодействием со стороны как капиталистов, так и трудящихся. (Британское правительство во главе с Тэтчер составляло исключение, поскольку промышленность в этой стране была исключительно бесправной. Но вызывает сомнения, смогло бы ли оно провести 25% сокращение производства в СК, не будь нефтяного бума в Северном море, который оно использовало для ослабления неизбежной политической оппозиции.)

В этом контексте одна или несколько капиталистических экономик могут выиграть только за счет других, в зависимости от относительной стоимости валют в «гидравлической динамике» роста с нулевой суммой, описанной Бреннером. Несмотря на то что для этого требовалась определенная степень сотрудничества между основными капиталистическими державами, что особенно ярко проявилось в ходе встреч «Большой семерки», существовали и противоречия. Объявление о «Европейской валютной змее» с целью координации валют европейцами после закрытия золотого окна и потенциальное развитие данной инициативы с последующим созданием евро — вероятно, одно из наиболее заметных проявлений антагонизма, хотя и американо-японские торговые и финансовые отношения не были лишены жестких взаимных претензий. Возможно, не случайно, по мере усиления конкуренции с такими же

капиталистическими соперниками фокус внешней политики США сместился с антикоммунизма на контроль за нефтью на Ближнем Востоке.

ТСГ появилась после закрытия золотого окна и сыграла роль, довольно отличную от той, чем была свободная торговля для Соединенного Королевства девятнадцатого века. Во-первых, поскольку политическое управление капитализмом едва ли представляется возможным отрицать, оно было закреплено только за одним государством — «гегемоном». Во-вторых, если идеи свободной торговли сопутствовали промышленному превосходству СК, то ТСГ появилась после того, как США утратили такое превосходство. После 1870 г. свободная торговля продолжала превозносить финансовое и коммерческое превосходство, которое Соединенное Королевство все еще могло осуществлять благодаря своим колониям. Напротив, ТСГ могла лишь попытаться создать иллюзию того, что мировая роль доллара после 1971 г. оставалась неизменной, если остальной мир этого не видел. ГМФП предвосхитила ТСГ и осталась в ее основе. Нет никаких доказательств того, что политические деятели США действительно следовали рецептам ТСГ, или что здоровое состояние экономики США перестало быть ключевым фактором, определяющим стоимость доллара. Поскольку все дальнейшие попытки сохранить мировую роль доллара теперь будут основываться на серии финансиализаций, ориентированных на доллар и на США. Однако ТСГ способствовала тому, чтобы представить каждую из них как заслуживающую доверия, прежде чем она потерпит неудачу и не возникнет необходимости в другой. Все эти серии финансиализаций сопровождалась огромными торговыми дисбалансами, которые необходимо было финансировать.

Первая финансиализация произошла, когда Соединенные Штаты договорились о том, что нефтяные доходы ОПЕК будут перерабатываться через финансовые активы, выраженные в долларах. Это ненадолго стабилизировало мировую роль доллара, сделав его незаменимым для финансирования основного для того времени международного торгового и финансового дисбаланса — между экспортерами и импортерами нефти. Для этого входящие потоки капитала направлялись во внешний мир, в развивающиеся и коммунистические страны, и — удивительным образом, в условиях финансиализации, с 1971 г. ориентированной на доллар, — финансировали там индустриализацию. Все последующие финансиализации будут душить рост в большинстве регионов мира и направлять капитал в Соединенные Штаты. Поскольку из-за длительного спада капитал нельзя было использовать столь эффективным способом, это могло привести только к образованию пузырей цен на активы — пузырей на фондовом рынке, которые лопнули в 1987 и 2000 гг., и пузырей на рынке жилой недвижимости и кредитования, которые лопнули в 2008 г.

Содержащееся в «Геополитической экономии» повествование о финансиализации, которая была необходима для поддержания мировой роли доллара, проливает свет на финансиализацию как более широкомасштабное явление. Во-первых, хотя финансиализация в определенной степени затронула все страны, она имела четкую географию и финансовую структуру. США и Соединенное Королевство, которые играли особую вспомогательную роль

в рамках каждой финансиализации, были наиболее обеспеченными деньгами экономиками, а сами процессы финансиализации в подавляющем большинстве случаев управлялись Соединенными Штатами и были ориентированы на доллар. Они связали все более искаженные процессы роста экономики США с сохранением мировой роли доллара. Данная роль служила гарантией того, что процессы роста останутся искаженными, поскольку лежащие в их основе проблемы конкурентоспособности останутся нерешенными, и это искажение в конечном счете будет достигать каждую финансиализацию.

Во-вторых, ни одна конкретная финансиализация или финансиализация в целом не происходила потому, что деньги по своей природе «взаимозаменяемы» и не поддаются контролю. Они происходили потому, что сменявшие друг друга правительства в США при поддержке правительств СК реализовывали политику и стратегию их создания и поддержания. Основная цель такой политики заключалась в том, чтобы поддержать доллар путем обеспечения такого уровня долларовой ликвидности, который бы позволил сохранить его статус в качестве резервной валюты. Вот почему в спорах о том, был ли финансовый кризис 2008 г. вызван ошибками банкиров или регуляторов, из виду упускается принципиальный момент. Финансовые институты едва ли действовали безупречно, но неустойчивая финансовая практика, которой они придерживались, была фактически продиктована политикой, проводимой американским экономическим руководством, в первую очередь Федеральной резервной системой. И она предусматривала поддержание притока капитала в экономику США, поддержание потребления и кредитование роста, а также обеспечение международного доверия к доллару посредством сохранения роста цен на жилую недвижимость и раздувания ипотечных пузырей. Активированные ими конкурентные процессы заставили банкиров вкладывать все больше заемных средств во все более рискованные инвестиции для получения сокращающейся маржи прибыли.

Наконец, вспомогательная роль Соединенного Королевства также предстает в новом свете. Как мы видели в главе 2, Маркс ожидал, что по мере развития капитализма отношения между финансовым и производительным капиталом утратят присущую более ранней эпохе атавистическую форму, при которой первое подчиняется второму, и примут современную форму, основанную на обратных отношениях. Впервые эта современная форма проявилась в том, что Гильфердинг назвал «финансовым капиталом» в «странах, проводящих политику протекционизма». Ее он противопоставил британской модели, которая сохранилась в своей атавистической форме благодаря господству финансового капитала в британском капитализме и британской империи. Эта модель была бы разрушена вместе с британским мировым господством после Первой мировой войны, если бы Соединенные Штаты не возродили ее на собственной территории в стремлении подражать мировому доминированию Великобритании. Финансиализация, которая столкнулась со своим антагонистом в виде кризиса 2008 г., стала кульминацией этого долгого исторического развития.

Хотя финансиализация была оправдана с точки зрения направления капитала на более производительные инвестиции, она работала главным образом на направление средств в экономику США, за исключением двух периодов. Первый период пришелся на 1970-е гг., когда в условиях длительного спада в западных экономиках нефтяные доходы, депонированные в западных и американских банках, были направлены на производственные инвестиции в развивающиеся страны. Второй случился в середине 1990-х гг., когда в основном краткосрочный капитал вышел на финансовые рынки стран Восточной Азии. Для развивающегося мира первое было лучше второго, пока это продолжалось. Однако индустриализация, набравшая там обороты, закончилась катастрофически в обоих случаях в виде долгового кризиса 1982 г. и Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. соответственно, что повлекло за собой большие социальные издержки и затраты на развитие. В остальное время средства, которые направлялись в Соединенные Штаты благодаря финансиализации, могли только помешать Соединенным Штатам усилить конкурентоспособность и вместо этого взорвать пузыри активов, с учетом избыточных мощностей и перепроизводства в рамках системы в целом. Все это дополнительно усугубилось в случае США, поскольку американские правительства не допускали никакой промышленной политики, за исключением искаженных форм военного кейнсианства и военного шumpетерианизма.

На фоне упадничества, возникшего из-за закрытия золотого окна, поражения во Вьетнаме и экономической слабости, появилась ТСГ, чтобы ретроспективно оценить гегемонию США, а к концу 1980-х гг. сторонники возрожденчества начали утверждать, будто она была восстановлена. Тем не менее вплоть до 1990-х гг. экономика оставалась слишком проблемной: в конце 1970-х и начале 1990-х гг. она опустилась до исторических минимумов для последующего возрождения. Закрывая золотое окно, администрация Никсона не признала, в соответствии с ГМФП, что стоимость доллара будет поддерживаться на доверии частного сектора. Скорее, она прекрасно осознавала, что меркантилизм ее действий может положить конец мировой роли доллара. Только крупная валютная интервенция, с последующим соглашением о возвращении в оборот нефтяных доходов ОПЕК, позволила стабилизировать доллар. Но даже при этом к концу 1970-х гг. США нуждались в сотрудничестве с другими крупными индустриально развитыми экономиками в рамках регулярных саммитов «Большой семерки» с целью стабилизации обменных курсов и поддержания роста. Второй нефтяной шок вновь вызвал падение доллара. Новый председатель ФРС Пол Волкер с целью укрепления доллара поднял процентные ставки до двузначных чисел, и «упадничество» достигло своей кульминации в виде речи Джимми Картера, в которой он предлагал понизить роль США в мире и повысить конкурентоспособность, чтобы американцы могли зарабатывать себе на жизнь.

Выборы Рональда Рейгана вернули Соединенные Штаты на каменистую тропинку поддержания мировой роли доллара, однако его неолиберальная, монетаристская экономика предложения не сумела этого обеспечить. В условиях высоких процентных ставок правительство стимулировало экономи-

ческий рост за счет масштабных налоговых стимулов — снижения налогов для богатых — и перезарядки военного кейнсианства и военного шумпетерианизма. Поскольку основополагающие для США проблемы конкурентоспособности остались нерешенными, рост привел к увеличению не только дефицита торгового баланса, но и бюджетного дефицита. Доллар оставался сильным только благодаря тому, что происходил приток капитала в Соединенные Штаты за счет высоких процентных ставок, установленных Волкером, выплат долгов странами третьего мира, бегства капитала из Европы и финансирования Японией дефицита США в обмен на доступ к американским рынкам. Эти притоки капитала сформировали второй крупный всплеск финансовой инфляции, деноминированной в долларах. Они заставили доллар взмыть настолько высоко вверх по сравнению с его реальной стоимостью, что производители начали оказывать давление с целью сокращения курса, а ведущие политические деятели стали опасаться, что доллар может пережить катастрофическое неконтролируемое падение. Соглашение, подписанное в 1985 г. в отеле «Плаза» (The Plaza Accord), предусматривало организацию контролируемого снижения курса доллара. Доллар падал на протяжении десятилетия. Пузырь на фондовом рынке США, который лопнул в 1987 г., этому способствовал. Несмотря на беспрецедентные налоговые стимулы при Рейгане, экономика США могла поглощать лишь часть капитала — остальное шло на раздувание пузыря на фондовом рынке. После того как этот пузырь лопнул, «пут-опцион Гринспена», нового председателя ФРС (т.е., предоставление дополнительной ликвидности финансовым рынкам в кризисных условиях), как было широко признано, помог предотвратить рецессию, что не соответствовало действительности, поскольку пузырь на фондовом рынке не был связан с производительной экономикой.

Падение курса доллара указало направление, в котором, действительно, могли бы последовать основные экономические показатели США. Повышение спроса на экспорт США, в сочетании с более медленным ограничением роста импорта, в начале 1990-х гг. помогло на короткое время закрыть американский торговый дефицит. Если бы вместо имперских устремлений предпочтение было отдано решительным государственным усилиям по восстановлению производительности и конкурентоспособности, стал бы возможен подъем экономики в стране. Но этому не суждено было случиться. К тому времени, когда рухнул коммунизм, экономика США находилась в депрессивном состоянии, а президент и партия, «выигравшие» холодную войну, потерпели поражение на выборах, проходивших под девизом: «Это же экономика, глупец!»

Теперь была подготовлена почва для глобализации, проследовавшей по странной траектории. Во время кампании Клинтона речь шла о том, что конкурентным угрозам следует противопоставить стратегию по увеличению добавленной стоимости при производстве и по стимулированию торговли, нацеленной на «крупные формирующиеся рынки». На смену этому трезвому, продуктивному видению Райха пришла гремучая смесь Стиглица, который сфокусировался на открытии рынков капитала по всему миру. Это произошло после того, как Клинтон был переизбран, а его предыдущая програм-

ма была дополнена сокращением дефицита, повышением процентных ставок и курса доллара, что соответствовало финансовым интересам лиц, стоявших за ним. На короткое время приняв центробежное ускорение, с секьюритизированными краткосрочными потоками капитала, текущими из Соединенных Штатов в крупные страны с формирующейся экономикой, чьи правительства поддались на убеждение снять контроль за капиталом, и вызвав серию финансовых кризисов, которые привели к массовому кризису в Восточной Азии в 1997–1998 гг., международные потоки капитала стали центростремительными, устремившись в Соединенные Штаты.

Только тогда полностью сформировалась геополитическая экономия глобализации, в рамках которой международная финансовая система, ориентированная на США, поглощала капитал со всего мира и перенаправляла его в Соединенные Штаты, в особенности на американский фондовый рынок. Слово приобрело более знакомое значение — желательности и неизбежности единой мировой экономики, в частности, единого мирового рынка капитала, что было в полной мере выражено в ЭДП от 1997 г. Стимулированию этих потоков — особенно притока частного капитала на фондовый рынок США — будут дополнительно способствовать басни Гринспена о новой экономике США и о «чуде производительности». Реальным и предполагаемым результатом глобализации в том виде, в каком она оформилась в конце 1990-х гг., стал пузырь на фондовом рынке и сопутствующий ему бум потребления и инвестиций. Когда в 2000 г. лопнул пузырь на фондовом рынке, главный двигатель глобализации заглох.

Империя оказалась последней и самой отчаянной формой имперской микрии США, а сопровождавшая ее финансиализация была самой масштабной за всю историю. Уже имея в своей повестке нечто вроде войны с терроризмом во время прихода к власти, администрация Буша-младшего использовала сигнал 11 сентября, чтобы потворствовать беспрецедентным военным расходам, опираясь на экономику США, которая была менее, чем когда-либо, подготовлена к их поддержанию.

С момента перехода Клинтона к сокращению дефицита функцию главного управляющего американской экономикой взяла на себя ФРС. И администрация Буша-младшего, чья повестка включала в себя только один пункт — сокращение налогов — не собиралась менять это положение дел. В условиях рецессии, сопровождавшей крах фондового рынка, ФРС признала, что единственным источником роста было стимулируемое кредитами потребление среди групп населения с более высоким доходом, которые с середины 1990-х гг. наслаждались эффектом благосостояния благодаря пузырю, раздувавшемуся на рынке жилой недвижимости. Она взяла на себя обязательство продолжать раздувать его, что было единственным способом обеспечить рост, и снизила процентные ставки до 1%-го минимума в начале 2000-х гг. Несмотря на это, рост зависел от притока иностранных средств для финансирования постоянно растущего дефицита США и поддержания стоимости доллара.

Появились новые объяснения, оправдывающие рискованную финансовую структуру, которая раздувала пузырь на рынке жилья (чудеса «финансовых инноваций»), зависимость экономики США от очень низких процент-

ных ставок (опасность «дефляции»), ее неспособность к быстрому росту несмотря на это («великое успокоение») и очевидное бесстыдство, когда мировой капитал финансирует потребление преимущественно богатых слоев населения в одной из богатейших стран мира, вместо осуществления столь необходимых инвестиций в развивающиеся страны («глобальный избыток сбережений»). За счет притока капитала происходило не только дешевое финансирование дефицита США, но и расширение объема деноминированной в долларах финансовой деятельности, на которую опиралась стремящаяся к понижению ликвидность доллара. Большая часть этих потоков пришла из остальной части передового промышленно развитого мира, в особенности из Европы, а не из Восточной Азии, как принято считать.

Разговоры, конечно, могли отложить неизбежное только на некоторое время, и когда это наконец произошло, оно приняло форму, доказавшую правильность СНР. Ни мощь США, ни все космополитические дискурсы, которые она могла породить, не смогли предотвратить дальнейшее смешанное развитие и рост в странах с формирующейся экономикой, особенно в Китае, который начал подталкивать цены на сырьевые товары вверх, а доллар — вниз. Высокие процентные ставки, ставшие теперь необходимыми, вызвали взрыв жилищного пузыря и, таким образом, положили конец росту, стимулируемому потреблением, и притоку международного капитала, который им поддерживался.

Начиная с 2007 г., во второй раз менее чем за столетие, Соединенные Штаты переживали масштабный экономический спад. Во второй раз финансовые сети, сосредоточенные в Нью-Йорке, распространили его последствия по всему миру, и во второй раз его причины были тесно переплетены с имперскими амбициями США и невозможностью реализовать их в мире, переживающем СНР. Но если Великая депрессия закончилась войной, которая в достаточной мере усилила мощь США, сделав их ближе, чем когда-либо, к достижению их имперских амбиций, то Великая рецессия произошла потому, что СНР вынудило принять некоторые политические решения, принципиально важные для повышения процентных ставок, начиная с 2004 г., и создало определенные условия, главным среди которых было повышение долгосрочных процентных ставок, начиная с 2007 г. Это разрушило последнюю и наиболее хрупкую финансиализацию, которая поддерживала мировую роль доллара. Финансовый кризис 2008 г. завершился. Независимо от того, был ли он затянутым или скоротечным, его нельзя было избежать. У доллара никогда не было стабильной основы, и по мере продвижения СНР и многополярности Соединенные Штаты не могут обеспечить даже другую, нестабильную и изменчивую, основу.

МНОГОПОЛЯРНОЕ БУДУЩЕЕ

Общеизвестно, что кризисы создают возможности, а этот кризис создает обилие возможностей, однако неиспользованные возможности также таят в себе риски. Нынешний момент многополярности содержит даже боль-

ше обнадеживающих возможностей, чем период завершения Второй мировой войны. Тогда беспрецедентная мощь, которую война придала Соединенным Штатам, на долгое время увела мир с пути международного управления мировой экономикой на основе принципов многосторонности, чего с нетерпением ждали современники, и на реализацию чего были направлены первоначальные предложения Кейнса. Когда этот обходной маршрут завершился тупиком в результате финансового кризиса 2008 г., история, наконец, встала на путь, который предсказывал дальновидный Кейнс (*Десаи, 2009а*). Это было видение мира, в котором экономическая роль государств имеет легитимность и подкрепляется институтами международного экономического управления. Такая повторная легитимизация экономической роли государств необходима прежде, чем они смогут ориентироваться на интересы народа и даже на социализм. На протяжении десятилетий, когда неолиберальные и космополитические идеологии подрывали эту легитимность, государства не прекращали вмешиваться в экономику и формировать ее, только в подавляющем большинстве случаев они делали это в интересах имущих классов. Естественно, они стали менее демократичными. Теперь они должны проявлять больше активности и вмешиваться в экономику в интересах народа, чтобы неравные и непродуктивные финансово-ориентированные экономические модели последних десятилетий, столь разрушительные по своей природе и второй натуре (культуре), были преобразованы в эгалитарные, продуктивные, экологичные и динамичные в культурном отношении направления.

Возрождение экономической роли государств ознаменует собой завершение длительного периода, в течение которого империализм, будь то реальный или мнимый, пытался вычеркнуть экономическую роль государств из сценария геополитической экономии по причинам, которые уже обсуждались. Несомненно, более могущественные государства продолжают свои попытки оказывать влияние на менее влиятельные государства в собственных интересах, и империализм — это слишком вольный термин, чтобы исключить возможность того, что связанные с ним идеи и концепции прольют свет на подобные действия. Однако если автору данной книги хотя бы частично удалось убедить читателей, должна стать очевидной и необходимость понимания того, каким образом исторические обстоятельства расширяют или сужают сферу действия истории и изменяют ее характер.

Государствам придется играть экономическую роль, имеющую принципиальное значение в разрешении проблем длительного экономического спада. Проблемы избыточных мощностей и перепроизводства, которые поразили экономику, могут быть решены одним из двух способов, либо их сочетанием. Во-первых, как бегло отметила администрация Картера вместе с остальным миром, путем расширения спроса в развивающихся странах. В значительной степени смешанное развитие под руководством государства в странах с формирующейся экономикой уже создает и моделирует его для остального развивающегося мира. На начальном этапе кризиса некоторые предполагали, будто страны с формирующейся экономикой, особенно Китай, станут новым двигателем роста мировой экономики. Подобный взгляд подразумевает, что страны

с формирующейся экономикой будут открыты для поглощения товаров и капитала из других стран, как это делали Соединенные Штаты на протяжении последних десятилетий. Это не является ни возможным, ни желательным. Однако расширение спроса в странах с формирующейся экономикой, в сочетании с более или менее сбалансированной торговлей с остальным миром, несет в себе наиболее благоприятные перспективы для создания продуктивных и эгалитарных моделей роста в этих странах.

Другой способ в особенности применим к развитому миру, что ни в коем случае не умаляет его актуальности для более успешных и процветающих стран с формирующейся экономикой. В обществах, которые в целом процветают, в которых капитализм лишь в последние три десятилетия привел к финансиализации и неравенству, в качестве приоритетных могут быть определены модели роста, усиливающие эгалитаризм и направленные на «устойчивость и полноценное развитие человеческого творчества» (Чик и Фриман; 2012; см. также: Фриман, 2009; Бакиши, Десаи и Фриман, 2009), в сочетании с равноправным перераспределением. При этом необходимо признать, что, по крайней мере, в богатых странах возобновление роста по схеме «длительного бума» не является ни возможным в условиях капитализма, ни желательным. Также нет оснований сомневаться в том, что подобное общество и политическая экономия, основанная на расширении экологической и культурной деятельности, приносящей ценность новыми, желательными способами, будут приближаться к социализму и обеспечат переход к нему.

Кризис проделал значительную работу: он поставил под вопрос старые идеологии, политические доктрины и институты. Однако тема разрушительности кризисов заведет нас слишком далеко. Полная реализация возможностей, обозначенных выше, зависит от мобилизации населения, организованного для захвата и использования государственной власти, мотивированного на ее использование в интересах широчайших слоев, вооруженного анализом проблем и возможностей, связанных с текущей исторической обстановкой. Подобная мобилизация, как правило, не происходит сразу после окончания кризисов.

Только по прошествии более одного года с того момента, как разразился финансовый кризис, появились основные признаки народного волнения и мобилизации. Кризис в еврозоне, разразившийся в начале 2010 г., породил значительные волнения, которые привели к серьезным электоральным неудачам в Ирландии в 2010 г., а 2011 г. начался с волны протестов, которые ознаменовали собой начало «Арабской весны» (верный признак того, что Соединенные Штаты утратили свое влияние в Ближневосточном регионе). Затем протесты распространились на Соединенное королевство и другие страны Европы, и к осени 2011 г. протесты под лозунгом «Захвати Уолл-стрит» вспыхнули в Соединенных Штатах. В основе их всех лежат мощные экономические проблемы. Вместе с тем политическая организация, необходимая для трансляции интересов и озабоченностей населения и составления на их основе выполнимого плана развития национальной экономики, как представлялось, повсеместно отсутствовала, в большей или меньшей степени.

Однако это не означает, что положение дел, как обычно, возвращается к докризисному состоянию.

Фактически действующие правительства промышленно развитых стран, наиболее сильно пострадавших от кризиса, просто переложили тяжелое бремя издержек на простых людей, чтобы предоставить финансовому капиталу помощь, которую он потребовал за то, что является «слишком большим, чтобы позволить ему обанкротиться». Нигде данная тенденция не проявилась столь отчетливо, как в американском эпицентре кризиса. Однако остается неясным, помогла ли предоставленная помощь восстановить былое господство финансового капитала. Несмотря на то что потоки международного капитала в процентах от мирового ВВП рухнули в 2008 и 2009 гг., а затем вновь оживились, по крайней мере, вплоть до 2010 г. они составляли менее одной трети от соответствующих докризисных объемов (*Борио и Дисьятат, 2011: 14*). Естественно, ввиду размера государственной финансовой помощи, которую финансовые институты получили в странах, затронутых кризисом, произошла значительная ренационализация финансового сектора, чему в равной степени способствовало новое финансовое регулирование и решение запутанных вопросов о соответствующем кредиторе последней инстанции применительно к зарубежным операциям финансовых институтов.

В отличие от европейских банков, которых попросили сделать значительные «стрижки» депозитов (с целью существенного дисконтирования активов), в условиях кризиса в еврозоне к американским банкам относились значительно лучше, но их цена все же будет выплачиваться при уменьшившейся роли доллара, поскольку его стоимость падала из-за значительного увеличения долга США и из-за того, что некоторые из наиболее привлекательных направлений инвестирования становились все более нежелательными для финансовых институтов США, которые вкладывали в них краткосрочные средства и прибегали к контролю за капиталом. Финансовые институты, особенно американские, получившие хорошую финансовую помощь от государства, снова занялись спекуляциями, в частности, на товарных рынках. Это поставило вопрос о том, не получится ли так, что, когда произойдет следующий кризис, их не сочтут «слишком большими, чтобы предоставлять им помощь» правительства, и без того обремененного долгами из-за предыдущих операций спасения, даже если общественное мнение еще полностью не исключило такого варианта. Также неясно, будет ли политика жесткой экономии, продиктованная финансовым сектором, на самом деле служить его интересам, или она лишь продлит «великую рецессию», как представляется вероятным.

В странах с формирующейся экономикой наблюдается сильный рост, но они сохраняют его только в том случае, если ограничат свою зависимость от стагнирующих западных рынков посредством установления альтернативных торговых договоренностей и расширения своих внутренних рынков. Несмотря на существование значительных доказательств в пользу того, что китайское правительство знает о данном фронте и действует на нем, другие правительства все еще могут оказаться в ловушке прошлогодних моделей,

ограничивающих рост. Подобно тому, как историческая борьба рабочих имела центральное значение для расширения внутренних рынков в промышленно развитых странах, так и сегодня она необходима в странах с формирующейся и развивающейся экономикой. И если эти страны намерены формировать альтернативную и прогрессивную политическую повестку, тогда должны быть развеяны сомнительные, но все еще живучие космополитические идеологии, которые создавали и поддерживали дискредитировавшие себя национальные и международные структуры привилегий и способствовали продлению кризиса. История, рассказанная в этой книге, должна значительно продвинуться в данном направлении.

Ведь в ней показано, что капитализм не полагается, никогда не полагался и не может полагаться на строгое разграничение между государством и рынком. Мало того, что государства играли центральную роль в капиталистических экономиках; также можно утверждать, что их действия, включая империализм или государство всеобщего благосостояния, сыграли решающую роль в создании капиталистических бумов. Причина, по которой то или иное конкретное общество становится капиталистическим, заключается не в том, что государство не вмешивается в экономику, а в том, что его экономическая роль благоприятствует капиталу, а не труду. Однако такое положение дел может сохраняться лишь до тех пор, пока класс капиталистов лучше организован и вооружен стратегиями, обеспечивающими относительно стабильный рост, или пока рабочие классы остаются неорганизованными. Сегодня, по крайней мере, в передовых странах, политика, которой отдают предпочтение финансово-ориентированные классы капиталистов, является глубоко противоречивой и не способна обеспечить даже того, что хотят они.

В прошлом трудящиеся добивались исторических успехов в использовании возможностей массовой политики для того, чтобы изменить действия государства в свою пользу. Их завоевания могли бы придать капитализму больше стабильности, например, за счет расширения внутренних рынков, но они также превратили национальный капитализм в нечто гораздо более приемлемое. Более того, реформы, которых добились рабочие классы, также позволили им требовать большего и оставили открытой возможность того, что регулируемый национальный капитализм может осуществить переход к социализму. Не существует внутренней причины, почему трудящиеся не должны догнать эти исторические достижения и перегнать их.

Таким образом, очевидно радикальная идея о том, что реформы бесполезны, поскольку капиталистическое государство не может реформироваться, а только может быть свергнуто «революционными» способами, которые никогда не уточняются, на самом деле, является глубоко консервативной. Не давая достоверного представления о том, каким образом люди могут осуществить такое революционное свержение, она просто высмеивает реформы, которых они могут добиться. Нам необходимо признать, что реформы позволяют трудящимся строить более справедливые общества и посредством многосторонних международных действий устанавливать более справедливый международный порядок.

В последние десятилетия левые и прогрессивные интеллектуалы соглашались с анализом в духе глобализации и империи и даже пламенно поддерживали его, чтобы продемонстрировать мощь и эксплуататорскую природу капитализма. Однако при этом они вычеркнули экономическую роль государства из сценария капитализма, как и из любой жизнеспособной стратегии социализма. Настало время критически оценить реальную основу этих космополитических идеологий и еще раз убедиться в том, что за государством была и остается центральная роль в условиях капитализма. Это политическая «ахиллесова пята» капитализма. Стратегия реформирования, заставляющая государство служить интересам трудящихся и демократизировать их, чтобы они способствовали укреплению власти и организации трудящихся, является жизнеспособной стратегией проведения значимых реформ и даже — потенциально — осуществления революции, ведущей за пределы капитализма (*Патнаик, 2009b*). Различие между этими двумя способами не зависит от характера требований. Являются ли требования реформистскими или революционными, зависит от того, желают ли и способны ли правящие классы выполнять их, а если нет, то достаточно ли организованы народные силы, чтобы самостоятельно воплотить эти требования в жизнь и взять на себя осуществление неизбежных оппозиционных действий.

Действительно, исторически так сложилось, что смешанное развитие имело тенденцию принимать авторитарные формы как в капиталистической, так и в коммунистической версиях (подробнее о последней см.: объяснение авторитаризма советского государства, *Левин, 1995 г.*). Однако во многом это было связано с сохранением власти более древней земельной аристократии или с империалистическими кознями. Власть таких сил уже ослабла, к тому же рабочие классы просто являются гораздо более многочисленной социальной силой во всем мире. История не лишена примеров творческого переплетения между демократией и развитием государства (*Уайт, 2006; Робинсон и Уайт, 1998*).

Потребность в мобилизации с целью удовлетворения потребностей населения в Соединенных Штатах является очевидной, как нигде. В погоне за имперскими амбициями правительства США отказались от инструментария смешанного развития, за исключением таких отдельных и весьма искаженных мер, как военное кейнсианство и военный шумпетерианизм. Поэтому предпринимаемые ими попытки улучшить свои экономические показатели выглядели так, как если бы одна их рука была связана за спиной. Они потерпели неудачу в промышленном секторе, в сфере международной конкурентоспособности, квалификации трудящихся и интеграции маргинализированных меньшинств, в особенности чернокожих и испаноговорящих. Существует широкий спектр политических возможностей для решения этих проблем. Но чтобы воспользоваться ими, правительству США необходимо отказаться от оков идеологии экономического либерализма, которую пестовали на протяжении десятилетий тщетных имперских устремлений. Удивительно успешная третья кандидатура Росса Перо на президентских выборах 1992 г. вырвалась из этих оков на правом фланге. Левым еще предстоит доказать, что они способны это сделать.

Когда это произойдет, Соединенные Штаты будут лучше подготовлены к тому, чтобы свыкнуться со своим статусом одной из национальных экономик наряду с многими другими, пусть крупной и потенциально очень динамичной, и поддержать основную тенденцию усиления мультилатерализма, вместо того чтобы тщетно пытаться подавить ее (*Paqui, 1992*). Замена «Большой семерки» «Большой двадцаткой» была важным сигналом последнего времени. Разумеется, G-20 — это не то же самое, что G-192. Тем не менее, подобно тому, как расширение прав капиталистических классов и усиление их взаимной конкуренции исторически создало политические предпосылки для политического утверждения рабочего класса во многих капиталистических странах, точно так же это расширение круга стран, вовлеченных в мировое экономическое управление, за пределы бывших империалистических держав не может не открывать пространство для отстаивания интересов странами, находящимися ниже в геополитической и экономической иерархии.

Если остальной мир давно сопротивляется имперским попыткам США и многое сделал для противодействия им и их подрыва, то сами американцы до сих пор не спешат подсчитывать цену, которую они заплатили за имперские устремления своих правительств, не говоря уже об ущербе, который они нанесли другим. В основном эти расходы не связаны с наращиванием военной мощи и ведением войн, хотя и они были существенными. Более высокая цена была заплачена за пренебрежение производительностью и конкурентоспособностью экономики США, а также за стремление к финансовализации. В точности невозможно предсказать, как будут свернуты имперские амбиции Соединенных Штатов — их военные авантюры и поддержка ими финансового капитала, выраженного в долларах. Но если всплеску народного гнева, наподобие движения «Захвати Уолл-стрит» 2011 г., но с более широким и глубоким социальным охватом, предстоит сыграть в этом центральную роль, то американский народ восстановит уважение и восхищение остального мира, столь бездарно растраченное его правительствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abrams, Eliot (and many others). 1998. Letter to President Clinton, January 28. www.newamericancentury.org/iraqlintonletter.htm (accessed September 21, 2012).
2. Adams, F. Gerard. 1992. 'Removing the impediments to economic recovery', *Current History* (Apr), 156–61.
3. Ahamed, Liaquat. 2009. *Lords of Finance: The bankers who broke the world*. New York: Penguin.
4. Ali, Tariq. 2000. 'Throttling Iraq', *New Left Review* 5 (Sept–Oct), 5–14. Althusser, Louis. 1969. 'On the young Marx', trans. Ben Brewster, in *For Marx*. London: Verso.
5. Amsden, Alice H. 1992. *Asia's Next Giant: South Korea and late industrialization*. New York: Oxford University Press.
6. Amsden, Alice H. 2001. *The Rise of 'the Rest': Challenges to the West from late-industrializing economies*. Oxford: Oxford University Press.
7. Amsden, Alice H. 2007. *Escape from Empire: The developing world's journey through heaven and hell*. Cambridge, Mass: MIT Press.
8. Anderson, Perry. 1964. 'Origins of the present crisis', *New Left Review* 1(23) (Jan–Feb), 26–53.
9. Anderson, Perry. 1968. 'Components of the national culture', *New Left Review* 1(50) (Jul–Aug), 3–57.
10. Anderson, Perry. 1976. *Considerations on Western Marxism*. London: NLB. Anderson, Perry. 1983. *In the Tracks of Historical Materialism*. Wellek Library Lectures. London: Verso.
11. Anderson, Perry. 1987. 'Figures of descent', *New Left Review* 1(161) (Jan–Feb), 20–77.
12. Angell, Norman. 1909. *The Great Illusion: A study of the relation of military power to national advantage*. London: William Heinemann. Arnold, Thurman Wesley. 1937. *The Folklore of Capitalism*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
13. Arrighi, Giovanni. 1978. *The Geometry of Imperialism: The limits of Hobson's paradigm*. London: New Left Books.
14. Arrighi, Giovanni. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, power, and the origins of our times*. London: Verso.
15. Arrighi, Giovanni. 2003. 'The social and political economy of global turbulence', *New Left Review* 20 (March–April).

16. Arrighi, Giovanni. 2005a. 'Hegemony unravelling – I', *New Left Review* 32 (Mar–Apr), 23–80.
17. Arrighi, Giovanni. 2005b. 'Hegemony unravelling – II', *New Left Review* 33 (May–June), 80–116.
18. Bacevich, Andrew J. 2002. *American Empire: The realities and consequences of U.S. diplomacy*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
19. Bacevich, Andrew J. 2006. *The New American Militarism: How Americans are seduced by war*. Oxford: Oxford University Press.
20. Bacevich, Andrew J. 2008. *The Limits of Power: The end of American exceptionalism*, 1st edn. New York: Metropolitan Books.
21. Bagchi, Amiya Kumar. 1998. 'Growth miracle and its unravelling in East and South-East Asia: unregulated competitiveness and denouement of manipulation by international financial community', *Economic and Political Weekly* 33(18) (May 2), 1025–42.
22. Bagchi, Amiya Kumar. 2004. *The Developmental State in History and in the Twentieth Century*. New Delhi: Regency.
23. Bagchi, Amiya Kumar. 2005. *Perilous Passage: Mankind and the global ascendancy of capital*. Lanham, Md: Rowman & Littlefield.
24. Bagehot, Walter. 1978. *Lombard Street*. New York: Arno Press.
25. Baily, Martin and Lawrence, Robert Z. 2004. 'What happened to the Great US Jobs Machine?' *Brookings Papers on Economic Activity* 35(2), 211–84. Bakshi, Hasan, Desai, Radhika and Freeman, Alan. 2009. 'Not rocket science: the case for public R&D in the arts'. London: Mission Money Models.
26. Banaji, Jairus. 1977. 'Modes of production in a materialist conception of history', *Capital and Class* 3 (Autumn).
27. Baran, Paul A. and Sweezy, Paul M. 1966. *Monopoly Capital: An essay on the American economic and social order*. Harmondsworth: Penguin. Beard, Charles Austin. 1935. *The Open Door at Home: A trial philosophy of national interest*. New York: Macmillan.
28. Bello, Walden. 1998. 'The end of the Asian miracle'. Amsterdam: Translational Institute. www.tni.org/es/archives/act/597 (accessed September 21, 2012).
29. Berger, Suzanne and Dore, Ronald Philip (eds). 1996. *National Diversity and Global Capitalism*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
30. Bernanke, Ben. 2002. 'Deflation: making sure "it" doesn't happen here', speech to National Economists Club, Washington, DC, November 21. www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2002/20021121/default.htm (accessed September 21, 2012).
31. Bernanke, Ben. 2004. 'The great moderation', speech to Eastern Economics Association, Washington DC, February 20. www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2004/20040220/default.htm (accessed September 21, 2012).
32. Bernanke, Ben. 2005. 'The global savings glut and the US current account deficit', speech at St Louis, Miss., March 10. US Federal Reserve. www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2005/20050414/default.htm (accessed September 21, 2012).
33. Bernard, Mitchell. 1999. 'East Asia's tumbling dominoes: financial crises and the myth of the regional model', pp. 178–208 in L. Panitch and C. Leys (eds), *Socialist Register*. London: Merlin.
34. Bingham, Richard D. 1998. *Industrial Policy American Style: From Hamilton to HDTV*. Armonk, N.Y: M.E. Sharpe.
35. Block, Fred. 1977. *The Origins of International Economic Disorder: A study of United States international monetary policy from World War II to the Present*. Berkeley, Calif.: University of California Press.
36. Block, Fred. 2008. 'Swimming against the current: the rise of a hidden developmental state in the United States', *Politics & Society* 36(2) (June), 169–206.

37. Boot, Max. 2003. *The Savage Wars of Peace: Small wars and the rise of American power*, 1st edn. New York: Basic Books.
38. Bordo, Michael D. and Eichengreen, Barry. 2002. 'Crises now and then: what lessons from the last era of financial globalization?' NBER Working Paper 11383. Cambridge, Mass: National Bureau of Economic Research. Borio, Claudio and Disyatat, Piti. 2011. 'Global imbalances and the financial crisis: link or no link?' Bank for International Settlements Working Paper no. 346, May.
39. Braudel, Fernand. 1992. *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century*, 3 vols. Berkeley, Calif.: University of California Press.
40. Brenner, Robert. 1977. 'The origin of capitalist development: a critique of Neo-Smithian Marxism', *New Left Review* 1(104) (July–Aug), 25–92. Brenner, Robert. 1998. 'The economics of global turbulence', *New Left Review* 1(229) (May–June), 1–265.
41. Brenner, Robert. 2001. 'The Low Countries in the transition to capitalism', pp. 275–338 in Peter Hoppenbrouwers and Jan Luiten van Zanden (eds), *Peasants into Farmers? The Transformation of rural economy and society in the Low Countries (Middle Ages–19th century) in light of the Brenner debate*. Turnhout, Belgium: Brepols.
42. Brenner, Robert. 2002. *The Boom and the Bubble: The U.S. in the world economy*. London: Verso.
43. Brenner, Robert. 2003. 'Towards the precipice', *London Review of Books*, February 6, pp. 18–23.
44. Brenner, Robert. 2006. *The Economics of Global Turbulence: The advanced capitalist economies from long boom to long downturn, 1945–2005*. London: Verso.
45. Brenner, Robert. 2009. 'What is good for Goldman Sachs is good for America: the origins of the current crisis', prologue to the Spanish edition of Brenner 2006, April 18. www.sscnet.ucla.edu/issr/cstch/papers/BrennerCrisisTodayOctober2009.pdf (accessed September 21, 2012).
46. Broz, J. Lawrence. 1997. *The International Origins of the Federal Reserve System*. Ithaca, N.Y: Cornell University Press.
47. Bukharin, Nikolai Ivanovich. 1917/2003. *Imperialism and World Economy*. London: Bookmarks.
48. Calleo, David P. 1982. *The Imperious Economy*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
49. Calleo, David P. 2009. *Follies of Power: America's unipolar fantasy*. New York: Cambridge University Press.
50. Callinicos, Alex. 2007. 'Does capitalism need the state system?' *Cambridge Review of International Affairs* 20(4), 534–49.
51. Callinicos, Alex. 2009. *Imperialism and Global Political Economy*. Cambridge, UK/Malden, Mass.: Polity.
52. Carnoy, Martin. 1984. *The State and Political Theory*. Princeton, N.J: Princeton University Press.
53. Carr, Edward Hallett. 1939/1989. *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939*. London: Macmillan.
54. Catephores, George. 1994. 'The imperious Austrian: Schumpeter as a bourgeois Marxist', *New Left Review* 1(205) (May–June), 3–30.
55. Chandler, David. 2003. 'International justice', pp. 27–39 in D. Archibugi (ed.), *Debating Cosmopolitics*. London: Verso.
56. Chandrashekhar, C. P. 2007. 'Global finance today: déjà vu?', www.networkideas.org/news/jun2007/print/prnt140607_Global_Finance.htm (accessed September 21, 2012).
57. Chandrashekhar, C. P. and Ghosh, Jayati. 2005. 'The myth of the global savings glut', September 30. www.networkideas.org/focus/Sep2005/fo30_Bernanke.htm (accessed September 21, 2012).

58. Chang, Ha-Joon. 2002. *Kicking Away the Ladder: Development strategy in historical perspective*. London: Anthem.
59. Chernomas, Robert. 1984. 'Keynes on post-scarcity society', *Journal of Economic Issues* 17(4) (Dec), 1007–26.
60. Chick, Victoria. 1992. 'Inflation from a longer-term perspective', pp. 31–54 in Philip Arestis and Sheila Dow (eds), *On Money, Method and Keynes*. Basingstoke: Macmillan.
61. Chick, Victoria and Freeman, Alan. 2012. 'The economics of enough: a possible future for capitalism?' prepared for the *Cambridge Journal of Economics* special issue in honour of Geoff Harcourt: *The Future of Capitalism*.
62. Chick, Victoria and Freeman, Alan. 1983. *Macroeconomics After Keynes: A reconsideration of the General Theory*. Oxford: Philip Allan.
63. Clarke, P. F. 1978. *Liberals and Social Democrats*. Cambridge: Cambridge University Press.
64. Clarke, Simon. 1991. *Marx, Marginalism and Modern Sociology: From Adam Smith to Max Weber*, 2nd edn. Basingstoke: Macmillan.
65. Clarke, Stephen V. O. 1967. *Central Bank Cooperation: 1924–31*. New York: Federal Reserve Bank of New York.
66. Cohen, Benjamin J. 2008. *International Political Economy: An intellectual history*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
67. Cooper, Andrew Fenton, Higgott, Richard A. and Nossal, Kim Richard. 1991. 'Bound to follow? Leadership and followership in the Gulf conflict', *Political Science Quarterly* 106(3) (Oct), 391–410.
68. Cox, Robert W. 1996. *Approaches to World Order*. Cambridge: Cambridge University Press.
69. Crouch, Colin. 2011. *The Strange Non-Death of Neoliberalism*. Oxford: Polity.
70. Cumings, Bruce. 1998. 'The Korean crisis and the end of "late" development', *New Left Review* 1(231), 43–72.
71. Davidson, Paul. 1991. *Controversies in Post Keynesian Economics*. Aldershot: Edward Elgar.
72. Davis, Mike. 1985. 'Reaganomics magical mystery tour', *New Left Review* 1(148) (Jan–Feb), 45–65.
73. Davis, Mike. 1986. *Prisoners of the American Dream: Politics and economy in the history of the US working class*. London: Verso.
74. Davis, Mike. 2009. 'Obama at Manassas', *New Left Review* 56 (Mar–Apr), 5–40.
75. De Cecco, Marcello. 1984. *The International Gold Standard: Money and Empire*, 2nd edn. London: Pinter.
76. Desai, Radhika. 1994a. *Intellectuals and Socialism: 'Social Democrats' and the Labour Party*. London: Lawrence & Wishart.
77. Desai, Radhika. 1994b. 'Second hand dealers in ideas: think-tanks and Thatcherite hegemony', *New Left Review* 1(203) (Jan–Feb), 27–64.
78. Desai, Radhika. 2002. 'Tryst with fate: India and Pakistan in the war on terrorism', *Economic and Political Weekly* 37(33) (Aug 17), 3456–63.
79. Desai, Radhika. 2007a. 'Dreaming in technicolour: India as a BRIC economy', *International Journal* (Autumn), 779–803.
80. Desai, Radhika. 2007b. 'The last empire? From nation-building compulsion to nation-wrecking futility and beyond', *Third World Quarterly* 28(2), 435–56.
81. Desai, Radhika. 2009a. 'Keynes redux: from world money to international money at last?' pp. 123–43 in Wayne Anthony and Julie Guard (eds), *Bailouts and Bankruptcies*. Halifax: Fernwood.
82. Desai, Radhika. 2009b. 'The inadvertence of Benedict Anderson: engaging Imagined Communities', *Asia-Pacific Journal* 11 (March 16).

83. Desai, Radhika. 2010a. 'Consumption demand in Marx and in the current crisis', *Research in Political Economy* 26, 101–41.
84. Desai, Radhika. 2010b. 'Is India having a good crisis?' *Soundings* 48 (Winter), 132–45.
85. Desai, Radhika. 2010c. 'The absent geopolitics of pure capitalism', *World Review of Political Economy* 1/3, 463–84.
86. Desai, Radhika. 2012. 'Marx, List and the materiality of nations', *Rethinking Marxism* 24(1) (Jan), 47–67.
87. Desai, Radhika and Freeman, Alan. 2009. 'Keynes and the crisis: a case of mistaken identity', *Canadian Dimension* (Jul), 17–19.
88. Desai, Radhika and Freeman, Alan. 2011. 'Value and crisis theory in the Great Recession', *World Review of Political Economy* 2(1), 35–47.
89. Despres, Emile, Kindleberger, Charles P. and Salant, Walter S. 1966. 'The dollar and world liquidity: a minority view', *Economist* (Feb 5), 526–9.
90. Deyo, Frederic C. 1987. *The Political Economy of the New Asian Industrialism*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
91. Dillard, Dudley D. 1983. *The Economics of John Maynard Keynes: The theory of a monetary economy*. Westport, Conn: Greenwood.
92. Divine, Robert A. 1967. *Second Chance: The triumph of internationalism in America during World War II*, 1st edn. New York: Atheneum.
93. Dobbin, Frank. 1994. *Forging Industrial Policy: The United States, Britain, and France in the railway age*. Cambridge: Cambridge University Press. Dore, Ronald Philip. 2000. *Stock Market Capitalism, Welfare Capitalism: Japan and Germany versus the Anglo-Saxons*. Oxford: Oxford University Press.
94. Dostaler, Gilles. 2007. *Keynes and His Battles*. Cheltenham: Edward Elgar.
95. *Economist*. 1943. 'The dollar problem I and II', *Economist*, Nov 27 and Dec 4.
96. *Economist*. 1966. Commentary on Despres, Emile, Charles P. Kindleberger and Walter S. Salant, 'The dollar and world liquidity: a minority view', *Economist* (Feb 5), 529.
97. *Economist*. 2001a. 'Is globalisation doomed?' *Economist* 360(8241), 14.
98. *Economist*. 2001b. 'Globalisation and its critics.' *Economist* 360(8241), 3–5.
99. Eichengreen, Barry. 1992. *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939*. Oxford: Oxford University Press.
100. Elliott, William Yandell. 1955. *The Political Economy of American Foreign Policy: Its concepts, strategy, and limits*. New York: Holt.
101. Engels, Friedrich. 1880/1989. *Socialism: Utopian and Scientific*, pp. 281–325 in *The Collected Works of Marx and Engels*, Vol. 24. New York: International Publishers.
102. Engels, Friedrich. 1888/1990. 'Protection and free trade: preface to the Pamphlet Karl Marx, Speech on the Question of Free Trade,' pp. 521–36 in *The Collected Works of Marx and Engels*, Vol. 26. New York: International Publishers.
103. Evans, Trevor. 1988. 'The dollar is expected to rise, fall or stay steady, experts agree', *Capital and Class* 34, Spring, 10–15.
104. Federal Open Market Committee (FOMC). 1995. 'Meeting of the Federal Open Market Committee'. Washington: Federal Reserve Board, August 22.
105. FOMC. 1999. 'Meeting of the Federal Open Market Committee'. Washington: Federal Reserve Board, June 21–30.
106. Ferguson, Niall. 2004. *Colossus: The price of America's empire*. New York: Penguin.
107. Ferguson, Niall. 2005. 'Sinking globalization', *Foreign Affairs* (Mar–Apr), 64–77.
108. Ferguson, Thomas. 1995. *Golden Rule: The investment theory of party competition and the logic of money-driven political systems*. Chicago, Ill.: University of Chicago Press.
109. Fine, Ben. 2004. 'Examining the ideas of globalization and development critically: what role for political economy?' *New Political Economy* 9/2 (June), 213–31.

110. Fleckenstein, William A. 2008. *Greenspan's Bubbles: The age of ignorance at the Federal Reserve*. New York: McGraw-Hill.
111. *Foreign Policy in Focus*. 2000. 'Clinton's foreign policy', *Foreign Policy in Focus* (Nov), 18–28.
112. Freeland, Richard M. 1972. *The Truman Doctrine and the Origins of McCarthyism: Foreign policy, domestic politics, and internal security, 1946–1948*, 1st edn. New York: Knopf.
113. Freeman, Alan. 2001. 'Europe, the US and the world economy: Alan Greenspan's search for a fifth Kondradieff', paper for the Fifth International Conference in Economics organized by the Economic Research Center (ERC) of the Middle East Technical University (METU) in Ankara, September 11–13, 2001.
114. reeman, Alan. 2009. 'Investing in civilization', pp. 145–66 in Wayne Anthony and Julie Guard (eds), *Bailouts and Bankruptcies*. Halifax: Fernwood.
115. Freeman, Alan. 2010. 'Marxism without Marx: a note towards a critique', *Capital and Class* 34(1) (Feb 1), 84–97.
116. Freeman, Alan, Kliman, Andrew and Wells, Julian (eds). 2004. *The New Value Controversy and the Foundations of Economics*. Cheltenham: Edward Elgar.
117. Freeman, Christopher. 1974. *The Economics of Industrial Innovation*. Harmondsworth: Penguin.
118. Frontline. n.d. 'The long demise of Glass Steagall'. www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/wallstreet/weill/demise.html (accessed September 21, 2012).
119. Gallagher, John, and Robinson, Ronald. 1953. 'The imperialism of free trade', *Economic History Review* 6(1) (New series), 1–15.
120. Gerschenkron, Alexander. 1962. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A book of essays*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
121. Gershman, Carl. 1980. 'The rise and fall of the foreign policy establishment', *Commentary* (July), 13–24.
122. Giddens, Anthony. 1994. *Beyond Right and Left*. Cambridge: Polity.
123. Gilpin, Robert. 1971. 'The politics of transnational economic relations', *International Organization* 25(3) (July 1), 398–419.
124. Gilpin, Robert. 1975. *U.S. Power and the Multinational Corporation: The political economy of foreign direct investment*. New York: Basic Books.
125. Gilpin, Robert. 1987. *The Political Economy of International Relations*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
126. Glyn, Andrew. 2006. *Capitalism Unleashed: Finance globalization and welfare*. Oxford: Oxford University Press.
127. Göçmen, Dog'an. 2007. *The Adam Smith Problem: Human nature and society in The Theory of Moral Sentiments and The Wealth of Nations*. London: Tauris.
128. Gordon, Robert J. 2000. 'Does the "new economy" measure up to the great inventions of the past?' *Journal of Economic Perspectives* 14(4), 49–74.
129. Gordon, Robert J. 2002. 'Recent productivity puzzles in the context of Zvi Griliches' research', paper presented to meeting of the American Economic Association, 5 January. <http://faculty-web.at.northwestern.edu/economics/gordon/Aeazg.pdf> (accessed September 21, 2012).
130. Gordon, Robert J. 2004. 'Why was Europe left at the station when America's productivity locomotive departed?' *Northwestern University and CEPR*, March 31.
131. Gowa, Joanne S. 1983. *Closing the Gold Window: Domestic politics and the end of Bretton Woods*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
132. Gowan, Peter. 1999a. *The Global Gamble: Washington's Faustian bid for world dominance*. London: Verso.
133. Gowan, Peter. 1999b. 'NATO powers and the Balkan tragedy', *New Left Review* 1(234), 83–105.

134. Grabel, Ilene. 2010. 'Promising avenues, false starts and dead ends: global governance and developmental finance in the wake of the crisis'. Amherst, Mass.: Political Economy Research Institute
135. Grabel, Ilene. 2011. 'Not your grandfather's IMF: global crisis, "productive incoherence" and developmental policy-space', *Cambridge Journal of Economics* 35, 805–30.
136. Graham, Otis Jr. 1992. *Losing Time: The industrial policy debate*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
137. Grahl, John. 1988. 'The stock market crash and the role of the dollar', *Capital and Class* 34 (Spring), 21–4.
138. Grandin, Greg. 2006. *Empire's Workshop: Latin America, the United States, and the rise of the new imperialism*. New York: Metropolitan Books.
139. Greenspan, Alan. 1996. 'The challenge of central banking in a democratic society', Francis Boyer lecture to the American Enterprise Institute for Public Policy Research, Washington DC, December 5. www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/1996/19961205.htm (accessed September 21, 2012).
140. Greenspan, Alan. 1998. 'Testimony of Chairman Alan Greenspan', The Federal Reserve's semiannual monetary policy report. Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs, U.S. Senate, July 21. www.federalreserve.gov/boarddocs/hh/1998/july/testimony.htm (accessed September 21, 2012).
141. Greenspan, Alan. 2002a. 'Monetary policy and the economic outlook', testimony to the Joint Economic Committee, Washington DC, April 17. www.federalreserve.gov/boarddocs/testimony/2002/20020417/default.htm (accessed September 21, 2012).
142. Greenspan, Alan. 2002b. 'The economic outlook', testimony to the Joint Economic Committee, US Congress, November 13. www.federalreserve.gov/boarddocs/testimony/2002/20021113/default.htm (accessed September 21, 2012).
143. Greenspan, Alan. 2002c. Testimony of Chairman Alan Greenspan. Federal Reserve Board's semiannual monetary policy report to the Congress Committee on Financial Services, US House of Representatives, February 27.
144. Greenspan, Alan. 2004. 'Banking', speech to the American Bankers' Association Annual Convention, October 5.
145. Greenspan, Alan. 2005. 'Consumer finance', speech to the Federal Reserve System's Fourth Annual Community Affairs Research Conference, Washington DC, April 8.
146. Habib, Irfan. 2006. 'Introduction', in Iqbal Hussain (ed.), *Karl Marx on India*. New Delhi: Tulika.
147. Hale, Jon F. 1995. 'The making of the New Democrats', *Political Science Quarterly* 110(2) (July 1), 207–32.
148. Hamilton, Clive. 1986. *Capitalist Industrialization in Korea*. Boulder, Colo.: Westview Press.
149. Harvey, David. 2003. *The New Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
150. Hausmann, Ricardo and Sturzenegger, Federico. 2005. 'US and global imbalances: can dark matter prevent a big bang?', November 13. www.setav.org/ups/dosya/26346.pdf (accessed September 21, 2012).
151. Heilbrunn, Jacob. 2008. *They Knew They Were Right: The rise of the neocons*, 1st edn. New York: Doubleday.
152. Held, David and McGrew, Anthony. 1999. *Global Transformations: Politics, economics and culture*. Cambridge: Polity.
153. Helleiner, Eric. 1994. *States and the Reemergence of Global Finance: From Bretton Woods to the 1990s*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. Heller, Henry. 2011. *The Birth of Capitalism: A twenty-first century perspective*. London: Pluto.
154. Hendrickson, Jean. 2001. 'The long and bumpy road to Glass–Steagall reform', *American Journal of Economics and Sociology* 60(6).

155. Henning, C. Randall. 1994. *Currencies and Politics in the United States, Germany, and Japan*. Washington DC: Institute for International Economics.
156. Henwood, Doug. 2005. *After the New Economy*. New York: New Press. Hilferding, Rudolf. 1910/1981. *Finance Capital: A study of the latest phase of capitalist development*. London: Routledge & Kegan Paul.
157. Hirsch, Fred. 1973. *An SDR Standard: Impetus, elements, and impediments*. Princeton, N.J.: International Finance Section, Princeton University. Hirsch, Fred and Oppenheimer, Peter. 1976. 'The trial of managed money: currency, credit and prices, 1920–70', in Carlo Cipolla (ed.), *Fontana Economic History of Europe: The twentieth century part 2*. London: Fontana.
158. Hirst, Paul Q., Thompson, Grahame and Bromley, Simon. 1996/2009.
159. *Globalization in Question: The international economy and the possibilities of governance*, 2nd edn. Cambridge: Polity.
160. *Historical Materialism*. 1999. Special issue on Brenner's *The Economics of Global Turbulence*, 4(1).
161. Hobsbawm, E. J. 1964. 'The Fabians reconsidered', in *Labouring Men*. London: Weidenfeld & Nicholson.
162. Hobsbawm, E. J. 1968. *Industry and Empire: An economic history of Britain since 1750*. London: Weidenfeld & Nicolson.
163. Hobsbawm, E. J. 1994. *Age of Extremes: The short twentieth century, 1914–1991*. London: Michael Joseph.
164. Hobsbawm, E. J. 2008. *On Empire: America, war, and global supremacy*, 1st edn. New York: Pantheon.
165. Hobson, J. A. 1902/1965. *Imperialism: A study*. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press.
166. Hoff Wilson, Joan. 1971. *American Business and Foreign Policy, 1920–1933*. Lexington, Ky.: University Press of Kentucky.
167. Hofstadter, Richard. 1955. *The Age of Reform: From Bryan to F.D.R.* New York: Vintage.
168. Hofstadter, Richard. 1959. *The American Political Tradition and the Men Who Made It*. New York: Vintage.
169. Hopenhayn, Benjamin and Vanoli, Alejandro. 2006. 'Capital flows in the twentieth century: from Pax Britannica to Pax Americana', in K. S. Jomo (ed.), *Globalization Under Hegemony: The changing world economy*. New Delhi: Oxford University Press.
170. Houthakker, H. S. and Magee, Stephen P. 1969. 'Income and price elasticities in world trade', *Review of Economics and Statistics* 51 (May), 111–25.
171. Howard, M. C. and King, J. E. 1989. *A History of Marxian Economics, Vol. I*. Basingstoke: Macmillan.
172. Howard, M. C. and King, J. E. 1992. *A History of Marxian Economics, Vol. II*. Basingstoke: Macmillan.
173. Hudson, Michael. 1972/2003. *Super Imperialism: The origin and fundamentals of U.S. world dominance*, 2nd edn. London: Pluto.
174. Hudson, Michael. 1977/2005. *Global Fracture: The new international economic order*. London: Pluto.
175. Hudson, Michael. 2010. 'From Marx to Goldman Sachs: the fictions of fictitious capital and the financialization of industry', *Critique* 38/3 (Jul), 419–44.
176. Huntington, Samuel. 1988. 'The US – decline or renewal?' *Foreign Affairs* (Winter), 76–96.
177. Huntington, Samuel. 1993. 'Why international primacy matters', *International Security* 17(4), 68–83.
178. Ignatieff, Michael. 2003. *Empire Lite: Nation-building in Bosnia, Kosovo, and Afghanistan*. Toronto: Penguin Canada.

179. Ignatieff, Michael. 2004. *The Lesser Evil: Political ethics in an age of terror*, the Gifford Lectures. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
180. Ingham, Geoffrey K. 1984. *Capitalism Divided? The City and industry in British social development*. Basingstoke: Macmillan.
181. Islam, F. 2002. 'Myth of the American boom is banished by the fall', *Observer*, July 7.
182. Jervis, Robert. 1993. 'International primacy: is the game worth the candle?' *International Security* 17(4), 52–67.
183. Johnson, Chalmers A. 2004. *The Sorrows of Empire: Militarism, secrecy, and the end of the republic*. New York: Metropolitan Books.
184. Joll, James. 1974. *The Second International, 1889–1914*. London: Routledge & Kegan Paul.
185. Jorgenson, Dale and Stiroh, Kevin. 2000. 'Raising the speed limit: U.S. economic growth in the information age', March 16. www.irpp.org/events/archive/may00/jorgenso.pdf (accessed September 21, 2012).
186. Judis, John B. 1996. 'Dollar foolish', *New Republic* (December 9), 23–4. Kalecki, M. 1943. 'Political aspects of full employment', *Political Quarterly* 14(4), 322–31.
187. Kanburi, A. A. and Mansur, S. 1994. 'The political economy of Middle Eastern oil', pp. 313–27 in G. R. Underhill and R. Stubbs (eds), *Political Economy and the Changing Global Order*. Basingstoke: Macmillan.
188. Kautsky, Karl. 1914/1970. 'Ultra-imperialism', *New Left Review* 1(59), 41–6.
189. Kennan, George. 1948/1976. 'PPS/23: review of current trends in U.S. foreign policy', pp. 509–29 in *Foreign Relations of the United States, Vol. 1, part 2* (Washington DC: Government Printing Office).
190. Kennedy, Paul M. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000*, 1st edn. New York: Random House.
191. Keohane, Robert O. 2005. *After Hegemony: Cooperation and discord in the world political economy*, 1st edn. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
192. Keynes, J. M. 1919/2004 *The Economic Consequences of the Peace*, repr. in *The End of Laissez Faire and the Economic Consequences of the Peace*. New York: Prometheus.
193. Keynes, J. M. 1931/1973. 'An economic analysis of unemployment', pp. 343–67 in *The Collected Works of John Maynard Keynes, Vol. XIII: The General Theory and After*. London: Macmillan.
194. Keynes, J. M. 1933. 'National self sufficiency', *Yale Review* (Summer), repr. in *New Statesman and Nation* (July 8, 1933).
195. Keynes, J. M. 1936/1967. *General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Macmillan.
196. Keynes, J. M. 1963. *Essays in Persuasion*. New York: Norton.
197. Keynes, J. M. 1980. *The Collected Writings of John Maynard Keynes, Vol. XXV: Activities 1940–1944*. London: Macmillan and Cambridge University Press.
198. Kindleberger, Charles Poor. 1950. *The Dollar Shortage*. Cambridge, Mass.: Technology Press of Massachusetts Institute of Technology.
199. Kindleberger, Charles Poor. 1961. 'La fin du role dominant des Etats-Unis et l'avenir d'une politique économique mondiale', *Cahiers de l'Institut de Science Economique Appliquée, Série P.* (May 5), 91–105.
200. Kindleberger, Charles Poor. 1973. *The World in Depression, 1929–1939*.
201. *History of the world economy in the twentieth century, Vol. 4*. Berkeley, Calif.: University of California Press.
202. Kindleberger, Charles Poor. 1981. 'Dominance and leadership in the international economy: exploitation, public goods, and free rides', *International Studies Quarterly* 25(2), 242–54.
203. Kindleberger, Charles Poor. 1986. *The World in Depression, 1929–1939*. Berkeley, Calif.: University of California Press.

204. Kliman, Andrew. 2007. *Reclaiming Marx's Capital: A refutation of the myth of inconsistency*. Lanham, Md.: Lexington.
205. Kotz, David M. 1997. *Revolution from Above: The demise of the Soviet system*. London: Routledge.
206. Krasner, Stephen D. (ed.). 1983. *International Regimes*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
207. Krasner, Stephen D. 1976. 'State power and the structure of international trade', *World Politics* 28(3) (Apr), 317–47.
208. Krause, Lawrence. 1970. 'A passive balance of payments strategy for the United States', *Brookings Papers on Economic Activity* 3, 339–60. Krippner, Greta. 2005. 'The financialization of the American economy', *Socio-Economic Review* 3, 173–208.
209. Kristol, William and Kagan, Robert. 1996. 'Toward a neo-Reaganite foreign policy', *Foreign Affairs* (Jul), 18–32.
210. Laclau, Ernesto. 1977. 'Feudalism and capitalism in Latin America', in *Politics and Ideology in Marxist Theory*. London: Verso.
211. Lafeber, Walter Frederick. 1963. *The New Empire: An interpretation of American expansion, 1860–1898*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
212. Lary, Hal. 1943. *The United States in the World Economy: The international transactions of the United States during the interwar period*. Washington DC: Government Printing Office.
213. Lawrence, Robert Z. 1984. *Can America Compete?* Washington DC: Brookings Institution.
214. League of Nations. 1945. *Industrialization and Foreign Trade*. Geneva: League of Nations.
215. Lenin, Vladimir. 1916/1942. 'The socialist revolution and the right of nations to self-determination', pp. 143–6 in *Collected Works*, Vol. 22. Moscow: Progress.
216. Lenin, Vladimir. 1916/1970. *Imperialism, the Highest Stage of Capitalism: A popular outline*. Moscow: Progress.
217. Lens, Sidney. 2003. *The Forging of the American Empire*. London: Pluto. Lewin, Moshe. 1995. *Russia—USSR—Russia: The drive and drift of a superstate*. New York: New Press.
218. Leys, Colin. 1985. 'Thatcherism and British manufacturing', *New Left Review* 1(151).
219. Leys, Colin. 1989. *Politics in Britain: From Labourism to Thatcherism*, rev. edn. London: Verso.
220. Leys, Colin. 1990. 'Still a question of hegemony', *New Left Review* 1(181). Linden, van der, Marcel. 2007. 'The "law" of uneven and combined development: some underdeveloped thoughts', *Historical Materialism* 15, 135–45. Lipietz, Alain. 1992. *Towards a New Economic Order: Postfordism, ecology, and democracy. Europe and the international order*. New York: Oxford University Press.
221. List, Fredrick. 1841/1856. *National System of Political Economy*. Philadelphia, Pa.: J. B. Lippincott.
222. Livingston, James. 1986. *Origins of the Federal Reserve System: Money, class, and corporate capitalism, 1890–1913*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
223. Löwy, Michael. 1981. *The Politics of Combined and Uneven Development: The theory of permanent revolution*. London: New Left Books.
224. Luce, Henry. 1941/1999. 'The American century', *Diplomatic History* 23(2) (Spring).
225. Luttwak, Edward. 1990. 'From geopolitics to geoeconomics', *The National Interest* 20 (Summer), 17–23.
226. Luttwak, Edward. 1993. *The Endangered American Dream: How to stop the United States from becoming a third world country and how to win the geo-economic struggle for industrial supremacy*. New York: Simon & Schuster.

227. Lynd, Staughton. 1970. 'Beyond Beard', in Barton J. Bernstein (ed.), *Towards a New Past*. New York: Pantheon.
228. Luxemburg, Rosa. 1913/1951. *The Accumulation of Capital*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
229. Luxemburg, Rosa. 1913/2003. *The Accumulation of Capital*. London: Routledge.
- MacGregor, David and Zarembka, Paul. 2010. 'Marxism, conspiracy and 9–11', *Socialism and Democracy* 24(2), 139–63.
230. Madrick, Jeff. 1998. 'Computers: waiting for the revolution', *New York Review of Books* (March 26).
231. Madrick, Jeff. 1999. 'How new is the new economy?' *New York Review of Books* (Sep 23).
232. Maier, Charles S. 2006. *Among Empires: American ascendancy and its predecessors*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
233. Makin, John H. 2007. 'Why interest rates are rising', *AEI Online*, June 20. www.aei.org/outlook/26377 (accessed September 21, 2012).
234. Mallaby, Sebastian. 2002. 'The reluctant imperialist: terrorism, failed states, and the case for American empire', *Foreign Affairs* 81(2), 2–7.
235. Mandel, Ernest. 1969. 'Where is America going?' *New Left Review* 1(54), 3–15.
236. Mandel, Ernest. 1978. 'Introduction', pp. 11–79 in *Karl Marx, Capital, Vol. II*. London: Penguin.
237. Mann, James. 2004. *Rise of the Vulcans: The history of Bush's War Cabinet*. New York: Penguin.
238. Mann, Michael. 2003. *Incoherent Empire*. London: Verso.
239. Martin, Terry. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
240. Marx, Karl. 1843/1974. 'Contribution to a critique of Hegel's Philosophy of Right: Introduction', repr. as pp. 243–58 in *Early Writings*. London: Penguin.
241. Marx, Karl. 1845/1975. 'Draft of an article on Friedrich List's book: *Das Nationale System der Politischen Oekonomie*', pp. 265–93 in *The Collected Works of Marx and Engels, Vol. 4*. New York: International Publishers.
242. Marx, Karl. 1847/1976. 'Speech of Dr Marx on protection, free trade, and the working class', in F. Engels, 'The Free Trade Congress at Brussels', pp. 282–90 in *The Collected Works of Marx and Engels, Vol. 6*. New York: International Publishers.
243. Marx, Karl. 1848/1976. 'Speech on the question of free trade delivered to the Democratic Association of Brussels at its public meeting of January 8, 1848', pp. 450–65 in *The Collected Works of Marx and Engels, Vol. 6*. New York: International Publishers.
244. Marx, Karl. 1858/1973. *Grundrisse*. London: Penguin. Marx, Karl. 1867/1977. *Capital, Vol. I*. London: Penguin. Marx, Karl. 1884/1978. *Capital, Vol. II*. London: Penguin. Marx, Karl. 1894/1981. *Capital, Vol. III*. London: Penguin.
245. Marx, Karl. 1969. *Theories of Surplus Value, Vol. I*. London: Lawrence & Wishart.
246. Marx, Karl. 1979. *Theories of Surplus Value, Vol. III*. London: Lawrence & Wishart.
247. Marx, Karl. 1974. *Political Writings II: Surveys from Exile*, New York: Vintage.
248. Marx, Karl and Engels, Friedrich. 1848/1967. *The Communist Manifesto* trans. Samuel Moore, intro. by A. J. P. Taylor. London: Penguin.
249. Mayer, Arno J. 1964. *Wilson vs. Lenin: Political origins of the new diplomacy, 1917–1918*. New York: H. Fertig.
250. Mayer, Arno J. 1981. *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War*. New York: Pantheon.
251. McKinsey Global Institute (MGI). 2001. *US Productivity Growth 1995–2000: Understanding the contribution of information technology relative to other factors*. Washington DC: MGI.

252. Meek, Ronald L. 1977. *Smith, Marx, and After: Ten essays in the development of economic thought*. London/New York: Chapman & Hall/Wiley.
253. Mehringer, Hartmut. 1978. *Permanente Revolution und Russische Revolution. Die Entwicklung der Theorie der permanenten Revolution im Rahmen der marxistischen Revolutionskonzeption 1848–1907*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
254. Melman, Seymour. 1974. *The Permanent War Economy: American capitalism in decline*. New York: Simon & Schuster.
255. Mokyr, Joel and Stein, Rebecca. 1997. 'Science, health and household technology: the effect of the Pasteur revolution on consumer demand', in Timothy Bresnahan and Robert Gordon (eds), *The Economics of New Products*. Chicago, Ill.: University of Chicago Press.
256. Morgan, Mary S. and Rutherford, Malcolm. 1998. 'American economics: the character of the transformation', pp. 2–26 in M. S. Morgan and M. Rutherford (eds), *From Interwar Pluralism to Postwar Neoclassicism*. Durham, N.C.: Duke University Press.
257. Murphy, R. Taggart. 1996. *The Weight of the Yen*. New York: W. W. Norton. Murphy, R. Taggart. 2006. 'East Asia's dollars', *New Left Review* 40(Jul–Aug), 39–64.
258. Nicolaus, Martin. 1973. 'Foreword', pp. 7–63 in Karl Marx, *Grundrisse*. London: Penguin.
259. Nordhaus, William D. 2002. 'Productivity growth and the new economy', *Papers on Economic Activity*. Washington DC: Brookings Institution.
260. Nye, Joseph S. 1990. *Bound to Lead: The changing nature of American power*. New York: Basic Books.
261. O'Neill, Jim. 2001. 'Building better global economic BRICs', *Global Economics Paper No. 66*, New York: Goldman Sachs.
262. Okishio, N. 1961. 'Technical change and the rate of profit', *Kobe University Economic Review* 7, 86–98.
263. Oliner, Stephen D. and Sichel, Daniel E. 2000. 'The resurgence of growth in the late 1990s: is information technology the story?' *Journal of Economic Perspectives* 14(4), 3–22.
264. Ohmae, Kenichi. 1990. *The Borderless World: Power and strategy in the interlinked economy*. New York: HarperBusiness.
265. Oppenheim, V. H. 1976. 'Why did oil prices go up? The past: we pushed them', *Foreign Policy* 25 (Winter), 24–57.
266. Palan, Ronen. 2003. *The Offshore World: Sovereign markets, virtual places, and nomad millionaires*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
267. Panitch, Leo and Gindin, Sam. 2004. *Global Capitalism and American Empire*. London: Merlin.
268. Parboni, Riccardo. 1981. *Dollar and Its Rivals: Recession, inflation, and international finance*. London: NLB.
269. Parboni, Riccardo. 1986. 'The dollar weapon: From Nixon to Reagan', *New Left Review* 1(158), 5–18.
270. Parrini, Carl P. 1969. *Heir to Empire: United States economic diplomacy, 1916–1923*. Pittsburgh, Pa.: University of Pittsburgh Press.
271. Patnaik, Prabhat. 2007. 'Some reflections on China's economic performance'. International Development Economics Associates. www.networkideas.org/news/jan2007/news31_china_economy.htm (accessed September 21, 2012).
272. Patnaik, Prabhat. 2008. 'The accumulation process in the period of globalization', D. D. Kosambi Memorial Lecture, International Development Economics Association, May 28. http://www.networkideas.org/feathm/may2008/ft28_Globalization.htm (accessed September 30, 2012).
273. Patnaik, Prabhat. 2009a. *The Value of Money*. New York: Columbia University Press.
274. Patnaik, Prabhat. 2009b. 'Socialism and welfarism', International Development Economics Associates. www.networkideas.org/news/aug2009/print/prnt250809_Socialism.htm (accessed September 21, 2012).

275. Patnaik, Utsa. 2005. 'Ricardo's fallacy: mutual benefit from trade based on comparative costs and specialization?' in K. S. Jomo (ed.), *The Pioneers of Development Economics*. London: Zed.
276. Patnaik, Utsa. 2006. 'The free lunch – transfers from the tropical colonies and their role in capital formation in Britain during the industrial revolution', in K. S. Jomo (ed.), *Globalization under Hegemony*. Delhi: Oxford University Press.
277. Perelman, Michael. 2002. *The Pathology of the U.S. Economy Revisited: The intractable contradictions of economic policy*, 1st edn. New York: Palgrave.
278. Perroux, François. 1950. 'The domination effect and modern economic theory', *Social Research* 17(2) (June 1), 188–206.
279. Perroux, François. 1988a. 'The pole of development's place in a general theory of economic activity', in Benjamin Higgins and D. Savoie (eds), *Regional Economic Development: Essays in honor of François Perroux*. Boston, Mass.: Allen & Unwin.
280. Perroux, François. 1988b. 'Peregrinations of an economist and the choice of his route', in Benjamin Higgins and D. Savoie (eds), *Regional Economic Development: Essays in honor of François Perroux*. Boston, Mass.: Allen & Unwin.
281. Phillips, Kevin. 2002. *Wealth and Democracy: A political history of the American rich*, 1st edn. New York: Broadway.
282. Polanyi, Karl. 1985. *The Great Transformation*. Boston, Mass.: Beacon Press. Pollin, Robert. 2000. 'Anatomy of Clintonomics', *New Left Review* 3 (May–June), 17–46.
283. Pollin, Robert. 2003. *Contours of Descent: U.S. economic fractures and the landscape of global austerity*. London: Verso.
284. Poulantzas, Nicos A. 1978. *State, Power, Socialism*. London: New Left Books.
285. Project for a New American Century. 2006. Home page, as at 2006. www.newamericancentury.org/index.html Reich, Robert B. 1991. *The Work of Nations: Preparing ourselves for 21st-century capitalism*. New York: A.A. Knopf.
286. Reich, Robert B. and Rohatyn, Felix G. 1984. 'Coping with Reagan's economic legacy', *World Policy Journal* 2(1), 1–32.
287. Reinert, Erik S. 2007. *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*. London: Constable.
288. Reinert, Erik S. 2008. 'Krugman and the vices of economists', *The Hindu*, December 10.
289. Reinert, Erik and Daastøl, Arno. 2004. 'The other canon', pp. 21–70 in Erik Reinert (ed.), *Globalization, Economic Development and Inequality*. Cheltenham: Edward Elgar.
290. Robinson, Joan. 1942. *An Essay on Marxian Economics*. London: Macmillan.
291. Robinson, Joan. 1951. 'Introduction' to Rosa Luxemburg, *The Accumulation of Capital*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
292. Robinson, Mark and White, Gordon (eds). 1998. *The Democratic Developmental State: Politics and institutional design, Oxford Studies in Democratization*. New York: Oxford University Press.
293. Rohatyn, Felix. 1987a. 'On the brink', *New York Review of Books*, June 11. Rohatyn, Felix. 1987b. 'What next?' *New York Review of Books*, December 3.
294. Rohatyn, Felix. 1994. 'World capital: the needs and the risks', *New York Review of Books*, July 14.
295. Roosa, Robert. 1970. 'Capital movements and balance of payments adjustment', *Business Review* (Sep), 21–38, Philadelphia, Pa.: Federal Reserve Bank.
296. Rosecrance, Richard N. (ed.). 1976. *America as an Ordinary Country: U.S. foreign policy and the future*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. Rosenberg, Justin. 1994. *The Empire of Civil Society: A critique of the realist theory of international relations*. London: Verso.
297. Rosenberg, Justin. 2000. *The Follies of Globalisation Theory: Polemical essays*. London: Verso.

298. Rothkopf, David. 1998. 'Beyond manic mercantilism', in James Shinn (ed.), *Riding Tigers: American commercial diplomacy in Asia*. Washington DC: Council on Foreign Relations.
299. Rothermund, Dietmar. 1996. *The Global Impact of the Great Depression, 1929–1939*. London/New York: Routledge.
300. Ruggie, John Gerard. 1982. 'International regimes, transactions, and change: embedded liberalism in the postwar economic order', *International Organization* 36(2), 379–415.
301. Ruggie, John Gerard. 1992. 'Multilateralism: the anatomy of an institution', *International Organization* 46(3) (July 1), 561–98.
302. Salant, Walter S. 1963. *The United States Balance of Payments in 1968*. Washington DC: Brookings Institution.
303. Salant, Walter S. 1966. 'Capital markets and the balance of payments of a financial center', in William Fellner, Fritz Machlup, Robert Triffin et al. (eds), *Maintaining and Restoring Balance in International Payments*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
304. Sardoni, C. 1997. 'Keynes and Marx', in G. C. Harcourt and P. Riach (eds), *A 'Second Edition' of The General Theory*. London: Routledge.
305. Sarkis, Nicholas. 2004. 'Is there really a rise in oil prices?' *Le Monde Diplomatique*, July.
- Saul, S. B. 1960. *Studies in British Overseas Trade, 1870–1914*. Liverpool: Liverpool University Press.
306. Schorske, Carl E. 1983. *German Social Democracy, 1905–1917: The development of the great schism*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
307. Schrag, Peter. 1975. 'America needs an establishment', *Harper's* 251(1507) (Dec), 51–8.
308. Schumpeter, Joseph Alois. 1951. *Imperialism and Social Classes*. Oxford: Basil Blackwell.
309. Semmel, Bernard. 1993. *The Liberal Ideal and the Demons of Empire: Theories of imperialism from Adam Smith to Lenin*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press.
310. Shaikh, Anwar. 1978. 'An introduction to the history of crisis theories', pp. 219–41 in *U.S. Capitalism in Crisis*. New York: URPE.
311. Shull, Bernard. 2005. *The Fourth Branch: The Federal Reserve's unlikely rise to power and influence*. Westport, Conn: Praeger.
312. Sichel, Daniel E. 1997. *The Computer Revolution: An economic perspective*. Washington DC: Brookings Institution Press.
313. Skidelsky, Robert. 2000. *John Maynard Keynes: Volume 3, Fighting for Britain 1937–1946*. London: Macmillan.
314. Smith, Adam. 1776/1976. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Chicago, Ill.: University of Chicago Press.
315. Smith, Neil. 1990. *Uneven Development*, 2nd edn. Oxford: Basil Blackwell. Smith, Neil. 2003. *American Empire: Roosevelt's geographer and the prelude to globalization*. Berkeley, Calif.: University of California Press. Soros, George. 2008. 'The worst market crisis in 60 years', *Financial Times*, January 22.
316. Standage, Tom. 1998. *The Victorian Internet: The remarkable story of the telegraph and the nineteenth century's on-line pioneers*. New York: Walker.
317. Stedman-Jones, Gareth. 1970. 'The specificity of US imperialism', *New Left Review* 1(60) (Mar–Apr), 59–86.
318. Stiglitz, Joseph. 1989. *The Economic Role of the State*, ed. Arnold Heertje. Oxford: Basil Blackwell.
319. Stiglitz, Joseph. 2001. 'Autobiography', for the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2001. http://nobelprize.org/nobel_prizes/economics/laureates/2001/stiglitz-autobio.html (accessed September 21, 2012).
320. Stiglitz, Joseph. 2002. *Globalization and Its Discontents*, 1st edn. New York: W.W. Norton.

321. Stiglitz, Joseph E. and Bilmes, Linda. 2008. *The Three Trillion Dollar War: The true cost of the Iraq conflict*. New York: W.W. Norton.
322. Strange, Susan. 1970. 'International economics and international relations: a case of mutual neglect', *International Affairs* 46(2) (Apr), 304–15. Strange, Susan. 1987. 'Persistent myth of lost hegemony', *International Organization* 41(4) (Autumn), 551–74.
323. Subacchi, Paola and Driffill, John (eds). 2010. *Beyond the Dollar: Rethinking the international monetary system*. London: Chatham House. Suskind, Ron. 2004. 'Faith, certainty and the presidency of George W. Bush', *New York Times Magazine*, October 17.
324. Teschke, Benno. 2003. *The Myth of 1648: Class, geopolitics, and the making of modern international relations*. London: Verso.
325. Therborn, Göran. 2001. 'Into the 21st century: the new parameters of global politics', *New Left Review* 10 (Jul–Aug), 87–110.
326. Tily, Geoff. 2007. *Keynes's General Theory, the Rate of Interest and 'Keynesian' Economics: Keynes betrayed*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
327. Torr, C. S. W. 1980. 'The distinction between an entrepreneur and a co-operative economy', *South African Journal of Economics* 48, 429–34.
328. Triffin, Robert. 1961. *Gold and the Dollar Crisis: The future of convertibility.*, rev. edn. New Haven, Conn.: Yale University Press.
329. Triplett, Jack E. 1999. 'Economic statistics, the new economy, and the productivity slowdown', January. Washington DC: Brookings Institution. www.brookings.edu/~media/Files/rc/articles/1999/04technology_triplett/199904b.pdf (accessed September 21, 2012).
330. Trotsky, Leon. 1934. *The History of the Russian Revolution*. London: Gollancz.
331. Trotsky, Leon. 1969. *The Permanent Revolution, and Results and Prospects*. New York: Merit.
332. Truman, Harry. 1947. 'President Harry S. Truman's address before a Joint Session of Congress', March 12. http://avalon.law.yale.edu/20th_century/trudoc.asp (accessed September 21, 2012).
333. Tugan-Baranowski, M. 1901/2000a. 'Chapter 1: The fundamental causes of crises in the capitalist economy', trans. Alejandro Ramos-Martinez. Repr. in *Research in Political Economy* 18, 53–80.
334. Tugan-Baranowski, M. 1901/2000b. 'Chapter 7: Marx's theory of crises', trans. Alejandro Ramos-Martinez. Repr. in *Research in Political Economy* 18, 81–110.
335. Turner, Frederick Jackson. 1893/1958. *The Frontier in American History*. New York: Henry Hold.
336. Uchitelle, Louis. 2000. 'The Solow computer paradox: what do computers do to productivity?' *Canadian Journal of Economics* 32(3) (Apr), 309–34. United Nations. 2009. *Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System*. New York: United Nations.
337. UN Conference on Trade and Development (UNCTAD). 2011. *Post-Crisis Policy Challenges in the World Economy*. New York/Geneva: United Nations.
338. US Department of State. 1950. *United States Objectives and Programs for National Security*, NSC-68. Policy Planning Staff, April 7.
339. US Task Group on Regulation of Financial Services. 1984. *Blueprint for Reform: The Report of the Task Group on Regulation of Financial Services*. Washington DC: US Government Archive. www.archive.org/details/blueprintforrefo01unit (accessed September 21, 2012).
340. Van der Pijl, Kees. 1984. *The Making of the Atlantic Ruling Class*. London: Verso.
341. Van der Pijl, Kees. 2006a. *Global Rivalries from the Cold War to Iraq*. London: Pluto.
342. Van der Pijl, Kees. 2006b. 'A Lockean Europe', *New Left Review* 31 (Jan–Feb), 9–37.
343. Veblen, Thorstein. 1919. 'Peace', *The Dial* 46 (May 17), 485–7.

344. Vernon, Raymond. 1971. *Sovereignty at Bay: The multinational spread of U.S. enterprises*. London: Longman.
345. Volcker, Paul. 2005. 'An economy on thin ice', *Washington Post*, April 10.
346. Volcker, Paul A, and Gyohten, Toyoo. 1992. *Changing Fortunes: The world's money and the threat to American leadership*, 1st edn. New York: Times Books.
347. Wade, Robert. 1990. *Governing the Market: Economic theory and the role of government in East Asian industrialization*. Princeton N.J: Princeton University Press.
348. Wade, Robert. 1996a. 'Japan, the World Bank and the art of paradigm maintenance: the East Asian miracle in political perspective', *New Left Review* 1(217), 3–36.
349. Wade, Robert. 1996b. 'Globalization and its limits: reports of the death of the national economy are greatly exaggerated', pp. 60–88 in Ronald Dore and Suzanne Berger (eds), *National Diversity and Global Capitalism*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
350. Wade, Robert. 2011. 'Emerging world order? From multipolarity to multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF', *Politics and Society* 39(3), 347–78.
351. Wade, Robert and Veneroso, Frank. 1998a. 'The Asian crisis: the high debt model versus the Wall Street–Treasury–IMF Complex', *New Left Review* 1(228), 2–23.
352. Wade, Robert and Veneroso, Frank. 1998b. 'The gathering slump and the battle over capital controls', *New Left Review* 1(231), 13–42.
353. Wallerstein, Immanuel Maurice. 1974. *The Modern World-System: Studies in social discontinuity*. New York: Academic Press.
354. Wallerstein, Immanuel Maurice. 1976. *The Modern World-System: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century*. New York: Academic Press.
355. Wallerstein, Immanuel Maurice. 1980. *The Modern World System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World Economy 1600–1750*. New York: Academic Press.
356. Wallerstein, Immanuel Maurice. 1991. 'World system', in Tom Bottomore et al. (eds), *A Dictionary of Marxist Thought*. Oxford: Blackwell.
357. Wasshausen, D and Moulton, B. 2006. 'The role of hedonic adjustments in measuring real GDP in the United States', Washington DC: Bureau of Economic Analysis. www.bea.gov/papers/pdf/hedonicGDP.pdf (accessed September 21, 2012).
358. Warren, Bill. 1980. *Imperialism, Pioneer of Capitalism*, ed. John Sender. London: New Left Books.
359. Weiss, Linda. 1998. *The Myth of the Powerless State*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
360. White, Gordon (ed.) 1988. *Developmental States in East Asia*. Basingstoke: Macmillan Williams.
361. White, Gordon. 2006. 'Towards a democratic developmental state', *IDS Bulletin* 37(104) (Sep), 60–70.
362. Williams, William Appleman. 1972. *The Tragedy of American Diplomacy*, 2nd edn. New York: Dell.
363. Williamson, John. 1977. *The Failure of World Monetary Reform, 1971–74*. Sunbury-on-Thames: Nelson.
364. Wojnilower, Albert M. 1980. 'The central role of credit crunches in recent financial history', *Brookings Papers on Economic Activity* 2(1), 277–326. Wolf, Martin. 2004. *Why Globalization Works*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
365. Wolf, Martin. 2009. 'This crisis is a moment, but is it a defining one?' *Financial Times*, May 19.
366. Woo-Cumings, Meredith (ed.) 1999. *The Developmental State*. Ithaca, N.Y: Cornell University Press.

-
367. Wood, Ellen Meiksins. 1981. 'The separation of the political and the economic in capitalism', *New Left Review* 1(127), 66–95.
368. Wood, Ellen Meiksins. 1999. 'Unhappy families: global capitalism in a world of nation-states', *Monthly Review* (Jul–Aug), 1–12.
369. Woodward, Bob. 1994. *The Agenda: Inside the Clinton White House*. New York: Simon & Schuster.
370. Woodward, Bob. 2000. *Maestro: Greenspan's Fed and the American boom*. New York: Simon & Schuster.
371. World Bank. 1990. *World Development Report: Poverty*. Washington DC: World Bank.
372. World Bank. 2010. 'Old concept of "third world" is outdated', Zoellick says', press release no. 2010/347/EXC. Washington DC: World Bank.
- Zarembka, P. 2003. 'Lenin as economist of production: a Ricardian step backwards'. *Science and Society* 67(3), 276–302.
373. Zhou, Xiaochuan. 2009. 'Reform the international monetary system'. Beijing: People's Bank of China.

ГЛОССАРИЙ

- Абрамс — Abrams, Eliot.
Адамс — Adams, F. Gerard.
Али — Ali, Tariq.
Альтюссер — Althusser, Louis.
Амсен — Amsden, Alice H.
Андерсон — Anderson, Perry.
Арнольд — Arnold, Thurman Wesley.
Арриги — Arrighi, Giovanni. 1978.
Ахамед — Ahamed, Liaquat.
- Багчи — Bagchi, Amiya Kumar.
Бакши, Десаи и Фриман — Bakshi, Hasan, Desai, Radhika and Freeman, Alan.
Банаджи — Banaji, Jairus.
Бацевич — Bacevich, Andrew J.
Бейли и Лоуренс — Baily, Martin and Lawrence, Robert Z.
Белло — Bello, Walden.
Бергер и Доур — Berger, Suzanne and Dore, Ronald Philip.
Бернанке — Bernanke, Ben.
Бернард — Bernard, Mitchell.
Бингхэм — Bingham, Richard D.
Бирд — Beard, Charles Austin.
Блок — Block, Fred.
- Бордо и Эйхенгрин — Bordo, Michael D. and Eichengreen, Barry.
Борио и Дисьятат — Borio, Claudio and Disyatat, Piti.
Бреннер — Brenner, Robert.
Бродель — Braudel, Fernand.
Броз — Broz, J. Lawrence.
Буг — Boot, Max.
Бухарин — Bukharin, Nikolaï Ivanovich.
Бэджет — Bagehot, Walter.
Бэран и Суизи — Baran, Paul A. and Sweezy, Paul M.
- Вайс — Weiss, Linda.
Валлерстайн — Wallerstein, Immanuel Maurice.
ван дер Линден — Linden, van der, Marcel.
ван дер Пейл — Van der Pijl, Kees.
Васхаузен и Молтон — Wasshausen, D and Moulton, B.
Веблен — Veblen, Thorstein.
Вернон — Vernon, Raymond.
Войниловер — Wojnilower, Albert M.
Волкер — Volcker, Paul.
Волкер и Гётэн — Volcker, Paul A. and Gyohten, Toyoo.

- Всемирный банк — World Bank.
 Вуд — Wood, Ellen Meiksins.
 Вудворд — Woodward, Bob.
 Ву-Камингс — Woo-Cumings, Meredith.
 Вульф — Wolf, Martin.
- Галлахер и Робинсон — Gallagher, John, and Robinson, Ronald.
 Гамильтон — Hamilton, Clive.
 Гершенкрон — Gerschenkron, Alexander.
 Гершман — Gershman, Carl.
 Гёчмен — Göçmen, Doğan.
 Гидденс — Giddens, Anthony.
 Гилпин — Gilpin, Robert.
 Гильфердинг — Hilferding, Rudolf.
 Глин — Glyn, Andrew.
 Гобсон — Hobson, J. A.
 Говард и Кинг — Howard, M. C. and King, J. E.
 Гордон — Gordon, Robert J.
 Госдепартамент США — US Department of State.
 Гоуэн — Gowan, Peter.
 Грал — Grahl, John.
 Грандин — Grandin, Greg.
 Грейбел — Grael, Ilene.
 Гринспен — Greenspan, Alan.
 Грэм — Graham, Otis Jr.
- Де Чекко — De Cecco, Marcello.
 Дейо — Deyo, Frederic C.
 Десаи — Desai, Radhika.
 Десаи и Фриман — Desai, Radhika and Freeman, Alan.
 Деспре, Киндлбергер и Салант — Despres, Emile, Kindleberger, Charles P. and Salant, Walter S.
 Джервис — Jervis, Robert.
 Джолл — Joll, James.
 Джонсон — Johnson, Chalmers A.
 Джудис — Judis, John B.
 Дивайн — Divine, Robert A.
 Диллард — Dillard, Dudley D.
 Доббин — Dobbin, Frank.
 Досталер — Dostaler, Gilles.
 Доур — Dore, Ronald Philip.
 Дэвидсон — Davidson, Paul.
- Дэвис — Davis, Mike.
- Зарембка — Zarembka, P.
- Игнатъев — Ignatieff, Michael.
 Ингем — Ingham, Geoffrey K.
 Ислам — Islam, F.
 Исторический материализм — Historical Materialism.
- Йёргенсен и Стайрох — Jorgenson, Dale and Stiroh, Kevin.
- Калецкий — Kalecki, M.
 Каллео — Calleo, David P.
 Каллиникос — Callinicos, Alex.
 Камингс — Cumings, Bruce.
 Канбури и Мансур — Kanburi, A. A. and Mansur, S.
 Карной — Carnoy, Martin.
 Карр — Carr, Edward Hallett.
 Каутский — Kautsky, Karl.
 Кейнс — Keynes, J. M.
 Кейтфорс — Catephores, George.
 Кеннан — Kennan, George.
 Кеннеди — Kennedy, Paul M.
 Кеохейн — Keohane, Robert O.
 Киндлбергер — Kindleberger, Charles Poor.
 Клайман — Kliman, Andrew.
 Кларк — Clarke, P. F.
 Кларк — Clarke, Simon.
 Кларк — Clarke, Stephen V. O.
 Кокс — Cox, Robert W.
 Котц — Kotz, David M.
 Коэн — Cohen, Benjamin J.
 Краснер — Krasner, Stephen D.
 Краус — Krause, Lawrence.
 Крауч — Crouch, Colin.
 Криппнер — Krippner, Greta.
 Кристол и Каган — Kristol, William and Kagan, Robert.
 Купер, Хигготт и Носсал — Cooper, Andrew Fenton, Higgott, Richard A. and Nossal, Kim Richard.
- Лакло — Laclau, Ernesto.
 Лари — Lary, Hal.
 Леви — Löwy, Michael.

- Левин — Lewin, Moshe.
Лейс — Leys, Colin.
Ленин — Lenin, Vladimir.
Ленс — Lens, Sidney.
Лефебер — Lafeber, Walter Frederick.
Ливингстон — Livingston, James.
Лига Наций — League of Nations.
Линд — Lynd, Staughton.
Липец — Lipietz, Alain.
Лист — List, Fredrick.
Лоуренс — Lawrence, Robert Z.
Люксембург — Luxemburg, Rosa.
Люс — Luce, Henry.
Люттвак — Luttwak, Edward.
- Мадрик — Madrick, Jeff.
Майер — Mayer, Arno J.
Макгрегор и Зарембка — MacGregor, David and Zarembka, Paul.
Макин — Makin, John H.
Маллаби — Mallaby, Sebastian.
Манн — Mann, James.
Манн — Mann, Michael.
Маркс — Marx, Karl.
Маркс и Энгельс — Marx, Karl and Engels, Friedrich.
Мартин — Martin, Terry.
Мейер — Maier, Charles S.
Мелман — Melman, Seymour.
Мерингер — Mehninger, Hartmut.
Мёрфи — Murphy, R. Taggart.
Мик — Meek, Ronald L.
Мокир и Штайн — Мокур, Joel and Stein, Rebecca.
Морган и Резерфорд — Morgan, Mary S. and Rutherford, Malcolm.
Мэндел — Mandel, Ernest.
- Най — Nye, Joseph S.
Николаус — Nicolaus, Martin.
Нордхаус — Nordhaus, William D.
- Окишио — Okishio, N.
ООН — United Nations.
Оппенгеймер — Oppenheim, V. H.
Охмэ — Ohmae, Kenichi.
- Палан — Palan, Ronen.
- Панич и Гиндин — Panitch, Leo and Gindin, Sam.
Парбони — Parboni, Riccardo.
Паррини — Parrini, Carl P.
Патнаик — Patnaik, Prabhat.
Патнаик — Patnaik, Utsa.
Перельман — Perelman, Michael.
Перру — Perroux, François.
Поланы — Polanyi, Karl.
Поллин — Pollin, Robert.
Проект нового американского века (ПНАВ) — Project for a New American Century.
Пуланзас — Poulantzas, Nicos A.
- Рабочая группа по регулированию финансовых услуг — US Task Group on Regulation of Financial Services.
- Рагги — Ruggie, John Gerard.
Райнерт — Reinert, Erik S.
Райнерт и Даастол — Reinert, Erik and Daastøl, Arno.
Райх — Reich, Robert B.
Райх и Рогатин — Reich, Robert B. and Rohatyn, Felix G.
Робинсон — Robinson, Joan.
Робинсон и Уайт — Robinson, Mark and White, Gordon.
Рогатин — Rohatyn, Felix.
Розенберг — Rosenberg, Justin.
Ротермунд — Rothermund, Dietmar.
Роткопф — Rothkopf, David.
Роузкранс — Rosecrance, Richard N.
Руца — Roosa, Robert.
Салант — Salant, Walter S.
Сардони — Sardoni, C.
Саркис — Sarkis, Nicholas.
Саскинд — Suskind, Ron.
Саул — Saul, S. B.
Семмель — Semmel, Bernard.
Скидельски — Skidelsky, Robert.
Смит — Smith, Adam.
Смит — Smith, Neil.
Сорос — Soros, George.
Стендейдж — Standage, Tom.
Стиглиц — Stiglitz, Joseph.
Стиглиц и Билмс — Stiglitz, Joseph E. and Bilmes, Linda.

- Стидман-Джонс — Stedman-Jones, Gareth.
 Стрейндж — Strange, Susan.
 Субакки и Дриффилл — Subacchi, Paola and Driffill, John.
- Терборн — Therborn, Göran.
 Тёрнер — Turner, Frederick Jackson.
 Тешке — Teschke, Benno.
 Тили — Tily, Geoff.
 Торр — Torr, C. S. W.
 Триплетт — Triplett, Jack E.
 Триффин — Triffin, Robert.
 Троцкий — Trotsky, Leon.
 Трумэн — Truman, Harry.
 Туган-Барановский — Tugan-Baranowski, M.
- Уайт — White, Gordon.
 Уильямс — Williams, William Appleman.
 Уильямсон — Williamson, John.
 Уоррен — Warren, Bill.
 Учитель — Uchitelle, Louis.
 Уэйд — Wade, Robert.
 Уэйд и Венерозо — Wade, Robert and Veneroso, Frank.
- Файн — Fine, Ben.
 Фергюсон — Ferguson, Niall.
 Фергюсон — Ferguson, Thomas.
 Филлипс — Phillips, Kevin.
 ФКОР (Федеральный комитет открытого рынка) — Federal Open Market Committee (FOMC).
 Флекенштайн — Fleckenstein, William A.
 Фриланд — Freeland, Richard M.
 Фриман — Freeman, Alan.
 Фриман — Freeman, Christopher.
 Фриман, Клайман и Уэллс — Freeman, Alan, Kliman, Andrew and Wells, Julian.
- Хабиб — Habib, Irfan.
 Хадсон — Hudson, Michael.
 Хайльбрунн — Heilbrunn, Jacob.
- Хан — Chang, Ha-Joon.
 Хантингтон — Huntington, Samuel.
 Харви — Harvey, David.
 Хаусманн и Штурценеггер — Hausmann, Ricardo and Sturzenegger, Federico.
 Хейл — Hale, Jon F.
 Хеллер — Heller, Henry.
 Хельд — Held, David.
 Хенвуд — Henwood, Doug.
 Хендриксон — Hendrickson, Jean.
 Хеннинг — Henning, C. Randall.
 Херст, Томпсон и Бромли — Hirst, Paul Q., Thompson, Grahame and Bromley, Simon.
 Хирш — Hirsch, Fred.
 Хирш и Оппенгеймер — Hirsch, Fred and Oppenheimer, Peter.
 Хобсбаум — Hobsbawm, E. J.
 Хопенхейн и Ваноли — Hopenhayn, Benjamin and Vanoli, Alejandro.
 Хофф — Hoff Wilson, Joan.
 Хофштадтер — Hofstadter, Richard.
 Чандлер — Chandler, David.
 Чандрашехар — Chandrashekhar, C. P.
 Чандрашехар и Гош — Chandrashekhar, C. P. and Ghosh, Jayati.
 Черномас — Chernomas, Robert.
 Чжоу — Zhou, Xiaochuan.
 Чик — Chick, Victoria.
 Чик и Фриман — Chick, Victoria and Freeman, Alan.
- Шайх — Shaikh, Anwar.
 Шорске — Schorske, Carl E.
 Шраг — Schrag, Peter.
 Шулл — Shull, Bernard.
 Шумпетер- Schumpeter, Joseph Alois.
- Эванс — Evans, Trevor.
 Эйхенгрин — Eichengreen, Barry.
 Эллиот — Elliott, William Yandell.
 Энгельс — Engels, Friedrich.
 Энджелл — Angell, Norman.
- ЮНКТАД — UN Conference on Trade and Development (UNCTAD).

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	VI
Предисловие научного редактора к русскому изданию	IX
Предисловие к российскому изданию: Россия в геополитической экономике мирового капитализма	XV
Сокращения	XXXI

1	ВВЕДЕНИЕ: ПОЧЕМУ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ?.....	1
	Исследование геополитической экономики.....	6
	Почему геополитическая экономика имеет политическое значение	15
	Структура книги	18
2	ЗНАЧИМОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ.....	29
	Либеральный девятнадцатый век?	31
	Свободная торговля и протекционизм в классической политэкономии	33
	Империализм в зеркале революции.....	42
	Тридцатилетний кризис	52

3	ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ США.....	62
	Империалистическая республика.....	64
	Задохнувшийся новый империализм.....	66
	Империалистическая мимикрия.....	69
	Доминирование через разрушение.....	72
	Устремления США.....	74
	Вторая мировая война, второй шанс.....	82
	Бреттон-Вудс: доминирование вместо интернационализма.....	85
4	АМБИЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ.....	89
	От мировой войны к холодной войне.....	93
	Конвертируемость и дилемма Триффина.....	100
	Шулерская игра.....	103
	Экономика камелота.....	106
	Возрастающие трудности.....	108
	Гипотеза международного финансового посредничества (ГМФП).....	109
	Специальные права заимствования (СПЗ): провалившийся план Б.....	114
	Доллар на последнем рубеже.....	115
5	РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ СТАБИЛЬНОСТИ ГЕГЕМОНИИ.....	120
	Вариации ТСГ.....	122
	От упадничества к возрожденчеству.....	133
	Космополитический марксизм.....	137
	Геополитическая экономия послевоенного капитализма по Бреннеру.....	140
6	ОБНОВЛЕНИЕ?.....	147
	Никсоновская безмятежность?.....	149
	Картеровское сотрудничество.....	155
	Рейгановская реставрация?.....	161
	Нация, без которой можно обойтись, и конец истории.....	176

7	ГЛОБАЛИЗАЦИЯ?	179
	Выборы Клинтона.....	182
	От глобализации по Райху к глобализации по Стиглицу.....	190
	Центробежные финансы.....	197
	Центростремительные финансы.....	200
	Геополитическая экономия глобализации.....	211
8	ИМПЕРИЯ?	215
	Империалистическая экономика.....	218
	Пузырь милитаристского высокомерия.....	220
	Пузырь на рынке недвижимости: повторение в виде фарса?.....	223
	Жилищный пузырь принимается за дело.....	231
	Субстандартная фаза.....	235
	Падение в кризис.....	241
	Изменение при Обаме.....	246
9	ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МНОГОПОЛЯРНЫЙ МОМЕНТ	250
	Доминирование одной державы: период жизни и странная «жизнь после смерти».....	252
	Многополярное будущее.....	263
	Список литературы	270
	Глоссарий	287

СЕРИЯ «СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ»

Радика Десаи

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИЯ:**

**ПОСЛЕ
АМЕРИКАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ,
ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И ИМПЕРИИ**

Монография

Научное издание

Научный редактор С.Д. Бодрунов

Подписано в печать 05.03.2020

Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Гарнитура *Newton*

Усл. печ. л. 26,65

Тираж 500 экз.

Заказ № 00000

ООО «Центркаталог»
117393, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 78, стр. 1
Тел.: +7 (495) 517-47-37
E-mail: zk-izdat@yandex.ru
<https://zk-izdat.ru>

Для записей

Для записей
